Н.Ф. Шахмагонов

Русские государи в любви и супружестве

ЛЮБОВНЫЕ ДРАМЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге повествуется о любовных коллизиях в жизни великих князей, царей и императоров России. Не всем из них удавалось найти счастье в семейной жизни, а если даже такое счастье выпадало, то часто судьба вырывала его из рук. Автор рассказывает о поистине счастливом супружестве Дмитрия Иоанновича Донского и драмах Василия Третьего, о семейных трагедиях Иоанна Грозного и горьком замужестве Екатерины Великой, о двух браках и «платонической любви» Павла Первого, о примерном семьянине и твёрдом государе Николае Первом и о любовных приключениях императора Александра Николаевича, оставивших след в истории России.

- Николай Шахмагонов
  -
  - Дмитрий Донской и Евдокия Суздальская
    - «Мертвые срама не имут»
    - «Единою душою в двух телах…»
    - Решающие схватки с Мамаем
    - Святая Евфросинья Московская
    - Судьба Владимирской иконы
  - Василий Третий и Елена Глинская
    - Бездетный брак – угроза престолу
    - Второй брак Василия Третьего
    - Грозное рождение Грозного Царя
    - «И как ныне тебя Бог милует, обо всем отпиши…»
    - Странная болезнь Великого Князя
    - Накануне Грозного Царствования
    - «Моя благочестивая матушка…»
  - Царь Иоанн Грозный и его жены (любимая и необходимые)
    - «Не прикасайся к Помазанникам Моим!»
    - «Я решил жениться в своем Государстве…»
    - Беспощадный Русский бунт
    - Судьба детей Иоанна Грозного
    - «А с женою моей зачем вы меня разлучили?..»
    - Супруги Грозного Царя
    - Иоанн Грозный сына не убивал
  - Екатерина Великая в супружестве и любви
    - Под таинственным светом кометы
    - Письмо из России

- «Русская корона больше нравилась, нежели особа Петра»
- «О свадьбе слышала с отвращением…»
- «По видимой его склонности и по уговору мамы»
- Так чьим же сыном был Павел?
- «Не от распутства, к коему склонности не имела…»
- «Заключить мать и сына в Шлиссельбург!»
- Суженого конем не объедешь!
- «Я всегда к Вам весьма доброжелательна»
- «Чистосердечная исповедь»
- «Жена да убоится мужа…»
- «Мы ссоримся о власти, а не о любви…»
- «Чистая женщина»

○ Два брака и платонический роман Павла I
- «Спустя полтора года еще не говорим по-русски…»
- «Какоф молодец! Софсем точь-в-точь»
- «Я нашел невесту такову, какову только желать мог»
- Платонический роман Государя
- «Витязь времен протекших»
- Клевета предваряла убийство
- «Удивительное хладнокровие! Зверская жестокость!»
- «Теперь вас поздравляю – вы Император!»
- Мария Федоровна и Пален: кто победил?

○ Любовные драмы Александра Благословенного
- «Я охотно уступлю звание (Цесаревича) за ферму»
- «Я пел на троне добродетель…»
- «Мое зло двойное…»
- А как же любовь на всю жизнь?
- «Дней Александровых “прекрасное” начало…»
- «Тайно наделю властью Симеона – дурную главную ветвь»
- «Первая любовь Пушкина!»
- «Любовные приключения Благословенного»
- «Я не виноват в Аустерлице»
- Архипелагский подарок Западу
- Венские победы Благословенного
- «Вы не умрете! Мы едем в Таганрог!»
- «По делам их и воздастся им»
- «По небесному я – прах земли, по земному я –

выше тебя!»
- Николай I «был идеальным мужем и отцом»
  - «Дитя равняется с Царями»
  - «Он будет красивейший мужчина в Европе…»
  - «Какое это, наверное, счастье жить семьей?!»
  - После маневров в Царском Селе…
  - Тайный манифест и бунт на Сенатской
  - Отравление Царя ради победы зла
  - «Тебя потомство лишь сумеет разгадать…»
- «Царь освободитель» и его любовные приключения
  - «“Венчание с Россией” Цесаревича Александра Николаевича»
  - Женитьба Цесаревича
  - В 1855 году Севастополь сдан не был
  - «Он испытал блаженство быть любимым»
  - «Я боюсь своего счастья»
  - «Никогда Я этого не запрещал!»
  - «Почему они преследуют меня, словно дикого зверя…»
- Иллюстрации

Николай Шахмагонов
Русские государи в любви и супружестве

© Шахмагонов Н.Ф., 2016
© ООО «Издательство «Вече», 2016
© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016
Сайт издательства www.veche.ru

Дмитрий Донской и Евдокия Суздальская

«Мертвые срама не имут»

Прежде чем начать рассказ о любовных драмах и трагедиях русских государей – великих князей, царей и императоров, – хотелось бы хотя бы кратко остановиться на примере, достойном восхищения и подражания. Рассказать о семье одного из самых почитаемых и любимых наших великих предков, о Дмитрии Иоанновиче, получившем титул Донского за великую Куликовскую победу, и его супруге Евдокии Дмитриевне.

Начнем же с события, едва не ставшего трагичным для всей Руси, с испытания, которое выпало на то время, когда Дмитрий Иоаннович Донской уже оставил сей мир.

Лето 1395 года выдалось для Русской земли нелегким. Минуло шесть лет, как ушел в лучший мир святой благоверный князь Дмитрий Иоаннович, нареченный Донским. На долю его сына Василия Дмитриевича выпали тяжелейшие испытания – орда Тамерлана ворвалась в пределы нашего Отечества, захватила город Елец, достигла пределов Рязанского княжества и продолжила движение на Москву.

За пятнадцать лет, минувших с кровопролитной битвы с Мамаевой ордой, Русь еще не успела полностью восстановить свои силы, еще не подросли и не окрепли новые воины, ее защитники. Невелика была пока и дружина Московского князя. Берег Оки давно уже стал защитным рубежом Москвы, Коломна же – город, в котором венчались его родители – Дмитрий Иоаннович и Евдокия Дмитриевна.

Василий Дмитриевич и его воины решили стать насмерть на этом рубеже, чтобы враг если и смог бы пройти к Москве, то только тогда, когда не останется в живых ни одного русского витязя.

В эти дни великая княгиня Евдокия Дмитриевна поручила духовенству взять в Успенском Соборе города Владимира знаменитую икону Божией Матери, именуемую «Владимирская», и после молебна крестным ходом перенести ее в Москву для защиты стольного града.

Августа 26 числа, года 1395 от Рождества Христова, москвичи встретили икону на Кучковом поле, и когда вся Россия возносила свои молитвы к Пресвятой Богородице, возглашая: «Матерь Божия, спаси Землю Русскую», свершилось чудо.

В тот же самый день, как потом сообщили сакмагоны – пограничники, наблюдавшие за действиями Тамерлана, – все его огромное войско внезапно, словно по тревоге, снялось со своей очередной стоянки и побежало прочь из русских пределов,

впервые не грабя, не сжигая селений, не уводя полон.

Впоследствии стало известно, что в тот самый момент, когда Владимирская икона достигла Кучкова поля, где ныне стоит Сретенский монастырь, Тамерлану, отдыхавшему в ханском шатре, было видение, от которого он пришел в трепет и после которого немедленно призвал к себе всех своих мудрецов. Он рассказал им, как только что видел, словно наяву, огромную гору, с которой шли прямо на него православные святители с золотыми жезлами, а над ними в лучезарном сиянии явилась Сама Царица Небесная, грозя ему и требуя покинуть пределы России.

Мудрецы пояснили, что явилась ему Пресвятая Богородица, великая защитница Русской земли, и что перечить ей никак нельзя. Тамерлан знал, что даже в Яссах Чингисхана – суровом законе, строго исполняемом не одним поколением ордынцев, – было записано требование повиноваться воле Православных Святителей и не трогать православную церковь. Русь была спасена.

«Единою душою в двух телах…»

Ну а теперь настала пора поведать о самой Евдокии Дмитриевне, о том, как стала она супругой великого князя Московского Дмитрия Иоанновича.

Монах Варнава (Санин) писал о Дмитрии Московском: «Скажем несколько слов о молодом князе. У его отца было прозвище – нет, не Московский, а Красный, т. е. Красивый. Скорее всего, и Димитрий тоже был красив. Согласно «Житию Димитрия Донского», был молодой князь крепок, высок, плечист и даже грузен, имел черные волосы и бороду. То же Житие описывает и характер князя: «Еще юн был он годами, но духовным предавался делам, праздных бесед не вел, непристойных слов не любил и злонравных людей избегал, а с добродетельными всегда беседовал»…

В качестве же основной личной черты автор Жития называет необыкновенную любовь князя к Богу – был Дмитрий «с Богом все творящий и за Него борющийся».

Говорится в Житии и о том, что был князь человеком крайне активным и в то же время практичным. Уже с 13 лет Дмитрий возглавлял военные походы – но при этом проявлял милосердие к побежденному врагу. Известно, что его наставником с детства был митрополит Алексий – энергичный деятель, опытный политик и дипломат. Князь советовался с ним по всем важным вопросам. Родители и единственный брат князя умерли, когда тот был еще подростком.

И конечно, он всегда слушал советов и наставлений отца Сергия Радонежского, великого молитвенника и заступника Русской земли.

Именно Сергий дал добрый совет Дмитрию Иоанновичу просить руки Евдокии Дмитриевны, дочери Суздальского князя Дмитрия Константиновича.

Мой отец Федор Шахмагонов, посвятивший многие годы изучению эпохи Дмитрия Донского, исследовал практически все документы того времени и издал в 1981 году роман «Ликуя и скорбя», в котором реставрировал те давние события. В откровенной духовной беседе отец Сергий сказал молодому князю:

«– Браки у князей по любви на небесах свершаются, а на нашей земле ради упрочения царства земного. Верной спутницей твоему отцу была мать… До свадьбы они и не видели друг друга, но с той поры брянские князья всегда с Москвой. Дед твой, Юрий Данилович, взял в жены сестру хана Узбека. Хан Узбек позволил

Москве обуздать Тверь.

‹…›

Дмитрий поднял голову, опять его черные глаза впились в лицо Сергия. Сергий спокойно выдержал горячечный их блеск.

– А кого ты мне посватаешь?

– Есть невесты у литовского Ольгерда. И сестры, и дочери… Но не смирить тебе жадность литовского князя, не любо будет ему возвышение Москвы. Есть у тверских князей невесты, но тебе Тверь надо под Москву подводить, и тут тебе не подмога сватовство. Сперся ты о княжении с Дмитрием Суздальским. Первый раз ты побил его, вдругу рядь он сам от ярлыка отказался. Есть у него дочь Евдокия… Здесь сватовство скрепит, что ты силой ставил! Суздаль да Москва, ровно, что Москва и Владимир. Сомкнутся Москва с Нижним Новгородом через Суздаль, Белоозеро с Москвой то ж через Суздаль! Научись делать из врагов друзей – и неодолим будешь…»

Факт остается фактом – на всю жизнь научил отец Сергий князя Московского Дмитрия не спешить обнажать меч против соотечественников, а стремиться из врагов друзей делать.

«Не Суздаль главный враг – враг Орда, не дай хан Амурат ярлыка, в Суздаль и не посмели бы надеяться сесть на стол во Владимире и Москве. Суздальца, его сыновей да брата нет труда повергнуть в прах. Можно со стола согнать, можно и что похуже сделать. Делано! Все бывало. Князь князя убивал, ослеплял… Но суздальцы и нижегородцы затаят обиду и месть, а готовится час, когда с ними заодно против Орды идти. Имел Дмитрий и весточку от Сергия, что говорено с Суздальцем о сватовстве».

И вот решено. Быть свадьбе, да вот где играть ее? Необычна невеста. Князь Суздальский силен достаточно. Да был бит, но ведь и от ярлыка на княжение в пользу Москвы сам отказался. Понял, что Москва становится центром земель Русских – не мешать, а помогать надо. Ехать для венчания в Суздаль негоже Московскому князю, не по рангу это, но и в Москве венчание проводить тоже не дело. В обиду это Дмитрию Константиновичу. И выбрали Коломну… До сей поры коломчане помнят о том величайшем событии древности. Любой покажет, где то место, на котором свершилось венчание. Неподалеку оно от слияния двух рек российских, Оки и Москвы-реки. Москва-река впадает там в Оку.

И снова обратимся к роману «Ликуя и скорбя»: «Порешили венчаться в Коломне, в дальней крепости, что стоит на стороже от Орды. От Коломны недалек двор великого князя рязанского Олега. На свадьбу зван, да скорее всего не приедет, не забыто, что князь Иван Данилович оттягал Коломну у Рязани. Пусть не едет,

но услышит, что съехались в Коломну князья со всех земель, пусть узрит силу, обороняющую Москву. Не грозит сбор в Коломне и тверскому князю Михаилу, выходцу из князей микулинских. Вражда с Тверью давно завязана, неповинен в ней Дмитрий, а не забыта. Дед терзал Тверь, внуку отвечать ли?

Владыку коломенского, епископа Герасима, привязать, его рука простирается на рязанцев. А он ревнив к Москве, одним глазом на Москву смотрит, другим – на Рязань, так пусть он венчает московского князя и оба глаза к Москве обратит. Коломна встретила князя Дмитрия колокольным звоном».

Сохранились летописные свидетельства о том, как проходила 31 января 1366 года свадьба, и о том, какое впечатление произвели друг на друга Дмитрий Иоаннович и Евдокия Дмитриевна. В романе «Ликуя и скорбя» не литературный вымысел, там – перевод древних текстов на современный художественный язык. Ну разве что слова молодоженов подобраны под то, что произошло на самом деле.

«Евдокия еще не отведала власти, но краем глаза успевала замечать, что юный ее князь говорит твердо, слушают его покорно, склоняются головы и князей и бояр, хоть и безбород князь, а бояре и князья бородаты.

Прятали невесту до часа, пока в храм приехали, в храм вошла в свадебном облачении. Сверкнули радостно глаза жениха, понравилась. Обжег взглядом – любить будет, а то самое страшное, коли не по сердцу жена, тогда мука, тогда тоска, тогда монастырь в конце…

Оковал их пальцы золотыми кольцами коломенский владыка Герасим. Из церкви ехали рядом, в одном возке. На улицах толпы, падает хмель, падает серебро инея на возок.

Князь гладил ее пальцы своей нежной рукой и шептал:

– Какая ты красивая! Люб я тебе?

Князь поцеловал ее ладонь, поцеловал пальцы и вдруг, охватив за плечи, прижал к себе и выпил слезы с глаз поцелуями…

Гридница в хоромах коломенского тысяцкого Тимофея Вельяминова не вместила гостей. За большим столом великий князь и великая княгиня. По правую руку от Дмитрия ближние его родичи, а за ними воевода большой и старшие бояре.

По левую руку от Евдокии – ее родичи, отец, мать, братья, суздальские князья да бояре.

А на том, на другом конце стола, самые почетные гости, два великих князя: тверской Михаил и рязанский Олег».

Вот и первые результаты мудрого решения молодого, даже можно сказать юного, Московского князя Дмитрия. Приехали-

таки на свадьбу и князь Олег Рязанский, и князь Михаил Тверской. Первый шаг к союзу с ними, хотя и долог, очень долог путь к прочному единству.

«…За полночь пир начал утихать. Старшие бояре, что следили за обычаем, объявили, что пора вести молодых в опочивальню.

Закрылась тяжелая дубовая дверь, окованная медью. Князь заложил засов. В красном углу горела ярким языком лампада, освещая темный лик Спаса, каким видела его Евдокия на черном стяге московского князя, когда он встретил ее у ворот Коломны. В кованом подсвечнике горели три свечи. Мягкие медвежьи шкуры скрадывали шаги, печь дышала жаром. Голубой полог над ложем расшит звездами. Дмитрий скинул с плеч горностаевую приволоку, взял со столика подсвечник с горящими свечами.

– Дай я тебя разгляжу! – сказал он, улыбаясь.

Евдокия закрыла лицо руками, князь отвел ее руки и усадил в кресло. Сел у ее ног, поставив подсвечник на пол.

– Как жить будем, сероглазочка? Как муж с женой или как князь с княгиней? Я полюблю тебя, ты красивая! Не знал я, что ты такая! Для Москвы, для княжества сватали, но надеялся, что так по сердцу придешься!»

Полюбилась князю Дмитрию юная Евдокия, и она ответила на его любовь искренне. Брак, хоть и выгоден обеим сторонам, оказался, тем не менее, заключен не по расчету, а по любви. И вся дальнейшая жизнь супругов стала тому подтверждением. Современник, кстати, написал о Дмитрии и Евдокии такие слова: «Оба жили единою душою в двух телах; оба жили единою добродетелию, как златоперистый голубь и сладкоглаголивая ластовица, с умилением смотряся в чистое зеркальце совести».

Составитель Жития князя Димитрия пишет, что бракосочетание юных князя и княгини «преисполнило радостию сердца русских».

И далее продолжает: «Евдокия, несмотря на совсем юный возраст (а ей было всего 13 лет), сразу же проявила себя по отношению к народу по-матерински: помогала погорельцам отстраивать дома, на свои деньги хоронила умерших от чумы». Летописцы отмечали, что она тогда «много милости сотворила убогим».

Димитрий и Евдокия искренне полюбили друг друга.

«Любящего душа в теле любимого. И я не стыжусь сказать, что двое таких носят в двух телах единую душу и одна у обоих добродетельная жизнь. Так же и Димитрий любил жену, и жили они в целомудрии…» – так говорится о князе и княгине в летописях…

Евдокия Дмитриевна, по воле которой была перенесена в Москву святая икона, еще раз напомнила своим соотечественникам, что «Не в силе Бог, а в Правде».

В «Житии…» далее говорится: «В 1370 г. Евдокия родила первого сына Даниила (он не прожил долго), в 1371 г. – второго, Василия. Так и повелось: каждые полтора года – по ребенку: 8 мальчиков и 4 девочки за 22 года семейной жизни. Князь же бывал в Москве наездами – в перерывах между военными кампаниями.

Следует сказать, что вся жизнь великокняжеской четы проходила под духовным руководством и благословением великих святых земли Русской: святителя Алексия и преподобного Сергия Радонежского, а также ученика преподобного святого Феодора, игумена Московского Симонова монастыря (впоследствии архиепископа Ростовского), который был духовником Евдокии. А преподобный Сергий, кстати, крестил самого Димитрия и двоих из его детей…»

Надо отдать Дмитрию должное: человек христианских взглядов, он сначала действовал мягко.

Преподобный Сергий Радонежский по просьбе Дмитрия или митрополита Алексея не раз уговаривал других князей примириться и встать под знамена Москвы. И только когда все мирные методы были исчерпаны, московский князь выступал с позиции силы.

Укрепление Москвы обозлило Орду, и поход татар на Русь стал только вопросом времени. Обе стороны стягивали войска.

Решающие схватки с Мамаем

В 1378 году Мамая отправил на Русь тумен темника Бегича. Тумен – 10 000 воинов. Сила по тем временам очень большая. Ведь для того, чтобы собрать равную дружину, время нужно. Нельзя держать в строю такое количество воинов постоянно – работать нужно людям, иначе не поднять земли Русской.

О жестокой битве на реке Воже как-то не любят у нас вспоминать. Историки из ордена русской интеллигенции любят другие сражения, такие, где у нас хоть какая-то, но неудача. Битва на Воже – битва особая.

Помню, как мой отец Федор Шахмагонов реставрировал эти события, сколько литературы перевернул, чтобы понять, каким образом Дмитрию Иоанновичу Московскому удалось наголову разбить врага и победить практически без потерь. То, что описано в романе, вовсе не вымысел – точный расчет, составленные планы и схемы, чуть не сказал, что даже карточки огня приведены – но это уже из нашего времени… Тем не менее очень и очень часто расспрашивал он о современной тактике, поскольку есть некоторые принципы ведения боя, которые не меняются даже по мере изменения средств поражения.

В специальных работах, вышедших еще до издания романа, Федор Шахмагонов доказал, что на Руси в преддверии решающей схватки с ордой было развернуто производство ручных и станковых самострелов – в Европе-то они уже активно применялись во многих известных в то время битвах. Описание битвы на Воже сделано на строгой документальной основе.

Вот как происходило это первое победное столкновение с Ордой за долгие, очень долгие годы.

«Развернули перед шатром черное знамя московского войска с белым шитьем Нерукотворного Спаса. Выстроились тумены Бегича. Ударили бубны, посылая ордынцев в бой, снялись первые тысячи. Первые тысячи повел в бой эмир Ковергуй. У него под началом пять тысяч всадников. Его пять рядов должны проломить копья пеших. Он был уверен, что от крика, от конского топа, от конского храпа побегут русы.

Луки готовы пустить стрелы. Ближе и ближе проклятый строй копейщиков. Шевельнулись длинные копья и наклонились встречь лаве всадников. Ковергуй ждал этого, он был уверен, что стрелы достанут русов, копья не защищают от летучей смерти. Тысяча шагов осталась до русов. Почему же их конные не идут навстречу? Стоят, как и пешие. Стоят, а конным стоя принимать удар конных – это гибель.

Никогда еще Боброк не видел и не слышал залпа из четырех тысяч самострелов, не видел и Дмитрий, не видел князь Андрей Ольгердович, не видел Тимофей Васильевич, московский окольничий, ничего не ведали о силе залпа из самострелов князь Олег, Даниил Пронский и рязанский боярин Назар Кучаков.

Звон пружин, опустивших тетиву, заглушил конский топот и визг ордынцев, полет четырех тысяч стрел рванул воздух как громом, удар стрел о цель отозвался горным обвалом. В первую тысячу всадников пришло четыре тысячи железных стрел. Второй ряд ворвался в мятущихся коней, перескочил через павших всадников. Вторая тысяча ордынцев получила еще две тысячи стрел.

И этот ряд Ковергуя был повержен, пал, пронзенный насквозь железной стрелой, и сам Ковергуй.

Третья тысяча всадников вырвалась из смертной полосы, потеряв стройность. Ей дали выровняться, ордынцы успели пустить стрелы, но стрелы были встречены колыханием длинных копий с повязанными у наконечников конскими хвостами и потеряли убойную силу. На расстоянии в пятьсот шагов в тысячу всадников третьей линии пришло еще две тысячи железных стрел.

Остановились бы и четвертый и пятый ряды тумена Ковергуя, да жали на них задние ряды. Четыре тысячи железных стрел в грудь двум тысячам всадников. Залп не по цели, залп по сплошной стене всадников.

Мешая строй, не лавой, а тучей, перекатились еще две тысячи всадников через убитых. Метались кони, бились на земле, топтали раненых. Не шелохнулся строй пеших воинов, стальная дуга наклонилась в напряжении. Достать до копейщиков, другого и нет в мыслях у ордынцев, ярость и отчаяние, отчаяние и ярость. Два залпа один за другим, четыре тысячи железных стрел в упор, с расстояния в двадцать пять шагов. Этот удар не стрел, что удар копий.

Между всадниками тумена Бегича и строем копейщиков не осталось ни одного ряда. Бегич вел своих нукеров, Бегич рвался к пешему строю, Хазибей и Корабалук рвались к конным русам.

Никто не поднимал лука, загородились щитами от смертоносных стрел, должны они иссякнуть. Бегич не поверил своим глазам. Он слышал, что трубы русов подали какой-то сигнал. Он даже не понял, что случилось, ему сначала показалось, что его конь убыстрил бег. Нет! Конь шел мелкой рысью, пеший строй русов перешагнул через мертвые ряды ордынцев и шел навстречу, выставив копья. Пешие шли на конных, нигде не изломав линии строя длинной в поприще. Так

пахари, так ремесленники не ходят, так могли ходить только воины Александра Двурогого. Подумалось было, вот о чем надо упредить Мамая! Орде конец! Подумалось, и пал Бегич, пронзенный стрелой. Стрела пробила щит, пробила стальное зерцало арабской работы и вышла из спины Бегича. Падая, он видел, что валится небо на его воинов.

Вновь затрубили трубы в стане русов. Дмитрий подал знак к удару конным полкам».

И важный итог, прозвучавший в романе после описания полного поражения врага, настолько полного, что и бежать от русских было почти уже некому. Тысячи полегли в бою, практически не сумев нанести вреда русскому войску.

«Первым заговорил Андрей Ольгердович.

– Видел я, брат мой старейший, много битв… Бился с немецкими рыцарями, ходил на Орду, водил полки с отцом. Скажу, закатилась звезда Орды! С твоим войском готов идти в любые страны, нет силы, способной его остановить, как не было силы, что могла бы остановить войско Александра Македонского.

– Слова твои, брат мой Андрей, радуют мое сердце, – ответил Дмитрий. – Я никуда не собираюсь вести это войско. Создано оно лишениями и смертным трудом, дабы отстоять родную землю. Не для завоеваний оно создано, а оберечь труд наш, землю нашу, детей наших, чтоб не погасла свеча и не пресекся род русский».

Наступил 1380 год. Хан Мамай, взбешенный поражением темника Бегича, два года готовился к тому, чтобы окончательно стереть с лица земли непокорную Русь. По разным оценкам, он собрал войско, превышающее 200 тысяч человек. Дмитрий Иоаннович и его двоюродный брат Владимир Серпуховской смогли собрать не более ста тысяч. Ждали орду… Ждали нашествия, быть может, равного Батыеву. Приходили данные из орды – разведка работала. Ждали сообщений от сакмагонов – так именовалась пограничная стража Древней Руси. «Сакма» по-татарски след – след гнать, то есть обозначать следы ордынские дымами от подожженных копен сена, заранее сложенных вдоль границ на большую глубину.

Дмитрий Иоаннович ездил к преподобному Сергию за благословением. В «Житиях преподобного Сергия Радонежского» говорится:

«Он пришел к святому Сергию, потому что великую веру имел в старца, и спросил его, прикажет ли святой ему против безбожных выступить: ведь он знал, что Сергий – муж добродетельный и даром пророческим обладает…»

А в «Житии Дмитрия Донского, благоверного Великого князя Московского» говорится: «Воздав здесь свое смиренное

поклонение Господу Сил, великий князь сказал святому игумену: “Ты уже знаешь, отче, какое великое горе сокрушает меня, да и не меня одного, а всех православных: ордынский князь Мамай двинул всю орду безбожных татар. И вот они идут на мою отчизну, на Русскую землю, разорять святые церкви и губить христианский народ… Помолись же, отче, чтобы Бог избавил нас от этой беды!”

Святой же, когда услышал об этом от великого князя, благословил его, молитвой вооружил и сказал: “Следует тебе, господин, заботиться о порученном тебе Богом славном христианском стаде. Иди против безбожных, и если Бог поможет тебе, ты победишь и невредимым в свое отечество с великой честью вернешься”.

Великий же князь ответил: “Если мне Бог поможет, отче, поставлю монастырь в честь пречистой Богоматери!”

И, сказав это и получив благословение, ушел из монастыря и быстро отправился в путь…»

В «Сказаниях о мамаевом побоище» повествуется о начале великого похода Дмитрия Московского против ордынцев: «20 августа 1380 года ясным утром князь с княгиней и детьми молился в соборном Успенском храме, обращался к Пречистой, припадал к раке святого Петра, просил его помощи, а потом перешел в Архангельский собор, где поклонился гробам родителя и деда. Княгиня же великая Евдокия Дмитриевна, и Владимирова княгиня Мария, и других православных князей княгини, и многие жены воевод, и боярыни московские, и простых воинов жены провожали их и от слез и рыданий не могли вымолвить и слова, в последний раз целуя мужей своих. Князь же великий и сам едва удерживался от слез, не стал плакать при людях, но в сердце своем весьма прослезился. И, утешая княгиню свою, так сказал: “Жена! Если Бог за нас, то кто против нас?”

И сел на любимого коня своего, и все князья и воеводы сели на коней своих и выступили из города. Великая же княгиня Евдокия со своею невесткою, Владимировой княгиней Марией, и с воеводскими женами, и с боярынями взошла в златоверхий свой терем набережный и села на рундуке под стекольчатыми окнами. Ибо в последний раз видит она великого князя, слезы проливая, словно речной поток…»

В канун битвы прискакал от Сергия Радонежского гонец с грамоткой, в которой говорилось: «Без всякого сомнения, господин, смело вступай в бой со свирепостью их, нисколько не устрашаясь, – обязательно поможет тебе Бог».

Тогда князь великий Дмитрий и все войско его, от этого послания великой решимости исполнившись, пошли против

поганых, и промолвил князь: «Боже великий, сотворивший небо и землю! Помощником мне будь в битве с противниками святого твоего имени».

«Так началось сражение, и многие пали, но помог Бог великому победоносному Дмитрию, и побеждены были поганые татары, и полному разгрому подверглись: ведь видели окаянные против себя посланный Богом гнев и Божье негодование, и все обратились в бегство. Крестоносная хоругвь долго гнала врагов. Великий князь Дмитрий, славную победу одержав, пришел к Сергию, благодарность принеся за добрый совет. Бога славил и вклад большой в монастырь дал».

Евдокия ждала супруга своего в Москве, ждала в тревоге и надежде. Она занималась детьми, подбадривала княгинь и боярынь, чьи мужья вышли в битву с Мамаем.

В «Сказании о Мамаевом побоище» упоминается ее обращение перед битвой к «княгиням, боярыням, женам воеводским и женам служних».

«Господи, Боже мой, Всевышний Творец, взгляни на мое смирение, удостой меня, Господи, увидеть вновь моего государя, славнейшего среди людей великого князя Дмитрия Ивановича. Помоги же ему, господи, своей твердой рукой победить вышедших на него поганых половцев. И не допусти, Господи, того, что за много лет прежде сего было, когда страшная битва была у русских князей на Калке с погаными половцами, с агарянами; и теперь избавь, Господи, от подобной беды, и спаси, и помилуй! Не дай же, Господи, погибнуть сохранившемуся христианству, и пусть славится имя Твое святое в Русской земле! Со времени той калкской беды и страшного побоища татарского и ныне уныла Русская земля, и нет уже у нее надежды ни на кого, но только на Тебя, Всемилостивого Бога, ибо Ты можешь оживить и умертвить. Я же, грешная, имею теперь две отрасли малых, князя Василия и князя Юрия: если встанет ясное солнце с юга или ветер повеет к западу – ни того, ни другого не смогут еще вынести. Что же тогда я, грешная, поделаю? Так возврати им, Господи, отца их, великого князя, здоровым, тогда и земля их спасется, и они всегда будут царствовать».

То был не традиционный для русских княгинь «плач», а призыв «победить противных супостатов».

Куликовская битва прогремела 8 сентября 1380 года и окончилась полной победой русского воинства. Потери были велики. Преподобный Сергий, предрекал Дмитрию Иоанновичу, что будет «кровопролитие ужасное», но предрек он и победу. Предсказал он также «смерть многих героев православных, но спасение великого князя».

Историк Сергей Михайлович Соловьев отметил: «Летописцы говорят, что такой битвы, как Куликовская, еще не бывало прежде на Руси; от подобных битв давно уже отвыкла Европа… Куликовская победа была из числа тех побед, которые близко граничат с тяжким поражением. Когда, говорит предание, великий князь велел счесть, сколько осталось в живых после битвы, то боярин Михайла Александрович донес ему, что осталось всего сорок тысяч человек… В этой ужасающей сече был ранен и князь Димитрий. Его долго искали по всему полю, усеянному трупами, и, наконец, двое ратников, уклонившись в сторону, нашли великого князя, едва дышащего, под ветвями недавно срубленного дерева».

В Житии отмечено, что любовь и молитва жены оберегали, спасали и – помогли выжить князю.

Итак, победа была одержана, но не окончились беды для Русской земли, ослабленной большими потерями воинов. Этим воспользовался хан Тохтамыш, который предпринял поход в 1382 году. Как только разведка сообщила о начале нашествия, Дмитрий Донской отправился в Волок Ламский собирать войско. Евдокия Дмитриевна осталась в Москве с малыми детьми, да еще и в ожидании рождения девятого ребенка. Сразу после родов выехала к мужу.

В Москве было неспокойно. Ждали нашествия татар, ждали новых напастей, возможно даже погибели. Все понимали, что ордынцы не простят того, что Русь вырвалась из-под ига и расправляла крылья.

Чудом удалось вырваться из города, который вскоре был осажден. Стойко держались москвичи, и вскоре Тохтамышу стало ясно, что не взять ему Москвы до подхода Дмитрия Донского, которого он после разгрома Мамая побаивался.

И тогда он пошел на хитрость. Прибывшие под стены Москвы новгородские князья целовали крест в том, что Тохтамыш не тронет никого. Только войдет в Кремль и сразу отправится назад. Разумеется, обещаний ордынцы выполнять не собирались. Едва были открыты ворота и знать, оставшаяся в городе вышла навстречу Тохтамышу, как тут же ордынцы сделали нападение и порубились всех до единого. Москва была разграблена и сожжена. В Кремле горело все, что могло сгореть. Были уничтожены древние книги, берестяные грамоты, перебито 24 тысячи жителей. Уцелело не более 6 тысяч.

Бесчинства продолжались недолго. Узнав, что войско Дмитрия Донского приближается к Москве со стороны Волока Ламского, Тохтамыш поспешно бежал.

Нелегкими были и последующие годы. В 1383 году умер отец

Евдокии Дмитриевны князь Дмитрий Константинович. А тут еще пришло время получать ярлык на княжение у нового ордынского хана. Победа на Куликовом поле явилась пока лишь началом освобождения из-под ига. Поездка за ярлыком была крайне опасной. Совершенно очевидно, что Дмитрию Донскому живым из Орды не вернуться. Решили послать старшего сына Василия Дмитриевича, которому едва исполнилось 13 лет. Снова горе для Евдокии Дмитриевны – только оплакала отца, а тут разлука с сыном, да какая. Что ожидало его в Орде?

Хан оставил у себя Василия, потребовав невероятный выкуп – не было таких средств в Москве, еще не оправившейся после Куликовской битвы и нашествия Тохтамыша.

Лишь в 1386 году Василию был устроен побег. Но взято обещание, что за помощь в организации побега он женится на дочери наместника Литвы Витовта.

Раны, полученные на Куликовом поле, не прошли для Дмитрия Иоанновича даром. Здоровье пошатнулось, и в 1389 году ему стало совсем плохо.

Трогательным было прощание князя с женой и детьми. Княжеский стол он завещал старшему сыну, 18-летнему Василию Дмитриевичу, предупредив, однако, чтобы во всем беспрекословно слушался матери.

В духовном завещании написал: «Приказываю детям своим и своей княгине. А вы, дети мои, живите за один, а матери своей слушайтесь во всем; если кто из сыновей моих умрет, то княгиня моя поделит его удел на остальных сыновей моих: кому что даст, то тому и есть, а дети мои из ее воли не выйдут… А который сын мой не станет слушаться своей матери, на том не будет моего благословения».

Сердце Дмитрия Донского остановилось в мае 1389 года. Ему не исполнилось и 39 лет.

Погребен победитель Мамая в Архангельском соборе Московского Кремля. С тех пор Архангельский собор Кремля стал общей семейной усыпальницей великокняжеских и царских семей Российского государства…

Святая Евфросинья Московская

В сердце Евдокии Дмитриевны кончина мужа отозвалась невыносимой болью, ведь она очень любила его и ласково называла его «свет мой светлый».

Александр Нечволодов в «Сказаниях о Русской Земле» писал: «Мы много видели в Древней Руси добродетельных княгинь и счастливых браков, но брак Дмитрия Иоанновича Московского отличался особым благословением Божиим. Юная княгиня Евдокия была совершенно исключительной женщиной по своей необыкновенной набожности, кротости и глубокой привязанности к мужу…

Конечно, брачный союз таких двух людей, скрепленный глубокой любовью, должен был быть весьма счастлив, и, разумеется, в этом семейном счастье и черпал Дмитрий свои необыкновенные силы для борьбы с теми неожиданными, сложными и чрезвычайно грозными обстоятельствами, которые сопровождали все его великое княжение.

И недаром Дмитрий Донской, почувствовав приближение своей кончины, строго наказал своим детям быть во всем послушными матери и действовать единодушно во славу Отечества, исполняя материнский наказ и материнскую волю».

Сколько усобиц знала Русь, не сосчитать, но Евдокия Дмитриевна сумела удержать своих сыновей от ссор и раздоров. Они любили ее, верили ей и всегда слушались ее, помня наказ своего великого отца.

О достоинствах великой княгини можно говорить много. Важно одно. Нет разночтений в том, что именно она смогла содействовать укреплению централизованной княжеской власти в трудное для Русской земли время. Вполне естественно, это не нравилось врагам единой и могучей Руси, коих, увы, всегда достаточно на нашей земле.

«Ведя строго подвижническую жизнь, – читаем мы в “Сказаниях о Русской Земле”, – Евдокия Дмитриевна, следуя примеру своего мужа, держала это в тайне, а на людях показывалась всегда с веселым лицом, нося богатые одежды, украшенные жемчугом. Конечно, она делала это, чтобы являться в глазах толпы с видом, подобающим высокому званию великой княгини. Однако некоторые злонамеренные люди стали распространять о ней дурные слухи, которые дошли и до одного из ее сыновей – Юрия. Юрий в беспокойстве сообщил о них матери. Тогда Евдокия Дмитриевна созвала детей в молельню и сняла часть своих одежд. Увидя худобу ее тела, изнуренного

постом и измученного веригами, они ужаснулись, но Евдокия Дмитриевна просила их не говорить об этом никому, а на людские толки о ней советовала не обращать внимания».

После ухода в мир иной своего супруга Евдокия Дмитриевна основала Вознесенскую женскую обитель. Перед кончиной своей, последовавшей 7 июня 1407 года, она чудесно исцелила одного слепца и приняла иночество с именем Евфросиньи.

В Сказании повествуется, что вступление великой княгини на монашеский путь было ознаменовано Божиим благословением и чудом. Одному нищему слепцу великая княгиня явилась во сне в канун своего пострига и обещала исцелить его от слепоты. И вот, когда Евдокия шла в обитель на «иноческий подвиг», слепец-нищий, сидевший при дороге, обратился к ней с мольбой: «Боголюбивая госпожа, великая княгиня, питательница нищих! Ты всегда довольствовала нас пищею и одеждою, и никогда не отказывала нам в просьбах наших! Не презри и моей просьбы, исцели меня от многолетней слепоты, как сама обещала, явившись мне во сне в сию ночь. Ты сказала мне: завтра дам тебе прозрение, ныне настало для тебя время обещания».

Великая княгиня, будто не замечая слепца и не слыша его мольбу, прошла мимо, но перед этим как бы случайно опустила на слепца рукав рубашки. Тот с благоговением и верою отер этим рукавом свои глаза. И на виду у всех совершилось чудо: слепой прозрел!

Православная церковь причислила Евдокию Дмитриевну к лику святых, и почитается она под именем святой Евфросиньи.

Судьба Владимирской иконы

Ну а теперь возвратимся к тому эпизоду, с которого начато повествование. Евдокия Дмитриевна показала себя величайшей прозорливецей, но она продемонстрировала и знания летописи Русской земли. Ведь совсем не случайно она поручила духовенству принести крестным ходом в Москву именно икону Божией Матери, именуемую «Владимирская».

Удивительная судьба иконы… Написана она самим Лукой-евангелистом на доске стола, за которым трапезовали Матерь Божия со Своим Сыном. Лука преподнес икону Пресвятой Богородице во время Ее земной жизни. Внимательно посмотрев на икону, Она пророчески изрекла: «Отныне ублажат Меня все роды. Благодать Рождшегося от Меня и Моя с этой иконой да будет!»

По мере исхода истинного благочестия на северо-восток в том же направлении перемещалась и икона. В V веке при греческом императоре Феодосии Младшем она перенесена из Иерусалима в Царьград, а в XII веке ее привезли оттуда в дар князю Юрию Владимировичу Долгорукому, который и поместил ее в Вышгородский девичий монастырь.

Вскоре Юрий Долгорукий посадил на княжение в Вышгород своего сына князя Андрея, чтобы тот всегда был рядом с ним – с молодых лет показывал сын необыкновенные способности в государственных и военных делах, в дипломатии. Был он нелицемерно верующим. А потому с великим почтением относился и к главной святыне Вышгородского девичьего монастыря – иконе Божией Матери, тогда еще не имевший того имени, под которым она вошла в славную летопись Русской земли.

Но, видно, в погрязшей в братоубийственной бойне киевской земле не место было святой иконе.

В «Сказаниях о Русской Земле» Александр Нечволодов писал: «В 1155 году с иконой произошло несколько чудесных явлений. Она сама собою выходила из киота, и в первый раз ее видели стоящей среди церкви на воздухе; потом, когда ее поставили в другом месте, она обратилась лицом в алтарь. Тогда ее поставили в алтаре за престолом, но и там она сошла со своего места».

В энциклопедическом духовном издании «Православном букваре» читаем: «Видя множество чудес от принесенной святой иконы Божией Матери, благоверный князь Андрей умолял Пречистую Богородицу открыть ему святую волю Свою. Долго молился Андрей перед святой иконой, имея желание

переселиться в Северную Русь, веруя и надеясь на заступление Царицы Небесной. И Пречистая Владычица услышала немолчный вопль Своего избранника и видимым Знамением указала волю Свою, подкрепляя стремление князя идти на Север. И тайно от всех молодой князь со священником и дьяконами весной 1155 года выехал из Киева и, как великое сокровище и благословение Божией Матери, взял с собой Чудотворную Икону».

Писатель рубежа XIX–XX веков, непревзойденный певец русского самодержавия Николай Иванович Черняев в книге «Мистика, идеалы и поэзия Русского Самодержавия» в свое время отметил, что все великое, священное Земли имеет мистическую основу и что этого не могут понять лишь те, кто заражен «республиканскими и демократическими предрассудками», что «мистика Русского Самодержавия всецело вытекает из учения Православной Церкви о власти и из народных воззрений на Царя, как на Божиего пристава».

Сама Божия Матерь, по Промыслу Создателя, посредством Иконы Своей осуществляла высшее Божественное водительство мыслями и делами князя Андрея Юрьевича. Когда князь с молебным пением поднял своими руками чудотворный образ и ночью покинул Вышгород, чтобы отправиться на Север, в Суздальскую Землю, свершилось великое действо, до сих пор еще по достоинству не оцененное.

Чудеса в Вышгородском девичьем монастыре подробно описаны лишь в «Житии…» князя, в «Сказаниях о Русской Земле» Александра Нечволодова и в некоторых духовных книгах. Историки умолчали о них. Впрочем, в эпоху безбожия, которая стартовала задолго до революции, это все уже казалось неправдоподобным, ведь ученые в области естествознания, выполняя заказ ордена русской интеллигенции, отрицали Бога и Божественное в событиях Земной жизни. Но естествознание, как точно отметил Николай Черняев, не могло и объяснить, почему происходят те или иные явления, в том числе и телепатические. Но не могли же безбожники признать, что Вседержителю и Царице Небесной ничего не стоит, если это необходимо, передвигать те или иные предметы, чтобы выказать волю Свою, помочь понять Промысел Божий.

В безграничных возможностях Бога и Божией Матери князь Андрей Юрьевич и его спутники смогли убедиться в пути. Проводник, посланный князем искать брод в разлившейся реке, едва не утонул вместе с конем, но чудом спасся, как указано в «Житии…», по молитве князя, которую тот прочитал перед иконой Божией Матери.

Но главное мистическое событие, повлиявшее на весь ход

Русской истории, произошло у нынешнего Боголюбова, а в то время просто пустого места на развилке Владимирской и Суздальской дорог. Именно на развилке лошади, которые везли киот с чудотворной иконой, встали.

В официальной истории говорится, что князь устал и заночевал на развилке. Ночью ему приснилась Пресвятая Богородица, и он на месте ночлега построил церковь и монастырь. В предыдущих главах мы поместили рассказ о тех событиях, которые произошли после остановки лошадей. Именно Явление и Откровение Пресвятой Богородицы заставили князя изменить свой план и повернуть на Владимир, а затем исполнить то, что повелела ему Небесная Владычица.

Но есть и другие источники, подробнее освещающие то события. Описал его и Александр Нечволодов. Вечером 17 июля 1155 года, когда небольшой отряд, состоящий из свиты князя Андрея Юрьевича, сына Юрия Долгорукова, достиг развилки Владимирской и Суздальской дорог, имея по воле князя, возглавлявшего отряд, конечным пунктом своего пути не захолустный в ту пору Владимир, а богатый боярский Ростов, лошади, которые везли киот с чудотворной иконой Божией Матери, взятой князем Андреем Юрьевичем из Вышгородского монастыря, встали. Князь повелел заменить лошадей, но и другие не двинулись с места. И тогда Андрей Юрьевич понял, что дело не в лошадях, а в иконе.

Князь позвал священника Николая, которого взял из нелюбезного ему Вышгорода, в свой любезный Суздальский край, и попросил совершить молебен перед иконой Божией Матери, той самой, что писана самим Лукой-евангелистом и о которой Сама Пресвятая Богородица сказала, что с этой иконой будет благодать Ее и Рождшегося от Нее.

Для молебна раскинули шатер, где и поставили икону. Вся свита участвовала в молебне, еще не осознавая умом, но ощущая сердцем важность свершаемого. Когда перевалило за полночь, князь отпустил свиту и остался перед иконой один, продолжая искреннюю и усердную молитву.

Утомленные дорогой княгиня с детьми, священник, слуги – все уснули. Тишина опустилась на небольшой лагерь. И лишь князь Андрей Юрьевич оставался, преклоненный, перед иконой.

И вдруг, как свидетельствует «Житие благоверного князя», шатер озарился неземным Божественным светом, и Сама Царица Небесная предстала перед Андреем Юрьевичем во всем своем ослепительном великолепии.

«Книга о Пресвятой Богородице» так передает нам священный образ Царицы Небесной: «Она была роста мерного, немного выше

среднего; цвет Ее лица был как цвет зерна пшеничного; волосы у Нее были светло-русые и несколько златовидные; глаза ясные, взгляд проницательный, с зрачками как бы цвета маслины; брови немного наклоненные и довольно черные; нос продолговатый; уста, подобные цвету розы, исполненные сладких речей; лицо не круглое и не острое, но несколько продолговатое; руки и пальцы длинные».

Пресвятая Богородица, как гласит предание, явилась князю Андрею Юрьевичу со свитком рукописи, по другим источникам, с хартией в руках и он услышал голос Ее: «Не хочу, чтобы ты нес образ Мой в Ростов. Поставь его во Владимире, а на сем месте воздвигни церковь каменную Рождества Моего и устрой обитель инокам».

Произнеся эти слова, Пресвятая Богородица молитвенно подняла руки, и князь Андрей Юрьевич увидел Христа Спасителя, благословение которого приняла Царица Небесная. Спаситель благословил священное деяние Своей Матери, и видение исчезло.

Князь Андрей Юрьевич застыл пораженный. Он был, отчасти, прежним, но уже и другим, ведь не случайно в руках Царицы Небесной был свиток рукописи. В некоторых источниках, как уже упоминалось, свиток именуют хартией. Хартия же, по трактовке автора «Словаря русского языка» С.И. Ожегова, документ важного общественно-политического значения. Тем не менее почти никто из историков не обратил на упоминание летописцами о хартии в руках Пресвятой Богородицы, полагая, видимо, такую деталь незначащей.

Но ничего случайного и незначащего в токе событий прошлого не бывает, а тем более их не бывает в событиях священных, событиях высшего порядка. В момент Явления и Откровения Пресвятой Богородицы свиток не материализовался. Он исчез вместе с Царицей Небесной. Но можно полагать, что содержание этого свитка материализовалось в великих делах благоверного князя Андрея Юрьевича, совершенных им во благо единства и могущества Русской земли.

Почему же избран был для милости Божией именно князь Андрей Юрьевич, сын Юрия Долгорукова, почему именно он был удостоен Явления и Откровения Пресвятой Богородицы?

Ответ надо искать в жизни и деятельности князя до того священного момента, в его вере, в его воспитании, в его душевных и духовных качествах, в его характере, в его отношении к людям, в мудрости, в мужестве и отваге, которыми он отличался среди современников.

Все это прекрасно знала Евдокия Дмитриевна, знала она и о том, как почитал первый русский самодержавный государь (не по

имени, но по существу) Андрей Боголюбский, знала, что икону эту он брал с собой во многие военные походы и в весьма опасный и важный поход.

Александр Нечволодов писал об этом: «Князь построил здесь (на месте Явления и Откровения Пресвятой Богородицы. – *Н.Ш.*) каменную церковь и монастырь, обнеся все место каменными стенами; скоро новое селение сделалось городом и любимым местом пребывания князя Андрея Юрьевича». Князь дал ему название Боголюбово, отчего и сам был наречен Боголюбским. Он часто говаривал, что Пресвятая Богородица возлюбила это место.

«Икону же он, – читаем далее у Александра Нечволодова, – поставил во Владимире и украсил ее с таким богатством, которое почиталось дивным для его времени… Вера в непрестанную Заступницу и Помощницу молящихся людей распространилась по всей Суздальской Земле, чему особенно способствовали многие чудесные события».

Впоследствии же икона стала называться Владимирской и явилась главной святыней Русской земли, благодаря помощи, неоднократно явленной через нее России и русскому народу в годины тяжелых испытаний.

Чтобы увековечить Явление и Откровение Пресвятой Богородицы, Андрей Боголюбский поручил написать икону, на которой отразить события 17 июля 1155 года. Она стала именоваться «Боголюбской».

Когда строительство церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Боголюбове было завершено, князь приказал поместить там Боголюбскую икону Божией Матери и установил ежегодное празднование в честь Явления Пресвятой Богородицы, которое утвердилось в Русской православной церкви.

Святитель Иоанн Ладожский отметил: «На Великокняжеском столе Андрей вел себя не как старший родич, но как полновластный Государь, дающий ответ в своих попечениях о стране и народе единому Богу. Его княжение было ознаменовано многочисленными чудесами, память о которых доселе сохраняется Церковью в празднестве Всемилостивому Спасу 1(14) августа, благословившему князя на его Державное служение.

Сам праздник был установлен после того, как, победив в 1164 году восточных камских болгар, князь, молившийся по окончании сражения, видел чудесный свет, осиявший все войско, исходивший от Животворящего Креста Господня. В тот же день видел свет от Креста Господня и греческий император Мануил, одержавший победу над сарацинами. В память об этих событиях оба Государя и согласились установить церковный праздник.

Тогда же, в 1164 году, был установлен и праздник в честь

Покрова Божией Матери, ставший любимым церковным праздником Русского Народа 1(14) октября».

Покров есть праздник национального торжества, великой радости принятия Пресвятой Богородицею под Свой Омофор Святой Руси.

Спустя год Андрей Боголюбский построил знаменитый храм Покрова на Нерли – первый из храмов, посвященных празднику Покрова Пресвятой Богородицы. Этот храм был сооружен как «приношение похвал Богу за победу над врагами и прославление Богоматери, принявшей под Свой Покров Русь Православную».

Само же празднование Покрова Пресвятой Богородицы совершается в память события, происшедшего в X веке.

Вот как описано оно в «Букваре: начала познания вещей Божественных и человеческих»: «Матерь Божия со святыми на воздухе молилась за город и затем сняла с Себя блиставшее наподобие молнии покрывало, которое носила на главе Своей и, держа его с великой торжественностью Своими Пречистыми руками, распростерла над всем стоящим народом. И до тех пор пока Пресвятая Богородица пребывала там, видимо было и покрывало. По отшествии же Ее, сделалось и оно невидимо, но, взяв его с Собою, Она оставила благодать бывшим там. Греки ободрились и сарацины, осаждавшие город, были отражены».

Учреждение праздников и возведение храма Покрова на Нерли имели колоссальное значение для Русской земли. Недаром храм этот в устье реки Нерли при впадении ее в Клязьму строился всенародно. В «Букваре…» говорится: «По воле князя Андрея из привозимого белого камня для строительства Успенского собора во Владимире откладывалась десятая часть для Покровской Церкви. Здесь зодчие и мастера сделали булыжное основание искусственного холма, поверхность его облицевали белокаменными плитами. Варвары Батыя не тронули храма, и ежегодный разлив двух рек в течение 7 веков не подмывал основание его. Были некоторые попытки разорить, разрушить этот храм – шедевр мировой архитектуры, но сила Божия сохранила его и поныне».

Андрей Боголюбский стал первым из русских государей, кто всерьез озаботился о сотворении на Руси «симфонии двух властей» – гармоничного сочетания власти светской и власти церковной. Для этого он счел необходимым учредить митрополию Северо-Восточной Руси.

Евдокия Дмитриевна знала, что именно с момента учреждения Праздника Покрова Пресвятой Богородицы Русская земля находится под Святым Покровом Царицы Небесной.

Василий Третий и Елена Глинская

Бездетный брак – угроза престолу

С первым браком Василию Третьему не повезло. Так вот вышло – и выбрал сам и, судя по отзывам современников, любил и чтил супругу свою Соломонию Сабурову. Но наследника она не принесла, а престол нуждается в наследнике, поскольку, не будь его, начнутся раздоры, которые могут привести к междоусобицам, лишь недавно изжитым на Русской земле.

В августе 1505 года в Москве был назначен сбор претенденток в невесты молодого великого князя Василия Третьего – сына Ивана Третьего и Софьи Палеолог. Он был наследником престола, и отец считал, что пора ему уже заводить семью, как-никак шел двадцать седьмой год. Отец его Иван Третий Васильевич, известный в истории как Иван Великий, царем практически не именовался. Василий же Третий впервые официально назван был царем в договоре с императором Священной Римской империи Максимилианом Первым в 1514 году.

Итак, пришла пора женить наследника великокняжеского престола. Ну и женить по обычаям того времени. Итальянский летописец Павел Иовий рассказал о древних тех обычаях: «Московские Государи, желая вступить в брак, повелевают избрать из всего царства девиц, отличающихся красотою и добродетелью, и представить их ко двору. Здесь поручают их освидетельствовать надежным сановникам и верным боярыням, так что самые сокровенные части тела не остаются без подробного рассмотрения. Наконец, после долгого и мучительного ожидания родителей, та, которая понравится Царю, объявляется достойною брачного с ним соединения. Прочие же соперницы ее по красоте, стыдливости и скромности нередко в тот же самый день по милости Царя обручаются с боярами и военными сановниками. Таким образом, московские Государи, презирая знаменитые царские роды, подобно оттоманским султанам, возводят на брачное ложе девиц большею частью низкого и незнатного происхождения, но отличающихся телесною красотою».

Правда, здесь есть одна неточность. Русские государи прежде брали в жены невест из русских княжеских родов, а вот Иван Третий женился на племяннице Византийского императора Софье Палеолог. Здесь же, видимо, впервые случилось то, что в дальнейшем стало обычаем. И невесту выбрал Василий Иоаннович хоть и из боярского рода, но не княжеского.

Русский историк Иван Егорович Забелин в книге «Домашний

быт русских цариц» рассказал о традиции, которая была заложена этим браком: «С порядком предварительного выбора по разным местностям нас знакомят отчасти самые грамоты, которые в это время рассылались ко всем помещикам или служилым людям. Из них мы узнаем, что в областные и другие города посылали доверенных людей из окольничих или из дворян с дьяками, которые заодно с местною властью, с наместником или воеводой должны были пересмотреть всех девиц назначенного округа. Между тем по всему округу, во все поместья пересылалась государева грамота с наказом везти дочерей в город для смотра. Помещики собирались с невестами – затем избранных везли уже в Москву. Для многих, вероятно, по бедности, этот местный съезд был делом не совсем легким, и потому иные не слишком торопились исполнить царский наказ».

Такой порядок женитьбы в ту пору считался византийским. Именно в Византию свозили самых достойных девиц для представления царям, а они уже в свою очередь выбирали ту, что наиболее пришлась по душе. И лишь в некоторых случаях следовали они обычаям западноевропейским, то есть заключали браки по соображениям политического и дипломатического характера.

4 сентября 1505 года на смотринах невест Василий Третий выбрал красавицу Соломонию Сабурову, причем выбрал, как говорят летописи, из пятисот достойнейших девиц, представленных ему.

О жизни избранницы великого князя известно немного. Было ей пятнадцать лет, летописи свидетельствуют о ее «необыкновенной внешней красоте и великих душевных достоинствах». Привез ее на смотрины отец боярин Юрий Иванович Сабуров.

С нею и был обвенчан Василий Иоаннович, которому уже вскоре суждено было ступить на Московский престол.

Историк Михаил Забелин в книге «Русский народ. Старинный быт» описал царскую свадьбу: «Сначала царица шла в Грановитую палату; ей предшествовал священник и кропил святою водою место, где ей должно было садиться. Там клали сорок соболей, которые были подняты, когда она садилась. Можно полагать, что это был мех, сшитый из сорока соболей. Возле невесты непременно садился кто-нибудь из знатных князей. Когда все это было устроено, посылали сказать царю. Царь отправлял, прежде всего, нареченного отца: тот, вошедши в царицыну палату, кланялся на все стороны, ударял челом будущей государыне и садился на большом месте возле жены своей, если она была здесь.

Посидев немного, этот нареченный отец посылал к царю

одного боярина с речью: «Государь Царь и Великий князь всея Руси! Боярин (такой-то) велел говорити: прося у Бога милости, время тебе, Государю, идти к своему делу!» Государь вставал, принимал благословение митрополита и со всем своим поездом шел в Грановитую палату, впереди него шли две духовные особы: благовещенский протопоп с крестом и крестовый недельный священник. Священники кропили водою путь, тысяцкий вел Царя под руку, за ними следовали стольник и стряпчие. Прибывши в палату и благословившись, Царь подходил к своему месту; большой дружко поднимал посаженое близ невесты лицо, а царь садился на его место близ будущей жены. В царских свадьбах венчание происходило после обеда. Как и жених, так и невеста ничего не ели в тот день. В царских свадьбах государя кормили перед сенником в сенях, а царицу, по старинному обычаю, в самом сеннике. Во время кормления новобрачных муж подавал гостям вино, и все пили с поздравлениями. Потом новобрачных укладывали в постель, а гости продолжали веселиться. Музыки не было: только трубили в сурны, били в бубны и накромы. На другой день новобрачных вели с песнями под звуки сурны и литавр в отдельные мыльни. В мыльнях их поили вином, также мыли вином и медом. Царские свадебные обряды продолжались несколько дней. Все подносили царю дары. Зато и Царь в эти светлые, радостные в его жизни дни имел право и возможность щедро вознаграждать всех. Он несколько дней щедро кормил духовенство на дворе, раздавал деньги, рассылал в далекие города молебные грамоты, ездил с молодою царицею на богомолье в монастыри».

Свадьба состоялась. Казалось, главный вопрос укрепления династии решен – нужно ждать наследников. В октябре того же года Василий Иоаннович после смерти своего отца ступил на великокняжеский престол.

Теперь нужно было позаботиться о наследниках. Но увы, проходили годы, а детей у великокняжеской четы не было. Это лихорадило всю семью. Василий Третий запретил своим младшим братьям жениться. Он не мог допустить, чтобы у них появились сыновья раньше, нежели у него. Жестоко? Возможно. Но и необходимо. Только-только начала складываться и укрепляться вертикаль власти, только-только стали забываться раздоры, усобицы. Ведь если бы у братьев появились сыновья, неизбежно возникли бы споры о том, кому править Московским государством. Тут уж забылось бы старшинство братьев. Так бывало не раз.

Что было делать, как выйти из такого сложного положения? Снова и снова поднимался вопрос о расторжении брака с

Соломонией, но этому противилась Церковь. Законы были суровы. В случае расторжения брака при живом муже или живой жене, и муж, и жена должны были уйти в монастырь. Но здесь случай особый, ведь муж – государь! Шли годы, но все оставалось по-прежнему. Василий Третий, как считают современники, слишком любил свою жену, чтобы решиться на роковой для нее шаг.

Минуло двадцать лет после свадьбы. Василий Третий был уже не молодым – сорок шесть стукнуло. Близилось пятидесятилетие. А детей не было. И вот в 1525 году он все же задумался о втором браке, да и вспыхнуло его сердце новой любовью, когда встретил на своем жизненном пути Елену Васильевну Глинскую, которая тоже была красоты необыкновенной, да к тому же было ей тогда лет семнадцать-восемнадцать. Известно, что родилась она, как сообщается в официальной биографии, «около 1508 года».

Много существует версий по поводу того, как все было обставлено в таком, в общем-то, незаурядном случае. Соломонию ждал монастырь.

Боярская дума поддержала решение Василия Третьего развестись с Соломонией и вступить во второй брак. Церковь по-прежнему протестовала.

Так, инок Вассиан прямо сказал государю: «Ты мне, недостойному, даешь такое вопрошение, какого я нигде в Священном Писании не встречал, кроме вопрошения Иродиады о главе Иоанна Крестителя».

Выступили против развода митрополит Варлаам и преподобный Максим Грек. Что же было делать? Какой найти выход? Выполнять требования Церкви и получить междоусобицы или пойти наперекор? Василий Третий поступил жестко. Митрополит Варлаам был лишен сана и был сослан вместе с Вассианом Патрикеевым и Максимом Греком.

Развод одобрил новый митрополит Даниил. В Псковской летописи записано: «В лето 7031 Князь великии Василеи Иоанович постриже княгиню свою Соломонею, а Елену взят за собя. А все то за наше согрешение, яко же написалъ апостолъ: пустя жену свою, а оженится иною, прелюбы творит».

Елена Глинская была дочерью Литовского князя Василия Львовича Глинского. 25 ноября 1525 года Соломонию постригли в Московском Богородице-Рождественском монастыре под именем София.

И вот здесь начинается самое любопытное. Иноземные пасквилянты, в частности, Герберштейн, да и другие, желая очернить русского государя, тут же придумали всякие страсти о том, как жестоко поступили с Соломонией, которая не хотела

принимать постриг. С клеветническими выпадами сего лжеца мы еще встретимся на последующих страницах и в последующих материалах. Повторять же страшилки не нахожу нужным. Давно уже известно, что русскую историю писали иноземцы, а как они пишут историю, очень хорошо видно и сегодня – взять хотя бы выдумки о том, кто выиграл войну с фашизмом и кто сбросил атомные бомбы на японские города. Чем нелепее ложь, тем в нее лучше верят – так учил Геббельс. Вот его ученики и стараются ныне. А в ту далекую пору тоже хватало лживых «пропагандистов». По свидетельству «источников из кругов Даниила», Соломония сама, «видя неплодство из чрева своего», обратилась с прошением о постриге. В тех же источниках говорится о внутренней борьбе и сомнениях, которые мучали Василия Третьего – не надо забывать, что он любил Соломонию, по отзывам современников, даже больше и сильнее, чем следовало.

Второй брак Василия Третьего

Итак, Василий Третий женился во второй раз. Женился, ради продолжения рода, ради того, чтобы не окунулось государство Московское в новые смуты и раздоры. Но, увы, первые три с лишним года детей по-прежнему не было. Это породило слухи о том, что государь не способен их иметь, причем распускали слухи те, кто знал истинную причину – на протяжении многих лет государева семья подвергалась систематическому, медленному отравлению, что ныне доказано учеными.

В Археологическом музее «Московский Кремль» хранится таблица отравлений, о которой мы еще поговорим в материале об отравлении Иоанна Васильевича Грозного и его родных и близких.

О родителях Василии Иоанновиче и Елене Васильевне Глинской подробно рассказано в книге «Царь всея Руси Иоанн IV Грозный». Книга, в отличии от обрушившегося на нас подобно паводку нечистот по телесериалу «Иоанн Грозный», вышла под редакцией православного священника Серафима Николаева и не содержит бессовестных выдумок и отвратительной клеветы. Быть может, когда б не пошлый телесериал, и не было б нужды приводить обширные цитаты, но клевету нельзя оставлять без внимания – ее необходимо опровергать. Первая глава так и называется «Благочестивые родители Царя». Узнаем же правду о них, ведь создатели фильма опустились до весьма пошлых сцен, недостойных вообще экрана, а тем паче тех эпизодов, когда представляются на экране государи и государыни. Кстати, Сталин в свое время, требуя от создателя фильма «Иван Грозный», режиссера Сергея Эйзенштейна, честности и точности, говорил по поводу изображенных на экране поцелуев Царя Иоанна:

«– Нужно показывать исторические фигуры правильно по стилю. Так, например, в первой серии неверно, что Иоанн Грозный так долго целуется с женой. В те времена этого не допускалось».

Иван Егорович Забелин в книге «Домашний быт русских цариц» писал: «В своей домашней жизни Московские Государи являлись образцом умеренности и простоты. Они вставали обыкновенно в четыре часа утра и убирались при посредстве постельничих и стряпчих. Умывшись и одевшись, Государь (в книге имеется в виду Великий Князь Василий III Иоаннович. – *Н.Ш.*) шел прямо в крестовую, где его ожидал духовник или крестовый священник и крестовые дьяки; здесь он молился около четверти часа, причем на аналой ставился образ того Святого,

память которого праздновалась в этот день. По окончании молитвы священник кропил Государя Святой водой, называвшейся “праздничной”; она привозилась из разных монастырей и церквей всего государства, прославленных чудотворными иконами, и освещалась там в дни храмовых праздников; затем крестовый священник читал духовное слово из особых сборников, составленных из поучений отцов церкви, преимущественно – Иоанна Златоуста. Послушав поучение, Государь посылал ближнего человека спросить Государыню о ее здоровье, если почивал особо, а затем и сам шел к ней здороваться, после чего они вместе отправлялись в одну из своих домашних церквей слушать заутреню, а иногда и раннюю обедню. В это время все бояре, окольничие, думные и ближние люди собирались уже во дворец, чтобы ударить челом Государю, а затем и присутствовать в Государевой думе. Поздоровавшись с боярами, Государь шел в сопровождении их всех к поздней обедне, служившейся в девятом часу в одной из придворных церквей. Тут же, после литургии, иногда он принимал и доклады бояр. Затем Государь возвращался в комнату и слушал доклады и челобитные, а в известные дни присутствовал и в думе, в которой обыкновенно бояре сидели, а дьяки стояли; когда же случалось долго заниматься, то Государь приказывал садиться и дьякам. После приема докладов или сидения в думе Государь шел обедать, обыкновенно после полудня, а бояре разъезжались по домам.

Обеденный стол Государя отличался крайней умеренностью, хотя на нем и подавали около семидесяти блюд; но они почти все расходились на “подачи” боярам, окольничим и другим лицам, причем для близких людей Государь иногда сам выбирал известное ему любимое их блюдо. Послеобеденное время назначалось для отдыха; Государь почивал до вечера, часа три. К вечеру во дворец съезжались снова все чины, и в сопровождении их он выходил в верховную или внутреннюю церковь к вечерне, а затем иногда опять собиралась дума и слушались дела. Обыкновенно же, по окончании церковной службы до вечернего кушанья, Государь проводил время со своей семьей и самыми близкими людьми в домашних развлечениях, причем этими развлечениями, кроме чтения и рассказов бывалых людей о далеких землях, были и беседы с так называемыми верховыми (придворными) богомольцами, древними стариками, весьма уважаемыми за их благочестивую старость. Кроме них были слепцы – домрачеи, распевавшие былины и песни при звуке домры, а также и бахири – рассказчики сказок и басен… Свой день Государь оканчивал в крестовой комнате; он молился в ней

перед сном около четверти часа».

Как видим, никакой роскоши, никакого бестолкового времяпрепровождения. Любой нынешний даже не перворазрядный коттедж какого-нибудь вора-воротилы превосходит тысячекратно по своей роскоши царские палаты. Русские государи думали не о своем личном благополучии, не о материальных ценностях, а о Державе, и все силы и средства отдавали на ее укрепление.

Александр Нечволодов привел примеры необыкновенной скромности русских государей. Так, после смерти Иоанна Калиты осталось следующее имущество: «двенадцать цепей золотых, девять ценных поясов, шесть золотых чаш, две золотые чары, одно золотое блюдце со жемчугом и камнями, десять блюд серебряных, два золотых сосуда больших, два поменьше и коробочка золотая».

А вот свидетельство о скромности Дмитрия Донского: «Из драгоценных вещей Дмитрий оставил после себя: одну икону, одну цепь, восемь поясов, бармы, шапку золотую, наплечники, два ковша золотых и еще три ценных предмета. Так страшно обеднел, даже в сравнении со своим дедом Иоанном Калитой, один из величайших Русских Государей и европейских полководцев, славный как своей всемирной по значению победой над ордой, так и утверждением нового порядка наследования престола и владения Русской Землей, с целью ее собирания под единой сильной властью Московского князя, по завету своих мудрых предков и первых Святителей Москвы, ее блаженных митрополитов. Эта умилительная бедность домашней обстановки, в которой умер Дмитрий, ясно показывает нам также, насколько он далек был от обогащения, посягая на других князей и приводя их под руку Москвы, во имя собирания воедино своей Родины».

Скромен был и потомок Дмитрия Донского великий князь Московский Василий III, который продолжал великое дело своих пращуров. Скромен и набожен.

«В каждый церковный праздник совершалось торжественное богослужение в одном из Кремлевских соборов или же в приходской церкви, на которое Государь совершал богомольный выход в полном блеске своего наряда и в сопровождении всего двора. Особенно торжественно праздновалось Светлое Христово Воскресение, причем в течение всей Святой недели Государь принимал поздравления от людей различного рода занятий и званий, жаловал каждого к руке и оделял всех крашеными яйцами».

Удивительно милосердие и нищелюбие русских государей. В свое время Святой Благоверный князь Андрей Боголюбский пускал по городу Владимиру специальные повозки со съестными

припасами для бедных людей. Продукты раздавались бесплатно. А вот сведения о Василии Третьем:

«Накануне или в самые дни великих праздников, на Рождество, на Светлый день, в прощальные дни Масленицы и Страстной недели, особенно же в Великую пятницу, Государь (Василий III) скрытно, только в сопровождении небольшого отряда доверенных слуг, выходил из дворца в городские тюрьмы и богадельни, где и раздавал из собственных рук милостыню всем заключенным преступникам и пленным иноземцам, а в богадельнях – дряхлым, увечным, малолетним сиротам и всякого рода беднякам, каждому не меньше полтины, а многим по рублю, иным же по два, по три и по пять рублей – деньги огромные по тому времени. Проведав об этом выходе Государя, нищие собирались во множестве по пути его следования, и каждому из них особо он также подавал щедрую лепту из своих рук. Затем нищие собирались тоже у Лобного места, на Красной площади и близ Иверских ворот, где их оделяли от имени Государя доверенные лица; кроме того, они приглашались по некоторым дням на обед во дворцовые палаты, причем Государь иногда и сам обедал за столом “на нищую братию”. В праздник же Благовещения кормление нищих происходило чисто в его собственных комнатах».

Разве не является примером для потомков жизнь русских государей, клевеща на которых некоторые недобросовестные авторы звали их в учебниках истории первыми помещиками и эксплуататорами, в то время как точнее и честнее их было бы назвать первыми антипомещиками и антиэксплуататорами.

Очень скромно, по обычаям своих предков, в мире с Богом и Церковью, жил не только великий князь Василий III, так жили Московские государи и после него – в XVI и XVII веках. За свою сравнительно недолгую жизнь (он прожил 54 года) Василий Иоаннович достиг многого: присоединил Псков и вернул Смоленск. Он смирил Казань, посадив там своего хана, и выстроил для облегчения ее завоевания в будущем город Васильсурск.

Вместе с тем Василий III сдерживал, насколько было сил, Крым и всегда вел себя с большим достоинством по отношению его ханов; он был грозой ливонских немцев, Литвы и Польши и с честью поддерживал отношения с папами и правителями Западной Европы. В управлении государством Василий шел по стопам своего великого отца; при этом самым тяжелым для него делом было подавление старых удельных стремлений у нового родовитого боярства, собравшегося в Москве.

Большой набожностью отличалась и Елена Васильевна

Глинская. В вышеупомянутой книге говорится, что она постоянно разъезжала по монастырям на богомолье и всюду раздавала щедрые милостыни: «Чтобы заселить пустые местности новых владений, она привлекала переселенцев из Литвы, разумеется, Православных Русских, и давала им земли и много льгот; особенно же заботилась она о выкупе пленных, попавших в руки татар. Елена Васильевна тратила на это огромные деньги и требовала пожертвований от духовенства и богатых монастырей. В 1535 году новгородский епископ Макарий, святитель выдающихся чувств и образа мыслей, прислал ей для выкупа пленных 700 рублей от своей епархии, при грамоте, в которой говорил: “Душа человеческая дороже золота”».

Нельзя не упомянуть и об оценке деятельности Елены Васильевны на посту правительницы России. В книге говорится: «Рассматривая беспристрастным оком четырехлетнее правление Елены Васильевны, мы должны почтить ее память заслуженным уважением, так как деятельность была направлена исключительно ко благу государства и во всем согласовывалась с заветами предшественников ее сына; жесткие и суровые кары, к которым она прибегала, вызывались обстоятельствами и, насколько можно судить, налагались всегда только после должного расследования, а не под влиянием гнева или личного раздражения».

Но все это было позже, когда она осталась одна, а на первых порах супружества тоже немало выпало на ее долю волнений и тревог.

Три года не получалось детей. Царственная чета буквально вымолила своего первенца. «Пискаревский летописец» свидетельствует: «А перед рождением его, Царя Иоанна (IV), отец его, Князь Великий Василий Иоаннович Всея Руси, по обещанию своему для бездетства пошел пеш к Троице в Сергиев монастырь с Великою Княгинею Еленою. И как будет Великая Княгиня близ монастыря между рощею под монастырем, и тут видит: к себе встречно идет чернец прямо к ней, никем не возбраним; и прииде близ ея и кинул ей младенца, и она от страху его паде; и тут предстоящие ужаснулись, и прииде Князь Великий и повеле нести ея на руках в монастырь, и стали молебны пети и воду святити, а она на много время безгласна лежаща и проглагола о видении и прииде на Москву, чада Великого Князя Иоанна роди в лето 7038».

Вот как пишет об этом в книге «Слово и дело Иоанна Грозного» В. Ерчак: «Предание утверждает, что рождение Наследника Василия III свершилось по молитвам Святого Кирилла Белозерского. В 1531–1533 годах в благодарность

Святому Василий III воздвиг в Кирилло-Белозерском монастыре два храма: в честь своего Ангела – Архангела Гавриила и в честь Ангела новорожденного – Иоанна Предтечи. Но был заложен еще один Храм, значение которого еще не всеми осознано. Осени себя Крестным Знамением, Русский Народ! Этот Храм избрала Царица Небесная для прославления Николая Второго и Иоанна Грозного. В ознаменование рождения сына Василий III заложил храм в селе Коломенском – церковь Вознесения Господня». Летопись сохранила такое повествование об этом событии: «Того же лета совершена бысть церковь камена в Коломенском Вознесения Бога нашего Исуса Христа. Бе же церковь та вельми чудна высотою и красотою, и светлостью, такова не бывала прежде того на Руси. Князь же Великий украсил то дело Святыми иконами и всякою добротою. В лето 7041 (1533) сентября в третий день, во вторник, освещена бысть Вознесения церковь Христова в Коломенском Даниилом митрополитом и Ростовским архиепископом Кириллом и епископом Коломенским, да Сарайским и всеми освещенными Соборы, быша же на освещении том Князь Великий Василий Иоаннович, и с Великой Княгиней Еленою, и со сыном своим Князем Иоанном, и с бояры, и сотвори празднество велие. А пироваша у Великого Князя в Коломенском Даниил митрополит, и Великого Князя братья и бояры по три дни честно и радостно, и дарил их Князь Великий многими дары».

И завершает свой рассказ Валерий Ерчак пророческими словами:

«Велико значение этого Храма Божиего на путях Святой Руси! Грядет Грозный Царь! Грядет Грозных Сил Воевода!»

Грозное рождение Грозного Царя

Великой Княгине было предсказано, что «родит она сына широкого ума». И вот 25 августа 1530 года в 7 часов утра родился первенец, которого в честь деда нарекли Иоанном.

Это был особенный день… Валерий Шамбаров в книге «Царь Грозной Руси» пишет: «25 августа 1530 года от Рождества Христова над Москвой бушевала ночная гроза. Струи ливня хлестали по кровлям посадских изб и резных теремов, по деревянным настилам улиц и площадей, растекались по дворам… Могучие удары грома рокотали в небе, как боевые литавры, как залпы тяжелых пушек. А ослепительные всплески молний рвали в клочья ночной мрак, отражаясь золотом куполов и крестов святых храмов… Гроза будила и будоражила москвичей».

Да, гроза была необыкновенной, и сообщение о ней сохранилось не только в летописях, но и попало в книгу необыкновенных природных явлений. И не случайно рожденного в тот день наследника престола нарекли «Грозным». Валерий Ерчак в книге «Слово и дело Иоанна Грозного» рассказывает: «Гроза внушает страх Божий, а он есть основа премудрости. Страх перед Богом дает свободу перед людьми. Русские люди боялись не смерти, а греха. Почитали Русский гром-грозу как проявление Божьего Всемогущества. В народной традиции гром-гроза воспринимается как Божия сила и вместе с тем как сила очищающая и оплодотворяющая. Дошедшая до нас седая легенда гласит: в стародавние времена Земля пребывала во мраке и скуке. Но пришел Бог Ярила и озарил ее своим светом, согрел своим теплом. Тогда и родился из Земли человек. Был он сначала несмышленым, пока не просветил его разум Ярила своей грозой-молнией. С тех пор Человек – властелин Вселенной. (Будь Русским, коль Русским родила Земля.) Славяне верили и верят, что грозой (громом) преследуется нечистая сила. “С каждым ударом грома погибает один дьявол”, потому и дышится легко после грозы и легко на душе».

Собственно, и ученым не дано полностью и окончательно разгадать Гром-Грозу. Вот что сказано в Этнолингвистическом словаре «Славянские древности»: «Славяне ведали, что гром-гроза бьет дьявола, черта… преследует нечистую силу: “Гром бьет в те места, где водятся черти и другая нечистая сила, поэтому нельзя ложиться на меже” (Могилевская губерния). Полешуки считали, что “як бусэнь (аист) гниздо зробыть и вывэдецца тая хаташчаслива, вже гром не вдарыть”… При первом громе полешуки били себя камнем по голове, затепляли сретенскую

свечу, крестили тучу. Кусок обугленного громобоя (дерево, пораженное громом, предпочтительно дуб) брали с собой на войну, делая из него крестики».

Евангельская проповедь подобна грому, ибо сокрушает упорство сердец и жестокость людей. «И услышал я голос с неба, как шум от множества вод и как звук сильного грома…» (Откр. 14: 2). Гром-гроза служит прообразом Страшного Суда: «Весь народ видел громы и пламя, и звук трубный, и гору дымящуюся; и, увидев то, народ отступил, и стал вдали» (Исх. 20: 18). Иер. 25: 30. «Господь возгремит с высоты, и из жилища святыни Своей подаст глас Свой; страшно возгремит на селение Свое; как топчущие в точиле, воскликнет на всех живущих на земле» (Иер. 25: 30). «Отче! Прославь Имя Твое. Тогда пришел с неба глас: и прославил и еще прославлю. Народ, стоявший и слышавший то, говорил: это гром; а другие говорили: Ангел говорил Ему (Христу). Иисус на это сказал: «Не для меня был глас сей, но для народа. Ныне суд миру сему; ныне князь мира сего изгнан будет вон» (Ин. 12: 28–31). Апостолы Иаков и Иоанн именуются в Евангелии «сыны грома».

У славян дерево, посвященное грому-грозе, называется дуб. Отсюда слово «дубина». У сербов дуб до сих пор называется «громом». Понятно, откуда Л. Толстой взял выражение «Дубина народной войны».

Далее В. Ерчак пишет: «Русские люди верили, что Архистратиг Михаил защищает нас от всяких басурман. В хронографе Досифея Топоркова 1512 года упоминается, как Архистратиг Михаил остановил Батыя за 100 верст до Новгорода: “Глаголют же, яко виде Михаила Архангела, стояща с оружием и возбраняюща ему”. И повернул Батый на Киев, а когда там увидел грозный образ над дверями церкви, сказал своим воинам, указывая на него перстом: “Этот мне запретил идти на Новгород”. В святоотеческой традиции Архангел Михаил именуется “Грозный Ангел” и “Грозный воевода”. Это он возглавил Небесное воинство против отпавших от Бога ангелов возгордившегося люцифера и победил их. Грозный Царь возглавил Христово воинство на Земле, по Архангельскому подобию, тоже для победы над ними. Себя Государь одновременно отождествлял и с Грозным Судией, который явится в Конце Времен, и с Архистратигом Михаилом…»

Рождение наследника престола великого князя Иоанна Васильевича было величайшим событием, предвестником Грозовой эпохи. В Никоновской летописи говорится: «По всей Земли возрадовашася людие радостию неизреченною, и не токмо все Русское Царство, но и повсюду вси Православнии возрадовашася». Радость была не напрасной. Рожденный в грозу

стал поистине Грозным царем, но грозным для изменников, для негодяев.

И родилась молитва:

> «Радуйся, младенец Грозный, для врагов Христа рожденный;
> Радуйся, народом тако же с пеленок самых нареченный;
> Радуйся, молитвами старцев, и народа для Руси испрошенный;
> Радуйся, родителям и нам от Господа с грозою очищающей подаренный;
> Радуйся, ты Старцем Кассианом, Титом умом широким до рождения нареченный;
> Радуйся, в день Тита и Варфоломея Апостолов чудесно по пророчеству рожденный;
> Радуйся, Богом венчанный Царю наш Иоанне Грозный для всех врагов Христа и злом идущих против Веры Православной».

Много лет спустя, в XIX веке, поэт Алексей Константинович Толстой написал:

> Как Ты рождался, гром ударил в небе,
> Весь день гремел при солнечном сиянье,
> И было так по всей Руси; и много
> Отшельников пришло из разных стран
> Предвозвестить тебе Твое величье
> И колыбель Твою благословить.

«Царь, грозный для нечисти»! Это соответствует христианскому предназначению государя. Да, именно «на казнь злым, а добрым на милование» Самим Господом поставляется на власть Помазанник Божий, и именно эти слова услышал от своего духовника, а затем и от всех Святителей киевских Владимир-Креститель, когда заявил, что, боясь Бога, не хочет казнить злодеев-преступников, достойных казни. Между тем в Библии говорится: «Кто прольет кровь человека, того кровь прольется рукою человеческою». Эти слова в совокупности с Библейской Истиной ставят под большое сомнение всякого рода моратории на смертную казнь человекоубийц, террористов, садистов и насильников. «Милование» злодеев является деянием богоборческим и антихристианским. А потому каждый государь, которому выпал жребий управлять Православной Державой,

обязан помнить о своей главной миссии, заповеданной Всемогущим Богом – казнить нечисть ради того, чтобы жили спокойно, по Божьему Закону, добрые люди.

Основываясь на Священном Писании и творениях святых преподобных старцев, Святитель Иоанн Ладожский в книге «Самодержавие духа» указал: «Князь (Государь), как имеющий от Бога власть, должен будет ответить за то, как он ее использовал – во благо ли? Власть есть лишь особое служение, источник дополнительных религиозных обязанностей. Князь (Государь) распорядится властью достойно, богоугодно, если употребит ее на защиту веры и помощь нуждающимся». Поэтому каждый православный русский государь стремился сделать все возможное, чтобы власть его способствовала главной задаче, заповеданной Богом, – спасению душ подданных.

То нелегкое для Руси время точно охарактеризовал Сергей Перевезенцев в предисловии к книге «Царь Иоанн IV Грозный», вышедшей в популярной ныне серии «Русский мір в лицах». Он подметил, что понять мотивы поведения Иоанна Грозного нашим современникам мешают вполне объективные причины: «… современному сознанию, в большой степени рационалистическому и даже атеистическому, совсем не просто проникнуть во внутренний мир человека, живущего совершенно по другим законам. По законам, глубоко религиозно-мифологическим. Такое было время тогда, в XVI столетии. Такими были и люди».

«И как ныне тебя Бог милует, обо всем отпиши…»

В ту грозную эпоху особенно важно было сохранить преемственность власти, укрепить династическую линию великих князей Рюриковичей, что обеспечивало бы спокойное развитие Державы без междоусобиц, принесших ей в прежние времена столько вреда. Покидая Москву по государственным делам, Василий Иоаннович постоянно писал супруге письма, исполненные любви, тепла и заботы.

Вот некоторые фрагменты переписки между царственными супругами.

«…А ты бы ко мне и вперед о своем здоровье отписывала, и о своем здоровье без вести меня не держала, и о своей болезни отписывала, как тебя там Бог милует, чтобы мне про то было ведомо».

В ответном письме Елена Васильевна с тревогой сообщила, что «у маленького Иоанна появился на шее веред». Исследователи считают, что тогда уже будущий Царь Иоанн Васильевич подвергался воздействию отравителей. Недаром Василий III воспринял сообщение супруги с большой тревогой: «Ты мне прежде об этом зачем не писала? И ты бы теперь ко мне отписала, как Иоанна сына Бог милует, и что у него такое на шее явилось, и каким образом явилось, и как давно и как теперь? Да поговори с княгинями и боярынями, что это у Иоанна сына явилось и бывает ли это у детей малых? Если бывает, то отчего бывает? С роду или от иного чего? Обо всем бы об этом с боярынями поговорила и их выспросила, да ко мне отписала подлинно, чтобы мне все знать. Да и впредь чего ждать, что они придумают, и об этом дай мне знать; и как ныне тебя Бог милует, обо всем отпиши».

Наконец, Елена Васильевна отписала, что «веред прорвался». Но Василий Иоаннович продолжал беспокоиться, понимая, видно, что наследник престола находится под прицелом у врагов России и его, великого князя, лютых врагов. Он просил: «И ты бы ко мне отписала теперь, что идет у сына Иоанна из больного места, или ничего не идет? И каково у него это больное место, поопало, или еще не опало, и каково теперь? Да и о том ко мне отпиши, как тебя Бог милует и как Бог милует сына Иоанна? Да побаливает у тебя полголовы, и ухо, и сторона: так ты бы ко мне отписала, как тебя Бог миловал, не баливало ли у тебя полголовы, и ухо, и сторона, и как тебя ныне Бог милует? Обо всем этом отпиши ко мне подлинно».

Можно предположить, что Василий Иоаннович опасался за жизнь супруги и сына, понимая, что сильная правящая Великокняжеская династия как кость в горле у тех, кто хотел бы видеть Русь, разделенною раздорами и междоусобицами, а тем и ослабленную перед иноземными агрессорами.

Беспокоило государя и питание маленького великого князя, поскольку яд часто вводился малыми дозами через пищу. Василий Иоаннович просил супругу: «Да и о кушанье сына Иоанна вперед ко мне отписывай: что Иоанн сын покушал, чтобы мне было ведомо».

Всякого рода болячки и язвы появлялись не случайно. Они были следствием постепенного отравления членов царствующего дома сулемой, ядом, приготовляемым на ртутной основе. Именно значительное превышение содержание ртути в останках великих князей и великих княгинь установлено при химическом анализе.

Странная болезнь Великого Князя

Весьма странной для современников Василия Третьего, но вполне понятной для нынешних криминалистов была и «болезнь» самого великого князя Василия Иоанновича. Вот как повествует о ней в «Сказаниях о Русской Земле» Александр Нечволодов.

В августе 1533 года было благополучно отражено нападение Крымского Саип-Гирея на Рязанскую украйну. Василий Третий побывал в Сергиевой Лавре и выехал на охоту в Волок Ламский.

«Но по дороге он занемог в селении Езерецком; на левом его стегне появилась “мала болячка в булавочную головку: вреху у нее нет, ни гною в ней нет же, а сама багрова”, как сказано в “Царственной книге”, заключающей в себе описание кончины Василия Иоанновича и значительную часть царствования его преемника.

Несмотря на сильное недомогание, Великий Князь продолжал поездку верхом и прибыл в Волок Ламский “в болезни велицей”, в “неделю” (Воскресенье) после Покрова, и принял в тот же день приглашение на пир у своего любимого дьяка Ивана Юрьевича Шигоны-Поджогина, очевидно, не желая огорчить отказом. На пиру этом он перемогался через силу, а на следующий день с большим трудом дошел до мыльни и также с большими усилиями заставил себя сидеть за обедом в постельных хоромах».

Как видим, досужие вымыслы о том, что Василий III занемог после падения с лошади на охоте, не имеют никаких оснований. Он действительно на следующий день выезжал на охоту, поскольку почувствовал себя лучше – видимо, частично нейтрализовать яд помогла русская баня, воздействием которой нередко спасались от отравлений, но охотиться не мог и быстро вернулся в свое село Колпь, где окончательно слег.

Немедленно были вызваны из Москвы дядя великой княгини Михаил Глинский и лекари. Лекарями же в то время были иноземцы… «Вскоре прибыли по вызову лекари Николай Люев и Феофил. Лечение было общепринятым в то время: прикладывали к больному месту “пшеничную муку с пресным медом и печеным луком”. Это продолжалось две недели. Наконец, Василий Иоаннович решил вернуться в Волок, но уже ехать верхом не мог, и его на руках несли до города боярские дети».

В Волоке Ламском Василий Иоаннович понял, что дни его сочтены, однако, не желая преждевременно тревожить митрополита, бояр, супругу и ее братьев, приказал доставить к нему тайно из Москвы духовные грамоты отца и деда. Тогда же по его приказу была сожжена духовная, составленная до второго

брака. О том, какую наметить расстановку сил в управлении Державой в случае своей смерти, он решил посоветоваться с дьяками Шигоной и Путятиным. Нужно было решить, кого из бояр пригласить в думу и кому «приказати свой Государев приказ».

Состояние здоровья было таково, что некоторое время Василий Иоаннович не мог двинуться с места, чтобы ехать в Москву. В Волок Ламский он вызвал почитаемого им старца Михаила Сукина и очень близкого и нелицемерно преданного боярина Михаила Юрьевича Захарьина (Кошкина). Именно им он решил поведать о своем желании постричься.

Тем не менее необходимо было возвращаться в Москву, и «приговорил Князь Великий с бояры ехати ему с Волока в Осифов монастырь к Пречистой молиться». Монастырь был в 18 верстах от Волока. Это небольшое расстояние удалось преодолеть с огромным трудом. Князья Шкурлятев и Палецкий ехали с великим князем в каптане, а затем буквально под руки ввели его, опиравшегося на костыли, в церковь.

Александр Нечволодов указал, что дьякон, читая ектенью за Василия, «не мог удержаться от слез, а все присутствующие – Великая Княгиня, бояре и иноки с горьким плачем и рыданиями молились об исцелении больного».

Переночевав в монастыре, Великий Князь продолжил в Москву путь, который оказался полным опасностей и испытаний. Он хотел въехать в город ночью, чтобы не тревожить никого своим видом и сколь еще можно скрывать болезнь, а потому остановился 21 ноября в селе Воробьеве, где собирался дождаться темноты. Лед еще не окреп. Решили навести мост через Москву-реку в районе Новодевичьего монастыря. Но едва каптан с великим князем въехал на мост, как тот стал разваливаться. Боярские дети успели обрезать гужи у лошадей и подхватить великого князя на руки. «И оттуда же Князь Великий возвратился и покручинился на городских прикащиков, а опалы на них не положил. И поиде Князь Великий в славный град Москву в ворота в Боровитцкие». Переправился же паромом, который действовал у Дорогомиловской заставы.

Летописец повествует: «И внесоша его в постельные хоромы, и тако изволением Божиим, аще и крепце болезнуя, но обаче адамантьская (алмазная) его Царева душа, крепчайшее благодарение и прилежныя молитвы иже к Богу непрестанно бяху в устех его». Пришла пора подумать о том «како строиться Царству после него». Василий Иоаннович призвал для того князя Василия Васильевич Шуйского, боярина Михаила Юрьевича Захарьина, боярина Михаила Семеновича Воронцова, казначея

Петра Ивановича Головина, дворецкого Шигону. После совета он усадил дьяков Путятина Меньшова и Федора Мишурина писать новую духовную грамоту. В состав думы он включил по этой грамоте еще и князя Ивана Васильевича Шуйского, боярина Михаила Васильевича Тучкова и князя Михаила Львовича Глинского.

Не мог он предположить, что далеко не все из лиц, облеченных его доверием, оправдают это доверие, не мог предположить, какие свары начнутся между теми, кто жаждал власти, какие беды ждут страну и какие тяжелые судьбы будут у тех, кто сохранит верность клятве, данной великому князю в последние часы земной жизни.

Существует мнение, что принять схиму Василию Иоанновичу помешали. Однако Александр Нечволодов, основываясь на детальном изучении летописных сводов и документов эпохи, доказал, что козни врагов не достигли цели. Еще в Волоке Ламском Иоанн Васильевич говорил старцу Михаилу Сукину: «Смотрите не положите меня в белом платье, хотя и выздоровлю – нужды нет – мысль моя и сердечное желание обращены к иночеству».

В книге «Сказания о Русской Земле» говорится: «Через несколько дней Великий Князь тайно приобщился и соборовался маслом, а за неделю перед Николиным днем “явственно освещался маслом”. На другой день, в Воскресенье, он приказал принести себе Святые Дары. Когда дали знать, что их несут, Государь встал, опираясь на Михаила Юрьевича Захарьина, и сел в кресло. Когда же его начали причащать, то он встал совсем на ноги, благоговейно принял, проливая слезы, Святые Дары, и, вкусив просфору, лег опять в постель». Затем он призвал к себе братьев своих Андрея и Юрия, митрополита и бояр, которым заявил: «Приказываю своего сына, Великого Князя Иоанна – Богу, Пречистой Богородице, Святым Чудотворцам, и тебе отцу своему Даниилу, митрополиту всея Руси; даю ему свое Государство, которым меня благословил отец мой; а вы бы, мои братья, князь Юрий и князь Андрей, стояли крепко в своем слове, на чем мне крест целовали, о земском строении и о ратных делах против недругов сына моего и своих стояли сообща, чтобы рука Православных христиан была высока над басурманством и латинством; а вы бы, бояре, и боярские дети, и княжата, стояли сообща с моим сыном и с моею братиею против недругов и служили бы моему сыну, как мне служили прямо».

Отпустив братьев своих и митрополита, боярам повелел задержаться, чтобы сказать им еще несколько слов. Было заметно окружающим, как болела душа государя за Россию, видно,

одолевали предчувствия, что не быть миру среди сильных после ухода его из жизни, что каждый захочет сделаться наиглавнейшим в осиротевшем государстве. И великий князь говорил боярам: «Знаете и сами, что Государство наше ведется от Великого Князя Владимира Киевского, мы вам Государи прирожденные, а вы наши извечные бояре, так постойте, братья, крепко, чтобы сын мой учинился на Государстве – Государем, чтобы была в Земле правда, а в вас розни никакой не было; приказываю вам Михаила Львовича Глинского; человек он к нам приезжий; но вы не говорите, что он приезжий, держите его за здешнего уроженца, потому что он мне прямой слуга, будьте все сообща, дело земское и сына моего дело берегите и делайте заодно; а ты бы князь Михайло Глинский, за сына моего Иоанна и за жену мою, и за сына моего князя Юрия, кровь свою пролил и тело свое на раздробление дал».

В день своей кончины 3 декабря 1533 года Василий Иоаннович явил пример удивительного мужества и добродетели. Он думал не о себе – он думал о государстве, которое вынужден оставлять на сына, коему исполнилось лишь три года и три с небольшим месяца. Он старался не упустить никаких мелочей и даже распорядился о том, как править без него великой княгине, «как к ней боярам ходить с докладом, и обо всем им приказал, как без него Царству строиться».

Братьям своим, Андрею и Юрию, он сказал: «Вижу сам, что скоро должен буду умереть, хочу послать за сыном Иоанном, благословить его крестом Петра Чудотворца, да хочу послать за женою, наказать ей, как ей быть после меня». Он отдавал распоряжения спокойно, словно не уходил в мир иной, а отъезжал куда-то на время по делам своим. В связи с этим нельзя не вспомнить примеры того, как уходили из жизни знаменитые безбожники… Для сравнения… Это ведь тоже ярчайшее доказательство преимуществ Самодержавия и Самодержцев – всеобъемлющего преимущества. Известно, что знаменитый воинствующий безбожник Вольтер, запятнавший себя преступлениями не только против собственного народа, поняв, что часы его сочтены, неистовствовал, визжал как поросенок, и довел ухаживавшую за ним медсестру до полуобморочного состояния. Она заявила, что ни за какие богатства Европы не согласится больше видеть, как умирает безбожник. В.И. Ленин, обрушивший на православную церковь всю свою ненависть, перед кончиной просил пригласить священника, а когда ему в том отказали, стал каяться за свои богоборческие грехи перед стульями, столом и прочими предметами мебели. Подобных примеров множество. То ли в подобных безбожниках просыпалась

вера в бытие Божие, то ли их просто пугала смерть своею неизвестностью. Вольтер, призывавший обезглавливать монархов и бросать на гильотину аристократов, сам не хотел уходить в мир иной, цепляясь за свою преступную жизнь. Безбожникам свойственно отсутствие мужества.

А вот великий князь Василий Иоаннович был в день своей кончины самым твердым, уверенным и спокойным из всех окружавших его. Впрочем, если и беспокоило что-то, то вовсе не своя личная судьба, а судьба государства, судьба сыновей и судьба супруги. Рыдающей Елене Васильевне он говорил: «Жена! Перестань, не плачь, мне легче, не болит у меня ничего, благодарю Бога!» Великая княгиня, едва сдерживая рыдания, отвечала: «Государь Великий! На кого меня оставляешь? Кому детей приказываешь?» На это Государь отвечал: «Благословил я сына своего Иоанна Государством и Великим Княжением, а тебе написал в духовной грамоте, как писалось в прежних грамотах отцов наших и прародителей по достоянию, как прежним Великим Княгиням». Не способную сдержать рыдания супругу государь крепко поцеловал и велел вывести из комнаты. Он спешил исполнить то, что считал теперь важнейшим.

Александр Нечволодов так рассказал о последних часах жизни Государя:

«Он послал за владыкой Коломенским Вассианом и старцем Михаилом Сукиным; в это же время в его покое собрались митрополит, братья Андрей и Юрий, бояре, дьяки и дети боярские. Сюда же принесли из храмов чудотворный образ Владимирской Божией Матери и икону Святого Николая Гостунского. Государь приказал спросить своего духовника: “бывал ли он при том, когда душа разлучается от тела”. Тот отвечал, что мало бывал. Тогда Великий Князь велел ему войти в комнату и стать против него рядом со стряпчим Феодором Кучецким, бывшим при кончине Великого Князя Иоанна Третьего; дьяку же крестовому Даниилу велел петь канон мученице Екатерине и канон на исход души, и приказал готовить себе отходную. Когда дьяк запел канон, Государь немного забылся и стал в бреду поминать Святую Екатерину, но затем быстро очнулся, приложился к ее образу и мощам и, подозвав к себе боярина Михаила Семеновича Воронцова, поцеловался с ним и простил ему какую-то вину.

После этого Государь приказал своему духовнику дать ему причастие, как раз тогда, когда он будет умирать, прибавив при этом: “Смотри же рассудительно, не пропусти времени”.

Сказав затем несколько слов брату Андрею по поводу приближающегося смертного часа, он подозвал к себе всех

присутствующих и обратился к ним со словами: “Видите сами, что я изнемогаю и к концу приближаюсь, а желание мое давно было постричься, постригите меня”.

Еще не перестало биться сердце Государя, а между боярами уже произошла первая ссора. Брат Государя Андрей, Михаил Воронцов и Шигона попытались помешать исполнению последней воли Василия Иоанновича. Один из них, выражая мнение всех троих, стал убеждать присутствующих: “Князь Великий Владимир Киевский умер не в чернецах, однако сподобился праведного покоя. И иные Великие Князья не в чернецах преставились, а не с праведными ли обрели покой?”

Однако митрополит при поддержке верного Государю боярина Михаила Юрьевича Захарьина настаивал на исполнении последней воли умирающего».

Летописец говорит: «И бысть промеж ими пря велика».

Государь подозвал митрополита и сказал ему: «Я поведал тебе, отец, всю свою тайну, что хочу быть чернецом; чего же мне так долежать? Сподоби меня облечься в монашеский чин, постриги меня».

Митрополит медлил, и государь повторил: «Так ли мне, господин митрополит, лежать?» Митрополит уловил укоризну в обращении «господин», а не отец, а государь меж тем начал креститься и повторять: «Аллилуя, аллилуя, слава тебе, Боже!» Уже стал отниматься язык, но государь мужественно и настойчиво произносил слова молитвы и повторял просьбу о пострижении. Когда стала отниматься правая рука, верный боярин Михаил Юрьевич Захарьин помогал поднимать ее и креститься. Споры же о пострижении продолжались. Разве противники пострижения не понимали, какую боль наносят умирающему? Что ими двигало? Какая корысть? Пройдет совсем немного времени, и они покажут себя. Для них государь уже был в прошлом – для них открывалось будущее, которое они видели по-своему, мечтая о власти. Митрополит Даниил преодолел робость – он ведь оставался один на один с противниками пострижения – и послал за монашеским платьем. Он помнил сказанное государем в Воскресение, помнил опасения государя, в глубине души понимавшего, что не все, кто его окружает, искренне верны ему и Державе Российской. Государь так и заявил тогда: «Если не дадут меня постричь, то на мертвого положите монашеское платье – это мое давнее желание!»

И вот, наконец, старец Михаил Сукин принес платье. Душа государя уже расставалась с телом, и митрополит поспешил передать платье игумену Иосафу, чтобы тот немедля начал обряд пострижения.

Брат государя Андрей и боярин Воронцов чуть ли не силой попытались помешать обряду. И тогда митрополит Даниил не выдержал и с возмущением заявил Андрею: «Не буди на тебе нашего благословения ни в сей век, ни в будущий; хорош сосуд серебряный, но лучше позолоченный».

После этих слов он стал поспешно постригать умирающего государя. Летописец говорит: «И положи на него переманатку и ряску; а мантии не бысть, занеже бо, спешачи и несучи, выронили; и взем с собя келар Троицкий – Серапион Курцов мантию и положи на неге и схимну ангельскую и евангелие на груди положиша… И абие причастиша Великого Государя Василия Иоанновича Святых Таин – Животворящего Тела и Крове Христа Бога нашего… И тогда просветися лице его, яко свет, вкупе же и душа его с миром к Богу отъиде; и стояще же близего Шигона и виде Шигона дух его отшедш, аки дымец мал».

Александр Нечволодов пишет: «Скоро плачь и рыдания наполнили все палаты. Смерть Великого Князя последовала в 12-м часу ночи с 3-го на 4-е декабря 1533 года. Он умер, едва достигнув пятидесяти четырех лет. Митрополит тотчас же привел в соседнем покое к присяге братьев покойного – Юрия и Андрея, служить Великому Князю Иоанну Васильевичу всея Руси, матери его Великой Княгине Елене, и стоять в правде в том всем, в чем целовали крест покойному Великому Князю. Затем, после присяги, Даниил с остальными присутствующими отправился к Великой Княгине утешать ее в постигшем горе, но она, увидя их, упала замертво и два часа была без чувств». Летописец говорил, что во время погребения Василия Иоанновича в Архангельском соборе вопль народный заглушал звон кремлевских колоколов: «Дети хоронили своего отца, называя его добрым, ласковым Государем».

«Казанский летописец» сообщает «О смерти Великого Князя Василія и о приказе Царства сыну его, и о самовластии боляръ его» следующее: «И отъ того времени и доныне велико зло быть христьяномъ от казанцов. В то же время преставися Князь Великіи Василеи Иоанновичъ, во иноцехъ Варламъ, в лето 7042, месяца декабря в 5 день. Царствова на Великомъ Княжени 28 летъ, много брався с казанцы, и весь животъ свои премогаяся до конца своего, и невозможже имъ ничтоже сотворити. И осташася отъ него 2 сына, яко от красноперого орла два златоперная птенца: первіи же сынъ, ныне нами нареченъ Князь Великіи Иоанн, остася отца своего 4 летъ 3 месецъ (точнее, трех лет и трех с половиной месяцев. – *Н.Ш.*) благодаренъ зело, ему же отецъ его великую власть Русскія Державы по смерти своеи дарова: другіи же сынъ его, Героргіи, не таковъ, благороденъ и кротокъ, то и бо остася 3-

ю летъ сущу. Умирая бо повеле къ себе их в ложничу ввести, оба сына своя, и, ту седящим у него митрополитъ Данилъ всеа Русіи, отецъ его духовныи, и всемъ боляромъ, и княземъ, и воеводамъ, и восклонися отъ одра своего, двема боляриномъ поддержимъ, и взя на руце свои болшаго сына своего, целова его, глаголаше, яко сеи будетъ по мне Царь и Самодержецъ; тои омыет слезы хрестьянъскія, вся враги своя проженетъ и победитъ. И целовавъ оба своя детища, и отдав их пестуномъ, а сам тихо возлегъ на одре и конечное прощеніе и целованіе великое дав Великои Княгине своеи Елене, и всемъ княземъ, и боляромъ, и приказчикомъ своимъ, и успе вечным сномъ, не созрелъ сединами, ни старости достигъ многолетныя, и остави по себе плачъ великъ всеи Рускои Земли, до возраста и до воцаренія сына своего. И ростяху оба сына его в воли своеи, и безъ отца, и безъ матери, Богомъ Самомъ брегомы и учимы, и наказуеми. И всемъ тогда княземъ и боляромъ и вельможамъ и судьямъ градцкимъ, самовластіем живущимъ, не по правде судящимъ, по мзде, насилствуя людемъ, никогоже блюдующимся бе бо Князь Великий юнъ, ни страха Божія имущимъ и не брегущимъ от супостатъ своихъ Русскія Земля: везде погани христьянъ воеваху и губяху, и вельможи христьянъ губяху, продажею великою. И тако раби ихъ видяху Господь Своихъ, тако же творяху. Неправды умножишася, обиды, тадбы и разбои, и убиства, по всеи земли рыданія и вопль великъ».

Александр Нечволодов перечислил знаменитые свершения государя Василия Иоанновича, заботившегося о собирании Руси, государя, который «присоединил Псков и вернул Смоленск, смирил Казань, посадив там хана из наших рук, и выстроил для облегчения ее завоевания в будущем город Васильсурск; вместе с тем Василий сдерживал, насколько было сил, Крым, и всегда держал себя с большим достоинством по отношению его ханов; он был грозой ливонских немцев, Литвы и Польши, и с честью поддерживал отношения с папами и государями Западной Европы. Будучи горячо предан Православию… в управлении Государством шел во всем по стопам своего великого отца; при этом самым тяжелым для него делом было подавление старых удельных стремлений у нового родовитого боярства, собравшегося в Москве».

Величественно звучал его титул: «Великий Государь Василий, Божиею милостию Государь всея Руси, и Великий Князь Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий Князь Новгорода Низовской Земли, и Черниговский, и Рязанский, и Волоцкий, и

Ржевский, и Бельский, и Ростовский, и Ярославский, и Белозерский, и Удорский, и Обдорский, и Кондинский и иных».

Но пока еще не было в этом титуле царского наименования. Включение в титул этого наименования Само Провидение оставило будущему Грозному царю Иоанну Васильевичу.

Накануне Грозного Царствования

После кончины царственного молодая супруга великая княгиня Елена Васильевна Глинская осталась с двумя малолетними сыновьями на руках и оказалась в окружении озлобленных удельных князей, да жестокосердного крамольного боярства. Эта свора, пользуясь малолетством Иоанна Васильевича, мечтала прорваться к власти и разорвать Русскую землю на лакомые для себя куски. В истории еще не было случая, чтобы одуревшие от богатств эксплуататорские классы, жаждавшие все новой и новой наживы, думали о судьбе всего государства в целом. Они забывали даже о внешней опасности, забывали, что, гоняясь за лакомыми кусками и вырывая их правдою и неправдою друг у друга, могут потерять все. Ни о судьбе страны, ни тем более о судьбе народа, они не думали. Не была исключением и эпоха Иоанна Грозного.

Недаром мыслитель русского зарубежья, создатель фундаментального труда «История русского масонства», известный нам под псевдонимом Борис Башилов – настоящая фамилия – Борис Платонович Юркевич (1908–1970), – писал: «В значительной степени… история России – это история почти непрекращающихся войн. История России – это история осажденной крепости». Столь меткое определение, данное великому прошлому России, мыслитель подкрепил вполне конкретными фактами: «С 1055 по 1462 годы, по подсчету историка С.М. Соловьева, Россия перенесла 245 нашествий. Причем двести нападений на Россию было совершенно между 1240 и 1462 годами, то есть нападения происходили почти каждый год. С 1365 года по 1893 Россия провела 305 лет в войне».

Другой выдающийся мыслитель русского зарубежья Иван Лукьянович Солоневич сделал вывод, что Русская Держава смогла выстоять только потому, что «государственная организация Великого Княжества Московского и Империи Российской всегда превышала организацию всех своих конкурентов, противников и врагов».

Это во все времена очень хорошо понимали враги Русской Державы, и потому, едва лишь разлился над Русью свет православного самодержавия, самим Богом через Откровения Святой Богородицы врученный Андрею Боголюбскому, зашевелились на Западе те оголтелые шакальи стаи, что, бессовестно прикрываясь именем Христа, служили темным силам зла. Борис Башилов указал: «Не случайно советником Батыя был рыцарь святой Марии Альфред фон Штумпенхаузен», агент папы

римского. Этот советник согласовывал действия Орды и темных сил Запада по задачам, времени и рубежам. Справедливо замечание историка, что западный мир во время татарского ига воспользовался несчастным положением Руси: «Вскоре после нападения татар на Русь объединенные войска римского епископа и Ордена меченосцев захватили северную часть принадлежавших Пскову и Новгороду земель. В то же время шведский король (отвечая на призыв папы римского о необходимости распространять католичество силой) послал на Новгород сильное войско, которым командовал его зять Биргер».

Добавим, что в том же 1240 году Орда начала разорительный поход против Южной Руси. Совпадение? Нет. Нужно было помешать русским княжествам объединиться для отражения нашествия шведских крестоносцев. Александр Ярославич блистательным ударом разгромил биргеровских крестоносцев, причинил врагу значительный урон и получил за эту победу прозвание Невского.

Когда немецкие псы-рыцари двинулись на Русь в 1242 году, в Орде, словно по случайному совпадению, были собраны русские князья для упорядочения получения дани с «Русского улуса». Это «совпадение» не давало возможности княжествам выступить на помощь Александру Невскому. Но и здесь враги просчитались. С девизом: «Не в силе Бог, а в Правде» – великий князь, названный потомками Солнцем Земли Русской, вышел навстречу врагу и разбил его 5 апреля 1242 года на Чудском озере. Папа римский проклял новгородцев, мужественно защищавших свою землю.

Незадолго до нападения Батыя на Русскую землю «папа Григорий, – как сообщает Б. Башилов, – запретил католическим купцам продавать в Русские Земли корабельные снасти, лошадей, разные изделия».

Русская православная церковь, освященная верой христовой, стояла за объединение Русских земель, и всячески содействовала подготовке к ликвидации ордынского ига. Вспомним, каких славных иноков взрастил преподобный Сергий Радонежский, ушедший от ордынской заразы в глухие леса и построивший там обитель, которую знаем мы ныне как Троице-Сергиеву лавру. Сотня могучих рыцарей из этой обители сражалась на поле Куликовом. Первые из черносотенцев – иноки Персвет и Ослябя – стали символом Русской славы, показали пример борьбы «За Веру, Царя и Отечество!».

Крепла Святая Русь, освященная православной верой, впитавшая в себя идеалы Православного Русского Самодержавия.

Снова обратимся к работам Бориса Башилова, чтобы проиллюстрировать подвиг строительства Руси: «В 1480 году

европейская Россия имела только 2,1 миллиона людей (почти в пять раз меньше Австрии, в два раза меньше Англии, в четыре с половиной раза меньше Италии, в четыре с половиной раза меньше Испании, в девять раз меньше Франции). Спустя 100 лет, в 1580 году, Россия имела 4,3 миллиона. В 1648 году в России было всего 12 миллионов, а во Франции 19 миллионов. В 1480 году население Московской Руси равнялось только 6 % самых крупных государств Европы того времени: Англии, Германии, Испании, Франции, Австрии и Италии. В 1680 году 12,6 миллиона, в 1770 году 26,8 миллиона, в 1880 году 84,5 миллиона – в два с половиной раза больше Австрии, Италии, Франции, Англии, в три с лишним раза больше Италии и в четыре с половиной раза больше Испании. А накануне Первой мировой войны Россия имела около 190 миллионов населения (130 миллионов русских), а все шесть названных стран вместе имели только 260 миллионов жителей. Не будь революции, в 1950 году Россия имела бы больше трехсот миллионов жителей».

И это, несмотря на почти беспрерывные войны, несмотря на то, что за первое наиболее близкое знакомство с Западом – Смутное время – Россия заплатила семь миллионов жизней, а за уже более детальное сближение с Европой через «окно», прорубленное Петром I, при преобразованиях русских православных традиций в чужебесие, потеряла, по мнению В.О. Ключевского, треть своего населения. И это вместо прироста, который должен был быть солидным за солидный период петровского властвования. Ведь при других государях Россия население не теряла, несмотря на многочисленные войны.

Твердый прирост населения России объясняется, во-первых, высоким духом народа, во-вторых, государственной организацией русского народа.

Дух русского народа подвергался самым жесточайшим испытаниям. После победы на Куликовом поле беды не окончились. Велики были потери в той битве, и Дмитрий Донской не сумел в 1382 году собрать достаточно сил для отражения набега Тохтамыша. Москва была сожжена, уничтожены тысячи экземпляров бесценных книг, хранящихся в Кремлевских храмах, перебито свыше 20 тысяч жителей. При приближении к Москве Дмитрия Донского с ратью, собранной в Волоке Ламском (Волоколамск), Тахтамыш бежал.

В 1395 году Тамерлан прошел огнем и мечом до города Ельца. В 1408 году Мурза Едигей дошел до Москвы, взял выкуп и заставил возобновить выплату дани. В 1439 году хан Улус-Махмет казанский опустошил обширные районы близ Москвы. В 1445 году он вновь совершил набег и взял в плен Василия Темного. В

1415 году на Русь напал хан Мазовша. В 1472 году сарайский хан Ахмет осаждал Алексин, а в 1480 году достиг Воротынска. После стояния на Угре официально ордынское иго прекратило свое существование. Но ужесточились набеги крымских татар, которые действовали совместно с казанскими. В 1521 году Россию опустошили Махмет-Гирей крымский и Саип-Гирей казанский. В 1537 году казанский хан и крымский царевич Сафа-Гирей снова бесчинствовали в Московском царстве. В 1552 году крымцы с казанцами дошли до Тулы.

Непрерывными были набеги из Сарая, из Казани, из Крыма. Так сколько же мирных дней оставалось у русского народа для созидания?! Историк верно подметил: «России оставалось или стереться и не быть, или замирить буйных соседей оружием». Ведь только с XV по XVIII столетия, по подсчетам известного слависта В.И. Ламанского, татарами и турками было уведено в рабство около 5 миллионов русских. «Все домашние рабы в Константинополе, – пишет Б. Башилов, – как у турок, так и у христиан, по свидетельству венецианских дипломатов, состояли из Русских. Много Русских находилось в рабстве в Египте. С начала XVIII века на большинстве французских и венецианских галерах гребцами были Русские рабы, пожизненно прикованные цепями к скамьям галер. Когда венецианцев, главных торговцев Русскими рабами, упрекали в бесстыдной торговле христианами, они, улыбаясь, отвечали: “Мы прежде всего венецианцы, а потом уже христиане”. Таково западное христианство, уже давно ничего общего не имевшее с истинным учением Христа Спасителя и ставшее ярым врагом истинного Православия».

Мы отвлеклись от повествования, чтобы показать, в каком положении была Русь, когда ушел в мир иной сильный духом, твердый волей благоверный государь Василий III Иоаннович, когда царем стал малолетний его сын, которому шел четвертый год, а правила Московией его матушка Елена Васильевна.

В книге «Царь всея Русь Иоанн IV Грозный» говорится: «После похорон Великого Князя Василия Иоанновича, при торжественном собрании духовенства, бояр и народа, митрополит Даниил благословил в Успенском соборе четырехлетнего Великого Князя Иоанна Четвертого на властвование над Русской Землей; правительницей же, за его малолетство, являлась, естественно, по древнему Русскому обычаю, его мать – Великая Княгиня Елена Васильевна. Свое вступление в управление она начала с милостей: сидевший в тюрьме за самовольный отъезд к брату покойного Великого Князя, Юрию, князь Андрей Михайлович Шуйский был выпущен на свободу. Затем богатые дары готовились для раздачи – в память об усопшем Великом Князе –

его братьям и близким людям».

Но, увы, пораженные грехами тщеславия и сребролюбия люди, забывшие Бога ради утоления своих «многомятежных человеческих хотений», не понимают языка добра. «Но уже через неделю, – говорится в упомянутой выше книге, – Великой Княгине пришлось начать беспощадную борьбу с врагами государства, которые, видя малолетство Великого Князя, не замедлили поднять свои головы. Твердо и решительно расправлялась молодая правительница с внутренними врагами России от имени своего малолетнего сына».

А враги были совсем рядом… Едва выпущенный на свободу князь Андрей Шуйский стал уговаривать князя Горбатова бежать к брату покойного Василия Иоанновича – Юрию. Он говорил: «А здесь служить – ничего не выслужишь; Князь Великий еще молод, и слухи носятся о Юрии; если князь Юрий сядет на Государство и мы к нему раньше других отъедем, то мы у него этим выслужимся».

Но Горбатов ехать не согласился. Шуйский испугался того, что тот сообщит о его предложении великой княгине, и поспешил к ней с клеветническим доносом. Однако Елена Васильевна не спешила казнить без разбору, а призвала к себе Горбатова, и тот сумел оправдаться. Шуйский был схвачен и вновь отправлен в заточение.

Ближние бояре, обеспокоенные тем, что вокруг князя Юрия собирается крамола, посоветовали правительнице взять его под стражу. Елена Васильевна сказала им: «Как будет лучше, так и делайте». Князя Юрия посадили в ту же камеру, где сидел его племянник, внук Иоанна Третьего.

Разные сведения имеются о том периоде, но вот как рассуждает наш знаменитый историк Сергей Михайлович Соловьев: «Правительство не было расположено верить всякому слуху относительно удельных князей… Если оно решилось заключить Юрия, то имело на то основания».

Александр Нечволодов писал о том времени: «Вскоре затем молодой правительнице Государства пришлось проявить свою твердость и по отношению своего родного дяди – князя Михаила Глинского, прощенного по ее просьбе покойным мужем за измену. Михаил Глинский и дьяк Шигона Поджогин были на первых порах, после смерти Василия Иоанновича самыми близкими к ней людьми. Мы уже видели, каким необузданным властолюбием обладал Михаил Глинский, правивший почти единолично Литвой при короле Александре и затем дважды изменявший своим государям, сперва Сигизмунду польскому, а затем и Василию Иоанновичу Московскому, за то, что не давали достаточно

простора его честолюбию; ясное дело, что теперь, как родной дядя правительницы Московского Государства, он желал сам править всеми делами; что же касается Шигоны Поджогина, этого дьяка, облагодетельствованного покойным Великим Князем Василием, то мы тоже видели, что он, стоя у смертного одра своего Государя, – позволил себе оспаривать его последнюю волю – желание облечься в схимну пред смертью».

Елена Васильевна продолжила дело покойного супруга. В книге «Царь всея Русь Иоанн IV Грозный» повествуется и о многих внутренних делах великой княгини: «Деятельно занимаясь подавлением крамолы среди близких себе сильных людей и сложными внешними отношениями, Елена Васильевна обращала большое внимание и на внутренние дела; особенно заботилась она о создании новых крепостей и городов, а также о восстановлении сгоревших от пожара: Перми, Устюга, Ярославля, Владимира и Твери. Ею же, по мысли покойного мужа, был обнесен стеной Китай-город в Москве».

Большое значение для государства имели ее распоряжения, касающиеся борьбы с фальшивомонетчиками, которые наносили колоссальный ущерб. Елена Васильевна запретила обращение поддельных денег под страхом самой суровой казни и приказала перечеканить их, причем на прежних монетах, которые выпускались государственной казной, великий князь изображался теперь с копьем, отчего монеты получили название «копейные». Впоследствии они стали копейками.

«Моя благочестивая матушка…»

Елена Васильевна Глинская по числу скабрезных анекдотов о ней значительно уступает Екатерине Великой. И тем не менее ей тоже досталось от жалких людишек, любивших подсматривать в замочную скважину.

Злопыхатели сочинили миф о том, что своего сына Иоанна, будущего Грозного Царя, она родила не от законного супруга государя Василия Третьего, а от боярина Овчины-Оболенского. Эта выдумка полностью опровергнута проведенными недавно антропологическими исследованиями, установившими, что Иоанн Васильевич является сыном своего отца Василия Иоанновича.

Впрочем, особенно дерзкой и безнравственной клевете подвергнуты годы правления Елены Васильевны, когда она осталась без мужа с двумя малолетними детьми на руках во главе всего Государства Московского. В те времена и поползли сплетни, авторами которых стали бояре-крамольники, коих не устраивала централизованная самодержавная власть в России, а развили их в так называемых исторических опусах, разумеется, как всегда, иноземцы, для которых клевета на Русскую землю была делом привычным. Ну а поскольку многие наши учебники истории во многом состоят из клеветнических мифов иноземцев, о правительнице Елене Васильевне сложилось «мнение как о женщине, позорившей мужнее ложе».

Изучая наследие Иоанна Васильевича Грозного, я обратил внимание, что государь называет в своих трудах Елену Васильевну не иначе как «Моя благочестивая матушка». Подумайте сами, стал бы сын, имея иные факты, как говорят, дразнить гусей постоянным применением эпитета «благочестивая»? Написал бы скорее просто – «матушка». Поиск привел к тому, что удалось найти источник злопыхательства. Первым озвучил сплетню, если, конечно, не придумал ее сам, некий Сигизмунд Герберштейн в своих насквозь лживых «Записках о Московии». В сем, с позволения сказать, труде говорится о том, что Елена Васильевна позорила мужнее ложе с боярином Иваном Федоровичем Овчиной Телепневым-Оболенским. В комментариях к «запискам», выпущенным в 1988 Издательством Московского университета, указано: «Сведения о том, что И.Ф. Овчина был фаворитом Елены Глинской, содержат лишь “Записки о Московии” Герберштейна, который получил их, скорее всего, от И.В. Ляцкого». По данным официальной летописи, арест И.Ф. Овчины после смерти Елены Глинской 3 апреля 1538 года – результат «самовольства» князя В.В.

Шуйского, недовольного тем, что «его государь великий князь в приближении держал». Согласно сообщению той же Никоновской летописи, «посадиша его в палате за дворцем у конюшни и умориша его гладом и тягостию железной».

То, что боярин Овчина был приближенным государя Василия Третьего, известно. Известно и то, что перед смертью государь просил опекать его малолетнего сына Иоанна до того, как наберет он силы для царствования. Помня об этом, Елена Васильевна дала власть боярину даже в ущерб своего дяди и других бояр.

Александр Нечволодов указал: «Несомненно, великая княгиня Елена Васильевна, глубоко проникнутая всеми заветами собирателей Русской Земли, весьма скоро убедилась, что Михаил Глинский и Шигона Поджогин намерены преследовать свои личные цели, и вовсе не будут верными и беззаветными слугами ее маленького сына, как от них требовал того умирающий Василий. Всю свою привязанность и доверие правительница перенесла на мамку маленького великого князя – Аграфену Челяднину и на ее брата Ивана Овчину Телепнева-Оболенского. Аграфена Челяднина с братом были вполне искренно привязаны к своему Государю и его матери, причем князь Иван Оболенский обладал при этом чрезвычайно твердой волей и большими воинскими дарованиями».

Крамольным боярством двигали зависть и страсть к обогащению за счет государства, которое осталось после смерти Василия Третьего на трехлетнем царе Иоанне. Это было время, когда удельные князья и большие бояре несколько изменились по сравнению с тем, что представляли собой их предки, служившие великим князьям Московским в годы борьбы со страшным ордынским игом. Тогда стоял вопрос о том, быть или не быть Московскому княжеству. И боярство на время оставило мечты об утолении «многомятежных человеческих хотений», думая о том, как уцелеть. Но вот иго было сломлено, а великие князья Московские, потомки победителя Мамая Дмитрия Донского, стали постепенно превращаться в полновластных Самодержавных Государей, сосредоточивающих в своих руках власть над всею Русской землей. При Дмитрии Донском в Москву тянулись для того, чтобы собраться с силами и отстоять Русь от орды. Теперь, когда страшная опасность, по их мнению, миновала, они стали с ревностью относиться к тому, что полную власть над Русской землей получили потомки Дмитрия Донского, что изменилась сама структура власти, что они лишились возможности беспредельничать в своих вотчинах, жестоко эксплуатируя народ. Они очень надеялись, что, пользуясь малолетством Иоанна Васильевича и правлением слабой женщины, смогут хорошо

поживиться и вновь обрести былую власть, урвав себе хорошие куски. Но Елена Васильевна показала себя правительницей строгой и твердой, что и взбесило жадных до добычи крамольников, иные из которых даже продались иноземцам, чтобы вместе пограбить на Руси.

Елена Васильевна Глинская была отравлена и оклеветана, однако хотя бы малейших документальных фактов о ее неблагочестии просто не существует в природе, ссылка же на некоего Ляцкого, который якобы рассказал о том Герберштейну, доказательством не является. Мало ли кто и кому мог что-то рассказать. Этим сплетням противостоит утверждение самого государя Иоанна Васильевич Грозного, что матушка его была благочестива. Справедливее верить сыну, нежели какому-то сплетнику.

Царь Иоанн Грозный и его жены (любимая и необходимые)

«Не прикасайся к Помазанникам Моим!»

Судьба распорядилась так, что сыну Василия Третьего и Елены Васильевны Глинской Иоанну Васильевичу, будущему Грозному царю, довелось еще в раннем возрасте увидеть и осознать то, что увидел и испытал святой благоверный князь Андрей Боголюбский в возрасте зрелом и от чего он сложил голову. Уже отроком Иоанн ощутил на себе все коварство, всю злобу и ненависть крамольного боярства.

Князю Андрею Юрьевичу удалось покинуть Вышгород, оторваться от старой, прогнившей системы власти, перебраться в свободный от алчного боярства Владимир и с помощью опоры на «мизинных людей» начать строительство Самодержавия. Но Андрей Боголюбский рос, окруженный заботой и вниманием, воспитывался в лучших традициях, заведенных его дедом Владимиром Мономахом. Князю Андрею было 16 лет, когда умер дед, и 47 лет, когда умер отец.

Иоанну Васильевичу деда увидеть не довелось вовсе. Ему было всего три года, когда слуги темных сил отравили отца, Василия Третьего, а вскоре и его мать, правительницу Елену Васильевну Глинскую. Затем они перебили всех, кому завещал Василий III довести сына до совершеннолетия.

За сухими документальными фактами историки зачастую просто забывают о том, что значит для человека в трехлетнем возрасте потерять отца, а в восьмилетнем – мать. И поэтому особенно трогательно читаются строки из книги Валерия Ерчака «Слово и Дело Иоанна Грозного». Автор показывает великую жизнь великого русского царя, он показывает строгого и мудрого правителя, талантливого военачальника, но он останавливает наше внимание и на том горе, которое перенес будущий Грозный царь:

«Скорбь по убиенной матери на всю жизнь отложила свой отпечаток на Иоанна. Человек с очень тонкой и ранимой душой, он плакал у ее изголовья, не имея сил воскресить дорогое создание. Народ Православный на Руси поет трогательную песню “Мама”:

Слово “мама” дорогое, им и надо дорожить.
С ее лаской и советом легче нам на свете жить.
Когда был еще младенцем, то она в тиши ночной,
Словно Ангел, у постели охраняла мой покой.
В раннем детстве беззаботном я не знал, как трудно жить.

Мать и день, и ночь трудилась, чтоб кормить меня, поить.
Помню, как в часы беседы говорила мне о том,
Чтоб был тихим и смиренным, свою жизнь связал с Христом.
Если мать еще живая,
Счастлив ты, что на земле
Есть кому, переживая,
Помолиться о тебе…

Наверное, эту народную песню написал сам Иоанн Васильевич Грозный».

Здесь конец цитаты – именно такой вывод делает в своей книге Валерий Ярчак. И пусть это авторский домысел, он сердечен, он берет за душу.

Воспоминания о детстве у будущего царя печальны, ибо боярам было не до него и не до его глухонемого брата Юрия. Иоанн вспоминал, что «оставалась… надежда только на Бога, и на Пречистую Богородицу, и на всех Святых молитвы, и на благословение родителей наших».

Евангельская Истина, вынесенная в наименование главы, как увидим далее, имеет прямое отношение к судьбе царя Иоанна Грозного, детство которого было совсем не царским. С горечью и болью писал сам царь Иоанн Грозный о том времени: «Нас с единородным братом моим… Георгием, начали воспитывать как чужеземцев или последних бедняков. Тогда натерпелись мы лишений и в одежде, и в пище. Ни в чем нам воли не было, но все делали не по своей воле, и не так, как обычно поступают дети. Припомню одно: бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель нашего отца и положив ногу на стул, а на нас и не взглянет – не как родитель, не как опекун и уж совсем не как раб на господ. Кто же может перенести такую гордыню? Как исчислить подобные бессчетные страдания, перенесенные мною в юности? Сколько раз мне и поесть не давали вовремя. Что же сказать о доставшейся мне родительской казне? Все расхитили коварным образом…»

Немногие историки «послекарамзинского периода» упоминали о том, что писал о своем детстве сам государь Иоанн Васильевич. Они все больше старались множить клевету изменника Курбского, который выдумывал всякие небылицы о русском царе, находясь в стане врага. С безбожным ожесточением сочинял он нелепицы о жестокости юного царя, а эти отвратительные выдумки перекочевывали затем в так называемые

научные труды, так называемые художественные произведения, а недавно вся православная Россия содрогнулась от пошлости и лжи, когда на экране телевидения появился фильм ужасов, совершенно несправедливо названный «Иван Грозный». Заменить название, изменить имена героев на западноевропейские, тогда, может, еще он приблизится к опусу о западной инквизиции.

Клеветы на Иоанна Грозного сочинялись в определенное время и с определенной целью, а если точнее, по конкретному заказу врагов Московского государства. Заправилы Запада требовали, чтобы русский царь показан был жестоким и деспотичным. Это давало им возможность несколько затушевать свои жестокости. За выполнение заказа принялись Антонио Поссевино, Генрих Штаден и конечно же изменник Курбский.

Но «свет по тьме светит»… Были на Русской земле честные летописцы, их труды сумели отыскать честные исследователи старины. Выдержки из книг одного из них мы уже цитировали. Это Александр Нечволодов, который не грешил против правды. Старался, сколь можно, не грешить против правды и знаменитый историк С.М. Соловьев. Это выражение «сколь можно» я применил не случайно.

Историки XIX века писали свои труды под жестким прессом ордена русской интеллигенции, тайного идеологического заместителя запрещенного императором Николаем Первым масонства.

Честным исследователям старины приходилось собирать правду об Иоанне Грозном по крупицам, поскольку все было запружено клеветой, ничем не подтвержденной, никакими документами не обеспеченной. Но таков уж нелегкий путь у правды. К примеру, нет ни одного доказательства убийства Грозным царем своего сына Иоанна. Но все верят картине Репина, написанной по заданию ордена русской интеллигенции на основании клеветы Поссевина, Штадена, раздутой Карамзиным. Но стоит только сказать, что Иоанн Грозный сына не убивал, как раздается хор голосов: докажите, что не убивал… Странно. Доказательств того, что убил, никто не требует.

На счастье, сохранилось наследие самого царя Иоанна Васильевича, хотя и не обширное – значительная часть пока еще скрыта от нас. Мы можем опереться и на труды тех, кто не склонил голову перед орденом русской интеллигенции. На подлинных документах и на трудах честных исследователей и остановим мы свое внимание. И конечно, в первую очередь, на первоисточниках, коими является то, что писал сам царь и что, как увидим далее, подвергалось шельмованию путем отрывочного, калейдоскопического цитирования с дописыванием

в качестве купюр извращенных измышлений потерявших советь историков. Мы будем касаться, насколько возможно, того, что писал сам царь, ибо брать за основу измышления врагов Русской земли и его врагов, по меньшей мере, неразумно. Итак, еще раз напомним, что Иоанн Васильевич, будущий Грозный царь, родился 25 августа 1530 года. Вплоть до XVII века принято было указывать одну дату, без всяких там приставок, касающихся нового стиля. Это после «реформ» Петра I стали учитывать: в XVIII веке разницу в 11 дней, в XIX – в 12 дней, в XX (до 1917 года) – 13 дней.

Царь Иоанн Васильевич впоследствии вспоминал: «Когда по Божьей воле, сменив порфиру на монашескую рясу, наш отец, Василий Государь Великий, оставил это бренное Земное Царство и вступил на вечные времена в Царство Небесное, предстоять пред Царем Царей и Господином Государей, мы остались с покойным братом, святопочившим Георгием; мне было три года, брату же моему год, а мать наша, благочестивая Царица Елена, осталась несчастнейшей вдовой, словно среди пламени находясь. Со всех сторон на нас двинулись войной иноплеменные народы – литовцы, поляки, крымские татары, Астрахань, ногаи, казанцы, и от вас, изменников (это Царь Иоанн Васильевич предателю Курбскому. – *Н.Ш.*), пришлось претерпеть разные невзгоды и печали – князь Семен Бельский и Иван Ляцкий, подобно тебе, бешеной собаке, сбежали в Литву, и куда только они не бегали, взбесившись, – и в Царьград, и в Крым, и к ногаям, и отовсюду шли войной на Православных. Но, Слава Богу, ничего из этого не вышло – по Божьему заступничеству, и Пречистыя Богородицы, и великих чудотворцев, и по молитвам наших родителей все эти замыслы рассыпались в прах, как заговор Ахитофела. Потом изменники подняли против нас нашего дядю, князя Андрея Ивановича, и с этими изменниками он пошел было к Новгороду (вот кого ты хвалишь и называешь доброжелателями, готовыми положить за нас душу), а от нас в это время отложились и присоединились к князю Андрею многие бояре во главе с твоим родичем князем Иваном, сыном князя Семена, внуком князя Петра Головы Романовича, и многие другие. Но с Божьей помощью этот заговор не осуществился. Не то ли это доброжелательство, за которое их хвалишь? Не в том ли они за нас душу кладут, что хотели погубить нас, а дядю нашего посадить на Престол? Затем же они, как подобает изменникам, стали уступать нашему врагу, государю литовскому, наши вотчины, города Радогощь, Стародуб, Гомель, – так ли доброжелательствуют? Если в своей земле некого подучить, чтобы погубили славу Родной Земли, то вступают в союз с

иноплеменниками – лишь бы навсегда погубить Землю!»

Обратите внимание на ясность и четкость мысли Иоанна Грозного. Такую ясность и четкость только Бог дает и дарует ее лишь тому, кто достоин этого дара. У клеветников всех мастей, именуемых историками, среди сплошного нагромождения – реже фактов, чаще выдумок – очень трудно выделить что-то главное и важное, о чем спокойно и ясно написал благоверный государь.

Безбожным «ваятелям» Бог такой легкости и ясности мысли и точности письма не дает. Многие, вероятно, и сами уже убедились, сколь трудно читать клеветнические опусы Карамзина. Косноязычен сей клеветник благоверного православного царя, местночтимого святого Иоанна Васильевича.

С легкостью и точностью оперирует Иоанн Грозный в своих посланиях к изменнику Курбскому фактами из Священного Писания, многими Евангельскими цитатами. Мы не будем опускать малоизвестные широкому кругу читателей понятия, но, напротив, постараемся обращать на них внимание. Это станет наилучшим доказательством того, что не зря об Иоанне Грозном один из современников сказал: «Муж чудного рассуждения, в науке книжного почитания доволен и многоречив».

В.О. Ключевский признал: «От природы он (царь Иоанн Грозный. – *Н.Ш.*) получил ум бойкий и гибкий, вдумчивый и немного насмешливый, настоящий Великоросский, Московский ум».

Попробуйте проверить себя, сравнив свои познания с познаниями Грозного царя, которого нам со школьной скамьи старались представить как малообразованного, жестокого безумца. Возьмем такой пример: Иоанн Грозный пишет, что «замыслы рассыпались, как заговор Ахитофела». Вполне понятно, что при написании письма человек не роется в справочных изданиях, чтобы выбрать то, что поможет блеснуть красноречием, ведь сравнения, уточнения, иллюстрации вплетаются в ткань повествования только тогда, когда они в достаточной степени отложились в сознании.

Ныне далеко не в каждом издании можно найти сведения о библейском персонаже Ахитофеле. В «Библейской энциклопедии», издании репринтном, то есть скопированном с книги, выпущенной в 1881 году, говорится: «Ахитофел (II Цар. XV, 12) – брат безумия (глупости) – уроженец Гило, близкий друг и советник Давида (II Цар. XXVII, 33). Он был, несомненно, одним из самых видных законников своего времени. Его совет считался за слово Господне (II Цар. XVI, 23). Авессалом последовал совету Ахитофела в одном деле, т. е., когда он шел к наложникам Давида, дабы народ мог узнать, что всякая связь между отцом и

сыном порвана. Авесалом убедил его присоединиться к заговору против своего отца Давида, но крутые меры, предложенные Ахитофелом для осуществления честолюбивых планов Авессалома, были все отменены советом Хусия. Ахитофел, видя, что несомненным исходом заговора будет гибель Авессалома и его дела, за чем, несомненно, последует и его собственное падение, возвратился в Гило, и там в отчаянии удавился, и был погребен в гробницу отца своего (II Цар. XVII, 20)» (Библейская энциклопедия. М., 1990, с. 78). Как видим, и здесь заповедь: «Не прикасайся к Помазанникам моим» в действии.

Точно так же рассыпались, не достигая целей, злые замыслы внешних и внутренних врагов, направленные против православного государя. Безумие и глупость лежали в их основе – это и имел в виду Иоанн IV Грозный, упоминая Ахитофела в своем послании.

Я не случайно начинаю с описания детских и юношеских лет Иоанна Грозного. Эти годы накладывают свой отпечаток на всю жизнь, в том числе и на семейное счастье или несчастье. Иоанн Грозный прямо сказал о том, когда пришло время создать семью не только ради любви и семейного счастья, но и ради Государственных интересов, ведь престол русских царей был тем прочнее, чем крепче и надежнее были его наследники.

Александр Нечволодов так описал младенческие годы Иоанна Васильевича: «После похорон Великого Князя Василия Иоанновича, при торжественном собрании духовенства, бояр и народа, митрополит Даниил благословил в Успенском соборе четырехлетнего (когда умер отец, Иоанну было три года и три с небольшим месяца. – *Н.Ш.*) Великого Князя Иоанна на властвование над Русской Землей; правительницей же за его малолетством, явилась, естественно, по древнему Русскому обычаю, его мать – Великая Княгиня Елена Васильевна. Свое вступление в управление Государством она начала с милостей: сидевший в тюрьме за самовольный отъезд к брату покойного Великого Князя – Юрию, – князь Андрей Михайлович Шуйский был выпущен на свободу; затем, богатые дары готовились для раздачи в память об усопшем Великом Князе – его братьям и близким людям.

Но уже через неделю Великой Княгине пришлось начать беспощадную борьбу с врагами государства, которые, видя малолетство Великого Князя, не замедлили поднять свои головы».

Одним из первых снова встал на путь измены облагодетельствованный Андрей Шуйский, который начал подбивать князя Горбатого «отъехать к дяде малолетнего

Великого Князя – Юрию», мол, там силы больше и может перепасть немало, если добиться дележа государственного пирога – растащить Московское государство по уделам. Только «брат безумия, глупости» мог замышлять подобное, только алчность, которую можно назвать слугою безумия и глупости, могла лишить разума князей и бояр, толкнув их на развал и уничтожение того, что было содеяно для укрепления Святой Руси и превращения ее Державу дедом Иоанна Васильевича Иоанном III и его отцом Василием III в единую могучую Державу.

Именно при деде и отце Иоанна Грозного стало входить в обиход наименование государя «Царем и Самодержцем», что являлось отражением достижений в объединении Русских земель и централизации государственной власти. Иоанн III Васильевич, дед Грозного царя в переписке с ливонскими немцами называл себя: «Царь всея Руси».

Василий III Иоаннович тоже иногда употреблял в титуле слово «царь». С огромным трудом, в кровавых битвах с бесчисленными недругами Русь достигла той незримой черты, когда она из Великокняжеской превратилась и в глазах народа, и в глазах иноземцев в Царскую.

Идея твердой самодержавной, централизованной власти уже витала в воздухе. Эта высшая православная идея, данная в Откровении Пресвятой Богородицы святому благоверному князю Андрею Боголюбскому во время его страстной ночной молитвы на развилке Владимирской и Суздальской дорог 17 июля 1155 года, уже была опробована и теперь нуждалась в теоретическом обосновании и твердом практическом внедрении.

Эта священная для Святой Руси задача Божьею волею легла на хрупкие плечи еще даже не отрока, а младенца, которому суждено было закалиться в тяжелейших испытаниях и стать первым русским царем и по имени и по существу. Таким образом, нарастающее противодействие княжеско-боярской оппозиции становилось не только изменой самому царю, но и преступлением против Православного Праведного Государственно-Державного строительства Руси, заповеданного Всемогущим Богом и Пресвятой Богородицей, преступлением против самого существования Дома Пресвятой Богородицы, преступлением против православного народа.

И это в то время, когда государство Московское находилось меж множества врагов, когда слуги духа темного со всех сторон вели атаку на Дом Пресвятой Богородицы, когда, по меткому выражению историка, «России оставалось или стереться и не быть, или замирить буйных соседей оружием».

В период, когда Московское государство напрягало все

физические и моральные силы для борьбы с врагом, внутри этого государства поднимала голову боярская оппозиция, говоря языком позднейших времен, пятая колонна. Как же следовало поступать с этой сворой изменников, готовых за краюху от государственного пирога продать иноземцам весь Дом Пресвятой Богородицы без остатка? К сожалению, историки «послекарамзинского периода», описывая эпоху Иоанна Грозного, брали за основу измышления врагов, подобных папскому легату Антонио Поссевино, шпиону германского императора Генриху Штадену и предателю Курбскому. Они стремились и стремятся убедить читателей, что правду надо искать не в словах благочестивого русского царя, а в творениях «братьев безумия и глупости», пользовавшихся лишь сплетнями, которые были им по нраву, ибо помогали выполнить заказ темных сил по извращению правды о Московском государстве и благоверном государе.

Неужели же сам государь менее достоин того, чтобы поверить ему, созидателю и строителю Дома Пресвятой Богородицы, а не лютым врагам Святой Руси – врагам наших пращуров, а следовательно, нашим с вами врагам. Напомним, что писал о том времени сам Иоанн Грозный, причем писал с болью в сердце, ибо раны, полученные в младенчестве, остались незаживающими и кровоточащими на всю жизнь: «Когда же суждено было по Божьему предначертанию родительнице нашей, благочестивой Царице Елене, переселиться из Земного Царства в Небесное, остались мы с почившим в бозе братом Георгием круглыми сиротами – никто нам не помогал; оставалась нам надежда только на Бога, и на Пречистую Богородицу, и на всех Святых молитвы, и на благословение родителей наших».

«Я решил жениться в своем Государстве…»

Православный летописец прошлого Александр Нечволодов в «Сказаниях о Русской Земле» писал: «13 декабря 1546 года юный Иоанн Васильевич призвал к себе митрополита Макария и долго с ним беседовал. Макарий вышел от него с веселым лицом, отпел молебен в Успенском соборе и послал за боярами, даже и за опальными, и вместе с ними был опять у Государя… Через три дня был назначен большой съезд митрополиту и всем знатным лицам к Великокняжескому двору. Когда все собрались, то Иоанн, помолчав немного, сказал, обращаюсь к Макарию, следующее: “Уповая на милость Божию и Пречистую Его Матерь и Святых заступников Петра, Алексия, Ионы и прочих чудотворцев Земли Русской, имею намерение жениться; ты, отче, благословил меня. Первою моею мыслию было искать невесты в иных царствах; но, рассудив основательнее, отлагаю эту мысль. Во младенчестве лишенный родителей и воспитанный в сиротстве, могу не сойтись нравом с иноземкой, и не будет у нас счастья; и вот я решил жениться в своем Государстве, по воле Божьей и по твоему благословению”».

Затем Иоанн продолжил: «По твоему, отца моего митрополита, благословению и с вашего боярского совета, я хочу перед женитьбой по примеру наших родителей и сродника нашего Великого Князя Владимира Всеволодовича Мономаха, который был венчан на Царство, так же исполнить тот чин венчания на Царство и сесть на Великое Княжение. И ты, отец мой, Макарий митрополит, благослови меня совершить это».

Венчание на Царство Иоанна Васильевича состоялось 16 января 1547 года. Выбрал же царь Анастасию Романовну, рода «знаменитого своею преданностью Московским Государям и непричастностью к боярским крамолам». Анастасия Романовна Захарьина-Кошкина была дочерью уже умершего к тому времени окольничего Романа Юрьевича и племянницей известного боярина Михаила Юрьевича Захарьина, «близкого и преданного человека отцу Иоанна, помогшему Василию III на смертном одре творить последнее крестное знамение».

Обряд венчания состоялся 13 февраля 1547 года в храме Богоматери.

При бракосочетании на Руси существовали в те времена особые обряды:

«Сваха приходила к родителям невесты и просила благословения – молодых везти к венцу. “Благослови Бог!” – отвечали те. Родители брали по образу, обыкновенно в окладах, с

драгоценными украшениями. Подле них становился священник. Новобрачные кланялись и получали благословение. Отец и мать разменивали их кольцами и, взяв дочь за руку, отдавали ее жениху, взаимно кланяясь друг другу. Наконец, отец брал плеть и ударял свою дочь, говоря: “По этим ударам, дочь, ты знаешь власть отца; теперь эта власть переходит в другие руки; вместо меня за ослушание тебя будет учить этой плетью муж!”

С этими словами он передавал плеть жениху, а тот, приняв плеть, говорил: “Я не думаю иметь нужды, но беру ее и буду беречь как подарок”.

Он закладывал ее за кушак… После венчания невесту раскрывали и священник читал новобрачным поучение: ходить часто в церковь, слушаться своих духовников, хранить посты и праздники, подавать милостыню, а мужу повелевал учить жену палкою, как подобает главе семьи. Потом он брал жену за руку, вручал мужу и приказывал им поцеловаться. Жена в знак повиновения припадала к ногам супруга и касалась челом его сапога, муж же покрывал ее полою платья в знак будущего покровительства и защиты…

Тогда в старину между женихом и невестой происходил обряд разувания, очень древний обряд, дошедший к Русским от времен язычества. Он состоял в том, что жена, в знак покорности, должна была снять с мужа сапоги. В одном из Сапогов была монета. Если ей удавалось снять прежде тот сапог, в котором была монета, это значило, что ей придется угождать мужу и разувать. При этом муж, в знак своей власти, ударял будущую спутницу своей жизни по спине плетью, полученной от тестя».

Так рассказывал об обрядах Н. Костомаров, забывая, впрочем, прибавить, что и удары плетью были символичны, да и сама плеть оставалась лишь символом, ибо главным на Руси, по преданиям, был «крепкий, дружественный любовный союз, связывающий между собою членов семьи, супругов, родителей, детей, сестер и братьев, – это целая школа, дисциплинирующая человеческое сердце, развивающая сферу чувства и этики, эти две среды бесспорно более возвышенные с точки зрения духовной, чем интеллектуальная, познавательная сила нашего ума. И в этой школе роль “профессора”, руководителя, вдохновителя, роль жрицы, поддерживающей священный огонь, выпадает на долю женщины. Вот единственная кафедра, достойная женщины и служащая вместе с тем для нее пьедесталом. Вот цель ее существования, ее сфера, ее царство в пределах которых ее влияние безгранично, ее права священны и гарантируемы как всею силою общественного самосознания, так и данными науки и опытом прошлого…».

Порядок жизни при Иоанне Грозном определялся Домостроем – своеобразной энциклопедией морали того времени. Высота положения женщины в ту пору была необыкновенной, а тем более женщины достойной.

Такой достойной женщиной оказалась невеста молодого царя Иоанна Васильевича. В «Сказаниях о Русской Земле» Александр Нечволодов писал о ней: «Выбор Государя оказался чрезвычайно удачным: помимо большой красоты, юная Царица отличалась замечательной сердечной добротой, умом и большой привязанностью к своему супругу.

После свадьбы молодая чета, прервав пиры, отправилась пешком, несмотря на суровую зиму, в Троице-Сергиеву лавру и провела там первую неделю Великого поста, усердно молясь над гробом Святого Сергия. Иоанн горячо полюбил свою молодую жену».

Анастасия Романовна Захарьина была родной сестрой Никиты Романовича Захарьина. Сын Никиты Романовича стал патриархом Филаретом и фактически явился основателем династии Романовых, ибо его сын Михаил Федорович был избран на царство Московским земско-поместным Собором в феврале 1613 года. Основателем же рода Романовых считается Андрей Кобыла, который ведет свой род от рода древнейшего Прусского жреца и вождя Видвунга.

В книге В. Ярчака говорится, что «по легендам, священная дубовая роща Видвунга находилась где-то в центре нынешней Калининградской области».

Евгений Поселянин (Евгений Николаевич Погожев) писал об Анастасии: «В Царице Анастасии Романовне были соединены все лучшие качества древнерусской женщины – глубокая вера, чудная скромность и целомудрие, задушевная мягкость общения, глубокая привязанность, трогательная сострадательность, высокое настроение души. Анастасия Романовна принадлежала к числу тех редких женщин, в присутствии которых человек чище и лучше становится».

Прежде чем размышлять над происхождением рода супруги Иоанна Грозного, надо взглянуть на древние карты Европы и прочитать, что писал Михаил Васильевич Ломоносов. Ведь прежде была на картах Западной Европы не Германия, а Пруссия. Назвать ее Германией спешили потому, что ненавистно для слуха было в наименовании Пруссия слово «рус»! Вот что писал Ломоносов о России и Пруссии, о русских и пруссаках. Ломоносов полагал, что у россов и пруссов корни едины. Он проследил это на примере варягов, доказывая, что неправедно тот рассуждает, кто варяжское имя приписывает одному народу. Варяги были

«разных племен и языков… и только одним соединялись обыкновенным тогда по морям разбоем. Ведь в давние времена не ставилось в стыд владеющим государям то, что иные обогащаются столь, как он выражался, хищным промыслом, который на Балтийском море обычным делом был. Не зря и Балтийское море в давние времена Варяжским морем звалось, да и поныне обитают в прибрежье, Прибалтикой именуемом, народы в века минувшие разбоем жившие. Памятны военные преступления Литвы, которая грабила в русских пределах то в союзе с тевтонами, то в союзе с ливонцами, то с поляками. Особенно свежи кровавые деяния в России злобных и кровожадных латышских стрелков.

Древние руссы с древними пруссами, по Ломоносову, произошли от одного поколения. Но Михайло Васильевич сразу сделал оговорку, что «не о крыжаках или нынешних бранденбургцах», как он выразился, а о старожилах прусских речь ведет. А разбой благословил папа римский, как заметил Ломоносов, своею мнимою над всем светом властью идти к неверным народам и, силою распространяя католичество, обращать их в свои формально-христианские законы. Так и до Пруссии добрались. А она в то время была ослаблена жестокими нападениями поляков. Вот и покорили ее. И некому было вступиться, как, скажем, вступилась Россия за Пруссию в XIX веке, в 1807 году, спасая ее от Наполеона. Ломоносов писал: «Снесение домашних наших летописцев подает уже повод думать о единоплеменстве сих двух народов, именем мало между собою разнящихся.

Из внешних авторов Преторий довольно знать дает свое мнение, совокупляя россов и пруссов в одно племя. Положение места тому соответствует. То же подтверждает древнее тесное прусское соседство с Россией, в которой Подляхия (весьма точно о Польше. – *Н.Ш.*) и великая часть Литвы заключалась, отчего им поныне Литва древние российские законы содержит. Восточное плечо реки Немени, впадающее в Курской залив, называется Русса, которое имя, конечно, носит на себе по варягам-россам. Сие все еще подкрепляется обычаями древних Пруссов, коими сходствуют с варягами». Кромер о древних Пруссах пишет, как они любили в банях париться и в холодной воде после того купаться, что и поныне российский народ охотно употребляет. То ж гласят обряды, которые как у старых пруссов, так и ныне в некоторых пограничных российских провинциях употребляются.

Ну а потом появились немцы, то есть из-за Немени (Немана). Слово – оно ведь тоже оружие. Почему Малороссию стали Украиной звать? Никогда не было такого государственного

формирования, как Украина. Были земли окраинные, которые стали звать украйными (окраинными). В Малороссии звучало «рос», вот и стали переделывать на украйну. А получается, что у края. А немцы – из-за Немени, да и говорили «инако», словно немы. А Ломоносов указал, что «больше всех утверждает единство древних Пруссов с Россами почтение одного главного идола по имени, по знаменованию и по обрядам. Перкун Прусский был то же, что у Россов Перун, которым Ольг клялся грекам при заключении мирного договора и которого почитал еще в неверии Владимир. У обоих народов значил Перун Бога грома и молнии; у обоих жрецы приносили ему в жертву огонь неугасимый и казнены были смертью, когда угасал их небрежением».

Великий Русский скульптор Евгений Викторович Вучетич разработал эскиз памятника в Трептов-Парке, и Сталин безоговорочно утвердил его не случайно. В нем выразилось величие Русского народа, его великодушие, его милосердие. Символ же таков – Германия на груди у России. Да, мы воевали, но нас заставили мерзкие и злые люди, нас столкнули тайные силы ради своих корыстных интересов. Но в сорок пятом именно Сталин, опираясь на могущество Русского народа, спас германскую нацию от полного истребления. По плану Маршалла Англия и Соединенные Штаты планировали проведение полной стерилизации всего мужского населения призывного возраста, то есть всех тех, кого можно было заподозрить в участии в боевых действиях. А это, с учетом гитлерюгенда и фольксштурма, все мужчины от шестнадцати до шестидесяти. Ведь среди оккупантов были алжирские французы, арабы, негры… Вот с кем пришлось бы германским женщинам заводить детей. И закончила бы свое существование нация, давшая Бетховена и Баха, Гейне и Гете, а не одних только гитлеровских ублюдков, которые, кстати, к нации имели весьма малое отношение. Сталин предупредил Англию и штаты, что, если они посмеют сделать это, он немедленно начнет против них войну… Ну и конечно, Сталин, будучи высочайше образованным человеком, прекрасно знал, какие корни у Пруссии, наименованной Германией, и у России. Ведь еще Ломоносов писал: «Знатные некоторые берлинские ученые люди по справедливости рассуждают, когда, исследуя о происхождении имени Пруссов, пишут (в частности, в Берлинской Академии календаре 1702 года), что к желаемому своему исканию те ближе всех подходят, которые имя Пруссии из славянского языка производят, то есть из имени “Русь” и предлога “по”. Правда, они сие думают быть в рассуждении соседства с Россией, однако по сему равным бы образом и прочие древние российские соседы, как ливонцы, поляки и другие, названы быть могли Порусами или

Пруссами. Меня многие причины принуждают верить, что сие прозвание дано не по месту, но по времени. И, во-первых, имя россов за полтораста лет прежде известно учинилось, нежели пруссов».

Итак, Иоанн Васильевич женился на Анастасии, происходящей из рода знатного. Но управление страной по-прежнему оставалось в руках Глинских. По-прежнему Глинские уничтожали неугодных себе. Вину же сваливали на молодого Царя, клевеща на него. Они выдумали какие-то несуществующие припадки гнева, кровожадность – словом, методы во все века были едины. Если сравнить клевету на Павла Первого с клеветой на Иоанна Грозного, то мы увидим значительную схожесть выдумок. Интересно то, что истинная жестокость Петра I, когда он поджаривал людей на кострах и рубил лично головы стрельцам, заставляя то же самое делать и бояр, историками не осуждается. Это принимается за должное, поскольку исходило от царя-западника.

Время шло, а Иоанн Васильевич, Божьею милостью царь, царем все еще не становился. Между тем неисполнение царем своего долга перед Богом, грех великий. Пословица, как мы уже упоминали, гласит: «За Царские согрешения Бог всю землю казнит».

И вот 12 апреля в Москве вспыхнул первый из целой серии пожаров 1547 года. Сгорело много домов, сгорели лавки в Китай-городе, взорвалась башня с порохом, запрудив кирпичами реку. Следующий пожар случился 20 апреля. Оба пожара, конечно, произвели впечатление на Иоанна Васильевича и на супругу его Анастасию, милосердную и сердобольную царицу.

Поскольку пожары уносили жизни одних людей, оставляя без крова других, царь, по-видимому, считал их делом случая, обычным стихийным бедствием, коих немало бывало в ту пору – города-то строились сплошь деревянные. Немного можно было встретить каменных зданий.

Глинские по-прежнему свирепствовали от имени царя, и 3 июля 1547 года собирались казнить 70 псковичей, прибывших в село Острову, где находился Иоанн, чтобы пожаловаться ему на беззакония властей. Глинские, которые были связаны с боярами – притеснителями народа, пытались помешать царю выслушать глас посланцев Пскова. И тогда в Москве случилось чудо – упал с колокольни большой колокол благовестник. Иоанн отменил казнь псковичей и выехал в Москву. Быть может, тогда он снова задумался о самоуправстве бояр, всеми силами не допускавших его до власти. О слухах, распускаемых о нем, он тогда, возможно, и не ведал. Но к падению колокола отнесся как к недоброму

знамению.

21 июля того же года вспыхнул новый пожар. Он начался на Арбате, затем перекинулся в Китай-город, на Кремль. Один из историков так описал его: «Вся Москва представляла зрелище огромного пылающего костра под тучами густого дыма. Деревянные здания исчезали, каменные распадались, железо рдело, как в горниле, медь текла. Рев бури, треск огня и вопль людей от времени до времени был заглушаем взрывами пороха, хранившегося в Кремле и в других частях города. Спасали единственно жизнь; богатство, праведное и неправедное, гибло. Царские палаты, сокровища, оружие, древние грамоты, книги… Митрополит молился в храме Успения, уже задыхаясь от дыма; силою вывели его туда и хотели спустить на веревке с Тайнинской башни к Москве реке; он упал, расшибся и едва живой был отвезен в Новоспасский монастырь».

Из собора вынесли образ Успения Божией Матери, писанный святым митрополитом Петром. Чудом уцелела и Владимирская икона Божией Матери. Напомню, что после событий 1395 года в России было уже две Владимирских иконы Божией Матери. С тех пор одна из них находится в Москве, а вторая – во Владимире, по пророчеству Пресвятой Богородицы: «Благодать Рождшегося от Меня и Моя с этой иконой да будет!»

На пожаре погибло более 1700 человек, Москва лежала в руинах. Царь Иоанн, пребывавший с супругой во время пожара на Воробьевых горах, на следующий день навестил митрополита Макария в Новоспасском монастыре и имел с ним долгую беседу.

Беспощадный Русский бунт

А между тем по Москве поползли слухи, распускаемые одним боярским кланом и направленные против другого клана, что «Москва сгорела волшебством». Бояре, противники Глинских, собрали возле Кремля народ. Они хотели добиться очередной смены власти возле царя, по-прежнему рассчитывая на бездействие юного Иоанна Васильевича.

– Кто сжег Москву? – спросил один из бояр у толпы, и услышали бояре ими же подготовленный ответ. Из толпы кричали:

– Глинские! Глинские! Мать их, княгиня Анна, вынимала сердца из мертвых, клала в воду и кропила ею все улицы, ездя по Москве. Вот от чего мы сгорели.

И хоть нелепым был ответ, но он, упав на удобренную почву, сделал свое дело. Двор Глинских, уцелевший от пожара, был разграблен, Юрий Глинский убит разъяренной толпой. И начался бунт. К тому, что происходило в дальнейшем, лучшим образом подходят слова Александра Сергеевича Пушкина из «Истории Пугачевского бунта»:

«Не приведи Бог видеть Русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас всевозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уже люди жестокосердные, коим чужая головушка – полушка, да и своя шейка – копейка».

Александр Нечволодов так описал бунт, организованный теми, кто, заботясь о том, чтобы попадали с плеч чужие головы, не смог уберечь своих голов: «Чернь начала грабить двор Глинского, причем было убито множество его слуг и других людей; бояре же, видя эти неистовства, ничего не предпринимали, как будто в Москве не было в это время никакой власти. Мало того, бунтовщики, очевидно, решили, что надо непременно освободиться и от всех остальных Глинских. …На третий день… по их наущению огромная толпа двинулась к селу Воробьеву, остановилась перед Царским дворцом и стала требовать выдачи бабки Государевой, княгини Анны Глинской, и ее сына Михаила, спрятанных будто бы в Царских покоях. Молодой Иоанн, однако, не потерялся. Он приказал схватить несколько главных крикунов и тут же казнить их, после чего мятеж сразу утих, и толпа отхлынула в Москву».

Безусловно, молодой Царь испытал немало неприятных минут при виде разъяренной толпы. Но рядом с ним всегда была отважная сердцем любимая супруга Анастасия, поддерживавшая

его, разделявшая тревоги и волнения. Смелый выход перед бунтующей толпой продемонстрировал, каков он – царь Иоанн Васильевич.

Сам же государь убедился, что народ пришел не по его душу, что царская власть по-прежнему незыблема, уважаема и почитаема, а боярская власть ненавистна народу. Он убедился, что боярская власть держится лишь на авторитете его царской власти, и осознал, что править государством должен сам. Ведь бояре, по существу, без его царского имени были перед массой народа бессильны.

В своем бездействии он увидел великий грех и понял, что обязан взять власть твердою рукою, опираясь на народ, на эту силу в деле укрощения самовластного и корыстного боярства.

И на пути к установлению жесткой и твердой власти Иоанн Васильевич свершил шаг, достойный православного государя: он сделал попытку Соборного примирения всех сословий Русского народа, надеясь словом Божьим пробудить свет православия в заблудших душах и повести народ к правде и согласию. Иоанн Васильевич повелел собрать Собор всей Русской земли, представителей от всех ее уголков и от всех сословий. Это был шаг к взаимному пониманию и к взаимодействию Верховной власти и народных масс.

Судьба детей Иоанна Грозного

В 1552 году появился сын Дмитрий, который, к сожалению, «случайно» был утоплен 4 июня 1553 года в реке Шексне. Случилось это во время поездки на богомолье. Няня якобы выронила его в студеную воду.

28 марта 1554 появился на свет царевич Иван, которому тоже не суждено было дожить до вступления на престол – его отравили слуги темных сил, ведущих тайную войну против России.

11 мая 1557 года родился Федор – будущий Царь Московский Феодор Иоаннович, который был на престоле с 1584 года, то есть после отравления сулемой Иоанна Васильевича и до 7 января 1598 года, когда мышьяком отравили его самого.

Феодор Иоаннович был младшим сыном Иоанна Грозного от Анастасии Романовны, остальные дети от Анастасии Романовны были либо отравлены, либо умерщвлены иными способами.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление и пояснить, почему я столь безапелляционно пишу о том, чем и как были отравлены государи и многие члены их семей.

Писатель-историк Вячеслав Манягин в книге «Вождь Воинствующей Церкви» привел подлинные документы о смерти царевича Иоанна Иоанновича, якобы убитого отцом: «В Московском летописце под 7090 годом читаем: “представися Царевич Иоанн Иоаннович”; в Пискаревском летописце: “В 12 час нощи лета 7090 ноября в 17 день… преставление Царевича Иоанна Иоанновича”; в Новгородской четвертой летописи: “Того же [7090] году представился Царевич Иоанн Иоаннович на утрени в Слободе…”; в Морозовской летописи: “не стало Царевича Иоанна Иоанновича”. Во всех летописях нет и намека на убийство». Во втором Архивном списке Псковской третьей летописи «летописец никак не связывает два факта: ссору Царя с Царевичем в 7089 году и его смерть в 7090 году». Добавим: в конце года.

А вот о том, что Царевич был отравлен боярами из весьма близкого окружения, свидетельствуют серьезные факты. В. Манягин указывает: «По поводу болезни (царевича Иоанна) можно сказать определенно – это было отравление сулемой. Смерть, вызванная ей, мучительна, а доза, вызывающая такой исход, не превышает 0,18 г. В 1963 году в Архангельском соборе Московского Кремля были вскрыты четыре гробницы: Царя Иоанна Грозного, Царевича Иоанна, Царя Федора Иоанновича и полководца Скопина-Шуйского.

При исследовании останков была проверена версия

отравления Грозного. Ученые обнаружили, что содержание мышьяка примерно одинаково во всех четырех скелетах и не превышает нормы. Но в костях Царя Иоанна Васильевича и Царевича Иоанна Иоанновича было обнаружено наличие ртути, намного превышающее допустимую норму. Некоторые историки (клеветники) пытались утверждать, что это вовсе не отравление, а последствие лечения сифилиса ртутными мазями. Однако исследования показали, что сифилитических изменений в останках Царя и Царевича не обнаружено.

…Данные этих исследований позволили утверждать, что Царевич Иоанн Иоаннович был отравлен. Содержание яда в его останках во много раз превышает предельно допустимую норму».

В.В. Манягин ссылается на материалы ученых, опубликованные в периодической печати после проведения исследований. После того, как в 90-е годы было проведено исследование захоронений московских великих княгинь и цариц, установлен факт отравления той же сулемой матери Иоанна Васильевича – Елены Васильевны Глинской (умерла в 1538 году) и его первой жены – Анастасии Романовой (умерла в 1560 году). Это свидетельствует о том, что Царская семья на протяжении нескольких десятилетий была жертвой отравителей. (См. П. Коробов. Царская усыпальница. – «Независимая газета», 2000, 26 апреля.) Данные этих исследований позволили утверждать, что царевич Иоанн был отравлен (см. «Итоги», № 37(327), 2002, 17 сентября, с. 38–39). «Содержание яда в его останках во много раз превышает допустимую норму. Таким образом, историческая наука опровергает версию об убийстве царем Иоанном Васильевичем своего сына».

Но вот что удивительно. Среднестатистический обыватель-интеллект-агент, умеющий мыслить в рамках, дозволяемых средствами массовой дезинформации, искренне считает неопровержимым доказательством убийства Иоанном Грозным своего сына клеветническую картину Репина. Между тем уже проведено достаточное количество исследований и научные данные давно обобщены, просто свобода слова у нас в стране устроена так ловко, что можно свободно клеветать на великих деятелей прошлого, но реабилитировать их нельзя. Это, де, мало интересно читателям, зрителям, слушателям. Книги же правдивые выходят слишком малыми тиражами, чтоб они могли довести истину до широких масс.

Передо мною книга добросовестного исследователя старины В. Манягина «Апология Грозного Царя». Говоря о лицемерии историков, он приводит убийственные факты, ссылаясь на конкретные источники, в числе которых документы

Археологического музея «Московский Кремль». В книге помещена таблица, в которой указано, кто из Царствующего дома и чем был отравлен.

Жертвы отравления	Содержание в мг на 100 г массы тела	
	мышьяка	ртути
Княгиня Евфросинья Старицкая, тетка Иоанна Грозного	12,9	0,10
Мария Старицкая (5—7) лет, троюродная племянница Иоанна Грозного	8,1	0,11
Мария (младенец), дочь Иоанна Грозного	3,8	0,2
Царевич Иоанн, сын Иоанна Грозного	0,26	1,3
Царь Иоанн Грозный	0,15	1,3
Великая княгиня Мария Борисовна, первая жена Ивана Третьего	0,3	1,05
Царица Анастасия, первая жена Иоанна Грозного	0,8	0,13 в костях, 4,8 в волосах
Царь Феодор Иоаннович, сын Иоанна Грозного	0,8	0,03
Великая княгиня Елена Глинская, мать Иоанна Грозного	0,8	0,05
Царица Мария Ногая, жена Иоанна Грозного	0,1	0,6
Великая княгиня Софья Палеолог, бабушка Иоанна Грозного	0,3	0,05
Князь Михаил Скопин-Шуйский	0,13	0,2
МАКСИМАЛЬНО ДОПУСТИМЫЙ УРОВЕНЬ	0,08	0,04

Так что семейные драмы Иоанна Васильевич IV Грозного были не случайны, за ними стояли конкретные люди, выполняющие заказы слуг темных сил все того же поганого Запада, который и ныне готов разорвать Русскую землю.

Историки много судачили по тому поводу, что у Василия Третьего долгое время не было детей от первой жены Соломонии, судачили, умышленно скрывая, что бездетность стала причиною постоянного подтравливания царя сильными ядами. И все же от молодой жены, Елены Васильевны Глинской, дети появились. Это были Иоанн, будущий Грозный Царь, и Юрий. Династия вновь набирала силы. Тогда отравили Василия Третьего, в надежде, что уж с Еленой Васильевной справятся. Опять вышла ошибка. Правительница Елена сумела удержать Русь в своих руках. Пришлось отравить и ее, чтобы подмять под себя малолетних княжичей. Это удалось лишь на какое-то время. Иоанн Васильевич сумел сломить своевольство бояр.

И тогда началась тайная война против Царствующего дома, война, в которой зарубежные изуверы, опираясь на доморощенных предателей из крамольного боярства, подобных Адашеву, Курбскому и прочей нечисти, не щадили ни женщин, ни малолетних детей, ни даже младенцев. Вот тогда-то и «утонул» младенец Иоанн. Его «случайно» уронили в ледяную воду во время поездки на богомолье. Затем отравили Анастасию, поскольку роду она была крепкого, и ее родные братья составляли молодому царю надежную опору. Вслед за нею был отравлен царевич Иоанн Иоаннович, причем папский посланец Антонио Поссевино, несомненно, знавший правду, придумал, будто бы царевича убил сам Иоанн Васильевич. Эта клевета, к счастью, уже полностью разоблачена, хотя над ней «хорошо»

поработали не только историки типа масона Карамзина, но и рисовальщик Репин, прославленный врагами России за известное клеветническое полотно. Отравлены были и сам царь, и его сын Феодор Иоаннович, не пощажен и царевич Дмитрий, которого не защитил его отроческий возраст. Россия была ввергнута в смутное время, которое унесло половину ее населения. Лишь русская соборность – детище Иоанна Грозного – спасла Россию в 1613 году и дала ей новую династию, в верности которой наши предки поклялись на веки вечные за всех своих потомков, то есть и за нас с вами.

«А с женою моей зачем вы меня разлучили?..»

Семейное счастья царя продолжалось недолго, всего 13 лет, то есть вплоть до внезапной смерти Анастасии летом 1560 года.

Слуги темных сил Запада твердят, что после смерти царь переменился и стал крайне жестоким. Ой ли?! Ведь было раскрыто, что отравила царицу Анастасию сожительница Адашева… И что же? Иоанн Грозный ведь не посадил на кол Адашева. Он просто выслал его из Москвы, причем не только за организацию отравления, но за измену, за приверженность интересам врагам Московского государства.

Иоанн Васильевич действительно очень любил свою первую супругу царицу Анастасию, души в ней не чаял, действительно очень переживал ее гибель. Но он не пошел на месть, как человек, прекрасно знавший законы православия. В конце концов, все убийцы получили свое, но получили по высшему промыслу. И это не единственный пример – мы еще будем иметь возможность убедиться, что ничего не проходит бесследно, в повествовании, посвященном любовным драмам императора Павла Петровича.

Сколько раз он восклицал в своих посланиях изменнику Курбскому во время переписки: «Зачем мою юну убили?!» Он знал, что и Курбский причастен к убийству.

Вот строки из Второго послания: «А с женою моей зачем вы меня разлучили? Не отняли бы вы у меня моей юной жены, не было бы и Кроновых жертв. А если скажешь, что я после этого не стерпел и не соблюл чистоты, – так ведь все мы люди. А ты для чего взял стрелецкую жену? А если бы вы с попом не восстали на меня, ничего бы этого не случилось: все это случилось из-за вашего самовольства. А зачем вы захотели князя Владимира посадить на престол, а меня с детьми погубить? Разве я похитил престол или захватил его через войну и кровопролитие? По Божьему изволению с рождения был я предназначен к царству, и уже не вспомню, как меня отец благословил на Государство, – на царском престоле и вырос. А князю Владимиру, с какой стати следовало быть государем? Он – сын четвертого удельного князя. Какие у него достоинства, какие наследственные права быть государем, кроме вашей измены и его глупости? В чем моя вина перед ним? Что ваши же дяди и господины уморили отца его в тюрьме, а его с матерью также в тюрьме держали? А я и его и его мать освободил и держал их в чести и в благоденствии; а он уже от всего этого отвык. И я такие оскорбления стерпеть не смог – и

стал за самого себя. И вы тогда начали против меня еще больше выступать и изменять, и я потому еще решительнее начал выступать против вас. Я хотел вас подчинить своей воле – и как же вы из-за этого надругались над святыней господней и осквернили ее! Рассердившись на человека, восстали на Бога. Сколько церквей, монастырей и святых мест вами поругано и осквернено! Сами за это Богу ответ дадите».

Супруги Грозного Царя

В последние годы было немало споров по поводу канонизации царя Иоанна Васильевича Грозного. То, что он канонизирован еще в XVII веке царем Михаилом Федоровичем и его отцом Патриархом Филаретом Никитичем, намеренно забыто. Но сейчас не о том речь. Противники канонизации придумали, что у царя Иоанна Васильевича было семь жен и что он был лишен права причастия как многоженец. Лицемерие изуверское. Потомки и духовные последователи тех, кто регулярно травил жен и детей государя, теперь обвинят его в том, к чему принуждали преступлениями, ведь царю приходилось жениться вовсе не прихоти ради. Прося разрешение на четвертый свой брак (четвертый, а не седьмой), он вопрошал: «Как же можно иметь наследника престола, если нет жены?»

В. Манягин сообщает в книге, что царь Иоанн писал о причинах смерти не только царицы Анастасии, но и других своих жен в прошении на имя Освященного Собора с просьбой разрешить ему четвертый брак:

«…И отравами Царицу Анастасию изведоша», о Царице же Марии Темрюковне: «…И такоже вражиим злокозньством отравлена бысть», а о Марфе Васильевне: «…И тако ей отраву злую учиниша… толико быша с ним Царица Марфа две недели и преставися, понеже девства не разрешил третьего брака».

Чтобы разобраться в щекотливом вопросе, касающемся жен царя, обратимся вновь к книге «Царь всея Руси Иоанн IV Грозный», вышедшей под редакцией священника Серафима Николаева. Мы уже упоминали о том, что молодой царь был обвенчан с Анастасией Романовой. Ее отравили коварные изуверы из числа бояр, коих теперь мы бы по праву назвали агентами влияния Запада. Любимую супругу Иоанна Грозного Анастасию отравила по наущению Адашева польская… его сожительница.

В книге говорится о последующих браках так: «Брак с Марией Темрюковной имел исключительно политическую цель – присоединение Кавказа и защиту южных рубежей России; и через семь лет после его заключения Царь Иоанн с любовью вспоминал Царицу Анастасию и в память ее посылал богатые вклады в Афонские монастыри. Мария умерла в 1569 году… Через два года с целью продолжения рода (у сыновей Царя Иоанна Грозного наследников не было всю их недолгую жизнь; дети если рождались, то мертвыми или жили несколько дней, как мы сейчас знаем, из-за регулярного отравления Царевичей ядом), в 1571 году Государь выбрал себе в жены Марфу Собакину, дочь

новгородского купца, но она, будучи отравлена, скончалась, не прожив и месяца. Тогда он женился в начале 1572 года на Анне Колтовской. Для объяснения своего поступка он собрал духовенство и слезно просил дать ему прощение. Он объяснял, что первые три жены были изведены и отравлены врагами и что после кончины Марфы Собакиной он много скорбел и хотел постричься, но в силу государственной необходимости и для воспитания малолетних детей дерзнул вступить в четвертый брак.

Духовенство решило: ввиду теплого умиления и раскаяния Царя разрешить ему этот брак, но наложить епитимию: не входить в церковь до Пасхи; на Пасху в церковь войти, но стоять с припадающими, затем стоять год с верными и только после этого, на следующую Пасху, – причаститься Святых Тайн. Государь прожил с царицей Анной Колтовской три года. Детей от этого брака не было, после чего Царица ушла в монастырь… Скорее всего, жен было три или четыре, остальные же явились плодом слухов и придворных сплетен».

Иоанн Ладожский по этому поводу писал: «Сомнительно выглядят сообщения о “семи женах” Царя и его необузданном сладострастии, обрастающие в зависимости от фантазии сочинителей самыми невероятными подробностями». Враги царя Иоанна Грозного, в основном из современных жидовствующих, раздувают из мухи слона, приводя свои аргументы о женах в качестве главных доказательств его безблагодатности и порочности. На самом деле эта история не стоит выеденного яйца, если вспомнить слова Апостола Павла: «Остался ли без жены? Не ищи жены. Впрочем, если и женишься, не согрешишь; и если девица выйдет замуж, не согрешит. Но таковые будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль…» (1 Кор. 7, 27–28). В примечании указано: «Апостол Павел также писал, что “жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти за кого хочет, только в Господе” (1 Кор. 7; 39), тем более муж, не связанный законом, свободен (а в некоторых случаях даже обязан) жениться на христианке».

Далее читаем: «50-е правило Святого Василия Великого гласит: “на троебрачие (и последующие браки) нет закона; посему третий брак (и последующие) не составляется по закону… но всенародному осуждению оных не подвергаем, как лучшее нежели распутное любодеяние”. Отсюда вывод: “Все браки Царя были благословлены церковью ввиду их государственного значения, включая последний брак. В противном случае Царевич Дмитрий считался бы незаконнорожденным, что было бы несомненным препятствием к его канонизации”» (Царь всея Руси Иоанн Грозный. Под редакцией Священника Серафима

Николаева. М., 2005, с. 197–199).

Как видим, отравители действовали нагло и бесстыдно, не щадя ни жен, ни детей царя, в том числе и младенцев.

Но кто же стоял за отравителями? Теперь уже ясно, что это были темные силы Запада, те силы, которые подослали убийц к Андрею Боголюбскому в 1174 году, те силы, которые организовали убийство императора Павла Первого в 1801 году. Интересный факт сообщается в уже упомянутой нами книге «Царь Всея Руси Иоанн Грозный». Летом 1581 года королева Елизавета английская прислала Царю Иоанну Васильевичу своего врача Роберта Якоби, сопроводив этот «дар» письмом такого содержания: «Мужа искуснейшего в исцелении болезней уступаю тебе, моему брату кровному, не для того, чтобы он был не нужен мне, но для того, что тебе нужен. Можешь смело вверить ему свое здравие. Посылаю с ним, в угодность твою, аптекарей и цирюльников, волей и неволей, хотя мы сами имеем недостаток в таких людях». Какая трогательная забота! Подумать только. В книге далее читаем: «Через три года Царь Иоанн Васильевич Грозный умрет от “неизвестной болезни”, как впоследствии выяснится, от очень медленного, в течение нескольких лет, отравления ртутью, принимаемой в пищу, и лекарствами».

Это все было не случайно. Когда враги России убедились, что царь Иоанн Грозный не свернет с Самодержавного пути, что не отступится от веры Православной, что будет продолжать походы с целью приобретения побережья Балтийского моря, они все сделали для его устранения. В ту эпоху врачи были подлинными убийцами, а слово «врач» скорее ассоциировалось со словом «врать». Исцеляли же старцы и святые отцы по молитвам, покаянию и причастию. Ведь главная причина болезней все-таки духовная, и недаром Церковь православная учит, что болезни нам даются за грехи.

Грозный царь был отравлен, потому что созидал могучую Державу, страшную для врагов Христовых. «Обозрев историю Царя Иоанна Васильевича Грозного, – писал Иван Нехачин в книге “Новое ядро Российской истории”, – можно сказать, что сим великим Государем совсем новая начинается эпоха могущества Российского Государства. Он своею храбростью и благоразумием превосходил всех своих предков… Был Государь всегда справедливый, мужественный, остроумный, храбрый, щедрый, о политическом просвещении и благополучии народа весьма старательный… Царь Иоанн Васильевич был отменно усерден в вере, ревнителен к Церкви».

За верность православию он был оклеветан и отравлен. Кто же автор клеветы на Ивана Грозного? Имена этого сочинителя и

его последователей известны. Их вымыслы – лишь звенья в цепи лживых измышлений о нашем великом прошлом. Митрополит Иоанн Ладожский считал, что «решающее влияние на становление русоненавистнических убеждений “исторической науки” оказали свидетельства иностранцев».

Увы, и после убедительных доказательств того, что царевич Иоанн был отравлен, а не убит, продолжается клевета на царя Иоанна Грозного. Автору книги «Иван Грозный», вышедшей в 2002 году в серии ЖЗЛ, Борису Флоре уже не могли быть неведомы и исследования ученых, и опровержения клеветы, с которыми выступил Святитель Иоанн Ладожский в книге «Самодержавие Духа», очень популярной в культурных слоях общества. Но Флоря продолжает настаивать на клевете, перепевая множество версий об убийстве, со ссылкой на таких уж «русских» авторов, как Рейнгольд Гейденштейн, Одерборн, Поссевин, Джером Горсей.

Ни русские летописи, ни православный митрополит, ни мнение ученых, обследовавших останки царя и царевича, для Б. Флори авторитетами не являются. Они для него пустое место, потому что не вписываются в его концепцию очернения России и Русского Православного Самодержавия. Для врагов России царь Иоанн Грозный всегда был и остается врагом, причем врагом, страшным и по сей день. А вдруг, неровен час, встанет из гроба и возродит «государев свет Опричнину», которая убийственна для слуг темных сил. Впрочем, милосердный православный царь еще может и помиловать, хотя и нарушит тем свою священную обязанность – ведь верили же злодеям и миловали их и Андрей Боголюбский, и Иоанн Грозный, и Павел Первый, а потом гибли от рук их. Но клеветник, как слуга дьявола, приравненный к человекоубийце, не может рассчитывать на милость Божью. Если мы проследим за судьбами тех, кто очернял Иоанна Грозного, кто клеветал на Игумена Всея Руси, мы увидим, что судьбы их были ужасны, а кончины сопряжены с нравственными и физическими муками. И хочется сказать нынешним хулителям: спешите покаяться в смертном грехе своем.

Иоанн Грозный сына не убивал

Увидев в 1885 году в Санкт-Петербурге на выставке новую картину Ильи Репина «Иван Грозный и его сын Иван 16 ноября 1581 года», которая потом стала известна под упрощенным названием «Иван Грозный убивает своего сына», обер-прокурор Святейшего Синода и выдающийся русский мыслитель Константин Петрович Победоносцев был крайне возмущен ее сюжетом, в котором вымысел выдавался за факт, и написал императору Александру III: «Нельзя назвать картину исторической, так как этот момент… чисто фантастический».

Действительно, факт убийства царем Иоанном Васильевичем Грозным своего сына царевича Иоанна до недавнего времени казался бесспорным, ведь он нашел отражение даже в школьных учебниках, как одно из свидетельств о якобы существовавшей жестокости Русского Православного Самодержавия. И никто не задумывался, откуда попал этот факт в историческую литературу. Лишь митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн впервые опроверг эту клевету на царя в своей книге «Самодержавие Духа», где доказал, что царевич Иоанн умер от тяжелой болезни и что в дошедших до нас исторических документах нет и намека на сыноубийство.

В Московском летописце за 7090 (1581 г. – *Н.Ш.*) год указано: «…преставися царевич Иоанн Иоаннович».

Пискаревский летописец указывает более подробно: «…в 12 час нощи лета 7090 ноября в 17 день… преставление царевича Иоанна Иоанновича».

В Новгородской четвертой летописи говорится: «Того же (7090) году преставися царевич Иоанн Иоаннович на утрени в Слободе…»

Морозовская летопись констатирует: «… не стало царевича Иоанна Иоанновича».

Как видим, об убийстве ни слова. Что же касается фактов, свидетельствующих о смерти царевича Иоанна от отравления, то они вполне обоснованы.

В.В. Манягин в книге «Вождь Воинствующей Церкви» (2003) пишет: «По поводу болезни можно сказать определенно – это было отравление сулемой. Смерть, вызванная ею, мучительна, а доза, вызывающая такой исход, не превышает 0,18 грамма».

«В 1963 году в Архангельском соборе Московского Кремля, – пишет он далее, – были вскрыты четыре гробницы: Иоанна Грозного, царевича Иоанна, царя Феодора Иоанновича и полководца Скопина-Шуйского.

При исследовании останков была проверена версия об отравлении Царя Иоанна Грозного.

Ученые обнаружили, что содержание мышьяка примерно одинаково во всех четырех скелетах и не превышает нормы. Но в костях царя Иоанна и царевича Иоанна было обнаружено наличие ртути, намного превышающее допустимую норму.

Некоторые историки пытались утверждать, что это вовсе не отравление, а последствие лечения сифилиса ртутными мазями. Однако исследования показали, что сифилитических изменений в останках царя и царевича не обнаружено.

После того как в 1990-х годах провели исследование захоронений московских великих княгинь и цариц, был выявлен факт отравления той же сулемой матери Иоанна Васильевича, Елены Васильевны Глинской (умерла в 1538 году), и его первой жены Анастасии Романовой (умерла в 1560 году).

Это свидетельствует о том, что царская семья на протяжении нескольких десятилетий была жертвой отравителей. Данные этих исследований позволили утверждать, что царевич Иоанн был отравлен. Содержание яда в его останках во много раз превышает допустимую норму. Таким образом, советская историческая наука опровергает версию об убийстве царем Иоанном Васильевичем своего сына».

Кто же автор клеветы на Ивана Грозного? Имена этого сочинителя и его последователей известны. Их вымыслы – лишь звенья в цепи лживых измышлений о нашем великом прошлом.

Митрополит Иоанн считал, что «решающее влияние на становление русоненавистнических убеждений “исторической науки” оказали свидетельства иностранцев». О том же говорил и выдающийся исследователь древности Сергей Парамонов в книге «Откуда ты, Русь?», которую он издал под псевдонимом Сергей Лесной: «Нашу историю писали немцы, которые вообще не знали или плохо знали русский язык».

Примером того являются лживая норманнская теория, миф о призвании варягов и прочие мифы.

На то, что авторами трудов по русской истории являлись иноземцы, указывал и советский академик Б.А. Рыбаков. Он, в частности, писал:

«Во времена бироновщины, когда отстаивать русское начало в чем бы то ни было оказалось очень трудно, в Петербурге, в среде приглашенных из немецких княжеств ученых, родилась идея заимствования государственности славянами у северогерманских племен. Славяне IX-X веков были признаны “живущими звериньским образом” (выражение норманнистов), а строителями и создателями государства были объявлены северные

разбойничьи отряды варягов-норманнов, нанимавшихся на службу к разным властителям и державших в страхе Северную Европу. Так, под пером Зигфрида Байера, Герарда Миллера и Августа Шлецера родилась идея норманнизма, которую часто называют норманнской теорией, хотя вся сумма норманнистических высказываний за два столетия не дает права на наименование норманнизма не только теорией, но даже гипотезой, так как здесь нет ни анализа источников, ни обзора всех известных фактов».

Казалось бы, речь идет об эпохе, не относящейся к теме. Но если не понимать стремление Запада исказить правду о нашем великом прошлом, трудно поверить и в то, что написанное об Иоанне Грозном иноземцами – обычная ложь.

Можно привести тысячи примеров извращения истории нашего государства западными историками. Но особенно злостным нападкам подверглась эпоха Грозного.

«С “легкой руки” Карамзина стало признаком хорошего тона обильно мазать эту эпоху черной краской, – писал митрополит Иоанн. – Даже самые консервативные историки-марксисты считали своим долгом отдать дань русофобской риторике, говоря о “дикости”, “свирепости”, “невежестве”, “терроре” как о само собой разумеющихся чертах эпохи».

Причем доказательствами якобы имевших место ужасов той эпохи для историков явились не свидетельства очевидцев, не архивные данные, не показания придворных, записанные и сохраненные архивами, а клеветнические измышления западных посланников.

Миф о сыноубийстве и другие лживые мифы были необходимы не только для того, чтобы выставить царя в глазах потомков кровожадным тираном, но и доказать западному миру, к тому времени «прославившемуся» ужасами инквизиции, что в России порядки не лучше.

«Начиная с Карамзина, – писал митрополит Иоанн, – русские историки воспроизводили в своих сочинениях всю ту мерзость и грязь, которыми обливали Россию заграничные “гости”, и творческое “наследие” таких, как Штаден и Поссевин, долгое время воспринималось в качестве свидетельства о жизни и нравах русского народа».

То же самое говорит и А. Гулевич в книге «Царская власть и революция»: «Национальная история пишется обыкновенно друзьями. История России писалась ее врагами».

Но кто же первый оклеветал одного из величайших русских самодержцев? «Сочинения» Антонио Поссевино (папский шпион) подхватил Генрих Штаден (германский шпион) и процитировал

слишком доверчивый Карамзин: «Царевич, исполненный ревности благородной, пришел к отцу и требовал, чтобы он послал его с войском изгнать неприятеля, освободить Псков, восстановить честь России. Иоанн в волнении гнева закричал:

“Мятежник! Ты вместе с боярами хочешь свергнуть меня с престола”, – и поднял руку. Борис Годунов хотел удержать ее: Царь дал ему несколько ран острым жезлом своим и сильно ударил им царевича в голову. Сей несчастный упал, обливаясь кровью!»

Монах-иезуит Антоний Поссевин приехал в Москву в 1581 году, чтобы послужить посредником в переговорах русского царя с польским королем Стефаном Баторием, вторгшимся в ходе Ливонской войны в русские земли. Будучи легатом папы Григория XIII, Поссевин надеялся с помощью иезуитов добиться уступок от Иоанна IV, пользуясь сложным внешнеполитическим положением Руси. Его целью было вовсе не примирение враждующих, а подчинение русской Церкви папскому престолу…

Католическая церковь, потеряв надежду сломить Русскую Державу и Православную русскую Церковь открыто, путем крестовых походов, и тайно, с помощью ересей, стремилась теперь добиться этого обманом, обещая Иоанну Грозному, в случае, если он предаст истинную веру, приобретение территорий, принадлежавших ранее Византии.

«Но надежды папы и старания Поссевина не увенчались успехом, – писал М.В. Толстой в “Истории Русской Церкви”. – Иоанн Васильевич оказал всю природную гибкость ума своего, ловкость и благоразумие, которым и сам иезуит должен был отдать справедливость, отринул домогательства о позволении строить на Руси латинские церкви, отклонил споры о вере и соединении Церквей на основании правил Флорентийского собора и не увлекся мечтательным обещанием приобретения всей империи Византийской, утраченной греками будто бы за отступление от Рима».

Флорентийская уния, иными словами, соглашение об объединении православной и католической церквей, была подписана в 1439 году во Флоренции. Эта уния явилась очередной попыткой Рима распространить католичество силой. В ответ на нее в 1448 году собор епископов в Москве объявил Русскую православную церковь автокефальной, то есть независимой от константинопольского патриарха.

Комментируя М.В. Толстого, митрополит Иоанн писал: «Известный историк Русской Церкви мог бы добавить, что происки Рима в отношении России имеют многовековую историю, что провал миссии сделал Поссевина личным врагом царя, что

само слово “иезуит”, из-за бессовестности и беспринципности членов ордена, давно сделалось именем нарицательным, что сам легат приехал в Москву уже через несколько месяцев после смерти царевича и ни при каких обстоятельствах не мог быть свидетелем происшедшего».

Иоанн Васильевич ответил иезуиту твердо и грозно: «Ты говоришь, Антоний, что ваша вера римская – одна с греческою вера? И мы носим веру истинно христианскую, но не греческую. Греки нам не евангелие. У нас не греческая, а Русская вера».

Миссия потерпела полный провал, и взбешенный Поссевин, по злобе своей, сочинил миф о том, что Иоанн Грозный в порыве гнева убил своего сына и наследника престола царевича Иоанна Иоанновича.

«Поссевин говорит, – писал митрополит Иоанн, – что Царь рассердился на свою невестку, жену царевича, и во время вспыхнувшей ссоры убил его. Нелепость версии (уже с момента возникновения) была так очевидна, что потребовалось “облагородить” рассказ, найти более “достоверный” повод и “мотив убийства”. Так появилась другая сказка – о том, что царевич возглавил политическую оппозицию курсу отца на переговорах с Баторием о заключении мира и был убит царем по подозрению в причастности к боярскому заговору. Обе версии совершенно голословны и бездоказательны. На их достоверность невозможно найти и намеки во всей массе дошедших до нас документов и актов, относящихся к тому времени».

А вот сведения о естественной смерти царевича Ивана имеют под собой документальную основу.

Еще в 1570 году болезненный и благочестивый царевич, благоговейно страшась тягот предстоявшего ему царского служения, пожаловал в Кирилло-Белозерский монастырь огромный по тем временам вклад в тысячу рублей. Предпочитая мирской славе монашеский подвиг, он сопроводил вклад условием, чтобы «ино похочет постричися, царевича князя Ивана постригли за тот вклад, а если, по грехам, царевича не станет, то и поминати».

Косвенно свидетельствует о смерти Ивана не от удара посоха и то, что в «доработанной» версии о сыноубийстве смерть его последовала не мгновенно после «рокового удара», а через четыре дня, в Александровской слободе. Впоследствии стало ясно, почему царевич угасал четыре дня – это было вызвано отравлением сулемой.

Подхватил и развил версию о «сыноубийстве» и еще один проходимец – немец Генрих Штаден, прибывший в Москву с задачами разведывательного характера.

Штаден написал клеветнические записки, которые Карамзин посчитал за правдивые и которые были разоблачены советскими историками. К примеру, И.И. Полосин назвал их «повестью душегубства, разбоя, татьбы с поличным», причем отличающейся «неподражаемым цинизмом». По словам другого советского историка, С.Б. Веселовского, «они представляли собой бессвязный рассказ едва грамотного, необразованного и некультурного авантюриста, содержащий много хвастовства и лжи».

Вернувшись в Германию, Штаден изложил проект завоевания Московии, предлагая уничтожить все церкви и монастыри, разгромить и упразднить православную веру, а затем превратить русских людей в рабов. Вот чьими данными пользовались многие русские историки, описывая в своих сочинениях эпоху Иоанна Грозного.

Вот этот документ, который свидетельствует о явном сумасшествии автора. Генрих Штаден в 1567 году писал: «Чтобы захватить, занять и удержать страну – достаточно иметь 200 кораблей, 200 полевых орудий и 100 000 человек… Отправляться следует 1 апреля… Ваше римское кесарское величество должны выбрать одного из братьев в качестве государя, который взял бы эту страну и управлял ею… Монастыри и церкви должны быть закрыты. Города и деревни должны стать добычей воинских людей… Великого Князя (Иоанна Грозного) вместе с его сыновьями, связанных, как пленников, …надо отправить в горы, где Рейн и Эльба берут начало. Туда же тем временем надо свезти всех пленных из его страны, и там в присутствии его и обоих его сыновей убить их так, чтобы они видели все собственными глазами. Затем у трупов надо перевязать ноги у щиколотки и, взяв длинное бревно, насадить на него мертвецов так, чтобы на каждом бревне висело по 30, по 40, а то и по 50 трупов. Одним словом, столько, сколько могло бы удержать на воде одно бревно, чтобы вместе с трупами не пойти ко дну. Бревна с трупами надо бросить затем в реку и пустить вниз по течению. Пусть Великий Князь убедится, что никто не может надеяться на собственные силы и что все его просьбы и молитвы – лишь грех один! Великий Князь будет тогда взывать к Богу через посредство Николая и других усопших святых. А наши будут укрепляться этим и поучаться и скажут, что они-то и суть подлинные христиане. В Русской земле не знают и не употребляют ни латинского, ни еврейского, ни греческого языков. Однако и самый последний крестьянин так сведущ, что превзойдет и наших докторов-ученых… Если кто-нибудь из наших всеученейших докторов попадет в Москву – придется ему учиться заново».

Но почему вдруг подверглись клевете именно Иоанн Васильевич Грозный и время его царствования? Ответ прост: сильная Россия Западу страшна, а Иоанн Грозный создавал Московское царство могучим, боролся за чистоту веры и укреплял Православное Русское Самодержавие, основы которого заложил святой благоверный князь Андрей Боголюбский.

Время царствования Иоанна Грозного и канун его были весьма знаменательны для России. Вот как оценивает эту эпоху доктор исторических наук С.В. Перевезенцев в книге «Царь Иван IV Грозный»:

«В XV столетии произошли события, особо важные для России, оказавшие огромное влияние на всю ее дальнейшую историю – в 1439 году во Флоренции было подписано соглашение об объединении католической и православной церквей; в 1448 году, в ответ на Флорентийскую унию, собор епископов в Москве провозгласил Русскую Церковь автокефальной, т. е. независимой от константинопольского патриарха; в 1453 году прекратила свое существование Византийская империя; в 1480 году Русское государство окончательно избавилось от татаро-монгольского ига.

Для русского религиозно-мифологического сознания той поры столь быстрая последовательность, фактически совпадение этих событий не могло казаться случайным. И смысл виделся совершенно определенный – Сам Господь избрал Русь для осуществления на Земле неких Высших, Божественных предначертаний, ибо Россия осталась единственным в мире государством, которое несло человечеству свет правой веры. В этот период Москва начинает осознаваться как центр, ядро, средоточие не только России, но всего мира».

И вполне естественно Запад забил тревогу.

Не имея возможности уничтожить Русь военным путем, Запад прибег к клевете и шельмованию с целью подрыва авторитета верховной государственной власти в России.

Историк Иван Егорович Забелин писал: «Всем известно, что древние, в особенности греки и римляне, умели воспитывать героев… Это умение заключалось лишь в том, что они умели изображать в своей истории лучших передовых своих деятелей не только в исторической, но и в поэтической правде.

Они умели ценить заслуги героев, умели различать золотую правду и истину этих заслуг от житейской лжи и грязи, в которой каждый человек необходимо проживает и всегда больше или меньше марается.

Они умели отличать в этих заслугах не только реальную и, так сказать, полезную их сущность, но и сущность идеальную, то

есть историческую идею исполненного дела и подвига, что необходимо и возвышало характер героя до степени идеала».

О наших же историках Забелин с сожалением сказал: «Как известно, мы очень усердно только отрицаем и обличаем нашу историю и о каких-либо характерах и идеалах не смеем и помышлять. Идеального в своей истории мы не допускаем… Вся наша история есть темное царство невежества, варварства, суесвятства, рабства и так дальше. Лицемерить нечего: так думает большинство образованных русских людей…»

Инструктируя создателя фильма «Иван Грозный» режиссера Эйзенштейна и исполнителя роли царя – Черкасова, Сталин сказал: «Иоанн Грозный был очень жестким. Показывать, что он был жестким, можно. Но нужно показать, почему нужно быть жестким. Одна из ошибок Иоанна Грозного состояла в том, что он не уничтожил пять крупных феодальных семейств. Если он эти пять крупных семейств уничтожил бы, то вообще не было бы Смутного времени».

Иоанна Грозного называли тираном, приписывали ему непомерные жестокости, а между тем Сталин, который внимательно изучил политику царя, сделал вывод, что тот даже проявил излишнюю мягкость к враждебным боярским семействам, помиловав их, и тем самым, увы, не желая того, позволил ввергнуть Россию в Смутное время, унесшее почти половину населения Московии.

Между тем факты опровергают жестокость царя и бесчеловечность опричного «террора». Н. Скуратов в статье «Иван Грозный – взгляд на время царствования с точки зрения укрепления государства Российского» пишет: «Обычному, несведущему в истории человеку, который не прочь иногда посмотреть фильмы и почитать газету, может показаться, что опричники Иоанна Грозного перебили половину населения страны. Между тем число жертв политических репрессий 50-летнего царствования хорошо известно по достоверным историческим источникам.

Подавляющее большинство погибших названо в них поименно… казненные принадлежали к высшим сословиям и были виновны во вполне реальных, а не в мифических заговорах и изменах… Почти все они ранее бывали прощаемы под крестные целовальные клятвы, то есть являлись клятвопреступниками, политическими рецидивистами».

Манягин отмечает, что такой же точки зрения придерживались митрополит Иоанн и историк Р.Г. Скрынников, которые указали, что за 50 лет правления Грозного царя к смертной казни были приговорены не более 4–5 тысяч человек.

Но из этой цифры надо убрать казненных бояр до 1547 года, то есть до венчания Иоанна Васильевича на царство. Не может же он отвечать за взаимные убийства различных боярских кланов, рвавшихся к власти.

Манягин пишет: «Во времена царствования Иоанна IV смертной казнью карали за: убийство, изнасилование, содомию, похищение людей, поджог жилого дома с людьми, ограбление храма, государственную измену.

Для сравнения: во время правления царя Алексея Михайловича смертной казнью карались уже 80 видов преступлений, а при Петре I – более 120!

Каждый смертный приговор при Иоанне IV выносился только в Москве и утверждался лично Царем».

Власть православного царя Иоанна Васильевича была много мягче, нежели в Европе, о чем Манягин говорит следующее: «В том же XVI веке в других государствах правительства совершали действительно чудовищные беззакония. В 1572 году во время Варфоломеевской ночи во Франции перебито свыше 80 тысяч протестантов. В Англии за первую половину XVI века было повешено только за бродяжничество 70 тысяч человек. В Германии при подавлении крестьянского восстания 1525 года казнили более 100 тысяч человек. Герцог Альба уничтожил при взятии Антверпена 8 тысяч и в Гарлеме 20 тысяч человек, а всего в Нидерландах испанцы убили около 100 тысяч человек».

Итак, в «просвещенной» и «милосердной» Европе примерно за тот же период казнили более 378 тысяч человек, большей частью безвинных, а в России при Иоанне Грозном за конкретные тяжкие преступления были казнены 4–5 тысяч. Почему же Грозный царь-тиран, а европейцы – само милосердие?

Говоря о казнях, не следует забывать, что именно «не уничтоженное» боярское семейство Шуйских было одним из тех семейств, что толкнули Россию к Смутному времени.

Именно со времени правления Василия Шуйского была нарушена православная вертикаль власти.

Начиная с правления Иоанна III было установлено, что Царь присягает Богу, а народ присягает царю как Помазаннику Божиему. Но безбожник Шуйский дал клятву не Богу. Он дал подкрестную клятву боярской верхушке. Это было началом разрушения самодержавия, построенного династией Рюриковичей. И разрушение это стало результатом не жестокости, а, напротив, чрезвычайного милосердия Иоанна Грозного.

«Мягкий и незлобивый по природе, – отмечал митрополит Иоанн, – Царь страдал и мучился, вынужденный применять

крутые меры».

Часто бывало, что едва только начиналась казнь приговоренных по суду злостных преступников, как прибывал гонец с царской грамотой и те, кто еще не был казнен, отпускались под крестное целование. Но что безбожному слуге бесовскому до этого целования? В благодарность за милосердие царя отравили сулемой…

И Россия покатилась к Смутному времени, в период которого из 15 миллионов человек потеряла 7 миллионов, а спасена была от полной гибели и превращения в польско-литовскую колонию лишь благодаря тому гениальному изобретению Иоанна Грозного, о котором мы незаслуженно забыли.

Именно Земский собор, созванный в 1613 году по законам и правилам, внедренным Иоанном Грозным, смог возродить самодержавное правление.

На этом Московском Земско-поместном соборе были окончательно отвергнуты посягательства на престол зарубежных самозванцев и избран русским царем Михаил Федорович Романов.

Ведь подвиг князя Дмитрия Михайловича Пожарского не только в том, что он освободил Москву, но и в том, что он не польстился на царский престол и не «крикнул» себя тут же царем, подобно Шуйскому с помощью ближайших к нему лиц, а согласился лишь на временное управление страной, немедленно начав подготовку к созыву Московского Земско-поместного собора всея Русской земли, поддержавшего введение опричнины во имя спасения православной веры и самой Русской земли.

Екатерина Великая в супружестве и любви

Под таинственным светом кометы

Пуржила и вьюжила русская зима, взбивали огромные снежные перины неугомонные метели, очаровывало снежное безбрежье, таинственно мерцающее в лунном свете и сверкающее в свете солнечном. Дороги, порой, едва угадывались под снежными покровами. Без провожатых не найдешь, куда ехать – заплутаешь в бесконечных просторах. Не доводилось прежде юной прусской принцессе Софии видеть столь необозримые, стремящееся к бесконечности бескрайние просторы. Могла ли она представить себе в те минуты, что пройдут годы, и вся эта невообразимая красота русских полей, торжественность дубрав, рощ и лесов, одетых в белоснежное убранство непорочной чистоты, будет в ее державной власти. Вряд ли могла предположить, что она, во время частых своих путешествий, будет проноситься в карете, поставленной на лыжи, по Российским просторам, жмурясь от слепящего снега днем и восхищаясь яркими факелами костров, освещающими царский путь ночью.

Резвые кони мчали прусскую принцессу в тревожную, но желанную неизвестность. Ей не было жаль прошлого – ее влекло будущее, пусть туманное, но полное надежд.

Ночами, когда вдруг стихали метели и умолкали вьюги, в безоблачном небе сверкала яркими мириадами звезд огромная комета, одновременно и тревожная и завораживающая своею неземной, недоступной красотой и пугающей таинственностью. Она притягивала, она звала к раздумьям над странными поворотами судьбы, и принцесса София видела в ней какой-то высший знак, словно бы предназначенный именно ей Самим Богом. А где-то вдалеке, в глубине России, столь же завороженно глядел на комету двухлетний мальчуган, которому в будущем было суждено прославить мчавшуюся зимними дорогами принцессу в знаменитой оде «Фелица». И губы малыша, сидевшего на руках у няни, шептали первое в жизни осознанное им слово «Бог». Имя этого мальчугана – Гавриил Державин.

Под таинственным знаком кометы въехала в Россию прусская принцесса София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская, чтобы в крещении православном получить имя Екатерины Алексеевны и стать супругой наследника Российского престола.

Годы спустя она отметила в своих «Записках»: «В Курляндии я увидела страшную комету, появившуюся в 1744 году; я никогда не видела такой огромной – можно было сказать, что она была очень близка к земле».

И, может быть, эта комета утвердила ее в том, что суждено ей

высокое предназначение. Недаром же ее тянуло в Россию, недаром она сделала все возможное, чтобы убедить своих родителей в необходимости принять предложение императрицы Елизаветы Петровны и мчаться, мчаться сквозь заметенные метелями русские просторы в эту загадочную, быть может, даже отчасти пугающую, но такую желанную страну.

Впрочем, того, что было у нее позади, прусской принцессе не было жалко. Она спокойно оставила небольшой заштатный прусский городишко, чтобы окунуться в необозримые русские просторы и в пучину столь еще, по мнению родителей, изменчивую и непостоянную русскую действительность.

Что оставила она в Пруссии? Почему не жалела о том, что оставила?

О младенчестве и отрочестве будущей Российской Государыни известно не так уж много. Причина ясна: кто мог предугадать столь великое ее будущее? Известный биограф императрицы А.Г. Брикнер указывал в монографии: «Императрица Екатерина в позднейшее время охотно вспоминала и в шутливом тоне говорила о той сравнительно скромной обстановке, при которой она, бывшая принцесса Ангальт-Цербстская Софья Фредерика Августа, родилась (21 апреля ст. ст., или 2 мая н. ст., 1729 года) и выросла в Штеттине, как дочь губернатора этого города, принца Христиана Августа и принцессы Иоаганны Елизаветы, происходившей из Голштинского дома и бывшей, таким образом, в довольно близком родстве с Великим Князем Петром Федоровичем».

В 1776 году, касаясь, к слову, своего детства, императрица Екатерина Вторая писала барону Гримму, собиравшемуся посетить Штеттин:

«Я родилась в доме Грейфенгейма, в Мариинском приходе… жила и воспитывалась в угловой части замка и занимала наверху три комнаты со сводами, возле церкви, что в углу. Колокольня была возле моей спальни. Там учила меня мамзель Кардель и делал мне испытания г. Вагнер. Через весь этот флигель по два или три раза в день я ходила, подпрыгивая, к матушке, жившей на другом конце…» А далее в шутку прибавила: «…может быть, Вы полагаете, что местность что-нибудь значит и имеет влияние на произведение сносных императриц». В другом письме она продолжила шутку: «Вы увидите, что со временем станут ездить в Штеттин на ловлю принцесс, и в этом городе появятся караваны посланников, которые будут там собираться, как за Шпицбергеном китоловы».

Этими шутками Екатерина хотела, очевидно, подчеркнуть совершенную необычайность превращения принцессы из

обедневшего рода сначала в великую княгиню, а затем и в императрицу России. Но в словах ее ощущается гордость за то, что она сумела сделать в России, чувствуется уверенность в том, что не слишком преувеличивали на новой ее родине те, кто предлагал ей дать высокое имя Матери Отечества.

Но что же послужило причиной столь неожиданного вызова в Россию незнатной прусской принцессы? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо хотя бы в общих чертах познакомиться с тем, что происходило в ту эпоху в самой России.

Династическая линия Романовых с конца XVII века и вплоть до восшествия на престол Екатерины Великой была весьма слабой и непрочной. Старший сын Петра I, царевич Алексей Петрович, был, как известно, умерщвлен. Сын Петра I от Марты Самуиловны Скавронской (будущей Екатерины I) умер в младенчестве. Сын казненного царевича Алексея Петровича, ставший в юные лета императором Петром II, умер, а по некоторым данным, был отравлен. Детей у него не было по младости лет. Даже женить юного императора не успели.

Род Романовых по мужской линии пресекся, и в 1730 году Верховный тайный совет остановил свой выбор на Анне Иоанновне, дочери Иоанна, старшего брата Петра, выданной еще в 1710 году за герцога Курляндского и вскоре овдовевшей. Анна Иоанновна правила с 1730 по 1740 год, и это царствование оставило по себе тяжелые воспоминания. После ее смерти оседлавшие Россию во времена «бироновщины» иноземцы возвели на престол младенца Иоанна Антоновича при регентстве его матери, Анны Леопольдовны, которая была дочерью герцога Мекленбург-Шверинского и племянницы Петра I Екатерины Иоанновны. Все это было сделано в обход законных прав дочери Петра Первого Елизаветы Петровны.

Наконец, русской гвардии надоела вся эта дворцовая кутерьма иноземцев, и 25 ноября 1741 года, разогнав неметчину, гвардейцы возвели на престол Елизавету Петровну.

Императрица Елизавета Петровна, насмотревшаяся на возню вокруг престола малодостойной уважения своры алчных претендентов, стала искать возможность укрепить династическую линию. Но, увы, ей удалось найти лишь сына гольштейн-готторпского герцога Карла Фридриха и Анны Петровны, дочери Петра I от Марты Самуиловны Скавронской, который был наречен сложным для понимания в России именем Карл Петр Ульрих. С одной стороны, он был внуком Петра I, а один внук – император Петр II – уже правил в России с 1727 по 1730 год. Почему же не стать императором второму внуку? Но, с другой стороны, претендент на престол, выбранный Елизаветой Петровной, ее

саму привел в шок…

Тем не менее дело сделано и отступать было некуда. Императрица стала спешно искать невесту для наследника. Она решила все надежды возложить на то чадо, которое родится от брака дурно воспитанного и малообразованного великого князя с достойной супругой, если удастся подыскать таковую.

Есть что-то мистически загадочное в том, что выбор пал именно на Екатерину Алексеевну, которая до Православного Крещения звалась: Софья Фредерика Августа Ангальт-Цербстская. Посудите сами: предлагались невесты гораздо более именитые. А.Г. Брикнер в «Истории Екатерины Второй» рассказал: «Уже в 1743 году в Петербурге был возбужден и решен вопрос о женитьбе наследника престола. Еще до этого, а именно в конце 1742 года, английский посланник сделал предложение о браке Петра с одной из дочерей английского короля; рассказывают, что портрет этой принцессы чрезвычайно понравился Петру. С другой стороны, зашла речь об одной французской принцессе, однако Императрица Елизавета не желала этого брака. Из записок Фридриха II видно, что Императрица Елизавета, при выборе невесты для своего племянника, “все более склонялась на сторону принцессы Ульрики, сестры прусского короля”. Зато выбор Бестужева пал на Саксонскую принцессу Марианну, дочь польского короля Августа III, ибо этот брак вполне соответствовал политической системе канцлера, союзу между Россией, Австрией и Саксонией, для сдерживания Франции и Пруссии».

Как видим, рассматривались четыре претендентки, к одной из которых благоволила Императрица Елизавета Петровна, к другой сам Великий Князь Петр Федорович, а к третьей, уже по политическим мотивам, канцлер Бестужев.

Но вдруг, казалось бы, ни с того ни с сего, императрица Елизавета Петровна, никого не известив, завела переговоры о браке наследника с принцессой Софьей Фредерикой Августой Ангальт-Цербстской, родители которой были крайне бедны, а сама невеста к тому же еще приходилась жениху троюродной сестрой.

Впрочем, полезнее ли были бы для России все вышепоименованные невесты, если учесть, каков сам жених по умственному складу и характеру? Могла ли Россия стать для них столь же желанной Родиной, как для Екатерины, если они у себя дома купались в роскоши, а для принцессы Ангальт-Цербстской на ее родине перспектив по существу не было? Одной из причин выбора явилось то, что принцесса Софья, став великой княгиней, не смогла бы опираться на силу придворных партий, которые неминуемо сгруппировались бы при любой из перечисленных

выше претенденток. Такая опора могла серьезно осложнить передачу прав на престолонаследие тому, кто появится на свет после бракосочетания великого князя.

Многие историки пытались понять, почему выбор пал именно на Софию Фредерику Августу? А.Г. Брикнер предлагал такое объяснение: «С давних пор между русским двором и родственниками невесты Великого Князя Петра Федоровича существовали довольно близкие сношения. Брат княжны Иоганны Елизаветы (матери будущей Императрицы Екатерины II), епископ Любский Карл, при Екатерине I был в России в качестве жениха Елизаветы Петровны. Он вскоре умер, но Елизавета Петровна не переставала питать некоторую привязанность к его родственникам. Еще до мысли о браке Петра с принцессой Ангальт-Цербстской они находились в переписке с ее матерью».

Так или иначе, но решение было принято, и Елизавета Петровна тайно призвала в Петербург Иоганну Елизавету с дочерью. Причины приглашения, да и само по себе приглашение держались в тайне.

Письмо из России

О том, с чего все начиналось для нее самой, императрица Екатерина Вторая подробно поведала в своих «Записках…»: «1 января 1744 года мы были за столом, когда принесли отцу большой пакет писем; разорвав первый конверт, он передал матери несколько писем, ей адресованных. Я была рядом с ней и узнала руку обер-гофмаршала Голштинского герцога, тогда уже русского Великого Князя. Это был шведский дворянин по имени Брюмер. Мать писала ему иногда с 1739 года, и он ей отвечал. Мать распечатала письмо, и я увидела его слова: "…с принцессой, Вашей старшей дочерью". Я это запомнила, отгадала остальное и, оказалось, отгадала верно. От имени Императрицы Елизаветы он приглашал мать приехать в Россию под предлогом изъявления благодарности Ее Величеству за все милости, которые она расточала семье матери».

Когда родители уединились в кабинете, как поняла она, для совещания по поводу загадочного письма, София-Фредерика почувствовала необыкновенное волнение. Она ждала решения, понимая, что речь в письмо о ней, о ее судьбе. И решение вскоре было вынесено: мать «отклонила отца от мысли о поездке в Россию».

И вот тут будущая императрица Екатерина проявила удивительную, даже весьма дерзкую инициативу: «Я сама заставила их обоих на это решиться, – вспоминала она в "Записках…". – Вот как. Три дня спустя я вошла утром в комнату матери и сказала ей, что письмо, которое она получила на Новый год, волновало всех в доме… Она хотела узнать, что я о нем знала; я ей сказала, что это было приглашение от Русской Императрицы приехать в Россию и что именно я должна участвовать в этом. Она захотела узнать, откуда я это знала; я ей сказала: "через гаданье"… Она засмеялась и сказала: "ну, так если вы, сударыня, такая ученая, вам надо лишь отгадать остальное содержание делового письма в двенадцать страниц". Я ей ответила, что постараюсь; после обеда я снесла ей записку, на которой написала следующие слова (гадалки, популярной в то время в Штеттине. – *Н.Ш.*):

"Предвещаю по всему, что Петр III будет твоим супругом".

Мать прочла и казалась несколько удивленной. Я воспользовалась этой минутой, чтобы сказать ей, что если действительно ей делают подобные предложения из России, то не следовало от них отказываться, что это было счастье для меня. Она мне сказала, что придется также многим рисковать в виду

малой устойчивости в делах этой страны; я ей отвечала, что Бог позаботиться об их устойчивости, если есть Его воля на то, чтоб это было; что я чувствовала в себе достаточно мужества, чтобы подвергнуться этой опасности, и что сердце мое мне говорило, что все пойдет хорошо…»

Затем предстояло еще убедить отца, с чем Софья Фредерика Августа вполне справилась, пояснив, что по приезде в Петербург они с матерью увидят, надо ли возвращаться назад. Отец дал письменное наставление в нравственности и велел хранить в тайне предстоящую поездку.

Детские годы на родине отложили определенный отпечаток на характер будущей императрицы. В.В. Каллаш в статье «Императрица Екатерина II. Опыт характеристики», опубликованной в книге «Три века», которая была издана к 300-летию Дома Романовых, сделал такой вывод: «Богатые природные силы, высокие требования, пошлая, монотонная, бедная обстановка – вот условия, среди которых слагался характер Екатерины в ее юности. Сознание недюжинных сил, постоянные унижения, противоречия между думами и действительностью заставляют рваться из этой тягостной атмосферы, отдаляют от родных, воспитывают самостоятельность характера, находчивость, наблюдательность, усиливают самолюбие и тщеславие; упругость некоторых из этих черт развивается пропорционально давлению среды».

Но что же ожидало в России? Принцесса не могла не думать о том на протяжении всей долгой дороги, но всего того, что предстояло ей испытать, конечно, предположить не могла.

«Русская корона больше нравилась, нежели особа Петра»

Петербург встретил прусскую принцессу оглушающим пушечным салютом. Праздничное великолепие города поразило ее. Можно себе представить, сколько было самых ярких впечатлений от Зимнего Дворца, восторгов от величественного вида Петропавловской крепости, гармонирующего с Невой, скрытой белоснежным убранством. Но это только начало – предстоял еще путь в Москву, где находился двор и где ждали ее императрица и великий князь. И этот путь поразил не меньше. И ныне еще, в век торжества сокрушителей природы, Валдай живет, борется с жестокосердием двуногих врагов лесов, озер полей и всего в них живого, а тогда он сверкал своею нетронутою красотой в необыкновенном торжественном величии. Вышний Волочок, старинная Тверь, Клин представали пред глазами будущей Державной Повелительницы. А впереди была златоглавая Москва. Ее золотистые сорок сороков окончательно сразили своим певучим серебряным звоном.

И вот первая встреча с Елизаветой Петровной. Императрица слыла едва ли не первой русской красавицей своего времени. В «Записках Екатерины это подтверждено в полной мере: «Когда мы прошли через все покои, нас ввели в приемную Императрицы; она пошла к нам навстречу с порога своей парадной опочивальни. Поистине нельзя было тогда видеть ее в первый раз и не поразиться ее красотой и величественной осанкой. Это была женщина высокого роста, хотя очень полная, но ничуть от этого не терявшая и не испытывавшая ни малейшего стеснения во всех своих движениях; голова была также очень красива; на Императрице в тот день были огромные фижмы, какие она любила носить, когда одевалась, что бывало с ней, впрочем, лишь в том случае, если она появлялась публично. Ее платье было из серебряного глазета с золотым галуном; на голове у нее было черное перо, воткнутое сбоку и стоявшее прямо, а прическа из своих волос со множеством брильянтов».

В то время самыми влиятельными сановниками при Елизавете Петровне были граф Алексей Григорьевич Разумовский (1709–1771) и его младший брат Кирилл Григорьевич Разумовский (1728–1803). Алексей Разумовский пользовался особенным расположением Елизаветы Петровны. Существует даже предание, что они венчались 13 июля 1748 года (по другим данным – в 1750 году). Елизавета Петровна была человеком

верующим. Именно вера православная помогала ей пережить все муки, унижения и издевательства императрицы Анны в страшный для России век бироновщины.

Противозаконно отодвинутая от наследования престола, Елизавета Петровна видела в жизни немного добрых минут. Жених, предназначенный ей, умер, и предание о ее сближении с Алексеем Разумовским не лишено оснований. Любившая хоровое пение Елизавета взяла к себе из придворной капеллы привезенного с Черниговщины в Петербург молодого малороссийского казака Алексея Разума, красавца, имевшего замечательный голос. Вскоре он стал камердинером, а затем и вершителем судеб людских при малом дворе.

Сразу после переворота 25 ноября 1741 года Алексей Разумовский стал поручиком лейб-кампании с чином генерал-поручика и действительным камергером, а в день коронации Елизаветы Петровны получил Орден Святого Андрея Первозванного, чин обер-егермейстера и богатые имения. В 1756 году императрица произвела его в генерал-фельдмаршальский чин.

Все эти факты не могут не наводить на мысли об особой роли Алексея Разумовского в судьбе России. Императрица Елизавета Петровна по обстоятельствам государственного свойства не могла стать официальной супругой Алексея Разумовского. Да и нужды в том для продолжения уже существующих отношений в общем-то не было. При любом повороте дела Разумовский не мог стать отцом наследника престола, а к власти, по своему характеру, не стремился.

Нужда была иная. Православная императрица понимала, что отношения ее греховны и, вполне возможно, стремилась узаконить их перед Богом, тем более что неизмеримо важнее это сделать именно перед Богом, а не перед людьми. Верующим ведомо, что в 1-м послании Коринфянам есть такие строки: «Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться как я; Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться».

Елизавета Петровна была нелицемерно верующей, и потому нет ничего невероятного в преданиях о ее духовном браке. К примеру, Е. Анисимов в книге «Россия в середине XVIII века» тоже указывает на то, что «Алексея Григорьевича Разумовского традиционно принято считать тайным мужем Императрицы, обвенчанным с нею в подмосковном селе Перово в 1742 году». Эта дата даже более достоверна, ведь Елизавета Петровна вступила на престол в 1741 году, и не было резона ждать до 1748 года.

В 1747 году секретарь саксонского посольства Пецольд

докладывал: «Все уже давно предполагали, а я теперь знаю достоверно, что Императрица несколько лет назад вступила в брак с обер-егермейстером».

Интересные мысли о политике императрицы Елизаветы Петровны высказал автор книги «Рождение новой России» В.В. Мавродин: «Вступление на престол Елизаветы, умело ускользнувшей в период подготовки дворцового переворота от пут французской и шведской дипломатии, и первые шаги обескуражили иностранных дипломатов!»

«Трудно решить, какую из иностранных наций она предпочитает прочим, – писал о Елизавете Петровне Лафермлер. – По-видимому, она исключительно, почти до фанатизма любит один только свой народ, о котором имеет самое высокое мнение».

Не из колыбели ли Елизаветинской государственности выросли воззрения на Русский народ у Екатерины Алексеевны? Известны слова Екатерины Великой: «Русский народ есть особенный народ в целом свете: он отличается догадкою, умом, силою… Бог дал Русским особое свойство».

А.Г. Брикнер отметил: «Первое впечатление, произведенное принцессою Иоганною Елизаветою и ее дочерью на Императрицу (Елизавету Петровну. – *Н.Ш.*), было чрезвычайно благоприятно. Однако, в то же время, они видели себя окруженными придворными интригами. Для приверженцев проекта саксонской женитьбы приезд Ангальт-Цербстских принцесс был громовым ударом. Они не хотели отказаться от своих намерений. Саксонский резидент продолжал хлопотать об этом деле, обещая Курляндию, как приданое невесты Марианны».

Историк Сергей Михайлович Соловьев указал, что Бестужев был приведен в ярость приездом принцессы Ангальт-Цербстской и заявил: «Посмотрим, могут ли такие брачные союзы заключаться без совета с нами, большими господами этого государства».

С первых дней пребывания при дворе принцессе Софии приходилось вести себя более чем осмотрительно, тем более, она не могла не заметить, что жениху своему не очень пришлась по душе. Впрочем, это не слишком ее огорчало, ибо великий князь также не тронул ее сердца. Она и прежде знала, что ее жених не блещет достоинствами. В своих «Записках…» она сообщила, что увидела его впервые еще в 1739 году, в Эйтине, когда он был одиннадцатилетним ребенком, и наслушалась весьма нелицеприятных отзывов: «Тут я услыхала, как собравшиеся родственники толковали между собою, что молодой герцог наклонен к пьянству, что его приближенные не дают ему напиваться за столом, что он упрям и вспыльчив, не любит своих

приближенных и особливо Брюмера, что, впрочем, он довольно живого нрава, но сложения слабого и болезненного. Действительно, цвет лица его был бледен; он казался тощ и нежного темперамента. Он еще не вышел из детского возраста, но придворные хотели, чтобы он держал себя как совершеннолетний. Это тяготило его, заставляя быть в постоянном принуждении. Натянутость и неискренность перешли от внешних приемов обращения и в самый характер».

Встреча с будущим женихом великим князем Петром Федоровичем, как видим, не произвела на Софию Фредерику Августу такого впечатления, как встреча с императрицей Елизаветой Петровной. В своих «Записках…» она отметила: «Не могу сказать, чтобы он мне нравился или не нравился; я умела только повиноваться. Дело матери было выдать меня замуж. Но, по правде, я думаю, что русская корона больше мне нравилась, нежели его особа».

Да, мысли о Российской короне занимали ее с того самого момента, как узнала о письме-приглашении, причем были столь настойчивы, словно подсказывал их кто-то Высший и Всемогущий. Эти мысли отодвигали на второй план все неудобства и неурядицы, которые стояли на пути к столь, казалось бы, призрачной цели. И не пугало даже то, что великий князь вовсе не был ей интересен. Она вспоминала о тех своих впечатлениях: «Ему было тогда шестнадцать лет; он был довольно красив до оспы, но очень мал и совсем ребенок; он говорил со мною об игрушках и солдатах, которыми был занят с утра до вечера. Я слушала его из вежливости и в угоду ему; я часто зевала, не отдавая себе в этом отчета, но я не покидала его, и он тоже думал, что надо говорить со мною; так как он говорил только о том, что любит, то он очень забавлялся, говоря со мною подолгу».

Мы привыкли рассуждать о великом князе Петре Федоровиче, пользуясь оценками современников, наблюдавших его в России – но в Россию явилось то (как в известном каламбуре) «что выросло, то выросло». Во всяком случае, о том, как проходило детство этого человека, обычно не упоминается. Тем интереснее сообщение, сделанное одним из авторов книги «Три века», изданной к 300-летию Дома Романовых: «Петр III был от природы слабым, хилым, невзрачным на вид ребенком, который постоянно болел и выйдя уже из детского возраста. Дурное воспитание, легкомысленно и бестолково веденное его голштинскими наставниками Брокдорфом и Брюммером, не только не исправило недостатков физической организации принца, но еще более их усилило. Ребенок часто должен был дожидаться кушанья до двух

часов пополудни и с голоду охотно ел сухой хлеб, а когда приезжал Брюммер и получал от учителей дурные отзывы о принце, то начинал грозить ему строгими наказаниями после обеда, отчего ребенок сидел за столом ни жив ни мертв и после обеда подвергался головной боли и рвоте желчью. Даже в хорошую летнюю погоду принца почти не выпускали на свежий воздух… Принца часто наказывали, причем в числе наказаний были такие, как стояние голыми коленями на горохе, привязывание к столу, к печи, сечение розгами и хлыстом».

Словом, над ним, по сути, просто-напросто издевались, как над сиротой, ибо матери он лишился еще в младенчестве, а отца в весьма малом возрасте. Известно, что жестокость воспитателей никогда не приводит к благим результатом, переламывает характер воспитуемого, зачастую образуя в нем еще большее жестокосердие. Казалось бы, переезд в Россию мог стать спасением для четырнадцатилетнего отрока. Но никому и в голову не пришло поменять воспитателей, поскольку садисты, приставленные к Карлу-Петру-Ульриху, вполне естественно, на людях свою жестокость не демонстрировали. Да и вопросы воспитания при дворе Елизаветы Петровны не стояли выше тех, что испытал уже на себе высокородный отрок. «И здесь нисколько не заботились о физическом развитии наследника престола, заставляя его подолгу и чуть не до изнурения проделывать всевозможные балетные па». В результате за три года пребывания в России Петр перенес три тяжелых болезни.

И снова никто не подумал о физической закалке. Жизнь текла по-прежнему. Симпатий ни у кого наследник престола не вызывал. Да, впрочем, и был он далеко не симпатичен. Французский поэт, писатель и историк, член Французской академии Клод Карломан Рюльер оставил его словесный портрет: «Его наружность, от природы смешная, сделалась таковою еще более в искаженном прусском наряде; штиблеты стягивал он всегда столь крепко, что не мог сгибать колен, и принужден был садиться и ходить с вытянутыми ногами. Большая, необыкновенной фигуры шляпа прикрывала малое и злобное, но довольно живое лицо, которое он безобразил беспрестанным кривлянием для своего удовольствия».

И вот прибывшая в Россию принцесса София должна была стать супругой этакого чучела. Рюльер, кстати более расположенный к великому князю, нежели к принцессе, тем не менее оставил портрет ее, представляющий явную противоположность вышеописанному портрету: «Приятный и благородный стан, гордая поступь, прелестные черты лица и осанка, повелительный взгляд, – все возвещало в ней великий

характер. Большое открытое чело и римский нос, розовые губы, прекрасный ряд зубов, нетучный, большой и несколько раздвоенный подбородок. Волосы каштанового цвета отличной красоты, черные брови и таковые же прелестные глаза, в коих отражение света производило голубые оттенки, и кожа ослепительной белизны. Гордость составляла отличительную черту ее физиономии. Замечательные в ней приятность и доброта для проницательных глаз не что иное, как действие особенного желания нравиться».

«О свадьбе слышала с отвращением…»

Между тем началась подготовка к свадьбе. Столь радостное, казалось бы, событие было омрачено взаимным равнодушием между женихом и невестой. Об истинном отношении Екатерины к Петру Федоровичу говорят такие строчки: «Я с отвращением слышала, как упоминали этот день (свадьбы. – *Н.Ш.*), и мне не доставляли удовольствия, говоря о нем. Великий Князь иногда заходил ко мне вечером в мои покои, но у него не было никакой охоты приходить туда: он предпочитал играть в куклы у себя; между тем, ему уже исполнилось тогда 17 лет, мне было 16; он на год и три месяца старше меня».

Свадьба была назначена на 21 августа 1745 года. Образцами для торжеств, как писал биограф, служили подобные церемониалы при бракосочетании французского дофина в Версале и сына короля Августа III в Дрездене.

Императрица Елизавета Петровна, будучи нелицемерно набожной, пожелала, чтобы жених и невеста подготовились к этому обряду по православному, то есть по всем правилам выдержали Успенский пост. 15 августа она вместе с ними отправилась причаститься в церковь Казанской Божьей Матери, а затем, спустя несколько дней, водила их, причем пешком, в Александро-Невскую лавру.

«Чем больше приближался день моей свадьбы, тем я становилась печальнее и очень часто я, бывало, плакала, сама не зная, почему, – признавалась Екатерина. – Я скрывала, однако, насколько могла, эти слезы, но мои женщины, которыми я всегда была окружена, не могли не заметить этого, и старались меня рассеять».

Накануне свадьбы двор переехал из Летнего в Зимний дворец. «Вечером, – вспоминала Екатерина, – мать пришла ко мне и имела со мною очень длинный и дружеский разговор: она мне много проповедовала о моих будущих обязанностях; мы немного поплакали и расстались очень нежно».

Ранним утром 21 августа Петербург был разбужен пушечной пальбой. Торжества начались. Сама императрица Елизавета Петровна приняла деятельное участие в приготовлениях великой княгини. Уже в 8 часов утра она пригласила Екатерину в свои покои, где дворцовые дамы стали ее причесывать. «Императрица пришла надеть мне на голову великокняжескую корону и потом она велела мне самой надеть столько драгоценностей из ее и моих, сколько хочу, – читаем мы в “Записках”, – …платье было из серебристого глазета, расшитого серебром по всем швам, и

страшной тяжести».

Примерно в три часа дня императрица усадила в свою карету великого князя Петра Федоровича и великую княгиню Екатерину Алексеевну и повезла их «торжественным шествием» в церковь Казанской Божьей Матери. Там и состоялся обряд венчания, который провел епископ Новгородский.

У врачей, очевидно, уже в ту пору появились сомнения относительно способностей великого князя сделать то, что от него требовалось в первую очередь – то есть дать потомство. Елизавета Петровна с каждым годом, да что там годом, с каждым месяцем, а может быть, и днем убеждалась в неспособности Петра Федоровича занять престол русских царей, когда придет время.

И вот бракосочетание состоялось. Торжества продолжались десять дней и превзошли своим великолепием те, которыми гордились в Версале и Дрездене. Двор императрицы Елизаветы и без того поражал иностранцев своим богатством, своим гостеприимством, необыкновенными празднествами. А во время торжеств окончательно сразил всех.

В день свадьбы во дворце дали торжественный бал, который, правда, продолжался всего около часа и на котором танцевали только полонезы.

Что же было потом? Конечно, первая ночь после свадьбы – таинство, которое принадлежит новобрачной паре. Быть может, так оно и было бы, и мы не прочли бы в «Записках Императрицы Екатерины II» того, что можем прочесть, не прочли, если бы все случилось не так, как у юной великой княгини и великого князя. В «Записках…» императрица не скрывала ряда своих последующих связей и увлечений, но лишнего не допускала ни в единой строчке. Здесь же, говоря о первой ночи, которую принято именовать брачной, весьма и весьма откровенна: «Императрица повела нас с Великим Князем в наши покои; дамы меня раздели и уложили между девятью и десятью часами. Я просила принцессу Гессенскую побыть со мной еще немного, но она не могла согласиться. Все удалились, и я осталась одна больше двух часов, не зная, что мне следовало делать: нужно ли встать? Или следовало оставаться в постели? Я ничего не этот счет не знала».

Вот на этой строчке хотелось бы задержать внимание читателей. Многие авторы пытались убедить нас, что принцесса София приехала в Россию чуть ли уже не прошедшей огни, воды и медные трубы. Иные даже заявляли, что рвалась она сюда, поскольку «очень любила гусар». Оставим на совести пасквилянтов их заявления. Но вот что вспоминала императрица о том, каковы ее представления об отношениях мужчины и женщины были до свадьбы: «К Петрову дню весь двор вернулся из

Петергофа в город. Помню, накануне этого праздника мне вздумалось уложить всех своих дам и также горничных в своей спальне. Для этого я велела постлать на полу свою постель и постели всей компании, и вот таким образом мы провели ночь; но прежде, чем нам заснуть, поднялся в нашей компании великий спор о разнице обоих полов. Думаю, большинство из нас было в величайшем неведении; что меня касается, то могу поклясться, что хотя мне уже исполнилось 16 лет, но я совершенно не знала, в чем состояла эта разница; я сделала больше того, я обещала моим женщинам спросить об этом на следующий день у матери; мне не перечили и все заснули. На следующий день я, действительно, задала матери несколько вопросов, и она меня выбранила».

Полагаю, что сомневаться в искренности написанного, оснований нет. Ведь в тех главах «Записок…», где речь идет об отношениях с Сергеем Салтыковым, Станиславом Понятовским, с Григорием Орловым, императрица достаточно откровенна. Вот и в описании того, что с нею произошло после свадьбы, она, судя по тону повествования, ничего не скрывает: «Наконец, Крузе, моя новая камер-фрау, вошла и сказала мне очень весело, что Великий Князь ждет своего ужина, который скоро подадут. Его Императорское Высочество, хорошо поужинав, пришел спать, и когда он лег, он завел со мной разговор о том, какое удовольствие испытал бы один из его камердинеров, если бы увидал нас вдвоем в постели; после этого он заснул и проспал очень спокойно до следующего дня… Крузе захотела на следующий день расспросить новобрачных, но ее надежды оказались тщетными; и в этом положении дело оставалось в течение девяти лет без малейшего изменения».

Девять лет без изменений! Эту фразу Екатерина Алексеевна повторила затем, уже в 1774 году, в письме, адресованном Григорию Александровичу Потемкину. А если точнее – именно с такой фразы и начато письмо, названное «Чистосердечной исповедью». Но все это было через много лет.

Пока же необходимо заметить, что именно в те праздничные для всех, кроме Екатерины, дни она окончательно убедилась в том, что в личной жизни ей счастья ожидать не приходится.

Какими бы сложными ни были ее отношения с матерью, но мать была и оставалась для нее самым близким и дорогим человеком, и предстоящий отъезд еще более усугублял положение. «Со свадьбы мое самое большое удовольствие было быть с нею (с матерью. – *Н.Ш.*), – признавалась Екатерина. – Я старательно искала случаев к этому, тем более, что мой домашний уголок далеко не был приятен. У Великого Князя все были какие-то ребячества; он вечно играл в военные действия,

окруженный прислугой и любя только ее».

В «Чистосердечной исповеди», адресованной Потемкину в 1774 году, есть такая строчка: «…есть ли б я смолоду получила мужа, которого бы любить могла, я бы вечно к нему не переменилась». А ведь такие мысли родились у Екатерины не сразу, не вдруг – они выстраданы нелегкой ее жизнью в первые годы после замужества.

Казалось бы, что еще надо – достаток, положение, колоссальные перспективы… Но недаром говорят, что «богатые тоже плачут». Люди великие считают богатством не то, что считают таковым князи из грязи. Екатерина не случайно увлекалась философией – именно в философии она находила мудрые мысли, созвучные со своими душевными чаяниями.

Еще в первые дни пребывании в России произошел такой любопытный случай… В Петербург приехал граф Гюлленборг, который еще прежде, во время одной из встреч в Гамбурге, поговорив с юной принцессой, посоветовал ее матери Иоганне Елизавете побольше заниматься с дочерью, у которой уже проявился философский склад ума. И предрек принцессе большое будущее. И вот во время встречи в Петербурге он поинтересовался, как обстоят дела с занятиями философией «при том вихре» событий, в котором она пребывает, и как она оценивает сама себя. Екатерина стала рассказывать о своих делах и занятиях, и, видимо, в чем-то показалась графу самонадеянной, потому что он с теплой улыбкой сказал: «Пятнадцатилетний философ не может еще себя знать!»

А потом, подумав, предупредил, что в своем положении она окружена множеством подводных камней, о которые легко можно разбиться, если не закалить душу. А для закалки ее надо питать самым лучшим чтением. Граф рекомендовал «Жизнь знаменитых мужей» Плутарха, «Письма к Луцилию» и «О счастливой жизни» Луция Аннея Сенеки, «Жизнь Цицерона» и «Причины величия и упадка Римской республики» Монтескье и другие труды.

«Я тотчас же послала за этими книгами, – писала впоследствии Екатерина Великая, – которые с трудом тогда нашли в Петербурге».

Графу же обещала набросать свой портрет, дабы он мог видеть, знает ли она себя. «Действительно, я изложила в письме свой портрет, который озаглавила: “Набросок начерно характера философа в пятнадцать лет”, и отдала ему. Много лет спустя, а именно, в 1758 году, я снова нашла это сочинение и была удивлена глубиной знания самой себя…»

Быть может, именно тот разговор подтолкнул ее к чтению книг по философии, к попытке осознать свое место в бурном и

неустойчивом мире. Много созвучного своим мыслям она нашла у Сенеки, который в свое время писал: «Достичь счастливой жизни трудно, ибо, чем быстрее старается человек до нее добраться, тем дальше от нее оказывается, если сбился с пути; ведь чем скорее бежишь в противоположную сторону, тем дальше будешь от цели. Итак, прежде всего, следует выяснить, что представляет собой предмет наших стремлений; затем поискать кратчайший путь к нему, и уже по дороге, если она окажется верной и прямой, прикинуть, сколько нам нужно проходить в день и какое примерно расстояние отделяет нас от цели, которую сама природа сделала для нас столь желанной».

Вот одна из дорог, указанная философом: «Угождайте же телу лишь настолько, насколько нужно для поддержания его крепости, и такой образ жизни считайте единственно здоровым и целебным. Держите тело в строгости, чтобы оно не переставало повиноваться душе: пусть пища лишь утоляет голод, питье – жажду, путь одежда защищает тело от холода, а жилище – от всего ему грозящего. А возведено ли жилище из дерна или из пестрого заморского камня, разницы нет: знайте, под соломенной кровлей человеку не хуже, чем под золотой. Презирайте все, что ненужный труд создает ради украшения или напоказ. Помните, что ничто, кроме души, недостойно восхищения, а для великой души все меньше нее».

Да, если бы Екатерине смолоду достался муж, достойный любви, в личной жизни все могло бы сложиться иначе. В своих «Записках» она размышляла об этом: «Я очень бы любила своего супруга, если бы только он захотел или мог быть любезным; но у меня явилась жестокая для него мысль в самые первые дни моего замужества. Я сказала себе: если ты полюбишь этого человека, ты будешь несчастнейшим созданием на земле; по характеру, каков у тебя, ты пожелаешь взаимности; этот человек на тебя почти не смотрит, он говорит только о куклах или почти что так, и обращает больше внимания на всякую другую женщину, чем на тебя; ты слишком горда, чтобы поднять шум из-за этого, следовательно, обуздывай себя, пожалуйста, насчет нежностей к этому господину; думайте о самой себе, сударыня. Этот первый отпечаток, оттиснутый на сердце из воска, остался у меня, и эта мысль никогда не выходила из головы; но я остерегалась проронить слово о твердом решении, в котором я пребывала – никогда не любить безгранично того, кто не отплатит мне полной взаимностью. Но по закалу, какой имело мое сердце, оно принадлежало бы всецело и без оговорки мужу, который любил бы только меня, и с которым я не опасалась бы обид, каким подвергалась с данным супругом. Я всегда смотрела на ревность,

сомнение и недоверие и на все, что из них следует, как на величайшее несчастье, и была всегда убеждена, что от мужа зависит быть любимым своей женой, если у последней доброе сердце и мягкий нрав. Услужливость и хорошее общение мужа покорят ее сердце».

А ведь такой человек уже жил на земле… Близкий по духу и сердцу, но в то время еще очень и очень далекий и вовсе ее неизвестный. Да к тому же совсем еще ребенок. Как не обратить внимания на схожесть сокровенных мыслей юной великой княгини и первых осознанных высказываний отрока Григория Потемкина, которые он оставил на полях книг своей родительской библиотеки. Известный мемуарист XIX века Сергей Николаевич Глинка, побывавший в селе Чижово Смоленской губернии, в его время еще сохранившемся, нашел в одной из книг подчеркнутые рукою Григория Потемкина слова: «Изобилие денег не то, что благоразумие души: деньги истрачиваются». И Григорий начертал возле этих строк: «И это сущая правда, и я целую эти золотые слова!»

Но до встречи Екатерины и Потемкина было еще очень и очень далеко.

«По видимой его склонности и по уговору мамы»

Планы Елизаветы Петровны относительно наследника натолкнулись на совершенно неожиданное препятствие, связанное с состоянием здоровья великого князя, и как окончательно стало ясно, неспособностью его иметь детей.

Екатерина Вторая в «Чистосердечной исповеди», адресованной Г.А. Потемкину, коснулась этого вопроса. Дело в том, что с момента бракосочетания, то есть с 21 августа 1745 года, Елизавета Петровна безуспешно прождала 9 лет, когда же молодая чета подарит наследника. Увы… Все было тщетно.

Екатерина Алексеевна вспоминала в 1774 году: «Мария Чоглокова, видя что через девять лет обстоятельства остались те же, каковы были до свадьбы, и быв от покойной Государыни часто бранена, что не старается их переменить, не нашла иного к тому способа, как обеим сторонам сделать предложение, чтобы выбрали по своей воле из тех, кои она на мысли имела; с одной стороны выбрали вдову Грот… а с другой Сергея Салтыкова и сего более по видимой его склонности и по уговору мамы, которую в том наставляла великая нужда и надобность».

«Чистосердечная исповедь» адресована избраннику, и потому Екатерина II деликатно, намеками касается щекотливого вопроса. В основном тексте «Записок…» она говорит о предложениях и советах, делаемых ей, более прямо и откровенно.

Что означало выражение «по видимой его склонности»? Ответ можно найти в воспоминаниях, где Екатерина II подробно рассказывает о первом объяснении и о своем отношении к Салтыкову. Трудно сказать, почему клеветники всех мастей игнорируют то, что говорит сама императрица, язык повествования которой значительно превосходит по всем литературным параметрам то, что вымучивают из себя многочисленные щелкоперы. Какая нужда изощряться в словесной эквилибристике, если обо всем достаточно ярко и внятно писала сама Екатерина II?

Справедливее обратиться к сказанному ею самой. Вот как повествовала государыня о первом своем объяснении с человеком, которому судьба определила оставить заметный след в летописи Отечества Российского: «Во время одного из… концертов Сергей Салтыков дал мне понять, какая была причина его частых посещений. Я не сразу ему ответила; когда он снова стал говорить со мной о том же, я спросила его: на что же он

надеется? Тогда он стал рисовать мне столь же пленительную, сколь полную страсти картину счастья, на какое он рассчитывал; я ему сказала: “А ваша жена, на которой вы женились по страсти два года назад, в которую вы, говорят, влюблены и которая любит вас до безумия, – что она об этом скажет?”

Тогда он стал мне говорить, что не все то золото, что блестит, и что он дорого расплачивается за миг ослепления.

Я приняла все меры, чтобы заставить его переменить эти мысли; я простодушно думала, что мне это удастся; мне было его жаль. К несчастью, я продолжала его слушать. Он был прекрасен, как день, и, конечно, никто не мог с ним сравняться ни при большом дворе, ни тем более при нашем. У него не было недостатка ни в уме, ни в том складе познаний, манер и приемов, какой дают большой свет и особенно двор. Ему было 26 лет; вообще и по рождению, и по многим другим качествам это был кавалер выдающийся».

А рядом – совершенно иной экземпляр – грубый, необразованный, косноязычный, так и не освоивший в должной степени русского языка, но научившийся бранным словам. Да к тому же еще волочившийся за всеми женщинами подряд, которые принимали волокитство только благодаря титулу волокитчика, да из желания насолить великой княгине Екатерине Алексеевне, к которой испытывали жгучую зависть.

Но Екатерина вовсе не была такой, какою ее постоянно стремятся выставить книжные и телевизионные знатоки тайн чужих постелей, то бишь «сплетники, – по меткому определению княгини Ливен, – хуже старой бабы». Если Екатерина и обращала внимание на ухаживания, то, как сама искренне восклицала: «Бог видит, что не от распутства, к которой никакой склонности не имею».

И ухаживаниям Салтыкова она сопротивлялась долго, вовсе не подозревая, что отчасти они вызваны не только его несомненным к ней чувством, но и настоятельными рекомендациями Марьи Чоглоковой, ответственной за рождение наследника.

«Я не поддавалась всю весну и часть лета, – читаем далее в “Записках”, – я видала его почти каждый день; я не меняла вовсе своего обращения с ним, была такая же, как всегда и со всеми; я видела его только в присутствии двора или некоторой его части. Как-то раз я ему сказала, чтобы отделаться, что он не туда обращается, и прибавила:

– Почему вы знаете, может быть, мое сердце занято в другом месте?

Эти слова не отбили у него охоту, а наоборот, я заметила, что

преследования его стали еще жарче. При всем этом, о милом супруге и речи не было, ибо это было дело известное и знакомое, что он не любезен даже с теми, в кого влюблен, а влюблен он был постоянно и ухаживал, так сказать, за всеми женщинами; только та, которая носила имя его жены, была исключена из его внимания».

Между тем Сергей Салтыков все более сближался с Чоглоковыми, явно по интересам обоюдным. Елизавета Петровна, обеспокоенная судьбою России, искала путь добиться рождения наследника престола любым способом, пусть даже и путем привлечения к этому тонкому делу посторонних лиц. Именно Чоглоковы создавали условия для более короткого сближения Екатерины с Сергеем Салтыковым, чтобы тот мог сделать то, на что неспособен Петр Федорович.

Но помехой, как это не будет звучать неожиданно для иного читателя, привыкшего к извращенной информации по этому поводу, помехой было именно то, что сама Екатерина «к распутству никакой склонности не имела». И ее легкий флирт с Салтыковым не давал желаемых результатов. И в то же время ни государыня, ни Чоглоковы не опустились до того, чтобы напрямую повелеть Екатерине вступить с Сергеем Салтыковым в близкие отношения. Всех тонкостей того, что происходило у Петра с вдовой Грот, Екатерина не знала, но явно было одно – там ничего не получалось.

Сведения об ухаживании Салтыкова за Екатериной дошли до императрицы, о чем стало известно и самой Екатерине. Но опасения великой княгини оказались напрасны – упреков она не услышала.

Время шло, а наследника не было, и тогда Чоглокова вынуждена была перейти в наступление. Многое открывает в тайне рождения наследника то, что рассказала Екатерина в своих записках далее: «Между тем Чоглокова, вечно занятая своими излюбленными заботами о престолонаследии, однажды отвела меня в сторону и сказала: “Послушайте, я должна поговорить с вами очень серьезно”. Я, понятно, вся обратилась в слух; она с обычной своей манерой начала длинным разглагольствованием о привязанности своей к мужу, о своем благоразумии, о том, что нужно и чего не нужно для взаимной любви и для облегчения или отягощения уз супруга или супруги, а затем свернула на заявление, что бывают иногда положения высшего порядка, которые вынуждают делать исключения из правила.

Я дала ей высказать все, что она хотела, не прерывая, и вовсе не ведая, куда она клонит, несколько изумленная, и не зная, была ли это ловушка, которую она мне ставит, или она говорит

искренно. Пока я внутренне так размышляла, она мне сказала: “Вы увидите, как я люблю свое Отечество и насколько я искренна; я не сомневаюсь, чтобы вы кому-нибудь не отдали предпочтения: представляю вам выбрать между Сергеем Салтыковым и Львом Нарышкиным. Если не ошибаюсь, то последний”. На что я воскликнула: “Нет, нет, отнюдь нет”. Тогда она мне сказала: “Ну, если это не он, так другой, наверно”. На это я не возразила ни слова, и она продолжала: “Вы увидите, что помехой вам буду не я”.

Я притворилась наивной настолько, что она меня много раз бранила за это как в городе, так и в деревне, куда мы отправились после пасхи».

По поведению Чоглоковой Екатерина не могла не понять, что все идет от императрицы и что кандидаты в отцы наследника уже обсуждены, но выбор оставался за нею самой.

Владислав Ходасевич, собиравшийся писать большую книгу об императоре Павле I, а потому скрупулезно исследовавший и вопрос его появления на свет, писал: «Бездетность брака сердила и волновала Императрицу Елизавету Петровну. Недовольная и огорченная поведением своего племянника, выказывающего все признаки если не сумасшествия, то, во всяком случае, крайнего слабоумия, Императрица была права, мечтая о передаче престола не непосредственно Петру Федоровичу, а будущему его сыну. Неограниченная власть и отсутствие точного закона о престолонаследии давали ей возможность со временем отстранить не оправдавшего ее надежд племянника и объявить наследником ребенка, который бы должен родиться от его брака».

Комментируя же описанный в «Записках Екатерины II» разговор с Марьей Чоглоковой, он сделал справедливый вывод: «Вряд ли заботливая Чоглокова действовала за свой страх. С большой вероятностью можно предположить, что между нею и Императрицей (Елизаветой Петровной. – *Н.Ш.*) состоялось совещание, на котором решено было не замечать любовного увлечения молодой Великой Княгини и об этом решении довести до ее сведения. Таким образом, у Екатерины были развязаны руки. Теперь она уже могла почти без всякого риска отдаться чувству, постепенно завладевшему ею. Этим чувством была любовь к молодому, изящному и решительному придворному Сергею (Васильевичу. – *Н.Ш.*) Салтыкову. Ободренная намеками Чоглоковой, а может быть и самой Императрицей, Екатерина окончательно перестала противиться его домогательствам. Осенью 1753 года роман перешел в связь, а через год после того, 20 сентября 1754 года Екатерина родила ребенка, нареченного Павлом. Это и был будущий Император».

Но теперь предстояло спрятать концы в воду. Ни сама императрица, ни великая княгиня не были заинтересованы в огласке. К тому же огласка могла поколебать и так еще не слишком прочный трон, расшатанный весьма частыми в первой половине XVIII века дворцовыми переворотами. То, что в официальной истории не осталось и намека на отцовство Салтыкова, вполне понятно – это противоречило интересам двора. Владислав Ходасевич, внимательно изучавший биографию Павла I, не мог обойти стороной его происхождение. Он проанализировал все то, что было известно о способностях Петра Федоровича, и выяснил, что с помощью некоего Брессана, камер-лакея Петра Федоровича, в Ораниенбауме отыскали «хорошенькую вдову г-жу Грот, согласившуюся “испытать” Великого Князя». Об этой вдове Грот Императрица упоминала в «Чистосердечной исповеди», написанной ею 21 февраля 1774 года и адресованной Григорию Александровичу Потемкину. Петр Федорович испытания не выдержал. Но надо было каким-то образом доказать обществу способности великого князя к деторождению, ведь двор уже заговорил о романе Сергея Салтыкова и великой княгини Екатерины. Лучший способ бороться со слухами – распустить другие слухи. В распускании слухов принял участие и Сергей Салтыков, который, сумев втереться в доверие к великому князю, уговорил обратиться к врачам, которых сам и предложил, поскольку их задача была если не вылечить, то, по крайней мере, объявить об излечении и хотя бы в глазах общества «сделать его настоящим мужем Екатерины».

Обращение к врачам не привело к излечению, и спустя три года, когда Екатерина родила дочь Анну, Петр Федорович заявил в кругу близких ему друзей, что Бог знает, откуда берутся беременности у его жены, что он совершенно ни при чем и не знает, должен ли принимать на свой счет рождающихся детей. Разве это не является еще одним доказательством того, что Павел Петрович не его сын?!

Владислав Ходасевич писал: «Салтыков не только считал себя отцом ребенка, но и позволял себе впоследствии намекать на это при иностранных дворах». В «Чистосердечной исповеди» Екатерина II сообщила: «По прошествии двух лет Сергея Салтыкова послали посланником, ибо он себя нескромно вел, а Марья Чоглокова у Большого Двора уже не была в силе его удержать». Он был отправлен в Швецию и Саксонию с известием о рождении наследника Павла. В своих «Записках…» императрица упоминала об этом посольстве: «Я узнала, что поведение Сергея Салтыкова было очень нескромно и в Швеции, и в Дрездене, и в той и в другой стране он, кроме того, ухаживал за всеми

женщинами, которых встречал». Кроме чего? Императрица не указала, но, скорее всего, ей не нравились его намеки на то, что он является отцом Павла.

Так чьим же сыном был Павел?

Нередко можно слышать от читателей вопрос: если Павел сын Салтыкова, почему же он столь сильно похож на Петра Федоровича? Этот вопрос навеян исторической литературой, причем, в первую очередь, теми произведениями, которые «обслуживали» сохранение династической тайны, раскрытие которой могло быть не только неприятно, но и опасно для русского престола. Но разве кто-то пытался сравнивать портреты Сергея Салтыкова и Павла? А если сравнить, то можно убедиться, что в них очень и очень большое сходство.

А вот мнение Владислава Ходасевича относительно сходства Павла с Петром Федоровичем: «Дошедшие до нас портреты вовсе не позволяют заметить особого сходства Павла Петровича с Петром III, но много говорят о его сходстве с принцем Ангальт-Цербстским, его дедом со стороны матери, от которого унаследовал он характерные черты своего лица: некоторую одутловатость, выпуклый лоб и вздернутый нос. Что касается характера Павла Петровича, склада его ума, идей, которые им господствовали, то здесь он имеет лишь самое внешнее, самое поверхностное сходство с Петром III. Подобно последнему, Павел был раздражителен, резок, вспыльчив, настроение его часто сменялось одно другим. Он, как и Петр III, чрезвычайно боялся, как бы не упрекнули его в недостатке самостоятельности. Но и другой сын Екатерины II, Алексей Бобринский, происхождение которого от Григория Орлова никогда никем не оспаривалось, обладал теми же свойствами, хотя условия его жизни давали ему на это гораздо менее права, чем Павлу».

Думается, причины надо искать не в происхождении, а в том, в каких условиях оказались и Петр Федорович, и Павел Петрович. Оба они очень долгое время ожидали своего часа вступления на престол, а потому страдали от недостатка самостоятельности, вызванной положением наследника престола, но не императора. Что же касается раздражительности, вспыльчивости и подозрительности, то у Павла они не были врожденными. Его биографы в один голос утверждают, что Павел рос живым, общительным, весьма развитым отроком, а его учитель математики Порошин даже заявлял, что «если бы Павел Петрович были партикулярным, то они могли вполне стать нашим российским Паскалем», то есть очень высоко ценил его способности к математике. Известно, что Павел Петрович прекрасно танцевал, причем многие придворные балы были открываемы первым танцем его с матерью – императрицей

Екатериной, после чего он танцевал с придворными дамами. Он был великолепным наездником и легко побеждал в конных состязаниях, так называемых «каруселях». А это непросто. Нужно было на полном скаку срубить головы куклам, изображающим мавров, затем пронзить копьями картонных негров и муляжи кабанов и выполнить еще целый ряд кавалерийских упражнений.

Продолжая же рассуждения о сходствах и различиях между Павлом Петровичем и Петром Федоровичем, нужно отметить, что у Павла Петровича не было слабости в том вопросе, в котором была слабость у его мнимого отца. У Павла Петровича, как известно, было четыре сына и четыре дочери. А в последнее время доказано, что незадолго до второго брака у него родился сын от романа с Софьей Чарторыжской, которого нарекли Симеоном Афанасьевичем Великим.

Вот как оценивает автор «Истории русского масонства» Борис Башилов черты характера Павла, «прежде чем тяжелая, ненормальная жизнь, которая досталась на его долю, подорвала его силы»:

«Многие из знавших близко Павла I лиц единодушно отмечали благородные черты его характера. Княгиня Ливен утверждала: “В основе его характера лежало величие и благородство – великодушный враг, чудный друг, он умел прощать с величием, а свою вину или несправедливость исправлял с большой искренностью”».

В мемуарах А.И. Вельяминова-Зернова мы встречаем такую характеристику нравственного облика Павла I: «Павел был по природе великодушен, открыт и благороден; он помнил прежние связи, желал иметь друзей и хотел любить правду, но не умел выдерживать этой роли. Должно признаться, что эта роль чрезвычайно трудна. Почти всегда под видом правды говорят царям резкую ложь, потому что она каким-нибудь косвенным образом выгодна тому, кто ее сказал».

Де Санглен в своих мемуарах писал, что «Павел был рыцарем времен протекших». Если быть точным, то правильнее было бы сказать не «рыцарь», а «витязь», ибо рыцарь – плохое слово. Рыцарь – не наше слово. Рыцарство для России – это жестокие набеги звероподобных тевтонов на псковские и новгородские земли, это осквернения православных святынь, это убийства и сожжения заживо детей, женщин, стариков, это бесчеловечные пытки попавших в плен русских воинов. Рыцарство – это агрессия, это коварный удар из-за угла. Вспомним, с каким ожесточением рвались на Русскую землю, стонавшую под ордынским игом, немецкие псы-рыцари. Они «по-рыцарски» спешили воспользоваться ослаблением Руси, чтобы грабить, жечь и

убивать. И подобных примеров не счесть. Так что же такое рыцарство? На Руси рыцарей не было. На Руси были витязи, для доказательств достоинств которых не нужно было прибавлять «благородный». Благородство, честь, достоинство – отличительная черта каждого православного витязя. На Западе же, сами того не осознавая, подчеркивали, что тот, кого зовут «благородный рыцарь», быть может, и имеет человеческие качества, остальные же рыцари – просто низкие и коварные убийцы. Рыцарством, по-видимому, считается на западе и рыцарский поступок папы римского, который в канун нашествия полчищ хана Батыя на Русь запретил купцам католических стран продавать русским князьям стратегическое сырье, а самому Батыю сделал подарок, послав военным советником своего агента, рыцаря, заметьте, католического ордена Святой Марии Альфреда фон Штумпенхаузена. Этот рыцарь согласовывал по задачам, рубежам и времени действия западных бандитов с бандитами степными. А задачи и у тех и у других были примерно одинаковы – захват чужих земель и чужого добра, порабощение народа и приобретение рабов. Ну и, конечно, борьба с православной верой, объединяющей Русские земли и мешающей коварным планам рыцарских и степных хищников.

Впрочем, называя государя императора Павла Первого рыцарем времен истекших, его современник де Санглен просто не задумывался над истинным значением слова «рыцарь». Он отдавал должное личному мужеству Российского Императора. Не только де Санглен, многие европейские политики были потрясены поступком Павла I, который, желая уничтожить наполеоновские войны в самом зародыше, послал вызов на дуэль Наполеону Бонапарту. Государь предложил «корсиканскому чудовищу» (так звали Наполеона сами французы) драться в Гамбурге и поединком положить конец кровавым битвам в Европе, вызванным Французской революцией. Гвардейский полковник Николай Александрович Саблуков, долгое время находившийся в числе приближенных к императору людей, отметил: «Несмотря на всю причудливость и не современность подобного вызова, большинство европейских монархов отдали полную справедливость высокогуманным побуждениям, руководившим Русским Государем, сделавшим столь серьезное предложение с полною искренностью и чистосердечием». Добавим: с тем чистосердечием, с которым император Павел Петрович всегда относился к людям.

По свидетельству Николая Александровича Саблукова, лично знавшего императора и оставившего записки-расследования о цареубийстве, «Павел знал в совершенстве языки: славянский,

русский, французский, немецкий, имел некоторые сведения в латинском, был хорошо знакам с историей и математикой; говорил и писал весьма свободно и правильно на упомянутых языках».

Какое же здесь сходство с мнимым отцом? Петр Федорович косноязычно изъяснялся на русском языке, а в науках и вовсе не был искушен.

«Не от распутства, к коему склонности не имела…»

Императрицу Екатерину II часто обвиняют едва ли не в равнодушии к своим детям, даже более того, в отсутствии материнских чувств к ним. При этом обстоятельства, благодаря которым она была оторвана от воспитания своего первенца, вовсе не учитываются. Вспомним замысел Елизаветы Петровны: женить Петра Федоровича, получить от этого брака ребенка и самой воспитать его – вот о чем мечтала государыня. Она прекрасно понимала, что великий князь Петр Федорович не способен стать воспитателям. Да и к тому же она-то уж точно знала, чей сын Павел. Конечно, для сокрытия правды великий князь мог бы и прикинуться отцом, да только Петр Федорович на эту роль не годился, ибо сам не вышел из младенчества, хотя было уже ему далеко за двадцать лет.

Екатерина Алексеевна рассказала в записках: «Однажды, когда я вошла в покои Его Императорского Высочества, я была поражена при виде здоровой крысы, которую он велел повесить, и всей обстановкой казни среди кабинета, который он велел себе устроить при помощи перегородок.

Я спросила, что это значило; он мне сказал тогда, что эта крыса совершила уголовное преступление и заслуживает строжайшей казни по военным законам, что она перелезла через вал картонной крепости, которая была у него на столе в этом кабинете, и съела двух часовых на карауле, сделанных из крахмала, на одном из бастионов, и что он велел судить преступника по законам военного времени; что его легавая собака поймала крысу, и что тотчас же она была повешена, как я ее вижу, и что она останется там, выставленная на показ публике, в течение трех дней, для назидания. Я не могла удержаться, чтобы не расхохотаться над этим сумасбродством, но это очень ему не понравилось, в виду той важности, какую он этому придавал; я удалилась и прикрылась моим женским незнанием военных законов, однако он не переставал дуться на меня за мой хохот».

Вот каков был этот ничтожный человек, которому выпало носить титул Великого Князя и Наследника Русского Престола.

Печальный юмор этой части записок перекликается с возгласом, быть может, даже притупленным временем воплем отчаяния: «есть ли б я в участь получила с молода мужа, которого бы любить могла». Все горькие впечатления молодости будущей императрицы отразились в этой короткой фразе, попросту

незамеченной хулителями и клеветниками всех мастей, недалеко ушедшими по своим умственным способностям от вешателя крыс.

Шел 1745 год… Петру было 26 лет… И в этом возрасте он с полной серьезностью рассуждал о преступлении крысы и военно-полевом суде над ней.

Нет, «не от распутства, к коему склонности» не имела, родила Екатерина своего первенца, которого нарекли Павлом, от Сергея Салтыкова. И хотя она впоследствии и призналась Потемкину, что первый ее мужчина был поневоле, все же привязалась к Салтыкову, даже была влюблена в него. Еще во время беременности Екатерина начала понимать, что рано или поздно с Сергеем Салтыковым, которого она полюбила, придется расстаться. В ее Записках проскальзывают признания, что каждая разлука с ним приносила ей боль. Когда двор переезжал из Москвы в Петербург, Екатерина «умирала от страху, как бы Сергея Салтыкова… не оставили в Москве…». Но его записали в свиту малого двора. Тем не менее она призналась: «…у меня постоянно навертывались слезы на глаза, и тысячу опасений приходили мне в голову; одним словом, я не могла избавиться от мысли, что все клонится к удалению Сергея Салтыкова».

До родов этого не сделали только из опасений за судьбу ожидаемого важнейшего мероприятия – щадили чувства будущей матери. И вот около полудня 20 октября (1 октября) родился Павел. «Как только его спеленали, – писала Екатерина, – Императрица ввела своего духовника, который дал ребенку имя Павла, после чего Императрица велела акушерке взять ребенка и следовать за ней».

Здесь явно проявилось желание Елизаветы Петровны взять под свое крыло и свою опеку того, кого она определила в свои преемники. Императрица была хорошо осведомлена о выходках великого князя, который в те дни пил беспробудно, и лишь однажды заглянул к супруге, справился о здоровье и тут же удалился, заявив, что «не имеет времени оставаться».

Уж кто-кто, а он-то отлично понимал, что не имеет ни малейшего отношения к новорожденному.

Нелегкими для Екатерины были дни после родов. Вот только несколько выдержек из «Записок…»: «Его Императорское Высочество со своей стороны только и делал, что пил, а Императрица занималась ребенком». «Со следующего дня (после родов) я начала чувствовать невыносимую ревматическую боль… и при том я схватила сильную лихорадку. Несмотря на это, на следующий день мне оказывали почти столько же внимания; я никого не видела, и никто не справлялся о моем здоровье».

А далее в «Записках…» говорится о том, что пришлось

испытать молодой маме, которой ребенка показывать нужным не считали. «Я то и дело плакала и стонала в своей постели», – признается она. Даже на крестины маленького Павла ее не пригласили: «На шестой день были крестины моего сына; он уже чуть не умер от молочницы. Я могла узнавать о нем только украдкой, потому что спрашивать об его здоровье значило бы сомневаться в заботе, которую имела о нем Императрица, и это могло быть принято дурно. Она и без того взяла его в свою комнату и, как только он кричал, она сама к нему подбегала и заботами его буквально душила».

Вскоре после крестин Екатерине сообщили, что Сергей Салтыков был назначен отвезти известие о рождении Павла в Швецию. Этого и следовало ожидать. Держать при дворе такого свидетеля рождения наследника было бы опрометчиво, тем более он вел себя не очень скромно. Вот когда Екатерина поняла, что по-настоящему привязалась к нему, а быть может, даже полюбила. Недаром, признаваясь в «Чистосердечной исповеди» о своих отношениях с Понятовским, она откровенно написала, что это произошло «после года и великой скорби». А тогда, после отъезда Сергея Салтыкова, она «зарылась больше, чем когда-либо, в свою постель, где я только и делала, что горевала».

Да, уже и крестины прошли, а мать еще ни разу не видела сына. Но виновна ли она была в том? У нее не спрашивали, любит или не любит она жениха, когда вели под венец, более того, один из вельмож прямо и определенно сказал, что «Государи не любят». То есть, государи вершат браки по государственной необходимости. В то время считалось, что государи и члены правящей династии не всегда могут решать, как вести себя при дворе. Их действия также истолковывались государственной необходимостью. Императрица Елизавета Петровна полагала, что Павел не должен видеться с родителями, что его необходимо оградить от их влияния, тем более что родительницей была, по сути, одна Екатерина. Жестоко? А разве не жестоко то, что было сделано в отношении и вовсе безвинного младенца Иоанна Антоновича, упрятанного в крепость по государственной необходимости. И тут трудно, что-то оспорить, ведь для укрепления государственной власти, для прекращения эпохи дворцовых переворотов действительно необходимо было сокрыть ото всякого рода авантюристов личность, которую можно было использовать, как знамя для поднятия смуты. И тут уж было не до того, чтобы считаться с интересами этой личности. Можно спорить лишь о суровости тех мер, которые были приняты к человеку невиновному в том, что судьба распорядилась с ним так, как распорядилась.

Наверное, мы не вправе судить императрицу Елизавету Петровну и за ее решение самой воспитать наследника престола. Ведь несомненно одно – думала она прежде всего не о себе, а о Державе Российской, и преследовала не какие-то свои узкокорыстные интересы, а действовала во имя интересов, как считала, всеобщих.

И все же добрые чувства, порою, брали верх.

«Когда прошло 40 дней со времени моих родов, – вспоминала Екатерина Вторая, – …сына моего принесли в мою комнату: это было в первый раз, что я его увидела после рождения. Я нашла его очень красивым, и его вид развеселил меня немного; но в ту же самую минуту, как молитвы были кончены, Императрица велела его унести и ушла».

Интересны наблюдения иностранцев и оценки, сделанные ими, по поводу происходящего при Российском Императорском дворе. Прусский посланник доносил Фридриху II: «Надобно полагать, что Великий Князь (Петр Федорович. – *Н.Ш.*) никогда не будет царствовать в России; не говоря уже о его слабом здоровье, которое угрожает ему рановременною смертью… надобно признаться, что поведение его вовсе не способно привлечь сердца народа. Непонятно, как принц его лет может вести себя до такой степени ребячески. Некоторые думают, что он притворяется, но в таком случае он был бы мудрее Брута. К несчастью, он действует безо всякого притворства. Великая Княгиня ведет себя совершенно иначе».

Безусловно, Елизавета Петровна нисколько не обольщалась насчет наследника, она была в весьма щекотливом положении. Ведь после нее престол мог занять именно великий князь Петр Федорович. Великая княгиня, даже при том условии, что она была гораздо достойнее, при живом супруге никаких прав не имела. Осталось уповать на Павла. Но объявить его наследником при живых родителях можно было лишь по достижении совершеннолетия. И Елизавета Петровна готовила его к этому, стараясь всячески ограничивать его контакты с родителями, тем более великий князь даже и не стремился по понятным причинам к этому.

О Екатерине же складывалось мнение совершенно противоположное, нежели о Петре. Английский посланник Ульямс писал в 1755 году: «Как только она приехала сюда, то начала стараться всеми силами приобрести любовь русских. Она очень прилежно училась их языку и теперь говорит на нем в совершенстве (как говорят мне сами русские). Она достигла своей цели, и пользуется здесь большой любовью и уважением. Ее наружность и обращение очень привлекательны. Она обладает

большими познаниями о Русском государстве, которое составляет предмет ее самого ревностного изучения. Канцлер говорит мне, что ни у кого нет столько твердости и решительности».

Именно в те годы своей молодости будущая императрица написала весьма значительные строки: «Желаю и хочу только блага стране, в которую привел меня Господь. Слава ее делает меня славною. Вот мое правило, и я буду счастлива, если мои мысли могут в том содействовать».

Заметки, сделанные Екатериной, когда она была еще великой княгиней, говорят о том, что она задумывалась о предстоящем царствовании.

• «Я хочу, чтобы страна и поданные были богаты: вот начало, от которого я отправляюсь.

• Я хочу, чтобы повиновались законам; но не рабов; я хочу общей цели – делать счастливыми, но вовсе не своенравия, не чудачества и не тирании.

• Противно христианской религии и справедливости делать рабов из людей, которые все получают свободу при рождении. (Здесь ощущается явный намек на освобождение крестьян, закрепощенных Петром I.)

• Власть без доверия народа ничего не значит.

• Приобретите доверенность общества, основывая весь образ ваших действий на правде и общественном благе».

Не давали покоя и мысли о воспитании сына, хотя и не подпускали ее к воспитанию. Она именовала его по европейски принцем:

• «По моему мнению, есть два правила при воспитании принца: это, сделать его благодетельным и заставить его любить истину. Таким образом, он сделается любезным пред Богом и у людей.

• Пусть связывают мне руки, когда хотят помешать злу; но оставляйте меня свободною делать добро».

Что же касается личной жизни, то она оставалась по-прежнему безрадостной. Быть может, оттого и раскрылось сердце для нового увлечения, случившегося «после года и великой скорби» по удаленному от двора Салтыкову. В «Чистосердечной исповеди» читаем: «По прошествии года и великой скорби приехал нонешний король польский».

«Исповедь» датирована 1774 годом. Написана она, по мнению исследователей, 21 февраля. Королем в то время (как выразилась она «нонешним») был Станислав Август Понятовский.

«Сей был любезен и любим от 1755 до 1761 г.», – признается императрица Екатерина Потемкину, которому, как мы уже говорили, и адресована исповедь. Здесь важно отметить, что,

касаясь столь деликатных моментов биографии императрицы, исследователь, историк, биограф не должен забывать, что героиня его исследований не только императрица, но еще и женщина. Именно по этой немаловажной причине необходимо соблюдать корректность и позволять себе размышления только над тем, в чем она сама признается, а не смаковать выдуманное клеветниками и злопыхателями. И не след домысливать и додумывать что означает «любезен и любим», а лучше послушать саму героиню.

В «Записках…» Екатерина Алексеевна упоминает о нескольких встречах с Понятовским, который в 1756 году состоял в свите английского посланника, затем сообщает, что 1757 году он снова прибыл в Петербург уже в качестве посланника польского короля. В словах Екатерины не содержится даже намека на какие-либо особые отношения с Понятовским, хотя имя Станислава Августа упоминается достаточно часто. Там же опровергаются предположения некоторых исследователей эпохи и биографов, что Понятовский был удален из Петербурга за связь с великой княгиней. Истинная причина, по словам самой Екатерины, в политических интригах Понятовского.

9 декабря 1758 года Екатерина родила дочь. Вот как рассказала об этом в своих записках она сама: «…Я разрешилась 9 декабря между 10 и 11 часами вечера дочерью, которой я просила Императрицу разрешить дать ее имя; но она решила, что она будет носить имя старшей сестры Ее Императорского Величества, герцогини Голштинской, Анны Петровны, матери Великого Князя».

В «Записках…» упомянуто о реакции на это со стороны Петра Федоровича: «Его Императорское Высочество сердился на мою беременность и вздумал сказать однажды у себя в присутствии Льва Нарышкина и некоторых других: “Бог знает, откуда моя жена берет свою беременность, я не слишком-то знаю, мой ли это ребенок и должен ли я его принять на свой счет”. Лев Нарышкин прибежал ко мне и передал мне эти слова прямо в пылу. Я, понятно, испугалась таких речей и сказала ему: “Вы все ветреники; потребуйте от него клятвы, что он не спал со своею женою, и скажите, что если он даст эту клятву, то вы сообщите об этом Александру Шувалову, как великому инквизитору Империи”. Лев Нарышкин пошел действительно к Его Императорскому Высочеству и потребовал от него этой клятвы, на что получил в ответ: “Убирайтесь к черту и не говорите мне больше об этом”».

Некоторые историки пытались на свой лад трактовать сказанное и даже делали вывод, что родившаяся девочка была

дочерью Понятовского. Но Екатерина Алексеевна не дала и намека на то в данном случае, в отличии оттого, что говорила она весьма прозрачно относительно рождения Павла. А следовательно, и историк не вправе делать свои умозаключения. Единственно, что подчеркнула великая княгиня, так это явно безнравственное заявление великого князя. Так и читается в его адрес сквозь строки: «Коли не можешь быть мужчиной, так молчи».

Вольтер в свое время сказал, что тайна кабинета, стола и постели императора (добавим – членов императорской фамилии) не может быть разоблачаема иностранцем (добавим, что и никем другим тоже). Поэтому оставим гадания по поводу тех случаев, когда сама Екатерина Алексеевна не считала нужным открывать тайну.

После рождения Анны Екатерина оказалась в том же положении, что и после рождения Павла. Ей выдали в награду шестьдесят тысяч рублей и опять забыли о ней: «Я была в моей постели одна-одинешенька, и не было ни единой души со мной».

Посещала же великую княгиню, по ее словам, «обычная маленькая компания, которую составляли, как прежде, Нарышкина, Сенявина, Измайлова и граф Понятовский».

В «Чистосердечной исповеди» Екатерина признается, что поначалу она «отнюдь не приметила» Понятовского, «но добрые люди заставили пустыми подозрениями догадаться, что он на свете, что глаза его были отменной красоты и что он их обращал, хотя так близорук, что далее носа не видит, чаще на одну сторону, нежели на другие».

Видный исследователь екатерининской эпохи Вячеслав Сергеевич Лопатин указывает, что «прекрасно образованный и воспитанный Понятовский был близок Екатерине по своему интеллекту. Он разделял ее интересы и вкусы. Обожая великую княгиню, граф Станислав Август с уважением относился к ее высокому положению. Единственный из возлюбленных Екатерины Понятовский запечатлел ее портрет: «Ей было 25 лет. Она только что оправилась от первых родов, когда красота, данная ее натурой, расцвела пышным светом. У нее были черные волосы, изумительная фигура и цвет кожи, большие выразительные голубые глаза, длинные, темные ресницы, четко очерченный нос, чувственный рот, прекрасные руки и плечи. Стройная, скорее высокая, чем низкая, она двигалась быстро, но с большим достоинствам. У нее был приятный голос и веселый заразительный смех. Она легко переходила от простых тем к самым сложным».

Комментируя этот отзыв, В.С. Лопатин пишет: «Возможно,

Понятовский преувеличивал красоту Екатерины как женщины, но современники единодушно отмечали ее обаяние».

«Заключить мать и сына в Шлиссельбург!»

1 мая 1762 года праздновался мир с Пруссией. Между супругами давно уже не было добрых отношений. Да и людьми они были разными. Высокие помыслы и стремления Екатерины никак не сочетались с низменными чувствами Петра. Думая о будущем, Екатерина говорила: «Желаю и хочу только блага стране, в которую привел меня Господь Бог… Русский народ есть особенный народ в целом свете… Бог дал Русским особое свойство».

Исследователь той эпохи В.С. Иконников сделал вывод, что у Петра цели были иными и «самая перспектива будущей власти казалась ему необходимой лишь для того, чтобы унизить и наказать супругу за прошлое свое унижение, а Голштинии с помощью Фридриха II доставить торжество над Данией за отнятый ею Шлезвиг». Что касается унижения, то никто, кроме самого Петра, повинен в нем не был. И уж вовсе не Екатерина была повинна во всех перипетиях в жизни наследника Российского Престола, сего титула не заслуживающего.

Один из участников переворота, Пассек, сказал, что у Петра III «нет более жестокого врага, чем он сам, потому что он не пренебрегает ничем, что могло бы ему повредить». Аналогично выразилась и Екатерина: «У Петра III первым врагом он был сам: до такой степени все действия его отличались неразумием». Даже иностранные дипломаты, которым, казалось бы, все, что против России, то и хорошо, и то осуждали Петра Федоровича: «Жизнь, которую ведет Император, самая постыдная; он проводит свои вечера в том, что курит, пьет пиво и не прекращает эти оба занятия иначе, как только в пять или шесть часов утра и почти всегда мертвецки пьяным».

Интересы России были чужды Петру. Особенно возмущали русское общество и гвардию уничижительные реверансы по отношению к прусскому королю. Граф Мерси писал по этому поводу: «Самая сильная страсть императора, превышающая все остальные, это… его неограниченное уважение к прусскому королю».

По характеру Петр Федорович был груб, несдержан, воспитание, которое пытались дать ему в России, так и не пристало к нему. Умом он не отличался, время проводил в кутежах, играл в куклы и в солдатики, жестоко обращался с животными, книг не читал.

Екатерина была совсем иной. Приняв православную веру, она строго придерживалась всех канонов. Поступала она по однажды

и навсегда заведенным для себя нравственным принципам, о которых сама вспоминала впоследствии: «И в торжественных собраниях, и на простых сходбищах, и вечеринках я подходила к старушкам, садилась подле них, спрашивала об их здоровье, советовала, какие употреблять им средства в случае болезни, терпеливо слушала бесконечные их рассказы об их юных летах, о нынешней скуке, о ветрености молодых людей; сама спрашивала их совета в разных делах и потом искренне их благодарила. Я узнала, как зовут их мосек, болонок, попугаев… знала, когда которая из этих барынь именинница. В этот день являлся к ней мой камердинер, поздравлял ее от моего имени и подносил цветы и плоды из Ораниенбаумских оранжерей. Не прошло двух лет, как жаркая хвала моему уму и сердцу послышалась со всех сторон и разлилась по всей России. Этим простым и невинным способом составила я себе громкую славу и, когда зашла речь о занятии Русского Престола, очутилось на моей стороне большинство».

И чем более возрастал авторитет Екатерины, тем ниже падал авторитет Петра, показавшего себя мелочным, жадным, склочным и жалким человечишкой. Брикнер приводит несколько поступков Императора, которые не могли не вызвать осуждения и отвращения в обществе.

Ведь все, что делалось при дворе, немедленно разносилось по столице и становилось темой обсуждения в светских салонах. Рассказывали, что однажды император, встретив во дворце знакомого ювелира, спросил у него, откуда он идет. Тот вынужден был сообщить, что был у императрицы. Петр вспылил, обругал ювелира и категорически запретил ему выполнять какие-либо заказы Екатерины. Затем он запретил садовнику выдавать прислуге фрукты, которые она любила.

И вот настал день 1 мая. А.Г. Брикнер привел в книге «История Екатерины Второй» такой эпизод: «На торжественном обеде по случаю празднования мира, заключенного с Пруссией, Петр предложил тост “за здоровье императорской фамилии”. Когда Императрица выпила бокал, Петр приказал своему генерал-адъютанту Гудовичу подойти к ней и спросить, почему она не встала, когда пила тост. Государыня ответила, что, так как императорская семья состоит из ее супруга, сына и ее самой, то она не думает, чтобы это было необходимо. Гудович, передав этот ответ, был снова послан сказать ей, что она “дура”, и должна бы знать, что двое дядей, принцы Голштинские, также члены венценосной семьи. Опасаясь, впрочем, чтобы Гудович не смягчил выражения, Петр повторил его громко, так что большая часть общества слышала его. Екатерина залилась слезами. Происшествие это быстро разнеслось по городу, и по мере того,

как Екатерина возбуждала к себе сочувствие и любовь, Петр глубже и глубже падал в общественном мнении».

Екатерина призналась в письме к Понятовскому, что именно после празднования мира с Пруссией, после выходки Петра III, она сама стала прислушиваться к предложениям, которые делались ей со времени кончины Елизаветы Петровны.

Гвардейский полковник Николай Александрович Саблуков, оставивший Записки, посвященные событиям цареубийства Павла I, касаясь юности императора, писал: «Петр III намеревался, для того, чтобы вступить в брак с графинею Воронцовой, развестись с Императрицей Екатериной и вследствие того заключить и мать, и сына в Шлиссельбург на всю жизнь. С этой целью был уже составлен манифест, и лишь накануне его обнародования и ареста Екатерины и ее сына начался переворот… До сих (записки составлены в первой четверти XIX века. – *Н.Ш.*) можно видеть в Шлиссельбурге помещение, для них подготовленное».

В последних числах июня 1762 года Петр III вызвал Екатерину в Ораниенбаум, но она предусмотрительно приехала туда без сына. Император «глубоко досадовал», поскольку вынужден был отложить осуществление своего плана по заточению их обоих. Он велел ее возвращать в Петергоф, который приказал окружить пикетами. Наконец, Петр все же решился сделать последний шаг и повелел своему дяде отправиться за Екатериной и привести ее, чтобы осуществить арест…

О том, что происходило далее, рассказано в книге А. Брикнера «История Екатерины Второй»: «27 июня в столице распространился слух о мнимом аресте Екатерины. Один из гвардейских солдат явился к посвященному в тайну заговора Пассеку и настаивал на необходимости принятия мер для спасения Императрицы. Другой офицер, узнав об этом, приказал арестовать Пассека и дал знать Императору. Между гвардейскими полками распространилось волнение. Настал час решительного удара. Как только Панин и Дашкова, через Орловых, узнали об аресте Пассека, то поспешили сообщить обо всем Екатерине и приняли все меры для немедленного приезда ее в столицу. Алексей Орлов ночью отправился в Петергоф…»

В письме Понятовскому о тех днях императрица Екатерина поведала: «План состоял в том, чтобы захватить Петра III в его комнате и арестовать, как некогда была арестована принцесса Анна (Леопольдовна. – *Н.Ш.*) и дети. Он уехал в Ораниенбаум. Тайна была в руках троих братьев Орловых… Умы гвардейцев были подготовлены, и под конец в тайну было посвящено от 30 до 40 офицеров и около 10 тысяч нижних чинов. Не нашлось ни одного предателя в течение трех недель, потому что было четыре

отдельных партии, начальники которых созывались для проведения плана в исполнение, а главная тайна находилась в руках этих троих братьев. Панин хотел, чтобы провозгласили моего сына, но они ни за что на это не соглашались».

А.Г. Брикнер писал: «В минуту падения Петра III Екатерине не было иного выбора, как только взойти на престол или низойти в могилу, ибо известно, что она была обречена на жертву. Ее хотели заточить пожизненно в крепость, где она, вероятно, погибла бы вскоре, если бы не согласилась взойти на престол успеха».

Теперь ей предстояло вести корабль по имени Россия средь подводных рифов дворцовых интриг и заговоров, сквозь штормовой океан международной политики, разбивая накатывающиеся волны войн и утишая ураганы, вести осмотрительно, мудро, но твердо и решительно, ибо только твердость и решительность, сочетаемые с выдержкой и разумом, могли стать залогом успеха.

Суженого конем не объедешь!

В дни переворота произошло одно событие, которое в то время не показалось никому существенным, но которому суждено было сыграть величайшую роль не только в судьбах его главных участников, но и в истории России. Этим событием явилось знакомство императрицы Екатерины и Григория Потемкина.

О роли вахмистра Потемкина в подготовке переворота данных сохранилось немного. Знакомство с императрицей, как мы уже упоминали, состоялось именно во время переворота, поскольку из многих документов известно, что Екатерина II знала об участии в нем Потемкина и высоко оценила его роль. Так, в письме Станиславу Понятовскому она сообщала: «В Конной гвардии один офицер по имени Хитрово, 22 лет, и один унтер-офицер 17-ти по имени Потемкин всем руководили со сметливостью и расторопностью».

Неточно указан возраст Григория Александровича. Ему тогда шел двадцать третий год. Строки же письма свидетельствуют о том, что Хитрово и Потемкин были чуть ли не главными действующими лицами в лейб-гвардии Конном полку. Такое предположение подтверждают и награды, врученные участникам событий.

Так кто же он, Григорий Потемкин? И как оказался в строю Лейб-гвардии Конного полка в тот знаменательный день.

Известный государственный деятель М.М. Сперанский, вошедший в историю как составитель 45-томного Полного собрания законов Российской Империи и 15-томного Свода законов Российской Империи, однажды сказал: «За все восемнадцатое столетие в России было четыре гения: Меншиков, Потемкин, Суворов и Безбородко».

Заметим, что трое из названных были современниками и сподвижниками императрицы Екатерины Великой. Период ее правления, справедливо названный «золотым екатерининским веком», был на редкость богат талантливыми военными и государственными деятелями, замечательными учеными и искусными дипломатами.

В своей деятельности императрица опиралась, прежде всего, на природных русских, умело находя и выдвигая людей высоких достоинств. Вспомним встревоженный доклад прусского посланника Сольмса Фридриху II: «Все войны Екатерины II ведутся русским умом». Это означало, что минули времена, когда государственные учреждения и военное ведомство возглавляли иноземные наемники, о которых позднее, когда эти времена

воротились, очень метко отозвался князь Петр Иванович Багратион: «Они всегда многим служат».

Оговоримся сразу, Екатерина выдвигала и призывала к государственной деятельности не только природных русских, но и представителей всех многочисленных национальностей, населявших великие просторы России и традиционно считавшихся россиянами. Но она, прусская принцесса, по рождению, но, наверное, самая в то время русская по взглядам, помыслам и по душе, предпочтение отдавала все же именно русской нации, заявляя, что «Бог дал русским особое свойство».

Русским умом в период правления Екатерины II велись не только войны, русским умом осуществлялись вся внутренняя и внешняя политика государства Российского, изрядно расшатанного в годы царствования ближайших преемников Петра I, как правило, опиравшихся на иноземцев. Благодаря привлечению к разносторонней государственной и военной деятельности наиболее способных выходцев из российской глубинки, Екатерине II удалось поднять на небывалую прежде высоту науку, литературу, скульптуру, живопись. Императрица не уставала повторять: «Крупные и решительные успехи достигаются только дружными усилиями всех, а, кто умнее, тому и книги в руки».

Григорию Александровичу Потемкину, происходившему из русской дворянской семьи, из российской глубинки, как раз и были «книги в руки». В далеком прошлом, когда русские умы владели Русью, его род был знаменит. Но в начале XVIII века все смешалось в стране, поднятой на дыбу Петром I. В Россию хлынули «на ловлю счастья и чинов» иноземцы, которые, по образному выражению В.О. Ключевского, «посыпались… точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забрались во все доходные места в управлении». И славная фамилия Потемкиных, подобно многим другим, оказалась в тени, на задворках, как и все русское.

Родился Григорий Александрович 13 сентября 1739 года в родовом селе Чижове Духовщинского уезда Смоленской губернии. Отец, поклонник всего русского, отдал его на учебу сельскому дьячку Семену Карцеву. Там и получил первоначальное образование будущий генерал-фельдмаршал. Александр Васильевич не следовал глупой моде и не приглашал для сына французских учителей, что спасло Григория, как заметил один из биографов, от «наполнения головы сведениями в духе наносной просветительской философии». Это оградило и от общения с неучами, невеждами и бандитами, из коих в то время состояла иноземная публика, подгрызавшая и подтачивавшая еще в

недалеком допетровском прошлом здоровый организм России.

В книге русского историка А.Н. Фатеева «Потемкин-Таврический», изданной Русским Научно-исследовательским Объединением в Праге в 1945 году, приводится такой весьма характерный для того времени пример: «Французский посланник при Елизавете Лопиталь и кавалер его посольства Мессельер, оставивший записки, были поражены французами, встреченными в России в роли воспитателей юношества. Это были большей частью люди, хорошо известные парижской полиции. “Зараза для севера”, как он выражается. Беглецы, банкроты, развратники… Этими соотечественниками члены посольства так были удивлены и огорчены, что посол предупредил о том русскую полицию и предложил, по расследовании, выслать их морем». Не попал на обучение к подобным жуликам Потемкин и позже, когда его отвезли в Москву к двоюродному брату отца Григорию Матвеевичу Кисловскому для продолжения образования. Кисловский был в ту пору президентом Камер-коллегии. К нему же после смерти мужа перебралась с дочерьми и Дарья Васильевна.

Сначала Григория вместе с сыном Кисловского Сергеем учили приходящие учителя, подобранные Григорием Матвеевичем со всею тщательностью. Позднее пришлось все-таки выбрать учебное заведение из числа открытых иноземцами. Но и тут Кисловский сумел найти пансион, директором которого состоял некий Литке, отличавшийся религиозностью и честностью. Впрочем, по отзывам современников, семья дяди была столь далека от иноземного влияния и почитания всего заграничного, что тот нисколько не опасался «денационализации» детей.

После окончания пансиона Григорий Александрович стал воспитанником Московского университета. На решение поступить в это гражданское учебное заведение повлияла обстановка, царившая в доме Кисловских. Там редко бывали военные. Значительно чаще можно было видеть общественных деятелей, представителей духовенства. Однако поступление в университет не закрывало молодому человеку путь в армию. Воспитанник получал лишь отсрочку от службы до окончания образования, а по выпуску его производили в первый обер-офицерский чин. Дворяне, по обычаям того времени, как правило, сызмальства записывали детей в полки. Потемкина зачислили в конную гвардию.

В университете он учился превосходно, даже в 1756 году был удостоен золотой медали, а в 1757-м избран в число двенадцати достойнейших воспитанников, приглашенных в Петербург графом Иваном Ивановичем Шуваловым для представления императрице

Елизавете Петровне.

В годы учебы в Московском университете он пристрастился к чтению и проглатывал одну книгу за другой. Летом, приезжая к родственникам в деревню, забирался в библиотеку и, случалось, засыпал с книгой в руках на стоявшем там бильярдном столе.

Однажды его товарищ Матвей Афонин, впоследствии профессор Московского университета, купил специально для Потемкина «Натуральную философию» Бюффона, только что изданную в России. Потемкин вернул ему книгу на следующий день. Афонин с обидою упрекнул Григория в том, что тот даже не открыл книгу. Но упреки были напрасными, что доказал Потемкин великолепным знанием содержания. В другой раз он сам попросил Ермила Кострова, тоже однокашника, дать с десяток книг. Тот принес их Григорию, а через пять дней все до единой получил обратно.

Как тут было не удивиться? Трудно поверить, что человек способен прочитать за несколько дней такое количество книг. Ермил Костров с насмешкой сказал:

– Да ты, брат, видно, только пошевелил страницы в моих книгах. На почтовых хорошо летать в дороге, а книги – не почтовая езда…

– Я прочитал твои книги от доски до доски, – возразил Потемкин. – Коли не веришь, изволь, экзаменуй.

Теперь, вслед за Афониным, настал черед удивиться Кострову;

Любовь к чтению, подчас, отвлекала от занятий, но ведь она давала знания, и знания по тем временам увлекательные. Но вдруг после успеха в Петербурге Потемкин был в 1760 году отчислен из университета «за леность и не хождение в классы».

По-разному объясняли это биографы Потемкина. Вероятнее всего, охлаждение к наукам произошло оттого, что состав преподавателей университета в то время, среди которых были и подобные тем, что описал Мессельер, оставлял желать лучшего. Запоем читая книги, Потемкин приобретал знания, которые часто превосходили знания его учителей.

Потемкин, хоть и не окончил университет, прекрасно осознавал роль этого учебного заведения и важность образования. Впрочем, при императрице Екатерине порядки поменялись, и государыня высказалась по этому поводу со свойственным ей юмором: «С тех пор как в государственные учреждения стали приходить выпускники университета, я стала понимать поступающие ко мне бумаги».

С прекращением учебы для Потемкина закончилась и отсрочка от службы в полку. Надо было выбрать дальнейший путь

в жизни. Кисловский пытался отговорить племянника от вступления на воинскую стезю, даже отказался снабдить средствами, которых немало требовалось в то время для службы в гвардии. Были некоторые колебания и у самого Григория Александровича. В те годы он коротко сошелся с протодиаконом греческого монастыря отцом Дорофеем и с архиепископом Крутицким и Можайским Амвросием Зертис-Каменским. От Потемкина можно было услышать такие заявления: «Хочу непременно быть архиереем или министром». Или: «Начну военную службу, а, коли нет, стану командовать священниками».

Живой и гибкий ум Потемкина не мог мириться с косностью и невежеством университетских преподавателей. Юношу влекло к общению с наиболее образованными людьми своего времени, которых он нередко встречал в доме дяди. Такие люди на протяжении всей его жизни были самыми желанными его собеседниками. Его племянник Л.Н. Энгельгардт писал: «Поэзия, философия, богословие и языки латинский и греческий были его любимыми предметами; он чрезвычайно любил состязаться, и сие пристрастие осталось у него навсегда; во время своей силы он держал у себя ученых раввинов, раскольников и всякого звания ученых людей; любимое его было упражнение: когда все разъезжались, призывать их к себе и стравливать их, так сказать, а между тем сам изощрял себя в познаниях». Кипучей натуре Потемкина были свойственны многие крайности, которые нередко являются признаком людей, наделенных дарованиями.

Архиепископ Амвросий, покровительствовавший юноше, не настаивал на том, чтобы тот обязательно избрал духовный путь; более того, когда Потемкин объявил о своем желании ехать в полк, дал на дорогу и на обзаведение всем необходимым для службы 500 рублей, сумму по тем временам немалую.

Прибыв в полк, Григорий Александрович уже в первые месяцы своей службы обратил на себя внимание командования прилежанием, старательностью и стремлением к совершенствованию знаний и навыков в военном деле, которые, естественно, у него, не нюхавшего пороху, были более чем скромными. Богатырское телосложение, прекрасное знание языков, особенно немецкого, очень пригодились на первых порах. Вступивший на престол Петр III пригласил в Петербург своего дядю, принца Георга Людвига, которого сделал генерал-фельдмаршалом и приписал к Конной гвардии. Тут же понадобились адъютанты и ординарцы. Одним из них стал Потемкин, выбранный самим принцем, обожавшим великанов.

Должность ординарца дядюшки императора сразу приблизила его к царскому двору, выделила из среды гвардейцев.

Вскоре Потемкину был пожалован чин вахмистра. Однако эта служба не радовала Григория Александровича. Не любил он своего начальника за жестокое и бессердечное отношение к русским.

В тот период на Потемкина обратили внимание не только принц и его окружение, но и патриоты, которые были крайне недовольны новым потоком иноземцев, все гуще облепляющих уже не только престол, но и командные посты в армии.

Все это переполнило чашу терпения, и гвардейцы, хорошо помнившие переворот 25 ноября 1741 года, в результате которого на престол вступила Елизавета Петровна, стали подумывать о свержении Петра III, как о единственной возможности спасти Россию от полного разграбления.

О роли вахмистра Потемкина в подготовке переворота сохранилось немного данных. Известно, что действовал он смело, решительно и, скорее всего, был в числе тех, кто заранее знал о готовящемся событии. В день переворота он сумел убедить колеблющихся солдат присягнуть императрице Екатерине Алексеевне.

Существуют предания о том, что якобы государыня впервые обратила свое внимание на Потемкина именно в день переворота. Граф Сегюр, ссылаясь на рассказ самого Григория Александровича, писал: «Еще в начале царствования Екатерины Потемкин был не более как девятнадцатилетний унтер-офицер; в день переворота он один из первых встал на сторону Императрицы. Однажды на параде счастливый случай привлек на него внимание Государыни: она держала в руках шпагу, и ей понадобился темляк. Потемкин подъезжает к ней и вручает ей свой. Он хотел почтительно удалиться, но его лошадь, приученная к строю, заупрямилась и не захотела отойти от коня Государыни; Екатерина заметила его, улыбнулась и между тем обратила внимание на молодого унтер-офицера, который против воли все стоял подле нее; потом заговорила с ним, и он ей понравился своею наружностью, осанкою, ловкостью, ответами».

Примерно так же рассказывается и в ряде отечественных источников. Только С.Н. Шубинский уточняет, что случай произошел не на параде, а именно во время присяги 28 июня 1762 года в Конногвардейском полку.

Ну а теперь попробуйте представить себе строевой плац, равные шеренги конногвардейцев и государыня перед ними верхом, в гвардейском мундире лейб-гвардии Преображенского полка. Из-под треуголки, украшенной дубовыми листьями, спадали на мундир длинные красивые волосы. Екатерине Алексеевне едва исполнилось 33 года, она была хороша собой, и

подданные не могли без восторга смотреть на нее. Она не могла не прочесть восхищения и в глазах 23-летнего вахмистра лейб-гвардии Конного полка Григория Потемкина, который первым пришел на помощь, когда ей понадобился темляк, кожаный ремень, сделанный в форме петли с кистью на конце и служивший для крепления холодного оружия у пояса.

Так произошла встреча Потемкина и Екатерины, сыгравшая невероятную роль не только в их судьбе, но и судьбе России.

Первый список награжденных, в котором значатся фамилии всего лишь 36-ти участников переворота, открывает Григорий Орлов, а закрывает Григорий Потемкин. В одном документе, в частности, сообщается: «…вахмистр Потемкин – два чина по полку да 10 000 рублей». В другом документе, в котором также отмечены немногие, говорится о том, что «жалуется Конной гвардии подпоручику Григорию Потемкину 400 душ» в Московском уезде Куньевской волости. Известно, что вахмистр Потемкин был представлен к очередному чину, но императрица своей рукой написала «два чина по полку», произведя его сразу в подпоручики.

Несколько позже, к одной из годовщин восшествия на престол, императрица вновь отметила ближайших своих соратников. И опять-таки имя Потемкина было поставлено рядом с именами маститых мужей. Достаточно сказать, что список открывал генерал-фельдмаршал, Ее Императорского Величества генерал-адъютант, действительный камергер, лейб-гвардии Измайловского полка подполковник, сенатор и кавалер граф Кирилл Григорьевич Разумовский.

Уже при первых встречах императрица произвела на Потемкина неизгладимое впечатление, хотя, как показали дальнейшие события, в мечтах своих он не заходил слишком далеко. Он почитал Екатерину II более как императрицу, нежели как женщину. Она тоже не выделяла его среди ближайших своих соратников, отличая наградами и милостями народу с остальными.

Вскоре после переворота Григорий Александрович стал камер-юнкером. В 1763 году он получил назначение на должность помощника обер-прокурора Синода. Это императрица сделала не случайно – она знала об увлечении Потемкина духовными науками и полагала, что никто лучше его не сможет представлять ее интересы в Синоде. В указе по поводу назначения говорилось, что он направляется для того, чтобы «слушанием, читанием и собственным сочинением текущих резолюций… навыкал быть искусным и способным к сему месту».

Трудно сказать, как бы сложилась жизнь Потемкина, если бы

ему довелось служить в Синоде долгое время, но судьба распорядилась иначе. В 1763 году с Григорием Александровичем приключилось несчастье.

В «Русском биографическом словаре», выпущенном Русским историческим обществом под редакцией А.А. Половцова в 1896–1918 годах, в статье, помещенной в 14-м томе и посвященной Григорию Александровичу, значится: «В 1763 году Потемкин окривел, но не вследствие драки, а от неумелого лечения знахарем. Что же касается отношения князя Григория Орлова к Потемкину, то Императрица в 1774 году сказала Григорию Александровичу: “Нет человека, которого он (Орлов. – *Н.Ш.*) мне более хвалил и, невидимому мне, более любил и в прежние времена и ныне, до самого приезда, как тебя”».

Граф Александр Николаевич Самойлов, племянник Потемкина, вспоминал, что Григорий Александрович, возвратившись в 1763 году в Петербург из Москвы, где присутствовал при коронации Екатерины II, заболел горячкой. Всегда отличавшийся небрежением к официальным методам лечения, он и в тот раз воспользовался услугами знахаря – некоего Ерофеича, известного в то время изобретателя водочной настойки. Тот обвязал ему голову повязкой со специально приготовленной мазью. Потемкин вскоре почувствовал сильный жар и боль. Стащив повязку, он обнаружил на глазу нарост, который тут же сколупнул булавкой. Не подтверждает Самойлов и то, что Потемкин был обезображен потерей зрения, ибо глаз не вытек и остался цел, хотя и перестал видеть. Разумеется, безжизненный глаз унес некоторую часть красоты, но не настолько, как хотелось бы сплетникам. Самойлов писал: «Тогдашние остроумы сравнивали его (Потемкина. – *Н.Ш.*) с афинейским Альцибиадом, прославившимся душевными качествами и отличною наружностью».

И все же случившееся потрясло Григория Александровича. Он замкнулся, долгое время не выезжал из дома, не принимал гостей, полностью посвятив себя чтению книг по науке, искусству, военному делу и истории, а также «изучая дома богослужебные обряды по чину архиерейскому». Опять появились мысли о духовной стезе…

Однако заточение нарушил Григорий Орлов, приехавший к Потемкину по поручению государыни. Он чуть ли не силой снял повязку с незрячего глаза и заявил:

– Ну, тезка, а мне сказывали, что ты проказничаешь. Одевайся, государыня приказала привезти тебя к себе.

19 апреля 1765 года Потемкин получил чин поручика, в котором: «исполнял казначейскую должность и надзирал за

шитьем мундиров». Надо сказать, что ко всем обязанностям Григорий Александрович относился с присущей ему добросовестностью. В частности, «надзирая за шитьем мундиров» и занимаясь вопросами обмундирования, он настолько глубоко вник в дело, что затем, в период своего управления Военной коллегией, провел полезнейшую для русской армии реформу, избавив военную форму от «неупотребительных излишеств».

О том периоде жизни Григория Александровича А.Н. Фатеев писал: «Можно сказать одно, что его петербургское времяпрепровождение не напоминало того же знати и гвардейской молодежи. Он предался ревностному изучению строевой службы и манежной езды. В этих вещах проявил большую ловкость, чем в великосветских салонах и эрмитажных собраниях… Приглашаемый на малые собрания, состоящие из самых близких Императрице особ, Потемкин не отличался ни изящными манерами, ни ловкостью, подобной той, какую проявлял в конном строю. Как эрмитажный гость, он приводил в конфуз хозяйку. Благодаря геркулесовой силе, ему случалось ломать ручки от кресел, разбивать вазы и пр. Однако ему уже тогда прощалось и сходило с рук, о чем другие не решались подумать. Императрица Екатерина II знала и ценила его службу, не имеющую ничего общего с великосветским гвардейским времяпрепровождением».

Екатерина Алексеевна, в отличие от своих предшественниц на престоле русских царей, ценила, прежде всего, деяния своих подданных, направленные на благо Отечества.

О поисках императрицей способов к улучшению участи народа свидетельствует и созванная ею в 1767 году «Комиссия об уложении». В работе Комиссии, о которой будет подробно рассказано в последующих главах, Потемкин принял активное участие. 19 июня 1766 года он был назначен командиром 9-й роты лейб-гвардии Конного полка, а в 1767 году с двумя ротами этого полка был направлен в Москву для «несения обязанностей по приставской части».

Там же он стал еще и опекуном «татар и других иноверцев», которые сделали его своим депутатом, дабы он отстаивал их права «по той причине, что не довольно знают русский язык».

Уже тогда он начал изучать нравы и обычаи малых народов, их историю, быт, что позже очень помогло ему в деятельности по управлению Новороссией и другими южными губерниями.

Известно, что в тот период Григорий Александрович близко сошелся с автором записок об освобождении крестьян и сочинений по истории России Елагиным. Потемкин поддерживал идею освобождения крестьян. Кстати, рассматривала этот вопрос

и Екатерина II. Но надо учитывать время и не забывать, в каком состоянии тогда находилась Россия. Императрице было известно, что идея освобождения крестьян не вызывает энтузиазма среди большинства помещиков. Власть же ее еще была недостаточно укреплена, чтобы можно было идти решительно против крупных землевладельцев. Необходимо также учесть, что многие помещики и заводчики зачастую находились под большим влиянием своих управляющих, почти поголовно иноземцев, прибывших в Россию не для освобождения народа, а для финансового его закабаления ради личной наживы. Эти управляющие доводили эксплуатацию крестьян и заводских рабочих до ужасающих пределов – ведь им надо было и хозяину необходимые средства выделить, и себе во много раз большие в карман положить. За счет чего же это можно сделать? Разумеется, за счет еще большего разорения народа.

«Комиссия об уложении» должна была решить немало серьезных и важных вопросов государственного устройства. Не случайно Екатерина II ввела в ее состав многих своих сподвижников, в числе которых был и Потемкин. Он являлся депутатом от иноверцев и состоял членом подкомиссии духовно-гражданской.

В 1768 году, видя успехи Потемкина на государственном поприще, императрица сделала его камергером и освободила от воинской службы. Но судьба вновь распорядилась по-своему – в том же году началась русско-турецкая война, и, едва заговорили пушки, Потемкин стал проситься в действующую армию.

2 января 1769 года маршал собрания «Комиссии об уложении» А.В. Бибиков объявил: «Господин опекун от иноверцев и член комиссии духовно-гражданской Григорий Потемкин по Высочайшему Ея Императорского Величества соизволению отправляется в армию волонтером».

Приезд Григория Александровича, имевшего небольшой воинский чин и высокий придворный, озадачил командование. Первое время его держали при штабе, не зная, как использовать. И тогда он обратился с личным письмом к императрице, в котором просил сделать его положение более определенным. Касаясь своего личного желания, он писал: «Склонность моя особливо к коннице, которой и подробности я смело утвердить могу, что знаю; впрочем, что касается до военного искусства, больше всего затвердил сие правило, что ревностная служба… и пренебрежение жизнью бывают лучшими способами к получению успехов».

Ответ пришел незамедлительно, и уже в июне 1769 года поручик Потемкин был назначен в корпус генерала А.А.

Прозоровского, чтобы делом доказать преданность России, верность государыне, личные мужество и боевое мастерство.

Потемкин не раз отличился в боях с турками летом 1769 года, ему выпала честь открыть кампанию 1770 года блистательной победой при Фокшанах 4 января над неприятельским корпусом, втрое превосходящим его корпус. В этом сражении Потемкин применил новые тактические приемы, которые высоко оценил Румянцев. Отличился Потемкин и в сражениях при Ларге, Рябой Могиле и особенно при Кагуле.

По окончании кампании 1770 года Петр Александрович Румянцев направил в Петербург Потемкина с победной реляцией, причем сделал это не случайно, а следуя далеко идущим планам. В письме, адресованном императрице, он сообщал: «Ваше Величество видеть соизволили, сколько участвовал в действиях своими ревностными подвигами генерал-майор Потемкин. Не зная, что есть быть побуждаемым на дело, он искал от доброй воли своей везде употребляться. Сколько сия причина, столько и другая, что он во всех местах, где мы ведем войну, с примечанием обращался и в состоянии подать объяснения относительно нашего положения и обстоятельств сего края, преклонили меня при настоящем конце кампании отпустить его в Санкт-Петербург».

Да, действительно, Потемкин прекрасно изучил не только характер театра военных действий, но глубоко вник и в политическую обстановку, разобрался в отношениях между турками и татарами, что было для государыни очень важно.

Но Петр Александрович Румянцев думал не только об этих, пусть даже и весьма важных обстоятельствах. От своей сестры Прасковьи Александровны Брюс, которая была близкой подругой императрицы, он знал о сердечных неудачах государыни, знал, что давно уже наметилась трещина в ее отношениях с Орловым, но и новый избранник Васильчиков не удовлетворял всем требованиям, которые она предъявляла к тому, кому вверяла свое сердце.

Румянцев опасался, что желание иметь рядом мужское плечо, на которое можно опереться, императрица может ошибиться в выборе этого плеча, что дурно скажется на государственных делах. И, направляя в Петербург Потемкина, он хотел лишний раз напомнить о нем государыне, ведь не было секретом, что она симпатизировала этому человеку и даже принимала участие в его судьбе.

Многие искали, но не все могли найти ответ на вопрос, отчего вдруг Екатерина Вторая приблизила ко двору еще совсем молодого офицера, так уж особенно в ту пору себя ничем не зарекомендовавшего.

А если это любовь? Но что такое любовь? По словам архимандрита Паисия Величковского, первая добродетель – вера, а вторая добродетель – любовь к Богу и людям. Святой старец писал: «Любовь обнимает и связывает воедино все добродетели. Одною любовью весь закон исполняется, и жизнь богоугодная совершается. Любовь состоит в том, чтобы полагать душу свою за друга своего, и чего себе не хочешь, того другому не твори. Любви ради Сын Божий вочеловечился. Пребывающий в любви – в Боге пребывает; где любовь, там и Бог».

С любовью к России, с любовью к людям ступила на путь государева служения императрица Екатерина Вторая.

У нас нет оснований полагать, что приближение ко двору Потемкина было проявлением каких-то особых чувств к нему со стороны государыни. В ее эпистолярном наследии, относящемся ко времени переворота, он почти и не упоминается.

Даже в пространном письме к Понятовскому, датированном 2 августа 1762 года, о Потемкине говорится, как мы уже упоминали, лишь один раз, и возраст указан неверно.

О своих чувствах к Потемкину государыня ничего не говорит, а если женщина не говорит о том сама, разве кто-то вправе что-либо за нее домысливать?

А вот то, что в те годы рядом с нею был Григорий Орлов, Екатерина Вторая признает: «…сердце мое не хочет быть ни на час охотно без любви» – и говорит: «Сей бы век остался, если б сам не скучал». Это признание показывает, что хоть власть завоевана, да счастья в жизни личной нет, и любовь, живущая в сердце, выходит за рамки узкого понимания этого чувства.

В первые годы ее царствования проявление широкой сердечной любви было совершенно особым, непонятым хулителями всех мастей, понимавших любовь так, как ныне понимают ее нынешние демократы.

Хотя термина «заниматься любовью» в годы Екатерины Великой и не было, само подобное словосочетание, появись оно случайно, было бы понято совершенно иначе. Сотворять любовь значило бы укреплять мощь Державы на благо людям, что б жили они, по определению государыни, в довольстве.

«Я всегда к Вам весьма доброжелательна»

Сердце государыни не могло охотно жить без любви, но, если Григорий Орлов, по словам ее сам скучал, любовь Екатерины в высоком понимании этого слова проявлялась в борьбе, суровой борьбе за могущество Российской Державы, а, стало быть, за благоденствие подданных.

Это всецело относилось и к Потемкину. Вячеслав Сергеевич Лопатин писал: «Среди окружавших Государыню гвардейских офицеров Потемкин выделялся своей ученостью и культурными запросами».

Григорий Александрович, как уже упоминалось, очень много читал, и чтение развивало его ум, а не являлось просто одним лишь удовольствием. Этим он уже был близок Екатерине, которая в бытность свою великой княгиней подружилась с хорошей, доброй книгой. Люди начитанные всегда находят немало тем для разговоров.

Потемкин был принят в узкий кружок личных друзей государыни не только как активный участник переворота и статный красавец, но – и это скорее всего в первую очередь – как человек высокой культуры и всегда приятный, умный собеседник, с которым и время легко летит и за которого не стыдно ни за столом, ни в салоне.

О его развитости свидетельствует и умение быстро, на ходу сочинять четверостишия, когда это очень к месту. Его литературные способности тоже привлекали императрицу-философа, императрицу-писательницу.

Посвящал ли он стихи государыне? Судя по восторженному, трепетному отношению к ней можно с высокой достоверностью утверждать, что не мог не посвящать. Но, увы, они не сохранились, как и многие его письма и записочки личного характера, адресованные ей в более поздние времена, в 70-е годы.

Петру Александровичу Румянцеву было известно многое из того, что делалось при дворе, и он надеялся, что у Потемкина есть серьезный шанс занять место в сердце государыни. Потому-то для Григория Александровича эта поездка в столицу и имела далеко идущие последствия. Представленный императрице Екатерине Второй после долгого перерыва, он оставил след в ее сердце. Известный биограф Потемкина, наш современник Вячеслав Сергеевич Лопатин, издавший личную переписку Потемкина и Екатерины Второй, отмечает: «Камер-фурьерский журнал за октябрь и ноябрь 1770 года свидетельствует о том, что боевой генерал был отменно принят при дворе. Одиннадцать раз

он приглашался к царскому столу, присутствовал на первом празднике георгиевских кавалеров, ставшем с тех пор традиционным собранием воинов, прославившихся своими подвигами. Гостивший в Петербурге брат прусского короля принц Генрих после нескольких бесед с Потемкиным предрек ему большое будущее. Правда, в это самое время звезда братьев Орловых находилась в зените. Григорий Орлов пользуется полной благосклонностью Екатерины. Его братья Алексей и Федор прославили свои имена в Чесменской битве. “Подлинно Алехан, описан ты в английских газетах, – сообщал Алексею младший брат Владимир. – Я не знаю, ведомо ли тебе. Конечно, так хорошо, что едва можно тебя между людьми считать”. Алексей Орлов получил орден Св. Георгия 1-й степени, Федор – 2-й. Но Государыня не выпускает из поля зрения Потемкина».

Перед императрицей был уже не придворный чиновник, а закаленный в боях генерал, не раз продемонстрировавший свою верность России и преданность престолу. Екатерина же ценила в людях мужество и отвагу.

Содействовала сближению Потемкина и императрицы графиня Прасковья Александровна Брюс, в девичестве Румянцева, действовавшая по поручению своего брата Петра Александровича. Потемкин был удостоен особого внимания – он получил разрешение писать императрице лично, правда, поначалу было оговорено, что ее словесные ответы он будет получать через своего друга придворного поэта Василия Петрова и личного библиотекаря императрицы Ивана Порфирьевича Елагина.

Между тем пришло время возвращаться в армию. Даже Григорий Орлов удостоил Потемкина своих рекомендательных писем.

Война продолжалась. Позади был победоносный 1770 год. Турок били везде – и на суше и на море. Чесменское сражение полностью лишило Османскую империю флота. Но впереди еще было более трех лет войны, которые Потемкин почти полностью провел в действующей армии.

Императрица не забывала о нем, к тому же частенько напоминала ей об этом якобы влюбленном в нее генерале сестра Петра Александровича Румянцева Прасковья Александровна Брюс.

И вот в декабре 1773 года Григорий Александрович получил от императрицы личное письмо, в котором она писала: «Господин генерал-поручик и кавалер. Вы, я чаю, столь упражнены глазением на Силистрию, что Вам некогда письма читать; и хотя я по Сю пору не знаю, преуспела ли Ваша бомбардирада, но, тем не меньше, я уверена, что все то, что Вы сами предприемлете,

ничему иному приписать не должно, как горячему Вашему усердию ко мне персонально и вообще к любезному Отечеству, которого службу Вы любите. Но как с моей стороны я весьма желаю ревностных, храбрых, умных и искусных людей сохранить, то Вас прошу по-пустому не вдаваться в опасности. Вы, читав сие письмо, может статься, сделаете вопрос: к чему оно написано? На сие Вам имею ответствовать: к тому, чтобы Вы имели подтверждение моего образа мыслей об вас, ибо я всегда к Вам весьма доброжелательна. Екатерина».

Прочитав письмо, Потемкин понял, что пришла пора действовать. Каждой строкой, каждой фразой императрица давала понять, что желает видеть его, и как можно скорее. О том же сообщил ему и Румянцев, получивший письмо от своей сестры.

Как уже упоминалось, Ар. Н. Фатеев справедливо заметил: «У великих людей есть какое-то предчувствие места и времени свершения или, по крайней мере, выбора своего великого дела». Этот выбор сделал Григорий Александрович Потемкин, когда, отказавшись от беспечной столичной жизни и службы при дворе, попросился в действующую армию. Теперь выбор за него сделала государыня.

«Чистосердечная исповедь»

Прошли годы. Императрица утвердила и укрепила свою власть, но ей не хватало надежного мужского плеча, на которое можно опереться. Об Орлове, как мы уже упоминали, она сказала «сей бы век остался, есть ли б сам не скучал», Васильчиков же и подавно внимания не заслуживал. И вот прибыл в столицу вызванный ею из действующей армии Григорий Александрович Потемкин, закаленный в боях генерал-поручик, не раз отмеченный за храбрость и мастерство в командовании войсками самим Румянцевым.

Рассказывая о его приезде, В.С. Лопатин приводит выписку из Камер-фурьерского церемониального журнала, в котором отмечались все важнейшие события при дворе. Судя по журналу, 4 февраля 1774 года произошло следующее: «Пополудни в 6-м часу из Первой Армии прибыл ко двору Ее Императорского Величества в Село Царское генерал-поручик и кавалер Григорий Александрович Потемкин, который и проходил к Ее Императорскому Величеству во внутренние апартаменты». Далее в журнале указано: «Через час Екатерина в сопровождении наследника вышла в картинную залу и 9-го часа забавлялась с кавалерами игрой в карты. Первое свидание длилось не более часа. Скорее всего, беседа касалась армии и положения дел в Империи. Отметим небольшую подробность: честь представить Потемкина Государыне выпала на долю дежурного генерал-адъютанта князя Г.Г. Орлова. Вряд ли он догадывался о том, что “его приятель” Потемкин был вызван секретным письмом Екатерины. В эти самые дни знаменитый гость Императрицы Дени Дидро, проведший в Петербурге 5 месяцев, готовится к отъезду. Екатерина так занята своими сердечными делами, что не может найти свободной минуты, чтобы попрощаться с философом, обсуждавшим с ней во время долгих и частых бесед вопросы о положении народа, о необходимых реформах. Второй раз имя Потемкина появляется в Камер-фурьерском журнале 9 февраля. Он показан среди 42 приглашенных на большой воскресный прием и обед. Но могли быть тайные свидания, о которых официальный журнал хранит молчание. О первых шагах к сближению рассказывают письма. Сначала Екатерина пишет Потемкину по-французски, называет его “милым другом”, обращается к нему на “Вы”. Она просит его выбрать “какие-нибудь подарки для “духа”, затем посылает ему что-то – “для духа Калиостро”. Этот шифр легко читается. “Духи Калиостро” – согласно учению модного в Европе графа-авантюриста –

руководят чувствами людей. Подарок предназначался самому Потемкину».

7 февраля Екатерина писала Потемкину: «Когда Великий Князь уйдет от меня, я дам Вам знать, а пока что развлекайтесь как можно лучше, не в ущерб, однако, честным людям, к коим я себя причисляю. Прощайте, мой добрый друг».

И такое письмо писано на третий день после первой встречи…

А вскоре еще одна записочка, по мнению исследователей, относящаяся к 14 февраля: «Мой дорогой друг, будьте любезны выбрать мне какие-нибудь подарки для духа и сообщите мне, если можете, как Вы поживаете? Не имея никаких непосредственных сношений и из-за отсутствия господина Толстяка, я вынуждена беспокоить вас. Посему приношу Вам свои извинения».

Загадочные строки. Виднейший исследователь писем и документов екатерининского времени, создатель блистательных документальных фильмов о Суворове, о Потемкине и о Екатерине Великой Вячеслав Сергеевич Лопатин разгадал их смысл. Оказывается, Екатерина II, любившая делать подарки близким людям, предлагала Потемкину выбрать себе что-то по душе.

В записочке много иносказательного, ведь ее автор – императрица. Даже имена заменены кличками, известными лишь узкому кругу людей. «Толстяк» – это обер-гофмаршал двора князь Николай Михайлович Голицын, преданный слуга императрицы, брат генерал-фельдмаршала Александра Михайловича Голицына. Оба – близкие люди Петру Александровичу Румянцеву, который женат на их родной сестре. Тайна встреч Екатерины Второй и Потемкина находилась в надежных руках. Мало кто был посвящен в их отношения, и уж, конечно, нигде и ничто не протоколировалось.

А письма следовали одно за другим. Они датированы 14, 15, 16 и 18 февраля. Возможно, были и другие, которые не сохранились. 15 февраля Потемкин присутствовал на обеде, на котором еще был и А.С. Васильчиков, доживавший во дворце последние дни. О Васильчикове императрица упоминала в «Чистосердечной исповеди», даже не называя его по имени.

Постепенно тон писем менялся. Очевидно, во время тайных свиданий императрица дала понять Потемкину, что он ее нужен не как боевой генерал или не только как боевой генерал, которому она собирается поручить ответственное дело, а как близкий человек…

И это, видимо, поставило Григория Александровича в некоторое замешательство. Он сразу твердо дал понять, что

фаворитом быть не намерен – это претило его представлениям о чести и достоинстве, было несовместимо с его православным воспитанием. Один из биографов князя подметил, что даже самый зловредный и сардонический мемуарист эпохи, некий Вигель, от которого не было никому пощады, и тот признавал «моральный характер» Потемкина.

Из переписки напрашивается вывод, что Потемкин дал понять государыне: ни на какие отношения, не освещенные Православной церковью, пойти не может. Очевидно и то, что императрица дала согласие стать его супругой. Когда-то, вскоре после переворота, подобное предложение уже делал государыне Григорий Орлов. Но высшие сановники намекнули ей, что готовы повиноваться императрице Екатерине, а госпоже Орловой – никогда. Теперь она уже могла принимать решение без оглядки на кого бы то ни было.

И вдруг 21 февраля императрица на целый день затворилась в своих покоях во дворце и никого не принимала. Двор был в недоумении. Случилось же это после бала-маскарада, который был дан накануне. На том маскараде императрица танцевала только с Потемкиным и несколько раз уединялась для разговора с ним. Возможно, именно тогда он дал ей понять, что не пойдет ни на какие отношения, не освещенные церковью, и попросил признаться в тех увлечениях, которые были у нее при дворе до встречи с ним. Очевидно, он сказал ей о сплетнях и о том числе увлечений, которые приписывали ей сплетники, поскольку в «Чистосердечной исповеди» императрица обронила такую фразу: «Ну, господин Богатырь, после сей исповеди, могу ли я надеяться получить отпущение грехов своих? Извольте видеть, что не пятнадцать, но третья доля из сих: первого по неволе, да четвертого от дешперации (отчаяния. – *Н.Ш.*). Я думала на счет легкомыслия поставить никак не можно; о трех прочих, естьли точно разберешь, Бог видит, что не от распутства, к которой никакой склонности не имею, а естьли я в участь получила с молода мужа, которого бы любить могла, я бы вечно к нему не переменилась. Беда в том, что сердце мое не хочет быть ни на час охотно без любви».

Письмо состоит как бы из ответов на поставленные Потемкиным вопросы и возражений против некоторых его упреков.

Возможно, в тот же день 21 февраля 1774 года после того, как Потемкин прочитал «Чистосердечную исповедь», состоялось объяснение, потому что императрица направила ему вечером еще одну записочку: «Я, ласкаясь к тебе по сю пору много, тем ни на единую черты не предуспела ни в чем. Принуждать к ласке

никого не можно, вынуждать непристойно, претворяться – подлых душ свойство. Изволь вести себя таким образом, что я была тобой довольна. Ты знаешь мой нрав и мое сердце, ведаешь хорошие и дурные свойства, ты умен, тебе самому представляю избрать приличное по тому поведение, напрасно мучишься, напрасно терзаешься. Един здравый рассудок тебя выведет из беспокойного сего положения; без крайности здоровье свое надседаешь понапрасну».

А 27 февраля, выполняя волю государыни, Потемкин написал ей прошение о назначении его генерал-адъютантом:

«Всемилостивейшая Государыня!

Определил я жизнь мою для службы Вашей, не щадил ее отнюдь, где был только случай к прославлению высочайшего имени. Сие поставя себе простым долгом, не помыслил никогда о своем состоянии, и, если видел, что мое усердие соответствовало Вашего Императорского Величества воле, почитал себя уже награжденным. Находясь почти с самого вступления в армию командиром отдельных и к неприятелю всегда близких войск, не упускал я наносить оному всевозможного вреда, в чем ссылаюсь на командующего армией и на самих турок… принял дерзновение, пав к освященным стопам Вашего Императорского Величества, просить, ежели служба моя достойна Вашего благоволения и когда щедрота и высокомонаршая милость ко мне не оскудевают, разрешить сие сомнение мое пожалованием меня в генерал-адъютанты Вашего Императорского Величества. Сие не будет никому в обиду, а я приму за верх моего счастия, тем паче, что, находясь под особливым покровительством Вашего Императорского Величества, удостоюсь принимать премудрые Ваши повеления и, вникая в оные, сделаюсь вящее свободным к службе Вашего императорского Величества Отечества».

И вот перед нами письмо уже совершенно определенного содержания: «Гришенька не милой, потому что милой. Я спала хорошо, но очень немогу, грудь болит и голова, и, право, не знаю, выйду ли сегодня или нет. А естьли выйду, то это будет для того, что я тебя более люблю, нежели ты меня любишь, чего и доказать могу, как два и два четыре. Выйду, чтоб тебя видеть. Не всякий вить над собою столько власти имеет, как Вы. Да и не всякий так умен, так хорош, так приятен. Не удивлюсь, что весь город бессчетное число женщин на твой счет ставил. Никто на свете столь не горазд с ними возиться, я чаю, как Вы. Мне кажется, во всем ты не рядовой, но весьма отличаешься от прочих. Только одно прошу не делать: не вредить и не стараться вредить князю Орлову в моих мыслях, ибо я сие почту за неблагодарность с твоей стороны. Нет человека, которого он более мне хвалил и, по-

видимому мне, более любил и в прежнее время и ныне, до самого приезда твоего, как тебя. А естьли он свои пороки имеет, то ни тебе, ни мне непригоже их расценить и расславить. Он тебя любит, а мне оне друзья, и я с ними не расстанусь».

Императрица не хотела, чтобы Потемкин с первых дней пребывания в столице был вовлечен в борьбу придворных группировок. Помнила она и о рекомендательных письмах, которые писал Григорий Орлов Румянцеву, когда Потемкин отправлялся в армию, о том, как хвалил граф молодого генерала.

На следующий день, 28 февраля, Екатерина сообщила в письме, что приказала заготовить указ о пожаловании Потемкина чином генерал-адъютанта Ее Императорского Величества. 1 марта весь двор узнал о новом назначении. Из Москвы приехал граф Алексей Орлов, встревоженный известием. Он прямо спросил у Екатерины о слухах, дошедших до него:

– Да или нет?

– Ты об чем, Алехан? – смеясь, ответила вопросом на вопрос Екатерина.

– По материи любви, – сказал граф Орлов.

– Я солгать не умею, – призналась Государыня.

Да, она полюбила, и ничто уже не могло помешать ее счастью.

«С первых шагов своего возвышения Потемкин не только постоянно дежурит во дворце, – рассказывает в своей книге В. С. Лопатин, – но и становится единственным докладчиком по военным делам. Именно по его совету Екатерина решает направить в Оренбуржье против Пугачева Суворова, который наконец-то получает чин генерал-поручика (17.3.1774). Потемкин, хорошо знавший генералов и офицеров действующей армии, рекомендует ей дельных людей, на которых можно положиться… Поначалу новый генерал-адъютант живет у своего зятя Н.Б. Самойлова, затем переезжает к сенатору и камергеру И.П. Елагину, верность которого Екатерине была испытана во время дела канцлера графа А.П. Бестужева. 15 марта следует новое пожалование: Потемкин назначается подполковником в лейб-гвардии Преображенский полк».

Сближение с императрицей и возвышение Потемкина были стремительны. 10 апреля Григорий Александрович переехал в Зимний дворец, где ему отведены покои. 21 апреля, в день своего рождения, Екатерина пожаловала ему ленту и знаки Ордена Святого Андрея Первозванного.

Дипломатический корпус с большим вниманием интересовался в те дни изменениями при российском императорском дворе.

Прусский посланник граф В.Ф. Сольмс доносил Фридриху II: «По-видимому, Потемкин сумеет извлечь пользу из расположения к нему Императрицы и сделается самым влиятельным лицом в России. Молодость, ум и положительность доставят ему такое значение, каким не пользовался даже Орлов».

Английский посланник писал в Лондон: «Потемкин действительно приобрел гораздо больше власти, чем кто-либо из его предшественников». И все в один голос отмечали высокие личные достоинства нового избранника Российской Императрицы.

Но это еще не все… Вскоре в Лондон полетела очередная депеша, в которой автор ее, Гуннинг, оказался очень близок к истине: «Если рассматривать характер любимца Императрицы, которому она, кажется, хочет доверить бразды правления, нужно бояться, что она кует себе цепи, от которых легко не освободится». Впрочем, она ведь и не хотела от них освобождаться на протяжении всей своей жизни, вплоть до последнего часа Потемкина на этой земле.

Теперь, для того, чтобы читатель сам мог сделать вывод о чувствах, которые питала императрица к Потемкину, не лишним будет привести несколько ее писем, написанных в период после состоявшегося между ними объяснения и до венчания. Письма взяты из упомянутого выше сборника, подготовленного Вячеславом Сергеевичем Лопатиным.

Начать, разумеется, стоит с «Чистосердечной исповеди», некоторых фрагментов которых мы уже касались: «Марья Чоглокова, видя что через девять лет обстоятельства остались те же, каковы были до свадьбы, и быв от покойной Государыни часто бранена, что не старается их переменить, не нашла иного к тому способа, как обеим сторонам сделать предложение, чтобы выбрали по своей воле из тех, кои она на мысли имела; с одной стороны выбрали вдову Грот, которая ныне за Арт[иллерии] генер[ал]-пору[чиком] Миллером, а с другой Сер[гея] Сал[тыкова] и сего более по видимой его склонности и по уговору мамы, которую в том поставляла великая нужда и надобность.

По прошествии двух лет С[ергея] С[алтыкова] послали посланником, ибо он себя нескромно вел, а Марья Чоглокова у большого двора уже не была в силе его удержать. По прошествии года и великой скорби приехал нонешний Кор[оль] Пол[ьский], которого отнюдь не приметили, но добрые люди заставили пустыми подозрениями догадаться, что он на свете, что глаза его были отменной красоты и что он их обращал (хотя так близорук, что далее носа не видит) чаще на одну сторону, нежели на

другие. Сей был любезен и любим от 1755 до 1761. Но тригодишная отлучка, то есть от 1758, и старательства Кн[язя] Гр[игория] Гр[игорьевича], которого паки добрые люди заставили приметить, переменили образ мыслей. Сей бы век остался, естьли б сам не скучал. Я сие узнала в самый день его отъезда на конгресс из Села Царского и просто сделала заключение, что, о том узнав, уже доверки иметь не могу, мысль, которая жестоко меня мучила и заставила сделать из дешперации (отчаяния. – *Н.Ш.*) выбор кое-какой, во время которого и даже до нынешнего месяца я более грустила, нежели сказать могу, и иногда более как тогда, когда другие люди бывают довольные, и всякое приласкание во мне слезы возбуждало, так что я думаю, что от рождения своего я столько не плакала, как сии полтора года. Сначала я думала, что привыкну, но что далее, то хуже, ибо с другой стороны месяцы по три дуться стали, и признаться надобно, что никогда довольна не была, как когда осердится и в покое оставить, а ласка его меня плакать принуждала.

Потом приехал некто богатырь. Сей богатырь по заслугам своим и по всегдашней ласке прелестен был так, что услыша о его приезде, уже говорить стали, что ему тут поселиться, а того не знали, что мы письмецом сюда призвали неприметно его, однако же с таким внутренним намерением, чтоб не вовсе слепо по приезде его поступать, но разбирать, есть ли в нем склонность, о которой мне Брюсша (графиня Прасковья Александровна Брюс, родная сестра Румянцева. – *Н.Ш.*) сказывала, что давно многие подозревали, то есть та, которую я желаю, чтоб он имел.

Ну, Госп[один] Богатырь, после сей исповеди могу ли я надеяться получить отпущение грехов своих. Изволишь видеть, что не пятнадцать, но третья доля из сих: первого по неволе, да четвертого от дешперации я думала насчет легкомыслия поставить никак не можно; о трех прочих, естьли точно разберешь, Бог видит, что не от распутства, к которому никакой склонности не имею, а естьли б я в участь получила смолоду мужа, которого бы любить могла, я бы вечно к нему не переменилась. Беда та, что сердце мое не хочет быть ни на час охотно без любви. Сказывают, такие пороки людские покрыть стараются, будто сие происходит от добросердечия, но статься может, что подобная диспозиция сердца более есть порок, нежели добродетель. Но напрасно я сие к тебе пишу, ибо после того взлюбишь или не захочешь в армию ехать, боясь, чтоб я тебя позабыла. Но, право, не думаю, чтоб такую глупость сделала, и естьли хочешь на век меня к себе привязать, то покажи мне столько же дружбы, как и любви, а наипаче люби и говори правду».

Вполне возможно, что у этого письма отсутствует начало, которое то ли уничтожено умышленно, то ли утрачено.

Довольно откровенно письмо, датированное 26 февраля 1774 года. Императрица писала: «Благодарствую за посещение. Я не понимаю, что Вас удержало. Неуже[ли] что мои слова подавали к тому повод? Я жаловалась, что спать хочу, единственного для того, чтоб ранее все утихло, и я б Вас и ранее увидеть могла. А Вы тому испужавшись и дабы меня не найти на постели, и не пришли. Но не изволь бояться. Мы сами догадливы. Лишь только что легла и люди вышли, то паки встала, оделась и пошла в вивлиофику к дверям, чтоб Вас дождаться, где в сквозном ветре простояла два часа; и не прежде как уже до одинна[д] цатого часа в исходе я пошла с печали лечь в постель, где по милости Вашей пятую ночь проводила без сна. А нынешнюю ломаю голову, чтоб узнать, что Вам подало причину к отмене Вашего намерения, к которому Вы казались безо всякого отвращения приступали. Я сегодня думаю ехать в Девичий монастырь, естьли не отменится комедия тамо. После чего, как бы то ни было, но хочу тебя видеть и нужду в том имею. Был у меня тот, которого Аптекарем назвал, и морочился много, но без успеха. Ни слеза не вышла. Хотел мне доказать неистовство моих с тобою поступков и, наконец, тем окончил, что станет тебя для славы моей уговаривать ехать в армию, в чем я с ним согласилась. Они все всячески снаружи станут говорить мне нравоучения, кои я выслушиваю, а внутренне ты им не противен, а больше других Князю (Григорию Григорьевичу Орлову. – *Н.Ш.*). Я же ни в чем не призналась, но и не отговорилась, так чтоб могли пенять, что я солгала. Одним словом, многое множество имею тебе сказать, а наипаче похожего на то, что говорила между двена[д]цатого и второго часа вечера, но не знаю, во вчерашнем ли ты расположении и соответствуют ли часто твои слова так мало делу, как в сии последние сутки. Ибо все ты твердил, что прийдешь, а не пришел. Не можешь сердиться, что пеня… Прощай, Бог с тобою. Всякий час об тебе думаю. Ахти, какое долгое письмо намарала. Виновата, позабыла, что ты их не любишь. Впредь не стану».

Комментируя это письмо, В.С. Лопатин замечает, что императрица, передав Потемкину 21 февраля «Чистосердечную исповедь», пять ночей провела без сна в ожидании ответа: «Два часа ожидания в библиотеке на сквозном ветру говорят о многом, – считает Лопатин. – Сдержанность Потемкина доводит Екатерину до исступления». Желание видеть Потемкина настолько сильно, что императрица с сожалением писала о необходимости ехать в Девичий (Смольный) монастырь, где обещала быть на театральном представлении, роли в котором

исполняли воспитанницы. Аптекарем окрестил Потемкин Ивана Ивановича Бецкого, видимо за образованность и приверженность к наукам. В письме императрица назначает новое свидание, во время которого и хочет окончательно объясниться со своим возлюбленным.

Следующее письмо написано 28 февраля 1774 года, уже, скорее всего, после объяснения, потому что императрица говорит о некоторых условиях, которые должен выполнять Потемкин. Это касается Орловых и прежде всего Григория, который действительно сделал немало доброго в отношении Потемкина. Известно, в частности, его письмо к Румянцеву от 2 февраля 1770 года, в котором он просил быть наставником молодого генерала, называя его своим «приятелем».

Императрица начала письмо ласково: «Гришенька не милой, потому что милой. Я спала хорошо, но очень немогу, грудь болит и голова, и, право, не знаю, выйду ли сегодня или нет, а естьли выйду, то это будет для того, что я тебя более люблю, нежели ты меня любишь, чего я доказать могу, как два и два – четыре. Выйду, чтоб тебя видеть. Не всякий вить над собою столько власти имеет, как Вы. Да и не всякий так умен, так хорош, так приятен. Не удивляюсь, что весь город безсчетное число женщин на твой щет ставил. Никто на свете столь не горазд с ними возиться, я чаю, как Вы. Мне кажется, во всем ты не рядовой, но весьма отличаешься от прочих. Только одно прошу не делать: не вредить и не стараться вредить Кн[язю] Ор[лову] в моих мыслях, ибо я сие почту за неблагодарность с твоей стороны. Нет человека, которого он более мне хвалил и, по-видимому мне, более любил и в прежнее время и ныне до самого приезда твоего, как тебя. А естьли он свои пороки имеет, то ни тебе, ни мне непригоже их расценить и разславить. Он тебя любит, а мне оне друзья, я с ними не расстанусь. Вот те нравоученье: умен будешь – примешь; не умно будет противуречить сему для того, что сущая правда.

Чтоб мне смысла иметь, когда ты со мною, надобно, чтоб я глаза закрыла, а то заподлинно сказать могу того, чему век смеялась: “что взор мой тобою пленен”. Экспрессия, которую я почитала за глупую, несбыточную и ненатурально[ю], а теперь вижу, что это быть может. Глупые мои глаза уставятся на тебя смотреть: рассужденье ни на копейку в ум не лезет, а одурею Бог весть как. Мне нужно и надобно дни три, естьли возможность будет, с тобою не видаться, чтоб ум мой установился, и я б память нашла, а то мною скоро скучать станешь, и нельзя инако быть. Я на себя сегодня очень, очень сердита и бранилась сама с собою и всячески старалась быть умнее. Авось-либо силы и

твердости как-нибудь да достану, перейму у Вас – самый лучий пример перед собою имею. Вы умны, вы тверды и непоколебимы в своих приятных намерениях, чему доказательством служит и то, сколько лет, говорите, что старались около нас, но я сие не приметила, а мне сказывали другие.

Прощай, миленький, всего дни с три осталось для нашего свидания, а там первая неделя поста – дни покаяния и молитвы, в которых Вас видеть никак нельзя будет, ибо всячески дурно. Мне же говеть должно. Уф! Я вздумать не могу и чуть что не плачу от мыслей сих однех. Adieu, Monsieur (Прощайте, милостивый Государь), напиши, пожалуй, каков ты сегодни изволил ли опочивать, хорошо или нет, и лихорадка продолжается ли и сильна ли? Панин тебе скажет: “Изволь, сударь, отведать хину, хину, хину!” Куда как бы нам с тобою бы весело было вместе сидеть и разговаривать. Естьли б друг друга меньше любили, умнее бы были, веселее. Вить и я весельчак, когда ум, а наипаче сердце свободно. Вить не поверишь, радость, как нужно для разговора, чтоб менее действовала любовь…»

Нельзя не заметить ревностного отношения императрицы к исполнению обрядов православной веры. Она прямо говорит о невозможности встреч в дни покаяния и молитвы первой недели Великого поста.

Следующее письмо вообще не нуждается в комментариях, ибо говорит о сокровенных чувствах государыни к Потемкину: «Голубчик мой, Гришенька мой дорогой, хотя ты вышел рано, но я хуже всех ночей не спала и даже до того я чувствовала волнение крови, что хотела послать по утру по лекаря пустить кровь, но к утру заснула и спокойнее. Не спроси, кто в мыслях: знай одиножды, что ты навсегда. Я говорю навсегда, но со време[ем] захочешь ли, чтоб всегда осталось и не вычернишь ли сам. Велика моя к тебе ласка меня же стращает. Ну, добро, найду средство, буду для тебя огненная, как ты изволишь говорить, но от тебя же стараться буду закрыть. А чувствовать запретить не можешь. Сего утра по Вашему желанию подпишу заготовленное исполнение-обещанье вчерашнее. Попроси Стрекалова, чтоб ты мог меня благодарить без людей, и тогда тебя пущу в Алмазный, а без того, где скрыть обоюдное в сем случае чувство от любопытных зрителей. Прощай, голубчик».

Императрица назначала встречу в Алмазной зале, где хранились дворцовые драгоценности, чтобы он мог выразить благодарность за назначение его генерал-адъютантов императрицы.

И вот, наконец, сообщение об объяснении с Алексеем Орловым, который ревностно следил за развитием отношения с

Потемкиным, безусловно, переживая разрыв императрицы с братом его Григорием.

Екатерина писала Потемкину: «Часто забывая тебе сказать, что надобно и чего сбиралась говорить, ибо как увижу, ты весь смысл занимаешь, и для того пишу. Ал[ексей] Гр[игорьевич] у меня спрашивал сегодня, смеючись, сие: “Да или нет?” На что я ответствовала: “Об чем?” На что он сказал: “По материи любви”.

Мой ответ был: “Я солгать не умею”. Он паки вопрошал: “Да или нет?” Я сказала: “Да!” Чего выслушав, расхохотался и молвил: “А видитеся в мыленке?” Я спросила: “Почему он сие думает?”

“Потому, дескать, что дни с четыре в окошке огонь виден был позже обыкновенного. – Потом прибавил: – Видно было и вчерась, что условленность отнюдь не казать в людях согласия меж вами, и сие весьма хорошо”.

Молвь П[анину], чтоб через третии руки уговорил ехать В[асильчикова] к водам. Мне от него душно, а у него грудь часто болит. А там куда-нибудь можно определить, где дела мало, посланником. Скучен и душен».

По мнению В.С. Лопатина, поручение относительно Васильчикова могло быть дано Потемкину только после пожалования ему чина генерал-адъютанта.

Далее, во многих письмах после 1 марта 1774 года содержатся уверения в любви. Судя по последующей переписке, Потемкин не был лишен чувства ревности и иногда высказывал сомнения в том, что действительно любим Екатериной.

Она все еще скрывает от двора свои отношения с ним, хотя понимает, что шила в мешке не утаишь. И все же, как сама говорит, хочется немного пофинтарничать, то есть поиграть в прятки.

«Миленький, какой ты вздор говорил вчерась. Я и сегодня еще смеюсь твоим речам. Какие счас[т] ливые часы я с тобою провожу. Часа с четыре вместе проводим, а скуки на уме нет, и всегда расстаюсь чрез силы и нехотя. Голубчик мой дорогой, я Вас чрезвычайно люблю, и хорош, и умен, и весел, и забавен; и до всего света нужды нету, когда с тобою сижу. Я отроду так счастлива не была, как с тобою. Хочется часто скрыть от тебя внутреннее чувство, но сердце мое необыкновенно пробалт[ыв] ает страсть. Знатно, что полно налито и оттого проливается. Я к тебе не писала давича для того, что поздно встала, да и сам будешь на дневанье.

Прощай, брат, веди себя при людях умненько и так, чтоб прямо никто сказать не мог, чего у нас на уме, чего нету. Это мне ужасно как весело немножко пофинтарничать».

«Жена да убоится мужа…»

Вячеслав Сергеевич Лопатин, тщательно проанализировавший письма того периода, подсчитал, что Екатерина в 28-ми записочках называет Потемкина «мужем» и «супругом» 30 раз, а себя именует женой 4 раза…

Венчание императрицы с Потемкиным произошло 8 июня 1774 года в праздник Святой Троицы. В.С. Лопатин так описал это событие: «Стояла светлая белая ночь, когда шлюпка отвалила от Летнего дворца на Фонтанке, затем вошла в Неву, пересекла ее и двинулась по Большой Невке. Там, в отдаленной, глухой части города возвышался Храм Святого Сампсония Странноприимца, основанный по повелению Петра Первого в честь Полтавской победы… Храм сохранился до наших дней. Чуть более 500 шагов отделяют его от берега Большой Невки. В соборе перед красным иконостасом… духовник Императрицы Иван Панфилов и обвенчал ее с Григорием Александровичем Потемкиным. Свидетелями были: камер-юнгфера Марья Саввишна Перекусихина, камергер Евграф Александрович Чертков и адъютант Потемкина, его родной племянник Александр Николаевич Самойлов, поручик лейб-гвардии Семеновского полка».

Поскольку, во имя сохранения тайны, лишних людей привлечь было нельзя, за дьячка во время венчания был Самойлов. Впоследствии он вспоминал, что, когда произнес фразу «жена да убоится мужа», священник вздрогнул – женой-то становилась государыня. Но Екатерина сделала мягкий жест, мол, все правильно.

Здесь к месту добавить, что Платон Зубов, последний генерал-адъютант императрицы, на старости лет, находясь в ссылке в своем имении, признался управляющему Братковскому, что, как не пытался, так и не сумел подорвать авторитет Потемкина в глазах Екатерины.

– Императрица, – говорил он с досадою, – всегда шла навстречу желаниям Потемкина и просто боялась его, будто строгого и взыскательного супруга.

Каковы же доказательства венчания Потемкина и Екатерины II? Как выясняется, доказательств того, что императрица и Григорий Александрович были законными супругами, вполне достаточно. Еще при жизни государыни и светлейшего князя об этом, хоть и с осторожностью, говорили даже иностранные дипломаты. К примеру, французский посланник в России граф Людовик-Филипп де Сегюр в «Записках графа Сегюра о

пребывании в России в царствование Екатерины II. (1785–1789)» 10 декабря 1787 года доносил в Париж, что ему открыта «великая тайна, известная только четырем лицам в России». Этой тайной было бракосочетание Екатерины Великой и Потемкина, и Сегюр обещал: «Если мне удастся вполне увериться, я оповещу короля при первой же возможности».

Конечно, и многие русские вельможи догадывались о том, что Потемкин вовсе не какой-то любовник или фаворит, что связывает его с государыней неизмеримо большее, но говорить об этом открыто было не принято, к тому же многим болтунам более нравились всякого рода сплетни. Умные же и достойные люди никогда не пускаются в пустые пересуды, ибо всякого рода разглагольствования не почитают приличными. Закулисные пересуды и муссирования слухов никому не делают чести. Это верный признак холопства. Известна прибаутка: холоп дулся на барина две недели, а барин и не знал о том.

Множились сплетни о фаворитизме императрицы, множились сплетни и о Потемкине. Настала, наконец, пора разобраться, что же было на самом деле. Вовсе не ради преумножения сплетен, а в значительной степени ради их прекращения путем установления правды. В XIX веке создались условия для изучения документов. В сопроводительной статье к фундаментальному изданию «Екатерина II и Потемкин. Личная переписка (1768–1991)». Вячеслав Сергеевич Лопатин, подготовивший к печати эту уникальную книгу, пишет: «По долгу службы Дмитрий Николаевич Блудов (один из самых способных министров николаевского царствования) имел доступ к секретнейшим архивам империи. Именно ему, занимавшему посты министра юстиции, а затем министра внутренних дел, Император Николай I поручил разобрать бумаги Екатерины II, среди которых находились и ее «Записки», и многочисленные письма к Потемкину. Некоторые из этих документов, лично просмотренные Николаем I, были помещены в секретном шкафу Императорского кабинета в Аничковом дворце в Петербурге и были извлечены лишь в 1898 году, в царствование его правнука, при подготовке академического собрания сочинений Великой Императрицы».

Осенью 1863 года о том своем исследовании Блудов поведал основателю и бессменному в течение почти полувека издателю журнала «Русский архив» Петру Ивановичу Бартеневу. Блудов рассказывал Бартеневу очень много интересного, а однажды коснулся темы взаимоотношений императрицы и Потемкина. Бартенев вспоминал: «Граф очень много знал такого, о чем нигде нельзя было прочитать, а на людях даже заикнуться… В один из вечеров, когда я уже начал утомляться слушанием, вдруг старик-

граф как бы мимоходом сказал, что Екатерина II была замужем за Потемкиным. Я изумился, точно как читающий диккенсова Копперфильда изумляется, узнав в конце книги, что у тетушки Бетси был муж. Признаюсь, мне подумалось, уж не стал ли бредить престарелый Председатель Государственного Совета (это был последний год его жизни). Однако я, разумеется, начал допытываться, откуда он про это знает, и граф сообщил мне, что М.С. Воронцов, приезжавший в Петербург по кончине своей тещи, племянницы Потемкина А.В. Браницкой (умерла в 1839 году), сказывал ему, что она сообщила ему эту тайну и передала даже самую запись об этом браке».

Далее Блудов поведал, что он побывал в 1869 году в Одессе по приглашению князя Воронцова, который готовил издание своего архива. Дмитрий Николаевич поведал следующее: «На первых же порах знакомства князь сообщил мне, что у матушки его, тогда еще здравствующей княгини Елисаветы Ксаверьевны, хранится список записи браке Императрицы Екатерины Второй с ее дедом-дядею, Светлейшим Князем Потемкиным. Позднее в другую одесскую мою поездку, граф Александр Григорьевич Строганов сказывал мне, что эта запись хранилась с особой шкатулке, которую княгиня Воронцова поручила ему бросить в море, когда он ездил из Одессы в Крым».

В.С. Лопатин пишет: «Знаменитая красавица, в которую был влюблен молодой Пушкин, сберегла тайну. Бартенев продолжал поиски. В рукописи “Записок” князя Ф.Н. Голицына (образованнейшего аристократа, воспитателем которого был последний фаворит Императрицы Елизаветы Петровны И.И. Шувалов) ему попалось поразительное свидетельство: “Один из моих знакомых, – вспоминал князь Голицын, – бывший при Павле I в делах и большой доверенности, уверял меня, что Императрица Екатерина, вследствие упорственного желания Князя Потемкина и ее к нему страстной привязанности, с ним венчалась у Самсония, что на Выборгской стороне. Она изволила туда приехать поздно вечером, где уже духовник ее (Иван Панфилов. – *Н.Ш.*) был в готовности, сопровождаемая одною Марьею Саввишной Перекусихиной. Венцы держали граф Самойлов и граф Евграф Александрович Чертков”».

Продолживший исследование Бартенев установил: «Александр Александрович Бобринский, внук графа Самойлова, племянника Потемкина, по преданию знал, что, когда совершалось таинство брака, Апостол был читан графом Самойловым (в то время адъютантом Потемкина, поручиком лейб-гвардии Семеновского полка. – *Н.Ш.*), который при словах: “Жена да убоится мужа своего” поглядел в сторону венчавшейся,

и она кивнула ему головою, и что брачную запись граф Самойлов приказал положить себе в гроб».

Я.Л. Барсков впоследствии писал: «Потемкин делил с Императрицей все большие заботы, а главное самою власть… В этом отношении из всех фаворитов он представлял собой исключение: никому не уступала Императрица из своей власти так много, как Г.А. Потемкину, и при том сразу же, в первый же год. Только его называла она своим “мужем”, а себя “женою”, связанною с ним “святейшими узами”». И далее Барсков сделал вывод: «Все эти рассказы и приведенные здесь письма дают повод решительно утверждать, что Потемкин был обвенчан с Екатериной. Уже один слух о том, что они были обвенчаны, создавал для Потемкина исключительное положение; в нем действительно видел и “владыку”, как называла его в письмах Екатерина, и ему оказывали почти царские почести при его поездках в подчиненные ему области или на театр военных действий и обратно в столицу. Как ни велико расстояние от брачного венца до царской короны, но по тем временам также велико расстояние, отделявшее случайного любовника Императрицы от ее мужа, которого она явно считала первым лицом в государстве после себя… Это был Царь, только без титула и короны».

Современная английская исследовательница Изабель де Мадариага, которая, по словам В.С. Лопатина, отдала изучению жизни и деятельности Российской Императрицы Екатерины II многие годы, в своей монографии отметила: «Письма Екатерины Потемкину подтверждают, что они были тайно обвенчаны. В ее письмах она часто называет его мужем и дорогим супругом. Возможно, из-за большого напряжения страсть Екатерины и Потемкина длилась недолго, однако в повседневной жизни они продолжали вести себя как женатая пара, до конца дней соединенная сильной привязанностью и абсолютным доверием… Десятилетняя разница в возрасте между ним и Екатериной значила все меньше по мере того, как оба старели. С годами он стал велик сам по себе… Вероятно, его пребывание рядом с Екатериной в масштабах страны играло стабилизирующую роль, так как отчасти удовлетворяло потребности русских в мужском правлении…

Екатерина… публично посещала его с целью подчеркнуть его статус, царские эскорты были обеспечены ему, где бы он ни ехал… Он вел себя как Император, и люди видели в нем владыку. Без сомнения, зависимость Екатерины от Потемкина как от фактического, если не юридического, консорта объяснялась личной доверенностью… Он гарантировал Екатерине

безусловную преданность, в которой она так нуждалась… Человек огромных познаний, он был более чем кто-либо при екатерининском дворе близок к родным корням русской культуры в ее церковно-славянском и греческом проявлениях и менее других затронут интеллектуальной засухой просвещения».

Сразу после соединения морганатическими узами с императрицей Потемкин показал, что не собирается быть только «мебелью» при дворе. В.В. Огарков в книге «Г.А. Потемкин, его жизнь и общественная деятельность» писал: «Подобная роль для честолюбивого, гордого князя, для человека такого ума, какой был у Потемкина, явилась неудобною. Мы видим, что уже в эти (1774–1776) два года почти ни одно решение Государыни не обходится без совета с Потемкиным, многое делается по его инициативе, так что, в сущности, он является главным ее советником, и притом советником авторитетным. Нужно сказать, что многие его действия исполнены известного такта и благородства, исключавшего представление о «черной» зависти ко всякому успеху, сделанному помимо его. Так, он настоял на усилении армии Задунайского новыми подкреплениями из России и на не стеснении его инструкциями».

Кстати, о добром отношении Потемкина к своему учителю говорят и другие источники. В частности, в одном из своих донесений, датированном 15 марта 1774 года, прусский посланник Сольмс указывал: «Говорили, что Потемкин не хорош с Румянцевым, но теперь я узнал, что, напротив того, он дружен с ним и защищает его от тех упреков, которые ему делают здесь».

В скором времени Потемкин стал членом Государственного Совета, вице-президентом Военной коллегии, получил чины генерал-аншефа подполковника лейб-гвардии Преображенского полка. Чин очень высокий и почетный, ибо полковником лейб гвардии, по положению, мог быть только император, в данном случае, императрица. Государыня пожаловала ему орден Святого Андрея Первозванного, осыпала прочими милостями.

Конечно, те чины, назначения и награды, которые Григорий Александрович получил в 1774 году, кто-то мог счесть превышающими его заслуги. Но, заметим, он являлся законным супругом Российской Государыни. Но главное – он оправдал их в последующем с лихвою. Возникает и еще один вопрос: правомерно ли считать Потемкина фаворитом? Правомерно ли уравнивать этого российского исполина, российского гения со всеми теми лицами, коих принято так именовать?

Чтобы ответить на этот вопрос, вновь обратимся к исследованиям Вячеслава Сергеевича Лопатина, который писал: «Круг обязанностей Потемкина очень широк. Как глава Военной

коллегии, он ведает кадровыми перемещениями и назначениями в армии, награждениями, производством в чины, пенсиями, отпусками, утверждением важных судебных приговоров. В его архиве сохранились сотни писем и прошений, поданных самыми разными людьми, начиная от простых солдат и крепостных крестьян и кончая офицерами и генералами. Как генерал-губернатор Новороссии, он принимает меры по обеспечению безопасности границ своей губернии, формирует и переводит туда на поселение пикинерные полки. Чтобы заполучить для новых полков опытных боевых офицеров, Потемкин добивается для них привилегий в производстве в чины.

Екатерина… довольна его успехами, ласково именует Потемкина «милой юлой», полусерьезно-полушутливо жалуется на его невнимание к ней из-за множества дел и напоминает слишком самостоятельному «ученику» о необходимости соблюдать субординацию.

Нет таких вопросов, по которым бы она не советовалась с Потемкиным. Государыня обсуждает с ним отношения с сыном и невесткой, причем касается таких интимных подробностей, как связь великой княгини с графом Андреем Разумовским, близким другом наследника престола…»

С первых дней возвышения Потемкин, конечно, не без помощи Императрицы, сумел правильно определить свое место при дворе. Он старался сглаживать конфликты, использовать полезных людей для интересов государства.

5 июля в деревне Кучук-Кайнарджи были начаты переговоры, и 10-го числа состоялось подписание выгодного для России мирного договора.

10 июля 1774 года в честь заключения мира с Турцией, для победы над которой Потемкин сделал немало, ему были пожалованы графское достоинство, шпага с алмазами, и миниатюрный портрет императрицы, украшенный брилиантами, а уже 21 марта 1776 года «исходатайствовано княжеское достоинство Священной Римской империи». В 1775 году он получил орден Святого Георгия второй степени за прошедшую кампанию.

Но это было позднее, а пока появилась возможность сосредоточить все силы на борьбу против пугачевщины. Граф Никита Иванович Панин, воспитатель наследника престола и глава Коллегии иностранных дел, предложил послать против Пугачева своего брата Петра Ивановича. Императрица была в сомнениях, поскольку знала о планах Никиты Панина относительно ограничения самодержавной власти и о его прожектах, касающихся передачи трона великому князю Павлу

Петровичу.

Потемкин счел возможным пойти на назначение Петра Панина, поскольку считал его исключительно честным и порядочным человеком, не способным к интригам.

Интересна реакция Григория Александровича на известие о заключении мира с Портой. Одному из своих добрых знакомых, правителю секретной канцелярии Румянцева П.В. Завадовскому, он писал: «Здравствуй с миром, какого никто не ждал… Пусть зависть надувается, а мир полезный и славный. Петр Александрович – честь века нашего, которого имя не загладится, пока Россия – Россия».

Вот как оценивал Потемкин своего учителя графа Румянцева! Что же касается зависти, то на большом приеме в Ораниенбауме, организованном по случаю этого события, на лицах иностранных дипломатов было написано, каково их отношение к успехам России. Лишь датский и английский министры оставались спокойны, все остальные представители западных стран едва скрывали свою досаду.

Вместе с указом о назначении Панина, подписанным императрицей, Потемкин направил ему письмо следующего содержания: «Я благонадежен, что Ваше Сиятельство сей мой поступок вмените в приятную для себя услугу. Я пустился на сие еще больше тем, что мне известна беспредельная Ваша верность Императрице».

Между тем в Москве готовилось празднование мира с Портой, назначенное на июль 1775 года. В январе императрица и Потемкин отправились в столицу, где остановились в старинном дворце, в Коломенском. «На московский период приходится кульминация семейной жизни Екатерины и Потемкина, – считает В.С. Лопатин. – По-прежнему все важные дела идут либо на совет, либо на исполнение к “батиньке”, “милому другу”, “дорогому мужу”. Ратификация мирного договора султаном и манифест о забвении бунта и прощении участников возмущения, указ о сбавке цены с соли и устройство воспитательного дома, сложные отношения с крымским ханом и упразднение Сечи Запорожской, разработка положений губернской реформы и многие другие вопросы, занимающие Екатерину Вторую и ее соправителя, нашли отражение в личной переписке… В Москве Императрица встретилась с матерью Потемкина, своей свекровью, и оказала ей особые знаки внимания, одарив ее богатыми подарками».

Все, казалось бы, безмятежно на семейном горизонте. Но чаще возникали ссоры, которыми заканчивались обсуждения государственных дел.

Празднования на время примирили супругов. 8 июля Москва

торжественно встретила Петра Александровича Румянцева, блистательного победителя турок, а 10-го числа начались торжества, поразившие своим великолепием даже дипломатический корпус.

На 12 июля были назначены народные гулянья на Ходынском поле, которые затем внезапно отложили на неделю. Поступило сообщение о болезни императрицы. Но что это была за болезнь? Сама государыня поясняла в письмах своим корреспондентам, что причиной якобы были «немытые фрукты». Не скоро исследователи докопались до истины.

В.С. Лопатин так пояснил случившееся: «12 или 13 июля Екатерина подарила своему мужу девочку. Это был пятый ребенок Екатерины. Первым был Павел, второй Анна, затем дети Григория Орлова – сын Алексей (будущий граф Бобринский) и дочь Наталья (будущая графиня Буксгевден). И, наконец, дочь Елизавета, рожденная в законном браке, от горячо любимого мужа.

Елизавета Григорьевна Темкина воспитывалась в семье племянника Потемкина А.Н. Самойлова. Вряд ли она знала, кто ее мать. Темкиной не было и 20 лет, когда ее выдали замуж за генерала И.Х. Калагеорги, грека на русской службе».

Кисть В.Л. Боровиковского запечатлела ее облик. На двух портретах изображена молодая женщина, черты лица которой напоминают отца, а фигура – мать. Что это? Посвящение в тайну? Или талант портретиста, умевшего уловить такие тонкие детали? У Елизаветы Григорьевны было несколько сыновей и дочерей. Потомство ее здравствует и по наше время.

«Мы ссоримся о власти, а не о любви…»

После рождения дочери отношения между супругами, казалось бы, должны были еще более упрочиться. Но этого не произошло. Семья не складывалась. Многие историки и писатели ошибочно именовали Потемкина фаворитом. Фаворитом он не был ни на один час. В феврале 1774 года, по приезде в Петербург, он почти тут же сделался женихом, ибо сразу объявил императрице, что ни на какие отношения, не освещенные церковью, как человек православный, не пойдет. И она дала согласие стать его супругой. А уже в июне он стал законным супругом государыни. Супругом и оставался до последнего дня своей жизни, ибо церковный брак расторгнут не был. Сие обстоятельство наложило отпечаток на его жизнь, не позволив поставить между собою и государыней в качестве супруги какую-то другую женщину.

Как решили свой личный вопрос Потемкин и императрица, известно лишь им самим. Мы можем лишь констатировать случившееся, основываясь на письмах и документах. Вот что пишет В.С. Лопатин: «Кризис в отношениях Екатерины II и Потемкина длился с конца января по конец июля 1776 года. О его фазах можно судить по письмам Императрицы своему мужу и соправителю. Тяжелое впечатление оставляют эти письма при чтении: ссоры, размолвки, взаимные упреки и обвинения – вот их главное содержание. Чтобы понять происходящее, следует напомнить о том, что Екатерина играла отнюдь не декоративную роль в управлении государством. Она знала цену власти и умела пользоваться ею. Слишком часто она видела, как меняются люди под бременем власти. Недаром, заканчивая “Чистосердечную исповедь”, она просила Потемкина не только любить ее, но и говорить правду. Известно изречение Екатерины: “Мешать дело с бездельем”». Современники отмечали ее умение шуткой, непринужденной беседой ослаблять гнет власти и государственных забот. Она любила до самозабвения играть с маленькими детьми, с чужими детьми, потому что своих почти не знала. Признаваясь Потемкину в пороке своего сердца, которое «не хочет быть ни на час охотно без любви», она как бы говорила: жить без любви и взаимной ласки невозможно. Екатерина пыталась сохранить для себя и своего избранника тепло семейного уюта, оградить свой интимный мир от страшной силы государственной необходимости. С Потемкиным это оказалось невозможным. Она сама вовлекла его в большую политику и… потеряла для себя. «Мы ссоримся о власти, а не о любви», –

признается Екатерина в одном из писем. Первой она поняла суть этого противоречия, первой почувствовала необходимость отдалиться от Потемкина (как женщине), чтобы сохранить его как друга и соправителя.

А.Н. Фатеев на основании изучения переписки Екатерины Великой и Потемкина сделал вывод: «Перед нами пара, предоставившая друг другу полную свободу в супружеских отношениях. Государственные же отношения сделались еще более скрепленными, и между соправителями образовались самые искренние чувства взаимного уважения и сотрудничества». Потемкин, по его мнению, был по характеру своему плохо приспособлен к семейной жизни. Историк писал: «Арабская поговорка изображает семейного человека львом в клетке, а он всю жизнь оставался пустынным львом на свободе».

Быть может, еще и потому он был одинок, хотя увлечения у него время от времени случались, и увлекался он не только замужними женщинами. Граф Людовик Филипп де Сегюр, бывший посланником при дворе Екатерины Второй в 1785–1789 годах и оставивший записки, повествовал об одном из таких увлечений Потемкина, свидетелем которого он явился. В те годы Григорий Александрович, приезжая в Петербург, часто бывал в доме обер-шталмейстера Л. Нарышкина. Он ухаживал за Марией Нарышкиной, дочерью хозяина дома, и Сегюр видел их обычно сидящими вдвоем, в отдалении от шумной компании.

Императрица, признав право Потемкина на свободу, сумела с уважением отнестись к сильному увлечению князя и даже посылала в своих письмах поклоны этому предмету увлечения. Женщина умная и дальновидная, Императрица, видимо, поняла, что даже ей не удержать в клетке «пустынного Льва», от которого нельзя требовать того же, что от прочих избранников. Недаром П.В. Чичагов писал, что у «Екатерины был гений, чтобы царствовать, и слишком много воображения, чтобы быть не чувствительною в любви».

Они умели любить. Но обстоятельства государственного вида не дали им быть вместе. Они не знали подлинного семейного счастья, утратив возможность иметь его ради общего блага, блага России. Да, они умели любить, и об этом говорят сохранившиеся письма. Вот как писал Потемкин действительно горячо любимой им женщине. Нам бы поучиться такому слогу и такому душевному жару: «Жизнь моя, душа общая со мною! Как мне изъяснить словами мою любовь к тебе, когда меня влечет к тебе непонятная сила, и потому я заключаю, что наши души с тобою сродные. Нет ни минуты, моя небесная красота, чтобы ты выходила у меня из памяти! Утеха моя и сокровище мое

бесценное, – ты дар Божий для меня. Из твоих прелестей неописанных состоит мой экстазис, в котором я вижу тебя перед собою. Ты мой цвет, украшающий род человеческий, прекрасное творение. О, если бы я мог изобразить чувства души моей к тебе!»

Или вот такие слова: «Рассматривая тебя, я нашел в тебе ангела, изображающего мою душу. Тайную силу, некоторую сродную склонность, что симпатией называют»… «Нельзя найти порока ни в одной черте твоего лица. Ежели есть недостаток, то только одно, что нельзя тебя видеть так часто, или лучше сказать, непрерывно, сколько есть желание».

В эти два года Потемкин прошел огромную школу государственного управления и из отважного, опытного, талантливого боевого генерала превратился в государственного деятеля широкого масштаба, в администратора и дипломата, в полководца и военачальника. Во время Русско-турецкой войны 1787–1791 годов он умело управлял небывалой по тому времени группировкой войск.

Императрица была не только мудрой правительницей, но и умелой воспитательницей, довольно успешно выковывавшей себе достойных помощников. Вспомним, как объяснила она одно из первых назначений Потемкина в Синод – «дабы навыкал быть способным к должности». Теперь же она стремилась, чтобы он навыкал быть способным к государственному управлению. И добилась желаемого.

Да, императрица, так же как и Потемкин, умела любить. Но нет обоснованных данных о том, что она часто пользовалась своим правом выбора. В «Чистосердечной исповеди» она рассказала Потемкину о своей прежней жизни, рассказала, почему рядом с нею оказались и Сергей Салтыков, и Станислав Понятовский, и Григорий Орлов, и Александр Васильчиков. Можно ли строго судить за то молодую женщину, причем женщину красивую, которая лишена была счастья семейной жизни, а вместо мужа имела некое чучело, до великовозрастного состояния игравшее в солдатиков и истязавшее животных?

Нельзя подходить с предубеждением и к тому, что было после прекращения интимных отношений с Потемкиным, поскольку это вообще никем, кроме сплетников, не утверждается. Доказательно лишь то, что один Потемкин оставался ее супругом, ее другом и соправителем.

Что касается ее генерал-адъютантов, сплетниками записанных в фавориты, то она говорила: «Приближая к себе молодых людей, я приношу пользу государству, воспитывая из них государственных деятелей».

Потемкина она воспитала. Быть может, надеялась воспитать и

еще кого-то. Но так и не нашла. Поскольку супружеский союз Екатерины и Потемкина не был расторгнут церковью, Потемкин так и остался одинок.

Известно ведь, что культура мужчины определяется его отношением к женщине. Потемкин был в любви столь же необыкновенно благороден, столь величествен, как и в других своих делах. Потемкин, в отличие от Григория Орлова, позволявшего в период близости к императрице вольности и даже бестактность, вел себя по отношению к ней исключительно корректно, с достоинством и тактом, никогда и ничем не подчеркивая своего особого положения. Правда, не допуская и столь модного в то время низкопоклонства. Известно, что он говорил о себе: «Я лесть и фальшь презираю всегда!»

Судьба вознесла Потемкина на необыкновенную высоту, близость к императрице позволила раскрыться всем его недюжинным возможностям и способностям в государственном и военном управлении страной, выдвинула в ряд первых государственных деятелей России. Он, несомненно, был окружен вниманием, имел огромное количество поклонниц. А тут рядом законная супруга, которая на десять с половиной лет старше, причем супруга, требующая беспредельной супружеской верности. Безусловно, это начинало понемногу тяготить Потемкина, окруженного вниманием молодых и красивых особ, настойчиво за ним ухаживавших.

Нет фактов, свидетельствующих о том, что он допускал супружескую неверность, но есть записки императрицы, в которых сквозят и боль и горечь по поводу некоторого невнимания избранника. «Лишь только что легла и люди вышли, то паки встала, оделась и пошла… к дверям, чтоб вас дождаться, где в сквозном ветре простояла два часа, и не прежде так уже до одиннадцатого часа выходе я пошла с печали лечь в постели, где по милости вашей пятое ночь проводила без сна». А вот еще одна записка императрицы: «Нет уж, и в девять часов тебя не можно застать спящего, я приходила, а у тебя, сударушка, люди ходят и кашляют и чистят, а приходила я затем, чтобы тебе сказать, что я тебя люблю чрезвычайно». В следующем письме Екатерина признавалась: «Сто лет как я тебя не видала, как хочешь, но очисти горницу, как приеду из комедии, чтоб прийти могла, а то день несносен будет, и так весь грустен проходил… Одного я тебя люблю…»

Нельзя не согласиться с мнением адмирала Чичагова о том, что у «Екатерины был гений, чтобы царствовать, и слишком много воображения, чтобы быть нечувствительною в любви». Императрица говорила, что в делах любви сердцу приказать

нельзя.

Определяя свое отношение к супруге Григория Александровича Потемкина, к Российской Государыне Екатерине II, стоит вспомнить правило, о котором в свое время писал П.В. Чичагов: «Кто умеет вознести свою страну на высоту могущества и славы, тот не может подлежать легкой критике и еще того менее подвергаться личной ответственности. То же можно сказать и об Императрице Екатерине. Она возвысила свой народ до той степени, до которой он только был способен быть вознесенным. Она одна, из всех Российских Государей, умела усвоить политику дальновидную и поддерживала ее во все продолжение своего царствования. Она победоносно боролась со всем, что противилось ее движению вперед; с малочисленными войсками побеждала армии бесчисленные; и с самыми малыми средствами достигала величайших последствий. Эту тайну Она унесла с собою в могилу».

«Чистая женщина»

Видный исследователь екатерининской эпохи, наш современник Вячеслав Сергеевич Лопатин в сопроводительной статье к подготовленному им фундаментальному изданию «Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791», выпущенному Издательством «Наука» в 1797 году, справедливо указал:

«О Екатерине Великой написаны десятки книг, сотни статей. Императрица стала героиней многочисленных романов, пьес, фильмов, причем почти весь XX век Северной Семирамидой (так называли Екатерину еще при жизни) интересовались во Франции, в Англии, в Германии, в Соединенных Штатах Америки, но только не на ее Родине, где она фактически была “персоной нон грата”. Не случайно авторами последних по времени биографий Екатерины II стали зарубежные историки: член Французской Академии Анри Труайа (эмигрант из России, представитель некогда знаменитой московской династии богачей и меценатов); английская исследовательница Изабель де Мадариага, отдавшая изучению жизни и деятельности Российской Императрицы многие годы; молодой американский ученый Дж. Т. Александер».

Здесь можно с сожалением добавить, что в годы перестройки были выплеснуты некоторыми недобросовестными издателями недостойные, мягко говоря, книжки типа «Любовники Екатерины», «Департамент фаворитов». Авторы их весьма сомнительны: некая М. Евгеньева и т. д. Тиражировался, конечно, «фундаментальный» полный юродства опус известного русофоба и очернителя русской истории Валишевского, совершенно незнакомого с русской историей, русским языком и не имевшего даже малейшего понятия о морали и нравственности. Впрочем, здесь еще можно понять причину – Валишевский, как всякий поляк, люто ненавидел все русское. Да и вообще к западным «исследователям» объективно и точно применимы слова Александра Сергеевича Пушкина: «Европа по отношению к России всегда была столь же невежественна, сколь неблагодарна».

А между тем совершенно забыты отечественные источники того времени. К примеру, почетный член Императорского Виленского университета Павел Сумароков в книге «Обозрение царствования и свойств Екатерины Великой», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1832 году, писал: «От глубокой древности считают только 25 Великих Государей; но и в этом ограниченном количестве не все достойны сего лестного наименования…» Далее он перечисляет Александра Македонского, Тита Ливия,

Людовика XIV, касается их достоинств, не избегая перечисления недостатков, и обращается к оценке императрицы Екатерины Великой: «После сих, превознесенных писателями царей, какую же степень в храме бессмертия определим Екатерине? Душа ее чиста, высокие качества не вмещают в себе ни жестокости, ни злобы, сердце исполнено нежных чувств. Победы ее знамениты, прочны; она не просила мира, а предписывала и обогатила государство. Благотворительность ее заключалась не в словах, но являлась в опытах. Всегда милосердна, снисходительна к слабостям, даже преступлениям; всегда любезна, обвораживающа в домашнем кругу, и страшна только своим врагам. Была матерью подданных, другом человечества; Европа нарекла ее великою, премудрою».

Но как же быть с тем потоком грязной литературы, выплеснувшейся вместе с другими помоями перестройка на книжные развалы? В отношении их по сей день актуально то, что писал в XIX веке адмирал Павел Васильевич Чичагов, современник императрицы и сын знаменитого екатерининского адмирала Василия Яковлевича Чичагова: «Тому, кто видел вблизи приснопамятное царствование этой Великой Государыни, невозможно без глубокого негодования слышать все клеветы, которые о ней распускают. Это чувство еще усиливается при виде того, что прибылью от своего злословия спекулируют не только презренные памфлетисты и пасквилянты обоего пола, но что писатели серьезные, мнимые добросовестные философы, повторяют с преувеличениями те же бредни, чтобы щегольнуть своим красноречием, будучи, без сомнения, обмануты сочинениями первых или не умея почерпнуть сведения из лучших источников. Впрочем, политические заблуждения, оскорбления и клеветы ничего не доказывают».

К счастью, кроме низких клеветников, есть на свете люди достойные, честные. И у Екатерины Великой были не одни лишь хулители. Казалось бы, если уж некоторые, с позволения сказать, историки не чураются грязных сплетен об истопниках и прочей чепухи, то что уж делать женщинам, зависть которых к императрице была хоть, конечно, и не оправдана, то, по крайней мере, более объяснима. Но именно женщина, Русская Женщина, возвысила свой голос в защиту Екатерины Великой, да не где-то, а в Западной Европе, давно уже потерявшей всякую совесть. И было это в 30-е годы XX века, когда западноевропейские особи, забывшие, что мужчины должны несколько отличаться от сплетниц «хуже старой бабы», с яростью набросились на ненавистный им образ императрицы России. Особенно старались Бернард Шоу и Альфред Савуар, которые, по словам Анны

Кашиной, «буквально упивались в изображении сладострастия Императрицы Екатерины Великой».

Жена известного русского театрального режиссера Н.Н. Евреинова, Анна Кашина-Евреинова, находившаяся в эмиграции в Париже, получила заказ на перевод с комментариями в то время еще неопубликованной переписки Екатерины Великой и Г.А. Потемкина. Во Францию их привез французский издатель и журналист Жорж Удар. Он побывал в Советской России и каким-то образом сумел заполучить эти письма. Вряд ли он знал, что таят они на самом деле. Не ведала о том и Анна Кашина. Она призналась в своих воспоминаниях, что долго сомневалась, браться ли за работу, поскольку опасалась потока пошлости и скабрезности, наивно веря тому, что вымучивали на потребу дня Шоу, Савуар и прочие. Она так и говорила, что опасалась «потоков сладострастия, которые будут хлестать из каждой строчки».

Но эмигрантам первой волны жилось на Западе нелегко. Пришлось и Анне Кашиной согласиться с предложением издателя ради заработка. И вот что написала женщина, еще недавно думавшая об императрице, по крайней мере, с некоторым презрением. «Я принесла письма домой, – вспоминала впоследствии Анна Кашина-Евреинова, – и, набравшись «ратного духа», засела их читать. Прочла, не отрываясь, всю объемистую пачку, и только окончив последнее письмо, я глубоко вздохнула и подумала: “И может же обывательская легенда и хлестко фривольные анекдоты до такой степени опоганить образ прелестной женщины, написавшей такие прелестные письма”. Екатерина показалась мне до такой степени привлекательной, человечной, обаятельной и такой “чистой женщиной”, несмотря на свои 44 года, – возраст, в котором она писала свои письма Потемкину, – что мне, естественно, захотелось узнать, что представляла ее жизнь до этого возраста. Труд по изучению ее предшествующей жизни занял немало времени, но зато доставил и много радости. Да разве есть большая радость, как реабилитировать невинно оклеветанную. Да еще женщину. Да еще такую прелестную женщину. Да еще Русскую Императрицу!»

Опубликовавший эти воспоминания Анны Кашиной Вячеслав Сергеевич Лопатин, заключает: «Так писала на чужбине русская женщина, потрясенная любовными письмами другой женщины, жившей полтора века назад». К чести французского журналиста Ж. Удара, он опубликовал эти письма, а в 1934 году они даже вышли отдельной книгой в парижском издательстве Калмана Леви. Слава богу, и на Западе кто-то отличался от Бернарда Шоу, да от некоторых наших историков сладострастия.

Даже английский историк доктор Гентш сказал об императрице: «Она была истинной женщиной, живым образчиком женственности».

В комментариях, сделанных Анной Кашиной, Потемкин – не любовник, не фаворит, а горячо любимый супруг, соединяя свою жизнь с которым, Екатерина «впервые узнала, что значит любить по-настоящему». Анна Кашина с убеждением писала, что «любовь к нему заполняет ее (Екатерины) жизнь», что императрица понимает: «уже никогда больше она не полюбит так, как она любит сумасшедшего, но гениального Потемкина», и заключает: «При желании дать какое-то определение любви Екатерины к Потемкину, я бы сказала: суеверная любовь…» Любовь, которую императрица пронесла через всю свою жизнь! И более чем недостоверными, мягко говоря, выглядят все размышления над ее фаворитизмом, разглагольствования о ее якобы имевших место связях с молодыми людьми, которые ей годились, на первых порах, в сыновья, а позднее и во внуки. Екатерина оставалась всегда верна Потемкину. Убедительных документов, опровергающих это определение, в природе не существует. Клеветники же пользуются лишь одним, испытанным доводом, мол, это ж всем известно, не уточняя, кому «всем» и что конкретно известно, а выдумывая всяк в меру своего личного воспитания.

В течение двадцати лет занимаясь исследованием золотого века Екатерины, опровергая сплетни, домыслы и клеветы, я так и не добился от своих оппонентов хотя бы одного достоверного документа, подтверждающего их сладострастные выдумки. Екатерина и Потемкин представляются чем-то единым целым, могучим монолитом, на который опиралась Русская Слава и который являлся основой всех побед.

А заключить данное повествование хочу стихотворением, которое родилось у меня после завершения работы над очередной книгой о великой государыне Екатерине Алексеевне, вполне заслужившей столь высокий титул, данный ей благодарными подданными:

Всевышний Бог! Не ведал ты позора
За Богородицы Светлейший Дом,
Когда Генералиссимус Суворов
Жег вражью нечисть Праведным огнем!
Всеславный Бог! Ты меч вручил Державный
Тому, кто не бросал на ветер слов,
Кто первым был из стаи Право Славной
Екатерининских орлов.

В те времена Святая Русь вставала
Из пут петровских и дворцовых ссор,
Святая Церковь к Богу направляла
Сынов отважных – Право Славных взор.

И с Богом в сердце побеждал Суворов,
И с Богом вел эскадры Ушаков,
Потемкин расширял страны просторы,
Славян храня от вражеских оков.

И Божьей волей праведная сила
Открыла с силой темной грозный спор,
Суворов на обломках Измаила
Изрек: «Мы, Русские! Какой восторг!»

По Божьей Воле распахнулись крылья
Над морем Черным Русских парусов,
От Тендры счет побед к Калиакрии
Вел легендарный Федор Ушаков.

И в армии времен Екатерины
Неистребимый Русский Дух царил.
На подвиг звал Суворовский орлиный
Клич: «С нами Бог! Вперед, Богатыри!»

Пора нам к Богу обратить молитвы,
И по-Суворовски вести за Правду спор.
И вспомнить, как перед Священной битвой,
Девиз: «Мы, Русские! Ура! Какой восторг!»

Два брака и платонический роман Павла I

«Спустя полтора года еще не говорим по-русски…»

Как известно, сын Екатерины Великой цесаревич Павел Петрович родился 20 сентября 1754-го, и в 1772 году, едва ему исполнилось 18 лет, встал вопрос о его женитьбе.

Ушли в прошлое традиции, заложенные в Московской Руси. Разрушил их Петр Первый. Теперь невест выбирали в европейских дворах. Там, в землях немецких, и подыскивала императрица Екатерина Великая невесту для своего сына. Претендентки определены были после долгих поисков и оценок всестороннего характера. Свой выбор императрица остановила на двух претендентках – на Софии-Доротеи Вюртембергской и Вильгельмине Гессен-Дармштадтской.

Хороша была София, да лет мало – всего тринадцать исполнилось. Когда от нее наследника дождешься? А наследник нужен был срочно – видимо, уже в ту пору императрица Екатерина задумывалась о том, о чем в свое время размышляла Елизавета Петровна. Заполучить от молодой четы внука, воспитать его и сделать наследником престола.

Обратив свой взор на Вильгельмину, императрица решила, что надо бы рассмотреть не ее одну, а всех трех сестер – принцесс Гессен-Дармштадтских.

В письме к своему посланнику барону Ахацу Фердинанду фон Ассебургу, с 1771 года находившемуся на русской службе, императрица, поручившая именно ему подыскать невесту для Павла Петровича, писала: «Принцессу Вильгельмину Дармштадтскую мне характеризуют, особенно со стороны доброты сердца, как совершенство природы; но помимо того, что совершенства, как мне известно, в мире не существует, вы говорите, что у нее опрометчивый ум, склонный к раздору. Это в соединении с умом ее сударя-батюшки и с большим количеством сестер и братьев, частью уже пристроенных, а частью еще ожидающих, чтобы их пристроили, побуждает меня в этом отношении к осторожности. Однако я прошу вас взять на себя труд возобновить ваши наблюдения».

Сомнения у Екатерины Великой были. Она делилась ими и с графом Никитой Паниным, воспитателем цесаревича: «У ландграфини, слава Богу, есть еще три дочери на выданье; попросим ее приехать сюда с этим роем дочерей; мы будем очень несчастливы, если из трех не выберем ни одной, нам подходящей. Посмотрим на них, а потом решим. Дочери эти: Амалия-

Фредерика – 18-ти лет; Вильгельмина – 17-ти; Луиза – 15-ти лет… Не особенно останавливаюсь я на похвалах, расточаемых старшей из принцесс Гессенских королем прусским, потому что я знаю и как он выбирает, и какие ему нужны, и та, которая ему нравится, едва ли могла бы понравиться нам. По его мнению – которые глупее, те и лучше: я видала и знавала выбранных им».

И вот три фрегата были высланы из Кронштадта в Любек за принцессами и их матерью.

Фрегатом «Екатерина» командовал капитан-лейтенант Андрей Разумовский, племянник тайного супруга императрицы Елизаветы Петровны. В молодые годы он участвовал в знаменитом Чесменском сражении, где Русский флот одержал блистательную победу, уничтожив все до единого турецких корабля. Затем, с 1772 года, он оказался на придворной службе, причем быстро сошелся и подружился с Павлом Петровичем. В ту пору они были оба молодые, красивые, жизнерадостные.

Андрей Разумовский уже успел получить славу обольстителя представительниц прекрасного пола, Павел же, по словам английского врача Димсдаля, прививавшего ему в 1768 году оспу, был «очень ловок, силен и крепок, приветлив, весел и очень рассудителен, что не трудно заметить из его разговоров, в которых очень много остроумия».

Наследник престола Павел Петрович приехал в Кронштадт, чтобы проводить друга. Но Андрей Разумовский, как признанный сердцеед, по мнению некоторых биографов, уже в пути успел обольстить одну из принцесс, и, вполне возможно, тогда уже сделаться ее любовником. На беду именно эту принцессу и выбрал в супруги Павел Петрович.

Ахац Фердинанд фон Ассебург, который был прежде датским посланником, а затем, перейдя на службу России, выполнял задание государыни по поиску невесты для наследника престола, считал, что именно на корабле произошло близкое знакомство Андрея Разумовского и Вильгельмины.

Принцесс привезли в столицу, а оттуда – в Гатчину, на смотрины к цесаревичу. Вот тогда-то Павел Петрович и выбрал среднюю из сестер – Вильгельмину.

Императрица писала по этому поводу: «Мой сын с первой же минуты полюбил принцессу Вильгельмину, я дала ему три дня сроку, чтобы посмотреть, не колеблется ли он, и так как эта принцесса во всех отношениях превосходит своих сестер… старшая очень кроткая; младшая, кажется, очень умная; в средней все нами желаемые качества: личико у нее прелестное, черты правильные, она ласкова, умна; я ею очень довольна, и сын мой влюблен».

15 августа 1773 года при православном крещении Вильгельмина получила имя Натальи Алексеевны, а 16-го числа состоялось обручение ее с цесаревичем Павлом Петровичем.

С бракосочетанием не тянули. Обвенчали молодых уже 29 сентября.

Дипломатический корпус всегда проявляет особый интерес к такого рода событиям. Английский посланник вскоре отправил своему правительству донесение, в котором сообщалось, что Наталья Алексеевна «управляла мужем деспотически, не давая себе даже труда выказать малейшей к нему привязанности».

То есть замуж она вышла не по любви, а лишь из желания стать со временем императрицей Российской.

Однако Павел Петрович полюбил свою сухую и суровую к нему супругу. И на судьбу не жаловался. Но сердце матери не обманешь – императрица Екатерина быстро разгадала невестку и стала относиться к ней настороженно. Новоиспеченная великая княгиня и вовсе показывала свекрови полное неуважение. А вскоре начала плести всякие интриги. Некоторые современники полагали, что она искала способы побыстрее сделать своего супруга императором, живо интересовалась вопросами престолонаследия и законностью пребывания у власти государыни.

Более всего не нравилось императрице Екатерине, что Наталья Алексеевна успела заразиться либеральными идеями. А мы знаем, каково отношение Государыни Российской ко всякого рода либеральным вихляниям и призывам к республиканству. Она указывала: «Российская Империя столь обширна, что кроме Самодержавной Монархии, всякая другая форма правления вредна ей и разорительна, ибо все прочие медлительны в исполнении и множество страстей разных имеют, которые к раздроблению власти и силы влекут. Единый Государь имеет все способы к пресечению всякого вреда и почитает общее благо своим собственным. Цель Монархического Самодержавного правления есть благо граждан, слава государства и самого Государя».

О невестке же государыня с иронией говорила: «Опасаясь злых, мы не доверяем целой земле. Не слушаем ни хороших, ни худых советов. До сих пор нет ни добродушия, ни осторожности, ни благоразумия во всем этом, и Бог знает, что из этого будет, так как никого не слушают и все хотят делать по-своему».

Позднее уже заявляла более сурово: «Спустя полтора года и более мы еще не говорим по-русски, хотим, чтобы нас учили, но не хотим быть прилежными. Долгов у нас вдвое больше, чем состояния, а едва ли кто в Европе столько получает».

Сначала удивляло императрицу, а потом и обеспокоило то, что по прошествии двух лет у молодой четы не только не было детей, но и не предполагалось, что они будут.

Лишь в 1775 году Наталья Алексеевна, наконец, забеременела. Объявлено же было об этом незадолго до родов, которые начались 10 апреля 1776 года, причем начались неудачно. Несколько дней продолжались схватки, но родить великая княгиня никак не могла. Ребенок не выдержал и умер. Врачи объявили об этом, безусловно, огорчив и императрицу и цесаревича.

Своему статс-секретарю императрица написала: «Дело наше весьма плохо идет. Какою дорогой пошел дитя, чаю, и мать пойдет. Сие до времяни у себя держи».

То есть, врачи уже предполагали, что мертвый ребенок инфицировал организм матери, и надежд на то, что она выживет, очень мало. Так и случилось. 15 апреля Наталия Алексеевна ушла из жизни.

Екатерина писала: «Вы можете вообразить, что она должна была выстрадать, и мы с нею. У меня сердце истерзалось; я не имела ни минуты отдыха в эти пять дней и не покидала великой княгини ни днем, ни ночью до самой кончины. Она говорила мне: “Мы отличная сиделка”. Вообразите мое положение: надо одного утешать, другую ободрять. Я изнемогла и телом и душой».

Тут же пошли слухи, что императрица не дала врачам спасти невестку, которая ей не нравилась, а иные биографы дописались до того, что, оставшись наедине, императрица заявила, что «ты, мол, строя козни, хотела отправить меня в монастырь, да вот теперь я тебя отправлю подальше».

И никому не было дело до заключения медиков. А между тем вскрытие дало ответ на причины смерти. Врачи разобрались, в чем дело, – Наталия Алексеевна не могла иметь детей из-за врожденных дефектов. То есть ныне, конечно, при таком дефекте роды возможны, к примеру, с помощью кесарева сечения, а в ту пору средств спасти ни ребенка, ни мать не существовало.

Но что бы там ни говорили злопыхатели, врачи сделали официальное заключение. Смерть наступила по причине искривления позвоночника, что и не позволило родить. В результате долгого ношения корсета после травмы, полученной в детстве, наступили некоторые необратимые изменения, причем наступила не случайно. Лечили принцессу грубо и жестко. Горб вправляли ударами кулака. Вправить-то вправили, но нанесли непоправимый вред позвоночнику и тазобедренному суставу.

Сразу после смерти Натальи Алексеевны были опечатаны все ее бумаги. Павел Петрович так переживал смерть супруги, что

императрица стала опасаться за его здоровье и душевное состояние. Тогда-то она и решила показать ему любовные письма да записочки Натальи Алексеевны и Андрея Разумовского. Павел, не отходивший от жены на протяжении всех трагических дней, тяжело переживавший смерть ребенка, теперь убедился, что его отцом был Андрей Разумовский. Это его настолько потрясло, что он отказался даже участвовать в похоронном обряде. Пришлось официально объявить о том, что прийти не мог из-за сильных переживаний.

Ну а Разумовский, как утверждал французский посланник, маркиз де Корберон, был в отчаянии и рыдал на могиле своей любовницы, чем, если верить посланнику, окончательно выдал себя.

Так была ли измена? Придворный Александр Михайлович Тургенев считал, что была. Вот его мнение по этому поводу: «Великая княгиня умела обманывать супруга и царедворцев, которые в хитростях и кознях бесу не уступят… Она даже смогла извернуться из практически безвыходного положения. Согласно законам двора невеста наследника должна была пройти осмотр врачей на предмет целомудрия – это была обычная процедура. Но в этот раз ситуация оказалась беспрецедентной: немецкая принцесса рыдала и всячески пыталась скрыть свое естество – определить целомудрие, естественно, не удалось».

Конечно, на Западе к тому времени нравы были очень сильно повреждены, и совершенно не обязательно то, что виновником ухищрений принцессы был Андрей Разумовский. Но… Ведь вполне мог быть. Да и последующие события настраивают на те же мысли.

Павел же был настолько влюблен и настолько неопытен, что поверил в «чистоту» супруги с ее слов. Не обращал он внимания и на намеки, которые делали ему впоследствии. Даже императрица-мать не смогла убедить его в том, что слишком уж вольны отношения Натальи Алексеевны и Андрея Разумовского. Правда, Павел все же переживал некоторое время, но супруга, узнав причину его огорчений, закатила скандал, упрекала в том, что он не верит ей, и клялась в том, что оклеветана. Она рыдала, падала в обморок, и Павел поверил ей.

Но тайное всегда становится явным…

«Какоф молодец! Софсем точь-в-точь»

И вот тут начинается самое загадочное и оттого самое интересное в любовных драмах Павла Петровича, повлиявших не только на его судьбу, но и на судьбу России.

Императрица Екатерина Алексеевна конечно же приняла все меры для экстренной женитьбы сына, но это нельзя было сделать в тот же день, даже месяц. Но и не тянули с таким важным шагом. Наследник престола холостяковал до сентября месяца. Не ждали, когда исполнится год со дня смерти, поскольку доказательства супружеской неверности были слишком явными.

Но пока подыскивали новую невесту, наследник престола завел роман с Софьей Черторыжской. Роман был очень недолгим, поскольку невесту отыскали, и Павлу предстояло вступить в брак. Правда, появилась кое-какая зацепка у тех, кто стремился создать интрижку в надежде достичь каких-то целей против России. Чарторыйская забеременела и уже после того, как Павел женился, родила сына. Ребенка не забыли, не бросили на произвол судьбы. Имя ему дали Симеон Афанасьевич Великий.

А теперь давайте посмотрим, что по этому поводу пишет в своей книге «Тайна Императора Александра Первого» наш современник, выдающийся дешифровщик древних текстов и тайнописей Геннадий Станиславович Гриневич.

В данном случае нас интересуют работы Гриневича по дешифровке тайнописи, найденной после смерти знаменитого сибирского старца Феодора Козьмича. Впрочем, подробно об этом мы поговорим в следующем повествовании, посвященном императору Александру Первому, старшему сыну Павла Петровича.

И вот что интересно… Старшим сыном Павла Петровича он действительно был, но вовсе не тем сыном, за которого он себя выдавал, а точнее, за которого выдавали его слуги темных сил.

Гриневич в указанной выше книге пишет: «Император Павел I в бытность свою еще наследником престола был в связи с молодой вдовой Софьей Степановной Черторыжской, урожденной Ушаковой… От этой связи родился сын, которого назвали Семен (или Симеон) Афанасьевич, и чтобы скрыть этот факт от общества, дали ребенку фамилию Великий. О нем известно очень мало. Не установлена даже точная дата его рождения, а документы, удостоверяющие это, куда-то “странным образом пропали”».

Гриневич считает, что «Симеона и Александра Павловича можно считать погодками». Рассказывается в книге и о том, что

известно о дальнейшей судьбе ребенка: «Восьми лет Симеона отдали в Петропавловскую школу в Санкт-Петербурге и, “чтобы он не догадался о причине этого предпочтения”, выбрали ему в товарищи “не важных лиц”. По окончании школьного курса его перевели в Морской кадетский корпус, выйдя из которого, он был произведен в мичманы, и успел поучаствовать в боевых действиях против шведов под началом капитана Травакина».

Флотом командовал адмирал Павел Васильевич Чичагов, в будущем автор записок, посвященных разоблачению клеветнических нападок на Екатерину Великую.

Симеон Великий принял участие в Русско-шведской войне 1788–1790 годов. Эта агрессивная война была развязана Швецией 21 июля 1788 года при непосредственной поддержке Англии, Голландии и Пруссии. У России хотели отобрать области, возвращенные в лоно Державы в 1721 году в результате победы в Северной войне по Ништадтскому мирному договору и в 1743 году, в результате победы в Русско-шведской войне 1741–1743 года, по Абоскому мирному договору.

Шведы, вооруженные и оснащенные Англией, внезапно напали на Русский флот, имея двойное численное превосходство. Одною из задач они ставили разоружение Русской эскадры под командованием С.К. Грейга. Однако русские моряки нанесли неприятелю поражение в Гогландском морском сражении 1788 года. Затем в 1799 году шведов разбил П.В. Чичагов в Роченсальмском (1799) и Красногорском (1790) морских сражениях. В мае 1790 года Русский флот нанес неприятелю самое ощутимое поражение у Ревеля и Красной Горки, заблокировав шведский флот в Выборгской бухте. Шведам удалось вырваться из блокады с большим трудом и ощутимыми потерями. После Выборгского сражения Швеция была уже не в состоянии воевать с Россией и запросила пощады. 3 августа был заключен Версальский мирный договор. Довоенные границы были сохранены.

В ту пору существовала традиция направлять с победными реляциями в столицу наиболее отличившихся офицеров. После одной из побед в Санкт-Петербург был послан с реляцией именно Симеон Великий.

Гриневич пишет: «Травакин, видимо, знал семейную тайну Симеона Великого и, посылая к Императрице, наверняка рассчитывал на более благосклонное отношение к своему докладу».

Вероятнее всего, императрица все-таки знала, кто прибыл с донесением, поскольку есть данные о том, что она взяла Симеона на воспитания сразу после его рождения, но воспитание это было

тайным. Гриневич отмечает в книге, что, принимая из рук Симеона донесение о сражении, императрица сказала: «Какоф молодец! Софсем точь-в-точь».

Конечно, Екатерина имела в виду своего любимца Александра, на которого был так похож Симеон. И в этом нет ничего удивительного: ведь они – дети одного отца.

Здесь нужно добавить, что в истории известны случаи, когда дети в династии Романовых бывали похоже друг на друга как две капли воды. И такое происходило не случайно, поскольку оказывало влияние на происходящие события. Впрочем, в двух словах об этом не расскажешь.

Гриневич сообщает далее, что «в качестве поощрения за отличную службу Симеон был произведен в лейтенанты и в числе других отличившихся офицеров отправлен в Англию на учебу». То есть оказался в рассаднике зла, где его и прибрали к рукам те, кто хотел нанести очередной удар Русской правящей династии. Ведь впоследствии устранение Павла Петровича было организовано именно Англией и на английские деньги. В Англии была проведена соответствующая обработка.

«Из Англии на судне “Vanguard” он отправился в кругосветное плавание. А вскоре в Петербург пришло известие, зафиксированное в документе, хранящемся в архивах Морского ведомства: Семен Афанасьевич Великий скончался 13 августа 1794 года в Вест-Индии на Альтийских островах от тропической лихорадки.

Но после расшифровки тайнописи Феодора Козьмича выходит, что Симеон Великий мог умереть в тот год, но не умер. Вероятнее всего, его, тяжело больного, посчитав безнадежным, списали на берег. “Vanguard” ушел по намеченному маршруту, а Симеон, оставленный умирать, вопреки всему выжил. Болезнь не прошла бесследно. Симеон частично потерял зрение и слух: стал близорук и туг на левое ухо».

Впрочем, о дальнейшей судьбе Симеона Великого будет рассказано в следующем повествовании, посвященном императору, сменившему на престоле преступно убитого Павла Петровича.

А пока достаточно сказать следующее. Тот факт, что у наследника престола Павла Петровича есть внебрачный сын Симеон Великий, как две капли воды похожий на своего брата великого князя Александра Павловича, был известен силам, которым не нравилось возвышение и укрепление России.

Корни всей этой истории закопаны глубоко. Когда темные силы Запада убедились, что императрицам Екатерина Великая стала твердо на путь укрепления Русского Самодержавия и

России, были предприняты попытки вооружить против нее наследника престола и организовать очередной дворцовый переворот. Павел Петрович резко отверг все предложения и сообщил матери о заговоре.

Но вернемся в то время, когда наследник престола остался вдовцом, или, как метко кем-то сказано, был холост второй раз.

«Я нашел невесту такову, какову только желать мог»

Императрица не случайно спешила женить наследника престола. Как видим, уже случилось непредвиденное для нее – возник роман с Софьей Черторыжской, всех последствий которого трудно было предугадать.

На этот раз выбор императрицы пал на вюртембергскую принцессу Софию-Доротею, поскольку она достигла брачного возраста и можно было в скором времени ожидать потомства.

Даже король Пруссии Фридрих Великий способствовал скорейшему соединению наследника российского престола и принцессы, которая была его внучатой племянницей.

Павел Петрович был приглашен в Берлин, куда и выехал 13 июня 1776 года. Его сопровождали граф Н.П. Румянцев, граф Н.И. Салтыков, камергер А.Л. Нарышкин, камер-юнкер князь А.Б. Куракин и секретарь Николай.

Фридрих организовал великолепную встречу, и уже 11 июля 1776 года произошло знакомство Павла Петровича и Софии-Доротеи. Помолвка состоялась 12 июля.

Павлу Петровичу невеста понравилась, он повеселел, исчезли недавние горькие мысли. Он писал в Петербург: «Я нашел невесту такову, какову только желать мысленно себе мог: не дурна собою, велика, стройна, незастенчива, отвечает умно и расторопно. Что же касается до сердца ее, то имеет она его весьма чувствительное и нежное… Весьма проста в обращении, любит быть дома и упражняться чтением и музыкою, жадничает учиться по-русски…»

14 сентября принцесса была крещена в православную веру с именем Мария Федоровна и обручена с Павлом Петровичем, а 26 сентября 1776 года они венчались.

Павел полюбил свою супругу, и она ему отплатила взаимностью. Он стал, как свидетельствуют биографы, «образцовым семьянином, пример которого служил всем его потомкам – будущим русским императорам».

Давно уже Россия не видела столь плодовитого брака. Одно перечисление детей Павла Петровича и Марии Федоровны впечатляет: Александр Павлович (1777–1825), Константин Павлович (1779–1831), Александра Павловна (1783–1801), Елена Павловна (1784–1803), Мария Павловна (1786–1859), Екатерина Павловна (1788–1819), Ольга Павловна (1792–1795), Анна Павловна (1795–1865), Николай Павлович (1796–1855), Михаил Павлович (1798–1849), великий князь. Итого десять детей. А если

прибавить Симеона, то одиннадцать.

После рождения Михаила Павловича в 1798 году врачи запретили Марии Федоровне иметь детей и, мало того, даже иметь близкие отношения с мужем она уже не могла под страхом смерти.

А ведь Павлу Петровичу было всего лишь 44 года. Быть может, для кого-то другого в этом не было ничего страшного – вокруг множество женщин, готовых на все с императором. Но только не для Павла Петровича, высокие духовные качества которого отмечали и биографы и многие современники.

Платонический роман Государя

О благородстве императора Павла Петровича свидетельствует такой случай, описанный полковником лейб-гвардии Преображенского полка Николаем Александровичем Саблуковым: «Однажды, на одном из балов, данных в Москве по случаю его приезда в 1798 году, Император был совершенно очарован огненными черными глазами девицы Анны Лопухиной. Кутайсов, которому Павел сообщил о произведенном на него впечатлении, немедленно же рассказал об этом отцу девицы, с которым и был заключен договор, имевший целью пленить сердце Его Величества».

Здесь необходимо сделать некоторые пояснения. Граф Иван Павлович Кутайсов не отличался высокой нравственностью. Он был мальчишкой взят в плен во время Русско-турецкой войны 1768–1774 годов и доставлен в Санкт-Петербург. Екатерина Великая сделала его слугою своего сына и наследника престола великого князя Павла Петровича, который играл с ним, привязался к нему и затем, когда стал императором, возвел в графское достоинство. Имя ему дали Иван Павлович.

Женат Кутайсов был на Анне Петровне Резвой, которая вышла из довольно-таки молодого дворянского рода. Корни этого рода уходили в старинный русский город Осташков. Отец Анны Петровны Петр Терентьевич Резвой был хорошо известен при императорском дворе, ибо занимался поставкою стерлядей для царского стола. Резвым императрица Елизавета Петровна нарекла его отца, Терентия, за то, что тот ловко и быстро исполнил какое-то ее поручение. Она же своим указом освободила Терентия Резвого «от всякой службы», а дом «от всякого постоя», чтобы он мог все внимание уделить своей главной задаче. Он был поставщиком не только императорского двора, но и многих столичных учреждений, в том числе Сухопутного шляхетского кадетского корпуса.

Сын Анны Петровны и брадобрея Кутайсова Александр Иванович стал, не в пример отцу, храбрым и преданным России воином. В чине полковника он спас Русскую армию от поражения в сражении при Прейсиш-Эйлау в 1807 году, а в 1812 году в чине артиллерии генерал-майор, командуя всею артиллерией в Бородинском сражении, пал смертью героя в бою за батарею Раевского. Кстати, женат Александр Иванович Кутайсов был на одной из сестер Анны Лопухиной.

Сам же Иван Павлович Кутайсов, как видим, совершенно не заботился об авторитете своего благодетеля, и, мало того, хотел

еще спровоцировать государя на интимные отношения с приглянувшейся ему особой.

Не без участия бывшего брадобрея, Анна Лопухина вскоре была пожалована фрейлиною и приглашена жить в Павловск.

Николай Александрович Саблуков рассказал: «Для нее было устроено особое помещение, нечто вроде дачи, в которую Павел мог легко пройти из “Розового Павильона”, не будучи никем замеченным. Он являлся туда каждый вечер, как он вначале сам воображал, с чисто платоническими чувствами восхищения; но брадобрей и Лопухин-отец лучше знали человеческую натуру и вернее смотрели на будущее. Им постепенно удалось разжечь чувства Павла к девушке путем упорного ее сопротивления желаниям Его Величества, что, впрочем, она и делала вполне искренно, так как, будучи еще в Москве, она испытала довольно серьезную привязанность к одному князю Гагарину (Павел Гаврилович Гагарин (1777–1850), впоследствии генерал-адъютант, а позднее директор инспекторского департамента. – *Н.Ш.*), служившему майором в армии и находившемуся в Италии, в войсках Суворова. Однажды, в один из вечеров, когда Павел оказался более предприимчивым, чем обыкновенно, Лопухина неожиданно разрыдалась, прося оставить ее, и призналась Государю в своей любви к Гагарину».

Что можно было ожидать от отвергнутого влюбленного? Каких только примеров нам ни дает история, сколько романов написано на Западе, в которых отвергнутые короли, бароны, герцоги расправлялись с неподдающимися их власти возлюбленными. Но Павел Петрович был православным русским государем, был человеком чести, долга и достоинства, что доказал и в сложившейся ситуации. Обратимся снова к тому, что рассказал Н.А. Саблуков: «Император был поражен, но его врожденное благородство тотчас проявило себя. Он немедленно же решил отказаться от любви к девушке, сохранив за собою только чувство дружбы, и тут же захотел выдать ее замуж за человека, к которому она питала такую горячую любовь. Суворову немедленно посланы были приказания вернуть в Россию князя Гагарина. В это самое время последний только что отличился в каком-то сражении, и его потому отправили в Петербург с известием об одержанной победе.

Я находился во дворце, когда князь Гагарин прибыл ко двору, и вынес о нем впечатление, как об очень красивом, хотя и невысокого роста человеке. Император тотчас же наградил его орденом, сам привел к его возлюбленной и в течение всего этого дня был искренне доволен и преисполнен гордости от сознания своего, действительно, геройского самопожертвования.

И вечером на “маленьком дворцовом балу” он имел положительно счастливый и довольный вид, с восторгом говорил о своем красивом и счастливом сопернике и представил его многим из нас с видом искреннего добродушия. Со своей стороны, я лично ни на минуту не сомневался в искренности Павла, благородная душа которого одержала победу над сердечным влечением».

Известно множество и других самых разнообразных примеров и фактов искреннего и нелицемерного благородства государя.

«Витязь времен протекших»

Если быть точным, то один из современников государя императора Павла Первого назвал его не витязем, а рыцарем. Называя государя императора Павла Первого рыцарем времен протекших, его современник де Санглен отдавал должное личному мужеству Российского Императора. Не только де Санглен, многие европейские политики были потрясены поступком Павла I, который, желая уничтожить наполеоновские войны в самом зародыше, послал вызов на дуэль Наполеону Бонапарту. Государь предложил «корсиканскому чудовищу» драться в Гамбурге и поединком положить конец кровавым битвам в Европе, вызванным Французской революцией.

Николай Александрович Саблуков, долгое время находившийся в числе приближенных к императору людей, отметил: «Несмотря на всю причудливость и не современность подобного вызова, большинство европейских монархов отдали полную справедливость высокогуманным побуждениям, руководившим Русским Государем, сделавшим столь серьезное предложение с полною искренностью и чистосердечием». Добавим: с тем чистосердечием, с которым император Павел Петрович всегда относился к людям.

Император Павел Первый вступил на престол с твердым намерением восстановить такую силу самодержавной власти, которую она имела в дорамановский период – особенно в эпоху Иоанна Грозного. Ему были чужды либерализм и философские идеи вольтерьянцев и французских моралистов, которые привели к полному краху французскую монархию. В словоблудиях о конституционных устройствах он видел оправдание беззакония и беспорядков. Еще до воцарения он писал: «Я желаю, лучше быть ненавидим за правое дело, чем любим за дело неправое».

И с первых дней своего царствования он повел непримиримую борьбу за справедливость, за равенство всех перед законом независимо от чинов и званий. Государь был строг, но справедлив, стремился облегчить тяготы, лежавшие на народе. Ценил правду и ненавидел ложь. При своем вспыльчивом характере он уважал людей, которые бесстрашно противились его гневу, чтобы защитить невинного, но презирал раболепствующих и трусливых. Многие отмечали его джентльменские качества, умение обращаться по достоинству с достойными людьми, даже если они не принадлежали к аристократии.

А.И. Тургенев отметил в своих воспоминаниях: «Первый любимец, первый сановник, знаменитый вельможа и последний,

ничтожный раб, житель отдаленной от столицы стороны – равно страшились правосудия… Правосудие и бескорыстие ступили через порог храмины, где творили суд и расправу верноподданных».

Особой любовью и заботой государя пользовались люди труда. Сам государь император писал: «Крестьянство содержит собою все прочие части своими трудами, следственно особого уважения достойно и утверждения состояния, не подверженного нынешним переменам его. Надлежит уважать состояние приписных к заводам крестьян, их судьбу переменить и разрешить. Не меньше уважения заслуживают государственные крестьяне, однодворцы, черносошные и пахотные, которых свято, по их назначениям, оставлять, облегчая их службу».

Именно государь император Павел Петрович первым из русских самодержцев нанес удар по крепостничеству (рабству на западный манер), введенному на Руси Петром I. Своим Указом от 10 февраля 1797 года государь запретил продажу дворовых людей и крестьян без земли, а в День своей Коронации издал указ, запрещающий использовать крестьян на работах по праздникам. Именно он дал самоуправление казенным крестьянам, распорядился о выделении им по 10 десятин земли и прощении 7 миллионов рублей недоимок. Разорительную для крестьян хлебную повинность он заменил денежной, что в ту пору и по тем ценам для крестьян было очень выгодно. Историки отметили, что за несколько месяцев начала царствования Павла Первого крестьяне получили больше льгот, чем за многие другие царствования, начиная с учредителя рабства Петра I и вплоть до царя-освободителя Александра II.

Настоятель Новой Коренной пустыни епископ Серафим писал: «Кратковременное царствование Павла Первого принесло большое облегчение Русской Церкви и… было поистине благословенным. Церковь, ставшая было захудалым придатком к государственным учреждениям, получила известное признание и некоторую самостоятельность. Ей были возвращены частично права и привилегии, что особенно сказалось на монастырях».

Павел Петрович планировал восстановление Патриаршества, упраздненного Петром I, но не успел осуществить этот план. Отстаивая идеи русского православного самодержавия, основанные святым благоверным князем Андреем Боголюбским и блистательно теоретически обоснованные и проверенные на практике Иоанном IV Грозным, Павел развивал идею твердой власти, стремясь всеми силами оградить ее, как и всю жизнь державы, от разлагающего влияния Запада. С этой целью он запретил ввоз иностранных книг, призывающих к

безнравственности, лжи, неповиновению, к свободе от совести, к разврату, к разрушению национальных традиций и устоев. Именно при государе императоре Павле Петровиче русский язык стал возвращаться в светские салоны, офранцузившиеся до неприличия.

Историк Н. Былов в книге «По поводу Павловского гобелена» отметил, что, если с исторической и научной стороны подойти к оценке деятельности Государя Императора Павла Первого, то “получится необыкновенно стройная, законченная и внутренне цельная система. Одно вытекает из другого, одно дополняется другим, и все вместе поражает глубиной и размахом”.

Одним словом, Павел Первый произвел решительную контрреволюцию революции Петра I. Русь сделала важный шаг к возвращению устоев державы Рюриковичей, к эпохе Иоанна Грозного, оболганной сверх меры, но на самом деле наиболее славной и значимой для строительства Дома Пресвятой Богородицы, начатого еще Андреем Боголюбским.

Вот главные причины того, за что ненавидели государя императора «надменные потомки» прославленных подлостью убийц Андрея Боголюбского и отравителей Иоанна Грозного. Враги Русской Державы, как бы она ни называлась: Владимирское или Московское княжество, Государство Московское или Российская Империя, СССР, или Российская Федерация, всегда люто ненавидели и будут ненавидеть тех государей, которые укрепляют державу, которые проявляют подлинную заботу о трудовом народе и ограничивают алчные аппетиты эксплуататорского слоя.

Клевета предваряла убийство

Мыслитель русского зарубежья Борис Башилов в книге «История русского масонства» писал: «Врагами Императора Павла распускались слухи о том, что он сошел с ума. Всякий поступок Государя дополнялся такими подробностями, ретушировался так, чтобы представить его полусумасшедшим. Кто из слушателей за пределами дворца мог знать, как происходило дело в действительности?! Известно, что добрая слава на печи лежит, а худая на тараканьих ножках по свету бежит. Побежала дурная слава на тараканьих ножках и про “ненормальные выходки” Императора Павла. А истина всегда отстает от клеветы и легенды».

Добропорядочные современники отмечали, что возле императора оказалось немало «злонамеренных людей, которые пользовались его раздражительностью, а в последнее время даже возбуждали ее».

Императора Павла «систематически и намеренно толкали на поступки, которые служили поводом для систематической и намеренной клеветы на него». И. Дмитриев в книге «Взгляд на мою жизнь» писал, что коварные царедворцы строили «ковы друг против друга, выслуживались тайными доносами и возбуждали недоверчивость в Государе, по природе добром, щедром, но вспыльчивом». От того происходило скоропостижное падение чиновных особ».

Объясняя действия злодеев, Борис Башилов с сарказмом отмечал: «Не могли же заговорщики мотивировать свое намерение убить Императора Павла тем, что он хотел быть народным царем, а не дворянским, что дворяне хотели восстановить жалованную грамоту дворянству и отнять льготы, данные Павлом Первым крестьянству. У заговорщиков, как всегда в таких случаях, оставался только путь клеветы, провокации и самых безнравственных интриг. Другого пути устранить Павла Петровича не было, и враги Государя пошли по этому единственному преступному пути».

В. Иванов в книге «Русская интеллигенция и масонство. От Петра Первого до наших дней» писал: «Панин, Пален, Беннигсен, Николай Зубов и другие непосредственные убийцы Павла Первого, а также идейно связанные с ними Воронцовы, Кочубей, Новосильцевы – вот от кого шла клевета о том, что Павел Первый ненормален и что во благо государства и народа необходимо устранить его с престола. Масонская камарилья пустила эту чудовищную клевету у себя дома и за границей, чтобы оправдать

свое гнусное злодейство… Безусловно, Павел имел вспыльчивый и раздражительный характер, допускал резкости в припадке гнева, но он никогда не был ни деспотом, ни тираном, как его изображали масоны».

И никто и никогда не указывал на причины вспыльчивости Государя. Между тем в этом как раз сами масоны и виноваты. Они пытались отравить Павла Петровича еще в 1783 году, когда он отказался вступить в ложу, но великий князь, благодаря своему крепкому здоровью, выжил. Вспыльчивость и раздражительность были последствиями действия яда, подозрительность – последствием самого факта покушения.

Фон дер Пален впоследствии вспоминал: «Мы назначили исполнение наших планов на конец марта, но непредвиденные обстоятельства ускорили срок: многие офицеры гвардии были предупреждены о наших замыслах, многие их угадали. 7 марта я вошел в кабинет Павла в семь часов утра, чтобы подать ему, по обыкновению, рапорт о состоянии столицы. Я застаю его озабоченным, серьезным; он запирает дверь и молча смотрит на меня в упор минуты две, и говорит, наконец: “Господин фон-Пален! Вы были здесь в 1762 году?” “Да, Ваше Величество”. “Вы участвовали в заговоре, лишившим Императора Петра Третьего престола и жизни?” “Ваше Величество, я был свидетелем переворота, а не действующим лицом, я был очень молод, я служил в низших офицерских чинах в конном полку. Я ехал на лошади со своим полком, не подозревая, что происходит. Но почему, Ваше Величество, задаете Вы мне подобный вопрос?” “Почему? Вот почему: потому что хотят повторить 1762 год”. Я затрепетал при этих словах. Но тотчас же оправился и отвечал: “Да, Ваше Величество, хотят! Я это знаю и участвую в заговоре”. “Как! Вы это знаете и участвуете в заговоре? Что вы мне такое говорите?” “Сущую правду, Ваше Величество, я участвую в нем и должен сделать вид, что участвую ввиду моей должности, ибо как мог бы я узнать, что намерены они делать, если не притворюсь, что хочу способствовать их планам? Но не беспокойтесь. Вам нечего бояться: я держу в руках все нити заговора, и скоро все станет вам известно. Не старайтесь проводить сравнений между вашими опасностями и опасностями, угрожавшими вашему Петру Третьему. Он был иностранец, а Вы – Русский; он ненавидел Русских, призирал их и удалял от себя; а вы любите их, уважаете и пользуетесь их любовью; он не был коронован, а вы коронованы; он раздражил и даже ожесточил против себя гвардию, а вам она предана. Он преследовал духовенство, а вы почитаете его; в его годы не было никакой полиции в Петербурге, а нынче она так усовершенствована, что не делается ни шага, не

говорится ни слова помимо моего ведома. Каковы бы ни были намерения Императрицы (Марии Федоровны. – *Ред.*), она не обладает ни гениальностью, ни умом Вашей Матери; у нее двадцатилетние дети, а в 1762 году Вам было только 7 лет". "Все это правда, – ответил Император, – но, конечно, не надо дремать"».

Упоминание об императрице сделано не случайно. Палену удалось оклеветать Марию Федоровну и внушить императору подозрения на ее счет. Он подкреплял клевету частыми репликами по поводу и без повода. А это, увы, действовало и заставляло привыкать к той мысли, которую Пален уже навязал ранее. В своем длинном монологе, пытаясь успокоить императора, Пален лгал, не стыдясь. Верхом лицемерия были слова: «Соблаговолите, Ваше Величество, дать мне приказ письменно, уполномочивающий меня арестовывать безразлично всякого по моему усмотрению».

И эти полномочия Пален получил. Выйдя от императора, как сам вспоминал о разговоре, написал великому князю – наследнику престола, «убеждая его завтра же нанести удар». Наследник убедил отсрочить удар до 11 марта, когда дежурным будет 3-й батальон Семеновского полка, в котором он был уверен более чем в других остальных. Впоследствии Пален признался: «Я согласился на это с трудом и был не без тревоги в следующие два дня».

Итак, враги России готовили убийство одного из самых опасных для них русских самодержцев. Но где же была охрана? Где люди, приближенные к императору? Почему он остался со злодеями-нелюдями один на один. Верных и надежных людей из окружения государя заговорщики старались убрать любой ценой. В ход шли все средства и способы. Злодеям удалось оклеветать даже Алексея Андреевича Аракчеева, одного из наиболее преданных сановников. Удалив его от себя, Павел Петрович вскоре понял свою ошибку, но понял слишком поздно…

И вот наступил трагический для России день, 11 марта 1801 года. Август Коцебу вспоминал: «Гвардейские полки были собраны; шефы и большинство офицеров были расположены в пользу заговора; из нижних чинов ни один не знал о предприятии, которому должен был содействовать. Поэтому офицеры получили наставление во время марша к Михайловскому замку смешаться с солдатами и их подготовить. Я слышал от одного офицера, что настроение людей не было самое удовлетворительное. Они шли безмолвно; он говорил и много и долго; никто не отвечал. Он, наконец, спросил: "Слышите?" Старый гренадер сухо ответил: "Слышу". Но никто другой не

подал знака одобрения».

Князь А.Б. Лобанов-Ростовский вспоминал: «Нужно полагать, что собрание полков имело целью придать перевороту, до некоторой степени, характер народного движения и устранить нарекания в одной только дворцовой интриге».

Обстановка перед покушением была гнетущей. Подвыпившие главари дрожали от страха, однако выбор ими был сделан, и они шли вперед, понимая, что теперь уже другого пути у них нет.

Барон Гейкин впоследствии рассказывал: «В половине одиннадцатого гвардейский пехотный батальон, который вели вдоль Летнего сада, спугнул стаю ворон, поднявшихся с пронзительным криком. Солдаты в испуге начали роптать и не хотели идти дальше. Тогда Уваров воскликнул: “Как! Русские гренадеры не боятся пушек, а испугались ворон. Вперед! Дело касается нашего Государя!” Это двусмысленное восклицание убедило их».

Из всех заговорщиков точно знали, что планируется убийство государя, только фон дер Пален, барон Беннигсен, Платон и Николай Зубовы, то есть люди самых низких моральных качеств, скорее даже не люди, а жалкое их подобие. Каждый из этих подонков прошел к своему возвышению путь интриг, лжи, коварства и подлости. «Фельдмаршалы при пароле», как называл Александр Васильевич Суворов Н.В. Репнина и Н.И. Салтыкова, подсунули в генерал-адъютанты шестидесятилетней императрицы двадцатилетнего смазливого офицерика Платона Зубова, и тот разыграл пламенную любовь к пожилой женщине. Брат Николай воспользовался положением Платона. Пален путем наветов, клеветы и лицемерия прорвался в высшие эшелоны власти, разыгрывая преданность императору Павлу Петровичу и готовя ему коварный удар. Уже доказана прямая причастность Палена к травле русского военного гения Суворова. Доказано и то, что именно Пален организовал его медленное отравление во время следования в Петербург.

Император ни о чем не подозревал, и единственною его ошибкой было великодушие к людям, помноженное на доверчивость. Один из участников событий, граф Ланжерон, записал рассказ Кутузова, совершенно не ведавшего о предстоящем преступлении, о вечере 11 марта: «Мы ужинали вместе с Императором; нас было 20 человек за столом; он был очень весел и много шутил с моей старшей дочерью, которая в качестве фрейлины присутствовала за ужином и сидела против Императора. После ужина он говорил со мною, и пока я отвечал ему несколько слов, он взглянул на себя в зеркало, имевшее недостаток и делавшее лица кривыми. Он посмеялся над этим и

сказал мне: “Посмотрите, какое смешное зеркало. Я вижу себя в нем с шеей на сторону”. Это было за полтора часа до его кончины».

Ланжерон особо указал: «Кутузов не был посвящен в заговор».

Обратимся теперь к запискам Николая Александровича Саблукова, который провел личное расследование тех событий. Немало трудов приложил Пален, чтобы перед покушением на государя удалить эскадрон Саблукова не только из Михайловского замка, но и из города. Приверженец самодержавной власти, Саблуков был оклеветан Паленом, выставившим его в глазах государя якобинцем. Свои записки-расследования Саблуков составил на основании, как он выразился, «данных самых достоверных и ближайших к тому времени, когда совершилась эта ужасная катастрофа».

Подобно убийцам Андрея Боголюбского, убийцы Павла Первого настраивали себя на злодейство и боролись с животным страхом, обуревавшим их, с помощью хмельного.

«Удивительное хладнокровие! Зверская жестокость!»

Саблуков записал следующее: «Вечером 11 марта заговорщики разделились на небольшие кружки. Ужинали у полковника Хитрово, у двух генералов Ушаковых, у Депрерадовича (Семеновского полка) и у некоторых других. Поздно вечером все соединились вместе за одним общим ужином, на котором присутствовали генерал Беннигсен и фон дер Пален. Было выпито много вина, и многие выпили более, чем следует. Говорят, что за этим ужином лейб-гвардии Измайловского полка полковник Бибиков, офицер, находившийся в родстве со всею знатью, во всеуслышание заявил мнение, что нет смысла стараться избавиться от одного Павла; что России не легче будет с остальными членами его семьи и что лучше всего было бы отделаться от них всех сразу. Как ни возмутительно подобное предположение, достойно внимания то, что оно было вторично высказано в 1825 году, во время заговора, сопровождавшего вступление на престол императора Николая Первого.

Около полуночи большинство полков, принимавших участие в заговоре, двинулись ко дворцу. Впереди шли семеновцы, которые и заняли внутренние коридоры и проходы замка.

Заговорщики встали с ужина немного позже полуночи. Согласно выработанному плану, сигнал к вторжению во внутренние апартаменты дворца и в самый кабинет Императора должен был подать Аргамаков, адъютант гренадерского батальона Преображенского полка, обязанность которого заключалась в том, чтобы докладывать Императору о пожарах, происходящих в городе. Аргамаков вбежал в переднюю государева кабинета, где недавно еще стоял караул от моего эскадрона, и закричал: “Пожар!” Узнав голос Аргамакова, стража открыла дверь, и заговорщики, которых было до 180 человек, ворвались во дворец. Офицер Марин, тоже предатель, который командовал внутренним пехотным караулом, удалил с постов оставшихся верных Государю часовых и расставил тех, кто служил заговорщикам. Но дальше произошла осечка. У дверей покоев государя путь заговорщикам преградили два гусара, которые вступили в борьбу с бандой нелюдей, но один тут же был убит, а второй – камер-гусар Кирилов – ранен». Впоследствии узнав о подвиге гусара, вдовствующая императрица сделала его своим камердинером.

«Найдя первую дверь, ведшую в спальню, незапертую, –

рассказал далее Саблуков, – заговорщики сначала подумали, что Император скрылся по внутренней лестнице (и это легко бы удалось), как это сделал Кутайсов. Здесь важно сразу оговориться, что низкий трус и предатель Иван Павлович Кутайсов, который мог спасти своего благодетеля Государя, бежал босиком, в чем был одет, и скрылся у своей любовницы». Причем И.П. Кутайсов бежал, даже не открыв дверь на лестницу, чем обрезал все пути отхода императору. Увидев, что единственный путь спасения перекрыт, заговорщики бросились в спальню государя.

Они знали, что государь там должен быть один. После последних родов врачи запретили императрице близкие отношения с супругом, и она находилась всегда в своей спальне. Пален же сумел убедить государя в опасности, которая могла исходить от нее, что, конечно, было клеветой, и дверь в ее опочивальню наглухо забили. Тем самым Пален перекрыл и этот путь спасения. Н.А. Саблуков так описал дальнейшие события: «Взломав дверь в опочивальню, заговорщики бросились в комнату, но Императора в ней не оказалось. Начались поиски, но безуспешно, несмотря на то, что дверь, ведшая в опочивальню Императрицы, тоже была заперта изнутри. Поиски продолжались несколько минут, когда вошел генерал Беннигсен, высокого роста, флегматичный человек. Он подошел к камину, прислонился к нему и в это время увидел Императора, спрятавшегося за экраном. Указав на него пальцем, Беннигсен сказал: “Он здесь”, после чего Павла Петровича тотчас вытащили из его прикрытия.

Князь Платон Зубов, действовавший в качестве оратора и главного руководителя заговора, обратился к Императору с речью. Отличавшийся, обыкновенно, большой нервозностью, Павел на этот раз, однако, не казался особенно взволнованным и, сохраняя полное достоинство, спросил, что им всем нужно? Платон Зубов отвечал, что деспотизм его сделался настолько тяжелым для нации, что они пришли требовать его отречения от престола. Император, преисполненный искреннего желания доставить своему народу счастье, сохранять нерушимо законы и постановления Империи и водворить повсюду правосудие, вступил с Зубовым в спор, который длился около получаса и который, в конце концов, принял бурный характер».

В момент спора между императором и злодеями-нелюдями в коридорах послышался шум. Решив, что это идет подмога Павлу, заговорщики разбежались, кто куда. У Павла Петровича появился шанс спастись, но его снова подвело доверие к людям, которое в данном случае обратилось в доверчивость к нелюдям. Император остался один на один с наиболее циничным из убийц, бароном

Беннигсеном. Известно, что император был не робкого десятка, прекрасно владел шпагой, и Беннигсен не представлял для него никакой опасности. Беннигсен, понимая, что Павел Петрович может немедленно уйти и поднять тревогу, но, не решаясь противодействовать этому силой, вкрадчиво заговорил:

– Ваше Величество, оставайтесь на месте, иначе ни за что нельзя поручиться при этой пьяной толпе. Гарантией Вашей безопасности будет моя шпага.

Более циничного и лживого заявления из уст убийцы, удерживающего в капкане жертву и знавшего, что часы, даже минуты этой жертвы сочтены, представить трудно. А через несколько минут выяснилось, что шум создала отставшая группа заговорщиков. Убийцы воротились в спальню еще более распаленные от сознания своего ничтожества и трусости, ну, и, конечно, осмелевшие оттого, что паника оказалась ложной. Для опасений же основания, безусловно, были, поскольку заговорщикам не удалось найти изменников среди нижних чинов, и некоторые караулы в других частях замка не подозревали о происходящем.

Фонвизин писал: «Услыша, что в замке происходит что-то необыкновенное, старые гренадеры, подозревая, что Царю угрожает опасность, громко выражали свои подозрения и волновались. Одна минута – и Павел мог быть спасен ими. Но поручик Марин, не потеряв присутствия духа, громко скомандовал: “Смирно!” От ночи и во все время, как заговорщики расправлялись с Павлом, продержал своих гренадер под ружьем недвижными, и ни один не смел пошевелиться…»

А между тем в опочивальне Павла назревала развязка. Один Пален пока еще не появился на сцене. Он ловчил до последней возможности, ибо понимал, что любой непредвиденный случай может все расстроить. Бернгарт по этому поводу писал: «Действительно, среди тех, которые хорошо знали Палена, было распространено мнение, что он замышлял в случае неудачи переворота арестовать Великого Князя вместе со всеми заговорщиками и предстать перед Павлом в роли спасителя».

Недаром же он сознался в участии в заговоре с целью его раскрытия и взял полномочие арестовать любого, по своему усмотрению. И войскам не случайно объявляли туманно о том, что идут «решать участь Государя». Случись провал, заговорщиков отправили бы в крепость во главе с наследником престола. Одним словом, пока Беннигсен и Зубовы действовали, Пален ожидал развязки, находясь поодаль и объяснив затем, что прикрывал их тыл.

А между тем те из заговорщиков, что были сильно пьяны,

стали оскорблять императора, торопя развязку. Павел Петрович, чтобы перекричать их, стал говорить громче и сильно жестикулировать.

Н.А. Саблуков писал: «В это время шталмейстер Николай Зубов, человек громадного роста и необыкновенной силы, будучи совершенно пьян, ударил Павла по руке и сказал: “Что ты так кричишь!” При этом оскорблении Император с негодованием оттолкнул левую руку Зубова, на что последний, сжимая в руке массивную золотую табакерку, со всего размаха нанес правою рукою удар в левый висок Императора, вследствие чего тот без чувств повалился на пол. В ту же минуту француз-камердинер Зубова вскочил с ногами на живот Императора…» Его примеру последовали князь Яшвиль, Татаринов, Гордонов, Скарятин и другие. Они рубили саблями, кололи шпагами.

«Началась отчаянная борьба, – писал Фонвизин. – Павел был крепок и силен: его повалили на пол, топтали ногами, шпажным эфесом проломили голову».

Но государь все еще дышал. И тогда барон Беннигсен, наблюдавший со стороны за этой оргией, с убийственным хладнокровием подошел к злодеям и протянул свой офицерский шарф, который подхватил Скарятин. Скарятин тут же задушил императора.

Беннигсен же вышел, как указал Фонвизин, в «предспальную комнату, на стенах которой развешаны были картины, и со свечкою в руках преспокойно разглядывал их. Удивительное хладнокровие! Зверская жестокость!»

Николай Александрович Саблуков подвел такой итог кровавой драме:

«Называли имена некоторых лиц, которые выказали при этом случае много жестокости, даже зверства, желая выместить зло и ненависть на безжизненном теле, так что докторам и гримерам было нелегко привести тело в такой вид, чтобы можно было выставить его для поклонения, согласно существующим обычаям. Я видел покойного Императора, лежащего в гробу. На лице его, несмотря на старательную гримировку, видны были черные и синие пятна. Его треугольная шляпа была так надвинута на голову, чтобы, по возможности, скрыть левый глаз и висок, который был зашиблен. Так умер 12 марта 1801 года один из Государей, о котором история говорит как о монархе, преисполненном многих добродетелей, отличавшемся неутомимой деятельностью, любившем порядок и справедливость, и искренно набожном. В день своей коронации он опубликовал акт, устанавливающий порядок престолонаследия в России. Земледелие, промышленность,

торговля, искусства и науки имели в нем надежного покровителя. Для насаждения образования и воспитания он основал в Дерпте университет, в Петербурге училище для военных сирот (Павловский корпус). Для женщин – институт ордена Св. Екатерины и учреждения ведомства Императрицы Марии».

Свои записки Саблуков заключил следующими словами: «Нельзя без отвращения упоминать об убийцах, отличавшихся своим зверством во время этой катастрофы. Я могу только присовокупить, что большинство из них я знал до самого момента кончины, которая у многих представляла ужасную нравственную агонию в связи с самыми жестокими телесными муками».

«Теперь вас поздравляю – вы Император!»

Если же вдумчиво подойти к оценке фактов известных, то не может не удивить хамское отношение заговорщиков к великому князю после убийства императора Павла, когда он, наследник престола, автоматически стал императором. Мог ли вельможа, даже высокого ранга, ворваться в уже царские покои и, беспардонно стащив с постели того, кто уже стал царем, крикнуть: «Хватит ребячиться, пошли царствовать!» Скорее всего, конечно, этот свой «подвиг» выдумал сам фон дер Пален, но многие современники, свидетели той трагической ночи, указали на, мягко говоря, нетактичное поведение заговорщиков по отношению к новому императору. Такое поведение вполне возможно и объяснимо, если принять во внимание, что хамили и грубили заговорщики не Александру Павловичу, а Симеону Афанасьевичу Великому, внебрачному сыну убиенно императора, ведь он, этот сын, был впутан ими в преступление и оказался вполне зависимым от злодеев.

А разве не вызывает удивление отношение овдовевшей императрицы Марии Федоровны к тому, кто официально считался ее сыном?! Н.А. Саблуков, который провел личное подробнейшее расследование трагедии 11 марта 1801 года и оставивший записки, указывал, что новоиспеченный император, «который теперь увидел изуродованное лицо своего отца, накрашенное и подмазанное, был поражен и стоял в немом оцепенении. Тогда Императрица-мать обернулась к нему и с выражением глубокого горя и видом полного достоинства сказала: “Теперь вас поздравляю – вы Император!” При этих словах Александр (тот, кого мы полагали Александром. – *Н.Ш.*), как сноп, свалился без чувств, так что присутствующие на минуту подумали, что он мертв».

Интересно то, что Мария Федоровна не кинулась к нему, не склонилась над ним, хотя, как известно, именно старшие сыновья Александр и Константин были особенно любимы ею до обожания, а, опершись на руку Муханова, удалилась. Разве она бы поступила так, если б в обморок, почти замертво, упал родной ее сын? Разве мать способна поступить вот так равнодушно и хладнокровно? Но Мария Федоровна поступила так, потому что наверняка знала о причастности новоиспеченного императора к цареубийству, а равнодушие к его обмороку свидетельствует о том, что она знала, что это не ее сын… Можно себе представить, каково было тому, кто был в ту ночь назван императором. Ведь он оказался заложником в руках истых, коварных и весьма опытных

злодеев, для которых жизнь человеческая – сущие пустяки. Ведь это именно они, используя удивительное стечение обстоятельств – поразительное сходство Симеона Афанасьевича Великого, внебрачного сына императора Павла, с его старшим законным сыном, решили разыграть свою карту и, устранив Александра Павловича, подменили его Симеоном, сделав того соучастником злодеяния. Только этим можно объяснить то, что в первые дни правления нового императора цареубийцы повели себя независимо, нагло, пытаясь как можно скорее добиться того, ради чего они пошли на преступление. А стремились они к введению конституции, ограничению власти императора, а если точнее, то разделению власти между ним и ими, а если еще точнее, то к полному захвату власти в свои руки.

Нам не узнать, о чем думал в начальные времена своего царствования, названные «дней Александровых прекрасным началом», тот, кто находился меж многих огней. С одной стороны, на него давили злодеи цареубийцы, требуя поделиться с ним властью, с другой – «якобинская шайка» испрашивала того же для себя, с третьей – безусловно, призывал к порядку, к осознанию своей роли Самодержца Российского граф А.А. Аракчеев.

По настоянию цареубийц император объявил амнистию всем тем, кто был подвергнут заключению, ссылкам и опале при Павле Первом. Если бы эти люди пострадали безвинно от отца, они, конечно, теоретически могли бы стать сподвижниками сына. Но отбывали они наказание заслуженно, за конкретные преступления против Державы Российской. Ведь чтобы не выдумывали о репрессиях Павловского периода царствования, император напрасно никого не наказывал. И вот взяточники, казнокрады, лихоимцы вернулись к своим «обязанностям» в прежние присутственные места.

Немедленно было закрыто окно для подачи жалоб и заявлений, посредством которого император Павел Первый получил немало сведений о том, что творилось в Державе Российской и посредством которого многие негодяи были изобличены.

31 марта новый император отменил запрет на деятельность частных типографий и на ввоз книг из-за границы. Павел Первый Указом от 18 апреля 1800 года запретил ввоз любой литературы по одной простой причине – в России не было грамотных цензоров, которые бы могли заметить очень хорошо запрятанную «крамолу»: антиправительственные и антихристианские призывы, призывы к вольнодумству, неповиновению властям, к разрушению государства. Запрет был наложен во имя защиты

русской самодержавной государственности от разрушения. Вредными считались книги, «которых время издания помечено каким-нибудь годом Французской революции». Тем же указом был запрещен и ввоз западной музыки, всегда, во все времена, безобразной, омерзительной и пошлой. На отмену такого указа мог пойти только враг собственного государства или деятель, управляемый врагами.

Немедленно вернулся французский язык в салоны, изгнав оттуда русский, ну и, конечно, французская мода выплеснулась на улицы, со всею своею антирусской атрибутикой.

2 апреля 1801 года новый император подтвердил «Жалованную грамоту дворянству», что явилось также антигосударственным актом, и упразднил Тайную экспедицию Сената, которая противостояла всякого рода зарубежным шпионам и агентам влияния, делавшим ставку на разрушение Российской Державы. Вспомним, как Горбачев и его соратники, готовя развал Советского Союза, бросили на откуп всякого рода врагам нашего Отечества Комитет государственной безопасности с целью облегчения проникновения в Россию разрушающих ее сил. В годы перестройки говорили даже, что при Горбачеве быть сотрудником КГБ гораздо опаснее, нежели американским шпионом.

Мария Федоровна и Пален: кто победил?

На многое рассчитывали заговорщики, но судьба распорядилась иначе. В первые дни никто из них не скрывал своих ролей в трагических событиях, напротив, каждый стремился выпятить себя. Все злодеи-нелюди были обречены, и каждому было воздано по делам их, без исключения каждому, ибо заповедано: «И никто не избавит от руки Моей!» Не мог казнить император – возмездие вершило Провидение.

Зная тайну государя, Пален полагал, что нетрудно будет восстановить императора против вдовствующей императрицы, оклеветать Марию Федоровну и создать противовес ее влиянию. Пален обнаруживал в своих действиях больше, чем опрометчивость, а на многочисленные предостережения друзей отвечал неизменно: «Бояться Императора?! Да он не посмеет меня тронуть!»

Жестокие слова эти, несмотря на преднамеренность и гнусный смысл, которые Пален думал им придать, разбивались… и Мария Федоровна, – по словам княгини Ливен, – «не упускала случаев указывать Императору на неприличие удерживать вблизи своей особы и во главе важнейших государственных дел личность, которая подготовила умерщвление его родителя!» Отчаявшись в успехе своих наветов, Пален принялся возмутительным образом чернить императрицу.

«Между прочим, – отмечала княгиня Ливен, – рассказывали, будто у него вырвалось и такое заявление: “Я расправился с супругом, сумею отделаться и от супруги!”»

Этот факт еще раз свидетельствует в пользу доказательств, приведенных Гриневичем. Вряд ли он мог рассчитывать, что удастся вооружить сына против матери. Но матерью императора была София Черторыжская!

Далее княгиня Ливен писала: «В припадке озлобленности и наглости Пален распорядился убрать из какой-то церкви образ, только что подаренный Императрицею. Эта дерзость, конечно, не могла пройти незамеченною. Императрица-мать заявила Александру, чтобы тот немедленно же выслал Палена из Петербурга, в противном случае столицу покинет сама Мария Федоровна».

«Это было бы для государя равносильно гибели, ведь тогда нависала угроза разоблачения. Пален был немедленно выслан из Петербурга в свои курляндские имения, и ему было категорически запрещено появляться в обеих столицах, а также поблизости от мест пребывания Императора. Русское общество

отнеслось с полным равнодушием к вести о падении могущественного вельможи, даже приобретшего некоторую популярность своим преступлением», – заключила княгиня Ливен.

Аналогичная судьба ожидала и других заговорщиков. Император постепенно избавлялся от тех, от кого мог избавиться. Для английских политиканов они все были уж отработанным материалом и не представляли никакого интереса. Достаточно того, что управляем император.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна хранила память о своем супруге, сраженном на посту, и продолжала борьбу против врагов России до последнего вздоха. Именно ее стараниями был воспитан сын Николай Павлович, будущий великий государь, мужественным, смелым, презирающим смерть и горячо любящим Россию. Это под ее руководством стал верным помощником старшему брату сын Михаил Павлович. Это она по мере сил воздействовала и на того, кто известен нам под именем Александра Первого. Но о нем и его любовных приключениях и драмах – в следующем материале.

Любовные драмы Александра Благословенного

«Я охотно уступлю звание (Цесаревича) за ферму»

В 1790 году императрица Екатерины Великая решила срочно женить своего любимого внука великого князя Александра Павловича. Она спешила, вероятно, и потому, что зрело решение – сделать его Наследником Престола в обход прав Павла Петровича. Императрица говорила: «Сначала мы его женим, а потом – коронуем!»

Причина этого ее решения слишком глубока, чтобы говорить о ней в двух словах. Это отдельная тема. Императрица Екатерина Алексеевна пригласила в Петербург баденских принцесс, родных сестер Вильгельмину и Луизу.

31 октября 1792 года сестры были доставлены в Петербург. Выбор Екатерины сразу пал на старшую, о чем она сказала своему секретарю Храповицкому: «Чем больше смотрю на старшую из баденских принцесс, тем больше она нравится. Невозможно видеть ее и не попасть под ее очарование».

Своему постоянному корреспонденту Гримму она в тот же вечер написала: «Господин Александр выказал бы себя чрезмерно разборчивым, если бы упустил старшую из принцесс».

И действительно, решение императрицы, по ее же мнению, ничего не могло решить. Испытав много горя, сама Екатерина Алексеевна не хотела, чтобы несчастье в любви испытали и сын Павел – она ему предоставляла право выбора невесты дважды, и любимый внук Александр.

Для Александра Павловича устроили смотрины, и ему понравилась старшая из сестер Луиза Мария Августа.

И вот 2 ноября 1792 года их встреча состоялась. Супруга Павла Петровича великая княгиня Мария Федоровна впоследствии вспоминала, что Луиза, «увидев Александра, побледнела и задрожала; что касается Александра, то он был очень молчалив и ограничился только тем, что смотрел на нее, но ничего ей не сказал, хотя разговор был общий».

Несколько дней при дворе все были в неведении, что же он решил, поскольку Александр никак не проявил своего отношения в Луизе, но вскоре они обменялись записками, текст которых остался в истории.

Великий князь Александр Павлович написал принцессе: «Мой милый друг. Я буду Вас любить всю жизнь».

Луиза ответила: «Я тоже люблю Вас всем сердцем и буду любить Вас всю мою жизнь. Ваша преданнейшая и покорнейшая

суженая. Луиза».

Статс-секретарь императрицы А.В. Храповицкий отметил, что при дворе будущая супруга великого князя завоевала всеобщие симпатии – «никто при виде ее не мог устоять перед ее обаянием».

Императрица же Екатерина писала об Александре и Луизе, ставшей в крещении Елизаветой Алексеевной: «Все говорили, что обручают двух ангелов. Ничего нельзя вообразить прелестнее этого 15-летнего жениха и 14-летней невесты; притом они очень любят друг друга. Тотчас после обручения принцессы она получила титул великой княжны».

Елизавета Алексеевна призналась в письме матери: «Счастье жизни моей в его руках. Если он перестанет меня любить, я буду навсегда несчастна. Перенесу все, все, только не это».

В Русском биографическом словаре Половцева сказано, что «по замечанию Протасова о суженой Александра Павловича “невеста для него избранная, как нарочно для него созданная”».

15 ноября 1792 года Протасов написал: «Мой воспитанник – честный человек, прямой характер, доброты души его нет конца, телесные доброты его всем известны». И прибавил: «Если вперед при нем будет хороший человек, не сомневаюсь нимало, чтоб он еще лучше сделался».

Кстати, там же, в Русском биографическом словаре, отмечено:

«Узнав о том, что его хотят сделать наследником престола, Александр Павлович заявил:

– Если верно то, что хотят посягнуть на права отца моего, то я сумею уклониться от такой несправедливости. Мы с женой спасемся в Америке, будем там свободны и счастливы, и про нас больше не услышат».

Тогда ведь еще существовала Русская Америка, не говоря уже о том, что и Аляска принадлежала России.

Протасов написал о решении Александра Павловича: «Трогательное излияние молодой и чистой души».

В.П. Кочубею великий князь заявил, что «не рожден для такого высокого сана, который определили ему в будущем», и напоминал, что от него «дал клятву отказаться тем или другим способом».

А своему бывшему воспитателю Лагарпу, отставленному императрицей Екатериной за приверженность идеям Французской революции, он писал в Швейцарию, где тот осел: «Я охотно уступлю свое звание за ферму возле вашей».

Мы видим, что Александр Павлович и мыслей не допускал, что может куда-то отправиться, где-то поселиться и быть

счастливым без своей любимой жены.

Современники отмечали, что ею невозможно было не восхищаться.

Вот, к примеру, оставшиеся в документах и архивах слова Елизаветы Яньковой, «обычной московской барыни»: «Жена Александра Павловича была красоты неописанной, совершенно ангельское лицо».

А вот отзыв саксонского дипломата, относящийся уже к тому времени, когда ушел из жизни убитый английскими наемниками Павел Петрович и вступил на трон тот, кого мы знаем под именем Александра Первого: «Трудно передать всю прелесть Императрицы: черты лица ее чрезвычайно тонки и правильны: греческий профиль, большие голубые глаза, правильное овальное очертание лица и прелестнейшие белокурые волосы. Фигура ее изящна и величественна, а походка чисто воздушная. Словом, Императрица, кажется, одна из самых красивых женщин в мире. Характер ее должен соответствовать этой приятной наружности. По общему отзыву, она обладает весьма ровным и кротким характером; при внимательном наблюдении в выражении ее лица заметна некоторая меланхолия… Общественная жизнь Императрицы так же проста… Чтение, прогулки и занятия искусствами наполняют ее досуг».

Может показаться странным, что данное повествование начато со столь нарочитого панегирика. Смею заверить читателей, что это не случайно. На последующих страницах будет отображено все, что так славно начиналось и так странно продолжилось. О завершении же данной любовной коллизии поговорим в конце повествования – это тоже оказалось неожиданным. И сам император, известный нам под именем Александра Первого, будет казаться совершенно иным человеком, и его отношение к своей обожаемой в минувшие годы до вступления на престол супруге окажется, по меньшей мере, удивительным и непонятным.

Ни для кого не секрет, что многие государи России грешили тем, что имели любовниц, но столь открыто и уничижительно для своей второй половинки, как это делал тот, кого мы знаем под именем Александра Первого, не делал ни один из великих князей, царей и императоров России за всю историю. Исключение составляет только Петр Первый – но это случай совершенно особый, можно сказать, клинический случай. Сослать жену, создать ей невыносимые условия в ссылке и следить, чтобы ей было как можно хуже, мог только «царь-плотник». Ну и, конечно, мечтал вдоволь поиздеваться над Екатериной Алексеевной Петр Третий, да вот ему этого сделать не позволили. Слетел с престола

и отправился туда, куда мечтал отправить Екатерину Алексеевну вместе с ее, но вовсе не со своим, сыном Павлом, уж если правде смотреть в глаза, не Петровичем, а Сергеевичем. Теперь-то всем известно, что именно граф камергер Сергей Салтыков являлся отцом Павла Петровича. Даже в показанном в конце прошлого года фильме об этом сказано совершенно определенно и точно. То есть то, о чем долгое время кричали и «Записки…» и «Чистосердечная исповедь» самой императрицы, наконец стало достоянием читателей и зрителей и принято обществом за истину. До этого момента за истину принимались сплетни и досужие вымыслы отвратительных клеветников всех мастей.

Но вернемся к главным героям повествования – к императору, известному нам под именем Александра Первого, и императрице Елизавете Алексеевне.

«Я пел на троне добродетель…»

Клеветническими домыслами обрастали все эпохи Русской истории. Не исключение и начало XIX века. Сочиняя небылицы о том времени, придумали даже, что император Николай Первый влачился за супругой Александра Сергеевича Пушкина, а Пушкин, в свою очередь, за его супругой. И никого не смущало, что доказательства влюбленности поэта в императрицу идут вразрез с правдой, да и вообще со здравым смыслом. А между тем Пушкин был действительно горячо и безнадежно влюблен, да вот только совсем не в ту императрицу… Он был юношей очарован Елизаветой Алексеевной, причем не он один – многие его однокашники по лицею разделяли чувства восторженности и влюбленности.

Вот одно из посвящений тогда еще совсем юного поэта:

На лире скромной, благородной
Земных богов я не хвалил
И силе в гордости свободной
Кадилом лести не кадил.
Свободу лишь учася славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожден Царей забавить
Стыдливой музою моей.
Но, признаюсь, под Геликоном,
Где Касталийский ток шумел,
Я, вдохновленный Аполлоном,
Елизавету втайне пел.
Небесного земной свидетель,
Воспламененною душой
Я пел на троне добродетель
С ее приветливой красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо Русского Народа.

«Эхо Русского Народа»! Так сказано не случайно. Восхищение императрицей было всеобщим. Сколько легенд осталось на века о ее жизни и особенно о жизни после того, что произошло в Таганроге в 1825 году. Впрочем, об этих легендах пока говорить не время. Сначала надо пройти вместе с теми, о ком Протасов

писал, что они друг для друга созданы.

«Мое зло двойное…»

Итак, великокняжеская чета ожидала решения своей судьбы. А на другом конце планеты происходили события, которым суждено было повлиять на ход российской истории.

Симеон Афанасьевич Великий выжил, чуть-чуть подлечился и решил добираться в Россию. Геннадий Станиславович Гриневич повествует:

«В ту пору Алеутские острова, Аляска и западное побережье Северной Америки от мыса Барроу на север и на юг, вплоть до Калифорнии, были владениями Российской Империи. Фактории и небольшие поселения русских, обслуживающих богатые пушные промыслы, особенно “морского бобра”, были не такими уж редкими в этих краях. В одном из поселений Симеон встретил молодого миссионера отца Иннокентия и с ним добрался до острова Кадьяка, который на протяжении многих лет был центром Русской Америки».

Я не случайно привожу подробные цитаты из книги Гриневича, касающиеся Русской Америки. Тот, кого мы привыкли считать императором Александром Первым, поступил с этими краями, мягко говоря, преступно – впрочем, об этом дальше.

А в ту давнюю пору ему еще предстояло добраться до России. Гриневич сообщает, что «путь из Русской Америки в Россию к тому времени был проторен русскими купцами и промышленниками».

Удалось добраться до Петропавловска. Там отец Иннокентий «снабдил Симеона деньгами, рекомендательными письмами в Иркутскую и красноярские Эпархии и устроил на судно, идущее на материк, в Охотск». Поведал обо всем этом Гриневич не случайно. В последующем Отец Иннокентий стал епископом Камчатским и приезжал к Сиьирскому старцу Феодору Козьмичу, когда тот находился под Томском, причем приезжал за 7 тысяч верст!

Знаковые встречи, судя по рассказу Гриневича, произошли у Симеона и в Иркутске, и в Красноярске. Принимавшие его тогда церковные деятели многие годы спустя встречались со старцем Феодором Козьмичом, когда иркутский иерей Афанасий и красноярский отец Петр стали епископами. Причем если отец Афанасий навестил лишь однажды, то отец Петр приезжал по два-три раза в год.

Г.С. Гриневич сообщает, что летом 1796 года была устроена встреча императора Павла Первого с его внебрачным сыном Симеоном. Подробности встречи не известны, но, тем не менее,

темными силами были уже разработаны наметки клеветы, которую собирались обрушить на Павла Первого. Слухи о том, что императрица хочет лишить престолонаследия Павла Петровича и передать права своему внуку, Александру Павловичу, преумножались особенно активно, раздражая наследника. Никто не видел манифеста, якобы подготовленного императрицей. Правда, известен такой факт. В день смерти государыни Павел Петрович и Безбородко разбирали бумаги в ее кабинете. На глаза попался пакет с надписью, сделанной рукою Екатерины Великой: «Вскрыть после моей смерти!» Павел взял пакет в руки и растерянно посмотрел на Безбородко, который молча указал ему глазами на камин. Так закончили свое существование какие-то документы, содержание которых могло быть известно канцлеру и который посчитал, что обнародованию они подлежать не должны.

Будущие убийцы Павла Первого вынашивали свой замысел уже в ту пору, и главными из заговорщиков были братья Зубовы Николай и Платон, фон дер Пален и Панин. Они-то, скорее всего, и убили великого князя Александра Павловича. Очевидно, у них были основания полагать, что тот не станет ни их сообщником, ни исполнителем их воли. Не удивительно, ведь Александр Павлович был воспитан Великой Екатериной. А как воспитаны внуки государыни, можно понять хотя бы по тому, каким вырос Константин Павлович! Достаточно вспомнить его участие в Итальянском и Швейцарском походах Александра Васильевича Суворова и знаменитом переход через Альпы, где все – от генерала до солдата – были на линии огня.

Итак, Александр Павлович был устранен, причем если и не при участии, то, во всяком случае, не без ведома Симеона Великого. На это указывает фраза Феодора Козьмича: «Мое зло двойное». То есть, по мнению Гриневича, сибирский старец признал, что повинен и в гибели Александра Павловича, и в гибели Павла Петровича. Одновременно убийцы преследовали цель бросить тень на Павла Петровича, который якобы избавился от конкурента на престол. Он же не мог сделать этого, ибо был нелицемерно верующим, искренне набожным, человеком большой, светлой души.

Заговорщики, свершив злодеяние, поместили в Санкт-Петербургских газетах сообщение, что в водах Кронштадтского залива обнаружено тело лейтенанта флота Симеона Великого. Это сообщение свидетельствует о том, что ставка окончательно была сделана на Симеона, который теперь стал Александром.

Но как могли не заметить подмену родные и близкие? Здесь тоже есть объяснение. Тайна рождения Павла Петровича не была

скрыта за семью печатями. Он ведь сын Сергея Васильевича Салтыкова. Екатерина Великая вступила на престол в результате переворота и ее, в свое время, без всяких на то оснований объявили убийцей законного императора Петра Третьего, хотя к гибели его она никоем образом не причастна.

Теперь же нарастал скандальный династический кризис. Конечно, подмена не могла пройти незамеченной. Просто на нее вынужденно закрыли глаза. Иного выхода не было. Александр Павлович мертв, и его не воскресишь. Симеон похож на него так, что, кроме близких родственников, никто не замечал подмены. К тому же он вовсе не убийца, а несчастный человек, которого, скорее всего, сумели втянуть в соучастие опытные интриганы и преступники. Екатерина Великая не ведала о подмене, ибо известно, что со своим внуком она не встречалась с июня 1796 года. Она бы, конечно, сразу заметила, что пред ней не любимый внук Александр Павлович, а пусть тоже внук, но внебрачный сын Павла.

Известно также, что Павел Петрович, хоть и не был виновен в смерти сына, доказать свою полную непричастность к ней мог вряд ли. Тем и объясняется его поведение в последние месяцы жизни матери. Жил он уединенно. Все время чего-то ждал и чего-то опасался.

Когда случился удар и стало ясно, что императрица при смерти, к Павлу послали курьера, увидев которого, он сказал странную, на первый взгляд, фразу: «Мы пропали!» Видимо, он ждал возмездия за то, что не уберег Александра, а может быть, даже считал, что его вот-вот обвинят в убийстве. Но пришло сообщение о том, что Императрица покидает сей мир.

Вступив на престол, Павел Петрович взял руки наследника и Аракчеева, соединил их и сказал, чтобы они крепко дружили и помогали ему. Аракчеев любил Павла Петровича и служил ему верою и правдою. Ну, а на доброе отношение к тому, кто стал императором после гибели Павла Петровича, могло повлиять, что и Аракчеев и тот человек оба были выпускниками кадетских корпусов, один морского, другой – Инженерного и Артиллерийского. А в кадетских кругах существует правило «кадет кадету друг и брат».

А как же любовь на всю жизнь?

И вот свершилось преступление… Заговорщики с молчаливого согласия цесаревича жестоко расправились с императором Палом Петровичем.

Есть выражение «король умер – да здравствует король!». Уже в сентябре того же страшного для России года была назначена коронация в Москве. Двор перебрался в старую добрую – азиатскую, как ее называли – столицу.

Елизавета Алексеевна была рядом с новоиспеченным императором. Но, как свидетельствуют многие современники, тяготилась официальными мероприятиями. Что-то было не то и не так. Современники не могли объяснить этого странного поведения. Правда, когда Елизавета Алексеевна возвратилась в Петербург, где получила известие о смерти ее горячо любимого отца, баденского маркграфа Карла-Людвига, какое-то объяснение нашлось – траур. В последующие месяцы, практически всю зиму, она почти не выезжала в свет, не участвовала в балах, спокойно, равнодушно и безразлично оставляя нового императора без своего ока.

Вот тут и появилась возле него княжна Мария Антоновна Нарышкина.

Елизавета Алексеевна сообщала об этом матери во многих письмах, но мер никаких не принимала. А Нарышкина наглела на глазах – уже открыто издевалась над императрицей. Она дошла до того, что открыто объявила Елизавете Алексеевне о своей беременности.

Елизавета Алексеевна в письме от 10 июня 1804 года сообщила об этом матери: «Говорила ли я вам, что первый раз она бессовестно сообщила мне о своей беременности, которая была еще в начале, так что я могла бы отлично не заметить ее. Я нахожу, что для этого нужно обладать невероятной наглостью, это было на балу, и ее положение было не так заметно, как теперь. Я разговаривала с ней, как со всеми остальными, и осведомилась о ее здоровье. Она ответила, что чувствует себя не совсем хорошо: “так как я, кажется, беременна”. Я отлично знала, от кого она могла быть беременна. Не знаю, что будет дальше и чем все это кончится; знаю только, что я не стану портить характер и здоровье ради человека, того не стоящего, но терпение может иногда превзойти человеческие силы».

«Ради человека, того не стоящего…» К кому относятся эти слова? К Нарышкиной? Не слишком ли много чести?! А может, все-таки к тому, кто стал императором? Но как же тогда клятвы

юности?

Можно все это списать на ошибки юности. Ведь чего не бывает? Прошли чувства, истаяли. Но почему они истаяли именно после событий, связанных с потрясениями, обрушившимися на престол русских царей?

Исследователи делают такой вывод: «Несомненно, все это доставляло Елизавете Алексеевне особые страдания, потому что отсутствие детей в семье царствующего монарха превращалось в проблему государственного значения».

Все это так… Но отчего изменилось поведение Елизаветы Алексеевны, отчего она избегала супруга – как иначе объяснить потерю интереса к торжественным мероприятиям, к балам…

А тот ли был перед нею в ранге императора, которого любила она, кому клялась в любви?

«Дней Александровых “прекрасное” начало…»

Можно себе представить, каково было тому, кто был в ту ночь назван императором. Ведь он оказался заложником в руках истых, коварных и весьма опытных злодеев, для которых жизнь человеческая – сущие пустяки. Ведь это именно они, используя удивительное стечение обстоятельств – поразительное сходство Симеона Афанасьевича Великого, внебрачного сына императора Павла, с его старшим законным сыном – решили разыграть свою карту и, устранив Александра Павловича, подменили его Симеоном, сделав того соучастником злодеяния. Только этим можно объяснить то, что в первые дни правления нового императора цареубийцы повели себя независимо, нагло, пытаясь как можно скорее добиться того, ради чего они пошли на преступление. А стремились они к введению конституции, ограничению власти императора, а если точнее, то разделению власти между ним и ими, а если еще точнее, то к полному захвату власти в свои руки. Подмену не все заметили, но не могли не заметить ее мать Александра Павловича, его любящая супруга, брат, который был немногим моложе его и делил с ним детские, отроческие и юношеские годы. Не потому ли Константин Павлович так и не пожелал стать императором и загодя отказался от наследования престола. Говорят, ради любви. Но ведь и любовь свою он выбирал, уже понимая, что волен в выборе своем, поскольку никогда не станет царствовать.

Между тем Елизавета Алексеевна не могла не вызывать самых сильных чувств. На нее заглядывался генерал-адъютант императрицы Екатерины Алексеевны Платон Зубов, но после сделанного ему внушения сразу отказался от своих замыслов. Был влюблен Адам Чарторыжский, но его тут же выслали из страны.

Так что же произошло с новым императором? Почему же, наконец, он вдруг обратил внимание на Нарышкину, а не на доставшуюся ему вместе с троном красавицу Елизавету Алексеевну?

А быть может, сама Елизавета Алексеевна не смогла сразу перестроиться и, презрев любовь свою, пасть в объятия того, кого все называли Александром Павловичем. Но она-то видела, что похож, да, безусловно, похож, но… не он.

Да и наглое поведение Нарышкиной не случайно. Вряд ли бы она вела себя так с Елизаветой Алексеевной при Александре Павловиче, даже если бы он – представим невероятное – обратил

на нее внимание. Почему представим невероятное? Да потому что вплоть до 1896 года – года смерти императрицы Екатерины Великой, нет и намека на то, что в отношениях молодой четы, – у Александра Павловича и Елизаветы Алексеевны есть хотя бы тень охлаждения. Их брачный союз восхищал современников, заставлял биографов делать восторженные отзывы.

Почему же назван 1796 год? Именно в 1796 году, как считает Г.С. Гриневич, произошла подмена.

«Тайно наделю властью Симеона – дурную главную ветвь»

В расшифрованных Г.С. Гриневичем тайнописях, оставленных сибирским старцем Феодором Козьмичом, значится: «…Мое зло двойное: Император Александр – я, Симеон Великий. Я тьмы приверженец, суть злодей. Имя Первый – отсеку. Тайно наделю властью и силой Симеона – дурную главную ветвь».

Тот факт, что у наследника престола Павла Петровича есть внебрачный сын Симеон Великий, который как две капли воды похож на своего брата великого князя Александра Павловича, был известен тем силам, которым не нравилось возвышение и укрепление России.

Вполне понятно, что Елизавета Алексеевна не могла знать всей подноготной, но она могла противиться близости, да и вообще каких-то отношений с тем, кто стал самозваным великим князем, затем цесаревичем и, в конце концов, императором.

Ну а соблюдение этикета – что бы никто и ничего не заподозрил – должно было, по ее мнению, быть обоюдным. Этого не случилось. Тот, кто известен под именем императора Александра, вел себя по отношению к ней недостойно – тайные связи были у многих императоров, но они тщательно скрывались или уж, во всяком случае, не афишировались – здесь же другое, здесь все делалось так, чтобы уязвить Елизавету Алексеевну. За что? Быть может за то, что она не приняла самозванца и сторонилась его?

«Первая любовь Пушкина!»

Кто же она, кто та, к кому поэт испытал ее? Кому посвятил он свои первые нежные, восторженные и романтические строки?

Долгое время считалось, что той женщиной явилась Анна Керн. Хотя для первой любви поэту было уже многовато лет. Да и стихи, яркие стихи были написаны ранее, нежели знакомство с той, которая вдохновила на изумительные строки: «Я помню чудное мгновенье…»

Чудные мгновения он испытывал и ранее.

Еще лицеистом он создал целый цикл стихотворений, поэтических посвящений той, что стала владычицей его чувств, его мыслей, его грез.

Биографы долгое время полагали, что это старшая сестра сокурсника поэта Александра Бакунина фрейлина Екатерина Бакунина.

Александр Бакунин был сверстником Пушкина – он тоже родился в 1799 году и поступил в Царскосельский лицей в 1811 году. После окончания лицея он избрал военную стезю и даже некоторое время был адъютантом знаменитого героя Отечественной войны 1812 года Николая Николаевича Раевского. Затем перешел на гражданскую службу и в 1842 году стал Тверским гражданским губернатором.

Бакунин был приятелем Пушкина, а сестра его летом жила в Царском Селе. Так отчего же и не быть любви? Недаром же в пушкинском лицейском цикле все кричит об этом:

В те дни… в те дни, когда впервые
Заметил я черты живые
Прелестной девы, и любовь
Младую взволновала кровь,
И я, тоскуя безнадежно,
Томясь обманом пылких снов,
Везде искал ее следов,
О ней задумывался нежно,
Весь день минутной встречи ждал
И счастья тайных мук узнал…

В подтверждение того, что стихи посвящены Бакуниной, приводился дневник Пушкина, в котором поэт записал:

«29 ноября. Я счастлив был… Нет, я вчера не был счастлив; поутру я мучился ожиданием, с неописанным волнением стоя под

окошком, смотрел на снежную дорогу – ее не видно было – наконец я потерял надежду, вдруг нечаянно встречаюсь с ней на лестнице. Сладкая минута! Как она была мила! Как черное платье пристало милой Бакуниной, но я не видел ее 18 часов – ах, но я был счастлив 5 минут».

Но вот в «Тайнах и преступлениях» № 6 за 2014 год – Приложении к журналу «Чудеса и приключения» появилась публикация Элеоноры Лебедевой «Царицу нашу втайне пел…». Там говорится, что одна из исследовательниц творчества Пушкина «обратила внимание на дневниковую запись Пушкина, где он твердою рукой вычеркивает имя Бакуниной». И приводится запись: «Встреча на лестнице произошла 28 ноября 1815 г., в тот самый день, когда Елизавета приезжала в Лицей и была в трауре по своему зятю – принцу Брауншвейгскому – то есть в черном платье. В лицейских элегиях появляются трагические мотивы – поэт хочет оставить этот мир.

Прости, печальный мир,
Где темная стезя над
бездной для меня лежала,
Где жизнь меня не утешала,
Где я любил, где мне любить нельзя!

Елизавета? Неужели? Неужели речь идет об императрице Елизавете Алексеевне? Неужели стихи посвящены той, которая была супругой императора, известного нам в истории под именем Александра Первого?

Читателям может показать странным уточнение «известного… под именем». Почему вдруг не написано просто и ясно: «супругой Александра Первого»? Это совсем другая история, но раз уж сказано «А», будет сказано «Б», то есть мы еще вернемся к этому моменту, но на последующих страницах. Поскольку тема эта слишком близко соприкасается с темой настоящего повествования. А пока главное все же то, что Пушкин вычеркнул имя Екатерины Бакуниной из дневника, указывая тем самым, что не ей посвящены восторженные строки и не ей посвящались стихи лицейского цикла.

Но каким образом даже не юный, а отрок Пушкин мог влюбиться в императрицу России, где он впервые увидел ее, где услышал ее голос? В стихах воспеты и красота и голос Елизаветы Алексеевны.

19 октября 1811 года состоялось открытие нового привилегированного учебного заведения, названного «Царскосельским Лицеем». Лицей был размещен в Царском Селе,

в четырехэтажном флигеле Екатерининского дворца. Флигель был построен по проекту архитектора В. Стасова. Специальный переход вел из дворца непосредственно в залы Лицея. Первым директором Царскосельского лицея стал Василий Федорович Малиновский.

На открытие прибыли император с супругой, великие князья, знатные и великие люди России. Праздник продолжался весь день, а вечером всех удивил великолепный фейерверк. На этом празднике Пушкин и его сокурсники впервые увидели императора и императрицу. Не только Пушкин был сражен красотой, добротой, проницательностью, величайшим тактом Елизаветы Алексеевны. Многие лицеисты были с первого взгляда влюблены в нее. Но Пушкин был поэтом, не просто поэтом, он был Русским гением – а гений и любит по-иному, и чувствует иначе. И чувства его обострены, и поступки его непредсказуемы… Потому вполне понятны и «трагические мотивы» в его творчестве, вызванные этой еще по-мальчишески безрассудной, но уже по-взрослому всепобеждающей любовью.

И рождались строки:

Толпою нашею окружена,
Приятным, сладким голосом, бывало,
С младенцами беседует она.
Ее чела я помню покрывало.
Недавно, обольщен прелестным сновиденьем,
В венце сияющем, царем я зрел себя;
Мечталось, я любил тебя –
И сердце билось наслажденьем.
Я страсть у ног твоих в восторгах изъяснял,
Мечты! ах! отчего вы счастья не продлили?
Но боги не всего теперь меня лишили:
Я только – царство потерял.

Юношеская влюбленность – особая влюбленность. Тут нет компромиссов. Известно отношение Пушкина к императору. Известны его стихи…

Воспитанный под барабаном,
Наш Царь лихим был капитаном:
Под Австерлицем он бежал,
В Двенадцатом году дрожал!

Зато он фрунтовой профессор!
Но фрунт герою надоел –

Теперь коллежский он асессор
По части иностранных дел.

Но только ли возмущение по поводу царствования? А быть может, Пушкин в то время был еще достаточно далек от политики и занимали его совершенно другие мысли? Мысли о том, как поступал император со своей супругой? Именно этого он не мог понять и принять? Ведь его мысли могли быть и таковыми – она, совершенство, божество, любит его, а он фактически бросил ее. Их супружество оставалось лишь внешним, поскольку царствующие особы ограничены в своих действиях в этом направлении. Юношеская ревность к тому, кого любит возлюбленная, сменилась ненавистью… Биографами было найдено письмо, по понятным причинам не отправленное, в котором юный Пушкин обещал убить императора за этакое его отношение к супруге. Но впоследствии, когда прошло время, и главное, когда императора уже не было в живых, во всяком случае, не было на престоле, когда уже было известно, что в последние годы царствования он неожиданно повернулся всей душой к супруге, вдруг, совершенно вскользь, промелькнули строки, на которые историки не обратили внимания. Эти строки появились в 1833 году в «Медном всаднике»:

…Народ
Зрит божий гнев и казни ждет.
Увы! все гибнет: кров и пища!
Где будет взять?
В тот грозный год
Покойный царь еще Россией
Со славой правил…

Со славой правил… Эта строка говорит о том, что в юношеской эпиграмме было все-таки больше личного, была обида за возлюбленную хоть и недосягаемую, но боготворимую и поэтически обожествляемую, о которой он сказал «которая была мне в мире Богом». Это строка из Элегии («Я видел смерть…»):

Я видел смерть; она в молчанье села
У мирного порога моего;
Я видел гроб; открылась дверь его;
Душа, померкнув, охладела…
Покину скоро я друзей,
И жизни горестной моей

Никто следов уж не приметит;
Последний взор моих очей
Луча бессмертия не встретит,
И погасающий светильник юных дней
Ничтожества спокойный мрак осветит.
…
Прости, печальный мир, где темная стезя
Над бездной для меня лежала –
Где вера тихая меня не утешала,
Где я любил, где мне любить нельзя!
Прости, светило дня, прости, небес завеса,
Немая ночи мгла, денницы сладкий час,
Знакомые холмы, ручья пустынный глас,
Безмолвие таинственного леса,
И все… прости в последний раз.

А ты, которая была мне в мире Богом,
Предметом тайных слез и горестей залогом,
Прости! минуло все… Уж гаснет пламень мой,
Схожу я в хладную могилу,
И смерти сумрак роковой
С мученьями любви покроет жизнь унылу.

А вы, друзья, когда, лишенный сил,
Едва дыша, в болезненном боренье,
Скажу я вам: «О други! я любил!..»
И тихий дух умрет в изнеможенье,
Друзья мои, – тогда подите к ней;
Скажите: взят он вечной тьмою…
И, может быть, об участи моей
Она вздохнет над урной гробовою.

1816

Элеонора Лебедева в «Тайнах и преступлениях» раскрывает еще один удивительный факт…

Она пишет, что горькая ирония состоит в том, что Пушкин «женился на дочери той, что когда-то причинила боль обожаемой Государыне».

Вот это загадка! Посмотрим пояснение. Пушкин узнал, ему постарались сообщить, видя каковы его отношения с тещей, что «тот Охотников, в которого была влюблена Императрица, на самом деле любил Наталию Ивановну, так что тут была

ревность».

Далее Элеонора Лебедева сообщает: «Здесь нужен комментарий: глава о тайной любви Елизаветы Алексеевны и кавалергарда Алексея Яковлевича Охотникова по требованию Императора Николая II была исключена при публикации 3-томной биографии Императрицы. В наше время историки докопались, опубликовали эту главу, и теперь трагедия Елизаветы, одинокой в семье Романовых, покинутой мужем, потерявшей двух маленьких дочерей, вышла на передний план в современных гламурных повествованиях об августейшей семье…»

Ну и далее сообщается, что «Алексей Охотников получил удар кинжалом при выходе из Эрмитажного театра. Он умирал три месяца и умер 30 января 1807 года. А 27 января фрейлину Наталию Ивановну Загряжскую обвенчали с Николаем Афанасьевичем Гончаровым в церкви Зимнего Дворца в присутствии августейшей семьи (т. е. с почетом удалили от Двора: как замужняя дама, она уже не могла быть фрейлиной…)».

Далее в статье напоминается, что дата 27 января стала в какой-то степени мистической, ведь спустя 30 лет 27 января 1837 года он был смертельно ранен на дуэли Дантесом. Не исключено, что день дуэли был назначен не случайно. Много загадочного и в самой дуэли, и в ее подготовке.

В журнальной статье отмечено и еще одно событие: «Последняя встреча с Императрицей связана с текстом злобного пасквиля, в котором Пушкина назначили заместителем великого магистра орлена рогоносцев Дмитрия Львовича Нарышкина, тем самым напомнив об Александре I и Марии Антоновне Нарышкиной, многолетней фаворитке Императора… которая много крови попортила Елизавете».

Так что Пушкину было нанесено сразу два оскорбления – лично ему и его возлюбленной, что перенести было невозможно.

Но как объяснить то, что необыкновенная пара, какою были великий князь Александр Павлович и баденская принцесса Луиза Мария Августа, пара, которую сравнивали с голубками, которой восхищались современники, не выдержала испытаний и фактически распалась? У него появилась Нарышкина, у нее – Охотников.

Многие объясняют это примитивно и просто – не все любящие друг друга до бракосочетания сохраняют свою любовь в браке. Но тут случай особый. Чтобы понять это, достаточно прочитать, что писали о великом князе и его супруге современники. И вдруг любовь исчезла… Но мы пытаемся объяснить все с точки зрения официальной историографии, подразумевая, что в 1801 году на престол русских царей вступил

Александр Павлович. А если это был внебрачный сын Павла Петровича Симеон Афанасьевич Великий, как две капли воды похожий на него? Не могла же Елизавета Алексеевна перенести автоматически свою любовь на него. И он не обязательно должен был полюбить супругу своего единокровного брата, убиенного вовсе не им, а теми, кто заварил эту кашу, пытаясь превратить ее в смуту.

Если внимательно отнестись к исследованиям Г.С. Гриневича, все встанет на место…

Ну и с этой точки зрения увлечение императора вполне объяснимо. Он был свободен от обязательств, на нем лежали лишь обязательства, которые он принял на себя вместе с именем того, кого заменил в наследовании престола, а следовательно, когда время пришло, и на престоле.

Мария Нарышкина была неотразима, даже Михаил Илларионович сказал как-то, что женщин стоит любить, раз есть среди них такая, как Мария Антоновна Нарышкина.

Державин написал ей в посвящении «Аспазии»:

Блещет Аттика женами,
Всех Аспазия милей:
Черными очей огнями,
Грудью пенною своей.
Удивляючи Афины,
Превосходит всех собой;
Взоры орли, души львины
Жжет, как солнце, красотой.
‹…›

Отметил он и ум Нарышкиной и ее умение держать себя…

Угождают ей науки,
Дань художества дают,
Мусикийски сладки звуки
В взгляды томность ей лиют.

Она чувствует, вздыхает,
Нежная видна душа,
И сама того не знает,
Чем всех больше хороша.
‹…›

Стихотворение датировано 24 апреля 1809 года.

Ее красотой восхищались многие. Знаменитый русский мемуарист, хороший знакомый Пушкина, Филипп Филиппович Вигель отметил, что «красота ее была до того совершенна, что казалась невозможною, неестественною… Идеальные черты лица и безукоризненность фигуры выступали еще ярче при всегдашней простоте ее наряда».

Вигель прибавил к написанному: «О взаимной любви ее с Императором Александром я не позволил бы себе говорить, если бы для кого-нибудь она оставалась тайной».

После дворцовых потрясений и охлаждения мужа Елизавету Алексеевну бросило в объятия офицера Алексея Охотникова. От этой связи Елизавета Алексеевна в 1806 году родила дочь. Быть может, это был некий способ самоутверждения.

Страсть красавца кавалергарда Алексея Охотникова к императрице имела самые трагические последствия. Он погиб от удара ножом в грудь, нанесенного неизвестным. Так никто и не узнал, кто направил к нему убийцу.

«Любовные приключения Благословенного»

А любовные приключения того, кто известен как Александр Первый, развивались во всю ширь. В. Штейнгель писал в воспоминаниях, помещенных в сборник «Мемуары декабристов. Северное общество»:

«Великий князь добивался благосклонности жены придворного ювелира Араужо, женщина отвергла его ухаживания. В один из вечеров лета 1803 года к дому ювелира подъехала карета, присланная якобы от больной тетки госпожи Араужо.

Жену ювелира силой отвезли в Мраморный дворец, где она подверглась групповому изнасилованию. Женщину отвезли домой. Несчастная Араужо бросилась почти без чувств, могла только сказать: “Я обесчещена!” – и умерла. На крик мужа сбежалось множество: свидетельство было огромное! На другой же день весь Петербург узнал об этом».

С одной стороны, конечно, вызывает настороженность то, что об этом рассказывает декабрист. Кто такие декабристы, теперь то уж известно. С другой стороны, речь идет не о человеке, воспитанном в духе самодержавном, а хлебнувшем разврата Англии. Может быть… Ведь далее эти наклонности того, кто занял Российский престол столь немыслимым образом, продолжались.

И при всем этом, как официально известно, у императорской четы были дети, правда, ушедшие из жизни в младенчестве. Это великая княжна Мария Александровна (1799–1800). Она прожила всего год и два неполных месяца. И дочь великая княжна Елизавета Александровна (1806–1808). Она прожила год и пять неполных месяцев.

Обе родились, когда рядом с Елизаветой Алексеевной был уже не Александр Павлович, и обе похоронены в церкви Благовещения Александро-Невской Лавры Санкт-Петербурга. Вопрос только в том, чьи это дети?

Некоторые биографы полагают, что причина в прохладном отношении к жене именно в том, что слишком рано вступил в брак наследник престола. Но аргумент ли это? Вспомним, в каком возрасте венчались великий князь Московский Дмитрий Иоаннович и дочь князя Суздальского Евдокия Дмитриевна. Но почему же у них не только не произошло охлаждения, а, напротив, историк Александр Нечволодов называл их союз примером для всех последующих поколений. Не охладел к своей супруге рано женившийся Иоанн Васильевич, нареченный Грозным. Слуги темных сил отняли у него любимую жену, о

которой он скорбел до самой смерти, хотя и вынужден был жениться, прежде всего, ради наследников престола.

Тут более подходит то, что доказывает в своей книге Геннадий Гриневич, причем доказывает более чем убедительно, растолковывая доподлинно, как проводил расшифровку тайнописей Феодора Козьмича.

Александр стал править, а супруга его стала путешествовать.

Биографы приводят фразу императора: «Чтобы любить женщину, ее надо немножко презирать, а свою жену я слишком уважаю».

Видимо, имеется в виду любовь в либерально-демократическом понимании. Недаром Благословенного иногда называют едва ли ни первым либералом. Эта теория развивалась медленно и достигла апогея на рубеже XIX и XX веков. Учение Владимира Соловьева, которое восприняли слишком близко Александр Блок, Андрей Белый и другие поэты, нанесло им же самим, точнее, их личной жизни, большой вред.

С 27 сентября 1814 года по 9 марта 1815 года проходил Венский конгресс. Под таким наименование осталась в истории общеевропейская конференция, призванная подвести итоги эпохе наполеоновских войн.

Молодая писательница София Привалихина, автор книги, посвященной Елизавете Алексеевне, так показывает Вену тех лет:

«Вена в 1814 году была третьей из крупных столиц Европы и только немногим уступала по размерам и числу жителей Лондону и Парижу. Население Вены насчитывало 240 тысяч жителей. Это был оживленный, хотя и неплотно застроенный город с многочисленными лужайками и аллеями, отделявшими городской центр от пригорода, в разных частях которого обосновалось в своих дворцах с садами дворянство; там же размещались и монастыри, а также бедные кварталы и первые индустриальные районы…»

То есть, это был город, в котором можно было великолепно провести время. На это и рассчитывал император, нареченный Благословенным. А он в то время был в расцвете сил и в расцвете славы, которую принесли ему победы Русской армии, столь нелюбимой им.

Известный русский военный историки Антон Антонович Керсновский с сожалением отмечал: «Могучий и яркий патриотический подъем незабвенной эпохи Двенадцатого года был угашен Императором Александром, ставшим проявлять какую-то странную неприязнь ко всему национальному русскому. Он как-то особенно не любил воспоминаний об Отечественной войне – самом ярком Русском национальном торжестве и самой

блестящей странице своего царствования. За все многочисленные свои путешествия он ни разу не посетил полей сражений 1812 года и не выносил, чтобы в его присутствии говорили об этих сражениях. Наоборот, подвиги заграничного похода, в котором он играл главную роль, были оценены им в полной мере (в списке боевых отличий Русской армии Бриенн и Ла Ротьер значатся, например, 8 раз, тогда как Бородино, Смоленск и Красный не упоминаются ни разу)».

В 1814 году автор многотомной Истории наполеоновских войн генерал-лейтенант Александр Иванович Михайловский-Данилевский записал в своем дневнике: «Непостижимо для меня, как 26 августа 1814 года Государь не только не ездил в Бородино и не служил в Москве панихиды по убиенным, но даже в сей великий день, когда все почти дворянские семьи России оплакивали кого-либо из родных, павших в бессмертной битве на берегах Колочи, Государь был на балу у графини Орловой. Император не посетил ни одного классического места войны 1812 года: Бородино, Тарутина, Малоярославца, хотя из Вены ездил в Вагрмаские и Аспернские поля, а из Брюсселя – в Ватерлоо».

Император сделал все, чтобы в Париже победоносные Русские войска, сыгравшие главную роль в разгроме наполеоновских банд и освободившие Европу, чувствовали себя не победителями, а униженными и оскорбленными.

Антон Антонович Керсновский в своей знаменитой «Истории Русской армии» рассказал в книге: «При вступлении войск в Париж произошел печальный случай. Александр Первый повелел арестовать двух командиров гренадерских полков “за то, что несчастный какой-то взвод с ноги сбился (вспоминал Ермолов). Хуже всего было то, что Государь повелел арестовать этих офицеров англичанам. Распоряжение это возмутило всех, начиная с великих князей. Тщетно старался Ермолов спасти честь Русского мундира от этого неслыханного позора”. “Полковники сии – отличнейшие из офицеров, – молил он Государя, – уважьте службу их, а особливо не посылайте на иностранную гауптвахту!” Александр был неумолим; этим подчеркнутым унижением Русских перед иностранцами он стремился приобрести лично себе популярность среди этих последних (ненавидевших русских), в чем отчасти и успел».

Ну так, а как же иначе? Он ведь воспитывался в Англии. Еще одно подтверждение тому, что Геннадий Гриневич прав. Это ли не косвенное, да еще какое подтверждение, что на русском престоле находился случайный человек, который резко отличался от любого из великих князей, царей и императоров России, кроме разве что Петра Третьего.

Характерными были в те времена для русского государя и постоянные либеральные вихляния, и малодушие в дипломатии. Многие биографы, историки, исследователи пытались понять, что происходило с императором Александром Первым в начальные годы его правления. Они рассматривали того, кто находился на русском престоле, как Александра Павловича, рожденного и выросшего великим князем и воспитанного в великокняжеском духе, то есть подготовленного к нелегкому жребию русского государя. А жребий государя в то время очень и очень нелегок, и было бы несправедливо утверждать, что каждый, кто рожден в августейшей семье, стремился непременно занять высший пост в государстве. Известно, к примеру, как было воспринято известие о том, что ему надлежит в скором времени ступить на престол российских царей, великим князем Николаем Павловичем и его супругой Александрой Федоровной.

Но если вернуться ко времени, названному «дней Александровых прекрасным началом», и подробно рассмотреть его деяния, начало покажется далеко не прекрасным.

«Я не виноват в Аустерлице»

Биографы считали, что Александр прибыл к армии перед Аустерлицким сражением за славой полководца и хотел получить ее без промедлений. Он не учитывал, что Кутузов – это не Суворов. Суворов с испытанным девизом «С нами Бог!» атаковал неприятеля в любом положении, разумеется, атаковал взвешенно, продуманно, но стремительно и дерзко. Его гениальный ум непревзойденного полководца позволял навязывать свою волю даже многократно превосходящему противнику. Перед ним любые полководцы, его современники, немели, ну, наверное, так, как зверушки перед смертельным ударом кобры. Победить Суворова было невозможно, и никому не удавалось даже противостоять его решительным – быстроте и натиску.

Кутузов – полководец иного рода, полководец, который придерживался иной тактики, который был значительно осторожнее. Его победы тоже были блистательными, но шел он к ним своим, особым путем. Да и войска были не те, или не совсем те. Все-таки прошло время после побед Екатерининского века, да и после Итальянского и Швейцарского походов Суворова шесть лет минуло. Сменилось немало чудо-богатырей, да и командиров поменялось немало.

Армия продолжала быть сильной и непобедимой, но непобедимой в руках непобедимого полководца. По-прежнему ее цементировали выученики Румянцева, Потемкина и Суворова, но появились и выдвиженцы «дней Александровых прекрасного начала», от которых было мало проку и значительно больше вреда.

План, предложенный Кутузовым, суть которого заключалась в ожидании подхода подкреплений и в наблюдении за действиями превосходящего числом неприятеля, возмутил императора. Быть может, Александру уже мнились восхищенные взоры его почитателей, восторженные глаза прусской королевы, обращенные на него, победителя самого Наполеона. Он знал о блистательных победах Суворова в Италии и Швейцарии, знал о блистательной победе Кутузова под Кремсом и полагал, что очередная победа будет столь же блистательной и скорой. Он не понимал различия между собою и российским военным гением Суворовым. Он полагал, что командовать войсками в бою не сложнее, нежели парадом на Марсовом поле в Петербурге. В любом случае, он должен был находиться при армии, ведь, даже одержав победу, Русская армия не должна была (по воле англичан – ее союзников) добиться слишком больших успехов.

Англии была выгодна война на континенте – долгая, непрерывная война, в которой продолжительное время никто не должен был одерживать решительнейших успехов. Вот об этом почему-то не задумывались исследователи наполеоновских войн.

Хотел ли император России только личной славы? Только ли за нее он пришел сражаться? Тогда почему не отстранил Кутузова полностью от командования? Видимо, он все же побаивался остаться один на один с Наполеоном, не имея рядом опытного, испытанного в боях воина. Ведь полное поражение Русской армии не входило ни в его планы, ни в планы англичан. Но отказаться от возможности поиздеваться над воинством, ему подвластным, император не мог.

В насмешку русским генералам он сделал главным своим советником не Кутузова или какого-то другого опытного русского генерала. Он выбрал на эту роль трусливого и продажного бездаря – австрийского генерал-квартирмейстера Вейротера. Видно, люди легкие на лесть и предательство были более по душе императору.

Между тем Наполеон, узнав о сосредоточении Русских войск, но, не имея желания драться, направил к Александру генерала Савари. Однако тот, ведя себя осторожно и разумно, выяснил, что у австрийцев и русских нет единства, а опытный и опасный полководец Кутузов связан по рукам и ногам Александром, который был совершенным профаном в военном деле. Стало ясно, что сражение дать просто необходимо. И Савари постарался сделать так, чтобы Александр понял, будто Наполеон боится наступления австрийцев и русских, что французы слишком слабы, чтобы решиться на сражение.

Все это еще более убедило Александра, что надо немедленно наступать. А тут еще пришло сообщение о том, что возле местечка Вишау шесть русских гусарских эскадронов опрокинули и рассеяли восемь эскадронов французских.

Наполеон на итоги этой стычки внимания не обратил – всяко бывает. Его внимание привлекла обстановка в лагере союзников. Узнав от Савари об истинном положении дел, он сменил решение и понял, что дать сражение необходимо, ибо оно сулит большой успех.

Он снова направил Савари к Александру с просьбой о личном свидании с императором. Тайная же цель была такова – окончательно убедить императора России, что французы очень боятся сражения и потому стремятся к переговорам.

Александр от встречи отказался и направил к Наполеону Долгорукова. А тот под влиянием своего императора тоже отчасти лишился возможности объективно оценивать обстановку.

Впоследствии Наполеон говорил, что Долгоруков разговаривал с ним как с боярином, которого собираются сослать в Сибирь. Наполеон сказал прямо: «Долго ли нас воевать? Чего хотят от меня? За что воюет со мною Император Александр? Чего требует он? Пусть он распространяет границы на счет соседей, особенно турок, тогда все ссоры его с Францией кончатся».

Не забывая о лживости и коварстве императора Франции, все же нельзя не согласиться с тем, что он никак не мог понять, для чего же все-таки Александр стремится к войне с Францией и какая в том польза для России? Он прекрасно знал, каковы у русских союзники – они показали это еще во время походов Суворова. Теперь же демонстрировали равнодушие к русским, которые пришли их спасать.

Нелегко уловить тайные мысли любого агрессора, однако поступки Наполеона в тот период свидетельствуют скорее о том, что он действительно не хотел войны с Россией – ему и без того хватало дел в Европе, чтобы зариться на огромное пространство, в свое время поглотившее и дикие орды Востока, и многих европейских завоевателей.

Долгоруков вел себя заносчиво, всем видом показывая, с каким отвращением разговаривает с Наполеоном. Он высказался по поводу незаконного захвата Францией Голландии и по поводу бедственного положения Сардинского королевства, обманутого французами. Смешно было слышать, что такой великой державе, как Россия, могло быть дело до каких-то европейских стран, которые никогда ничего, кроме зла, ей не приносили. А сами между тем могли поместиться на территории одной только ее губернии. Удивительно было думать, что ради этих стран, даже о существовании которых совсем не известно русским крестьянам, эти русские крестьяне, сделанные солдатами, должны бить французских крестьян, тоже призванных в воинский строй.

Причем от этого взаимного избиения не было никакой пользы ни Наполеону, Франции и французскому народу, ни России и русскому народу.

Впрочем, если принять во внимания то новое, что стало известно о происхождении императора, известного нам под именем Александра Павловича, о его истинном рождении, воспитании, обучении, все станет на место. Эти битвы были нужны Англии, но никогда и никто бы не подумал, что Аустерлицкая бойня нужна Туманному Альбиону, ибо туманный Альбион умел прятать концы в воду.

Наполеон, не посвященный в тайны императора России, был крайне удивлен бестолковостью его целей и сказал Долгорукову: «России надобно следовать совсем другой политике и помышлять

о своих собственных выгодах».

Долгоруков демонстративно отвернулся, вскочил на коня и ускакал, не простившись, то есть презрев все нормы самого элементарного этикета. «Якобинская шайка» Александра постоянно удивляла всех непредсказуемостью своих поступков.

«Итак, будем драться!» – сказал вслед Долгорукову еще более удивленный император Франции.

Теперь Наполеон уже сам стремился к бою, видя, что русскими и австрийцами управляют взбалмошные дружки Александра, опирающиеся на столь же бестолковых в военном отношении австрийских начальников, коим всем вместе не только руководить армией или даже дивизией или хотя бы ротой доверять рискованно, но и пасти стало овец доверить опасно.

Наполеон ухмылялся вслед. Он знал, что все планы союзников в канун сражения будут у него на столе, потому что австрийцы, не умея воевать, очень хорошо умели торговать планами войн, кампаний и сражений, в коих им доводилось участвовать. Не случайно на требования высшего австрийского командования представить планы кампании 1799 года Суворов отправил в Вену тщательно опечатанный сургучными печатями чистый лист бумаги.

Между тем Долгоруков в возбуждении прискакал к Александру и воскликнул: «Наш успех несомненный. Стоит только пойти вперед, и неприятели отступят, как отступили они от Вишау…»

Кутузов по поводу сражения сказал свое твердое «нет». Он был убежден в бессмысленности и рискованности столкновения с Наполеоном в данной обстановке и при данном раскладе сил. Все ждали, что император отстранит его от командования. Но в тот миг, очевидно, что-то все же шевельнулось в голове Александра, и, возможно, именно в тот момент он и подумал о необходимости иметь подле себя того, кто на славу от победы претендовать не будет, а вот, случись неудача, покорно примет на свои плечи весь груз командования. Ну и свалить все можно будет на него, а самому выйти чистеньким – мол, не командовал, а только присутствовал, молод, горяч, а Кутузов опытен – мог и предостеречь…

В ночь на 20 ноября собрался военный совет, на котором генерал Вейротер стал излагать план, принятый им совместно с Александром и, как потом выяснилось, тут же переданный Наполеону. Французский император доподлинно знал диспозицию русских и австрийцев, знал время выхода колонн и порядок их движения, а потому заблаговременно подготовился к противодействию.

Кутузов был не в силах помешать, и он прибегнул к излюбленному приему – заснул во время чтения бестолковой, длинной и вызывающей раздражение нормального человека диспозиции.

Один лишь граф Ланжерон попытался задать несколько дельных вопросов: «А если неприятель нас упредит и атакует в Працене? Что будем делать? Этот вариант предусмотрен?»

Но и этот и другие вопросы остались без внимания.

Это был не военный совет – это была сущая пародия на военный совет, и недаром Лев Николаевич Толстой, как известно, хорошо разбирающийся в военном деле, изобразил его в своем романе «Война и мір» с достойным сего мероприятия сарказмом.

Кстати, Лев Толстой показал и то, что происходило у Наполеона, который, положив перед собою переданною от Вейротера диспозицию, использовал ее для постановки задач своим маршалам, прямо указывая, как и на какое действие русских реагировать.

Когда чтение диспозиции закончилось, генералов распустили, а Кутузова разбудили. Теперь предстояло перевести диспозицию на русский язык, а затем вручить начальникам колонн. Перевод завершили лишь к шести часам утра, так что диспозиция у Наполеона оказалась гораздо раньше, чем у наших частных начальников.

А что же делали после сего театрального представления император Александр и его друзья?

Долгоруков, к примеру, пребывал в особенном волнении. Он боялся, что французы сорвут триумф, но сорвут не своими активными действиями, а паническим бегством. Он несколько раз выезжал к аванпостам и интересовался поведением неприятеля. То, что французы убегать не собираются, его радовало. До утра он носился по аванпостам. А между тем к шести часам доставили в войска диспозицию, наконец-то переведенную. Теперь всю эту бестолковую австрийскую галиматью должны были изучить начальники колонн и довести до подчиненных. Но на это уже времени не оставалось, ибо начало действий было назначено на семь часов утра.

Долгожданным для императора Александра утром 20 ноября блестящая свита царедворцев появилась на поле предстоящего сражения, сверкая заслуженными на балах орденами и знаками отличия. Никто из этой свиты в бою не был ни разу. Александр выглядел помпезно, с торжественным видом он подъехал к колонне, при которой находился Кутузов, и тут же лицо исказилось от гнева: солдаты отдыхали.

Едва скрывая раздражение, император спросил сухо и резко:

«Михайло Ларионыч, почему не идете вперед?»

«Я поджидаю, чтобы все войска колонны собрались», – осторожно ответил Кутузов, который специально задержал колонну на Праценских высотах и хотел как-то завуалировать эту свою уловку.

«Ведь мы не на Царицынском лугу, где не начинают парада, пока не придут все полки», – сказал император.

Кутузов ответил:

«Государь, потому-то я и не начинаю, что мы не на Царицынском лугу. Впрочем, если прикажете!..»

Нетерпеливый Александр приказал немедленно идти вперед, под картечь неприятеля, ибо Наполеон уже все приготовил для встречи русских колонн.

Кутузов не стал объяснять того, чего никогда бы не смог понять император, полагавший, что вся тактика действий войск заключается в одних лишь парадах на упомянутом уже Царицынском лугу. Четвертая колонна, при которой был Кутузов, стояла на Праценских высотах. Их-то и не хотел покидать Кутузов, понимая, что они не только господствуют над полем, но и являются ключевыми для всей позиции. Они могли сыграть важнейшую роль в случае неудачи и помочь отвести беду. Говорить о том было совершенно бесполезно, ибо Александр и не думал о неудаче. Он прогнал Русские войска с высот на радость Наполеону, который еще накануне сказал, разумеется, с подачи маршала Бертье: «Если русские покинут Праценские высоты, они погибнут окончательно».

И вот Александр, считавший себя великим полководцем, сделал так, как того хотел противник. Бездарность и тщеславие? А может, сознательное истребление русских солдат, офицеров и генералов по заданию Англии? Доказательства, приведенные в труде Г.С. Гриневича о том, что Александр вовсе не Александр, а Симеон Великий, прошедший школу в Англии, ставят все на свое место. Уж больно трудно поверить в то, что император по наивности освобождает для противника выгодные позиции, которые тот немедленно и занимает. Ведь не то что генералу, каждому солдату совершенно ясно, что ключевые позиции должны быть оберегаемы на протяжении всего сражения. А в строю было немало еще солдат, которых учили по-суворовски: «каждый солдат должен знать свой маневр». А свой маневр невозможно знать, если не знаешь маневра своего соседа и справа и слева, если не понимаешь цели действий и задач всего подразделения.

Не заслуживает сражение того, чтобы говорить о нем много. Бездарный (это мягко говоря), а по сути преступный план

Александра, составленный совместно с Вейротером, тут же его и передавшим Наполеону, сделал сражение не сражением, а убийством, правда, убийством не императора, а его подданных.

Александр находился при четвертой колонне, когда упало несколько первых ядер. Одно разорвалось поблизости и осыпало его сырой уже в это время года землей. Свита разбежалась – каждый ускакал, куда кони понесли, ведь и кони у свиты в боях не бывали. Иные сподвижники императора были найдены и приведены в главную квартиру лишь к ночи, когда все уже закончилось. Александр оказался не храбрее других. Конь понес его прочь от грозной сечи, понес с такой скоростью, что уже в тылу, в кустарнике поскользнулся, уронил величавого седока, и тот, забившись в укромное место, закрыл лицо платком заливаясь слезами. Полководческой славы не получилось. Там его и нашли верноподданные генерал-адъютанты, с большим удовольствием рванувшие с поля боя на поиски императора.

Кутузов сильно переживал трагедию, переживал до конца дней своих. Спустя семь лет, когда он обратил наполеоновскую армию, по меткому выражению А.И. Михайловского-Данилевского, «в нестройные безоружные толпы одурелых людей», Кутузов заговорил об Аустерлице с офицерами, увидев брошенное ему под ноги французское знамя с надписью: «За победу под Аустерлицем»: «Господа! Вы молоды; переживете меня и будете слышать рассказы о наших войнах. После всего, что свершается теперь перед вашими глазами, одной выигранной победой или одной понесенной мною неудачей больше или меньше все равно для моей славы, но помните: я не виноват в Аустерлицком сражении».

Позор Аустерлица не был позором русского полководца и русских воинов. Этот позор должен был принять на себя лишь один человек – император, известный нам под именем Александра Первого.

Архипелагский подарок Западу

Освоение Средиземноморья было начато еще Екатериной Великой во время Русско-турецкой войны 1768–1774 годов, в ходе которой была проведена 1-я Архипелагская экспедиция и одержана блистательная победа в Чесменском сражении 1770 года. Правда, по Кучук-Кайнарджийскому мирному договору России пришлось отдать Османской империи все завоевания в Архипелаге, но взамен удалось получить Азов с его областью, Керчь и Эниколь (Феодосию) в Крыму, Кинбурн в устье Днепра. Кроме того, Россия приобрела степь между Днепром и Бугом, и что особенно важно, право свободного плавания по Черному морю и через Дарданеллы. Турция обязалась выплатить контрибуцию в 4,5 миллиона рублей. Очень важным достижением было то, что крымские татары получали независимость от Порты. Это явилось первым шагом по присоединению Крыма к России.

Освоение Средиземноморья продолжилось при императоре Павле I.

В феврале 1799 года Федор Федорович Ушаков взял блистательным штурмом остров Корфу, захваченный в 1797 году французами. Об этом острове Наполеон говорил: «Остров Корфу, Зонте и Кефалония имеют для нас большее значение, чем вся Италия». Россия вновь укрепила свои позиции в Средиземноморье, заняв стратегически важные пункты.

С каждым новым военным столкновением с Османской империей Россия все более утверждалась в Средиземноморье. То, о чем когда-то мечтали Екатерина Великая и Потемкин, сбывалось постепенно благодаря походам Федора Федоровича Ушакова в период царствования императора Павла Первого, правильно оценившего важность господства в Архипелаге, и теперь, в правление Александра Первого, хоть и не понимавшего важности укрепления позиций в Средиземноморье, но продолжавшего по инерции политику бабушки и отца в этом районе.

В ходе 2-й архипелагской экспедиции в вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина в 1806 году эти завоевания были упрочены овладением Каттарской областью, обеспечивающей возможность быстрого развертывания русских военно-морских и сухопутных сил в Архипелаге. В 1807 году в результате победоносного Дарданелльского сражения Сенявин наглухо запер вход в пролив Дарданеллы и фактически блокировал Константинополь.

Но далее произошли события, которые трудно укладываются

в представлении о чести и достоинстве руководителя державы. В июне 1807 годы Сенявин получил рескрипт императора Александра I передать все завоевания в Средиземноморье и возвратиться в Петербург. Этим предательским приказом были потрясены не только Сенявин и его офицеры и адмиралы, но и все местное население, которое стремилось встать под руку России. Каттарцы и многие другие народы Архипелага присягнули уже русскому императору.

Зачем же императору понадобилось делать такой подарок врагу России – Наполеону? Оказывается, и предательство единоверных народов и завоевания в Средиземноморье имели свою цену – император отдал их Наполеону за то, что тот вернул прусскому королю завоевания французов в Пруссии. За земли Пруссии, захваченные французами в ходе Русско-прусско-французской войны 1806–1807 годов, император рассчитался предательством стратегических интересов России и единоверных ей народов, а кроме того, и предательством героических русских моряков, которые вынуждены по его приказу были возвращаться в Россию маршрутом, на котором господствовал британский флот, имевший подавляющее численное преимущество. Эскадру Сенявину ожидал неравный смертельный бой, из которого вряд ли суждено было кому-то выйти живым – слишком велико было численное преимущество англичан. Внезапно налетевший шторм спас Русскую эскадру. Англичане потеряли ее, и Сенявину удалось дойти до Испанского порта. Там она вскоре была блокирована британцами. Только твердость и мужество Сенявина, его дипломатический талант помогли провести с англичанами переговоры таким образом, что эскадра была интернирована на почетных для русских моряков условиях.

Русские моряки, благодаря мужеству и отваге Сенявина, благодаря его дипломатическому мастерству, не спустили Андреевских флагов до тех пор, пока не были с почетом погружены на специально выделенные корабли для отправки в Россию.

Русские боевые корабли впоследствии Англия вернула России. Когда же Сенявин вернулся в Петербург, император не пожелал даже видеть его. Вскоре блистательному флотоводцу был предложен пост начальника Ревельского порта, с которого он отправился в свою блистательную экспедицию. Только после вступления на престол императора Николая Первого отважный адмирал был награжден по заслугам, а когда он ушел в лучший мир, Николай Павлович в знак особого уважения лично командовал почетным экскортом при погребении. В то же самое время Россия по воле того, кто воссел на престол под именем

Александра Первого, утратила Русскую Америку. Аляска была утрачена позднее – Александром Вторым.

Венские победы Благословенного

И все же, несмотря на позор Аустерлица, преступное назначение главнокомандующим русской армией, действовавшей в Польше и Восточной Пруссии в защиту Пруссии, убийцы Павла Первого барона Беннигсена, Благословенному приятно было выглядеть самым могущественным из европейских правителей. Ведь именно Русская армия сломала хребет наполеоновской банде, и все, кто метался между Франций и Россией, кто вместе с Наполеоном ходил в бандитский поход 1812 года, теперь встали на сторону России, победившей грозу Европы.

Европа еще не успела оправиться от униженного положения, еще не сплела интриги, которые в конце концов привели к тому, что Россия ничего не получила от своих великих побед – собственно, русские солдаты сражались за то, чтобы враг не топтал Русскую землю, и не думали о политике. Ну а у Благословенного были в Вене дела поважнее. Западные чиновники едва успевали протоколировать похождения Благословенного.

А он устраивал балы, которые по богатству и пышности были недосягаемы для европейских монархов не только в период, когда они несколько обеднели от многолетнего наполеоновского грабежа, но и в былые времена вряд ли могли бы сравниться в роскоши.

В пышности он превзошел всех, осталось превзойти в делах любовных. Первой своей «жертвой» для утех любовных он избрал признанную красавицу графиню Юлию Зичи. На конгрессе все решили: «Русский Царь влюблен, Русский Царь потерял голову!»

Но сразу после этой первой победы он избрал очередную даму, на сей раз вдову князя Петра Ивановича Багратиона, смертельно раненного на Бородинском поле. В Вене ее называли «русской Андромедой».

Венская полиция не спускала глаз с царя. Собирали факты, которые могли пригодиться в политике. И вот осведомитель донес: «Царь объявил княгине Багратион, что приедет к ней, назначил час и предупредил, что хочет застать ее одну».

Своими непредсказуемыми увлечениями Благословенный путал карты венских красавиц, раздувал тлевшие угольки ревности и интриг, превращая их в костры. Княгиня Екатерина Павловна Багратион уже предвкушала победу над герцогиней Саган. Наконец представилась возможность отомстить той, к которой ушел от нее Меттерних. Это разрушало планы венского двора. Венские политики надеялись, что возникнет полезная для

Австрии связь Благословенного с герцогиней Саган. А тут княгиня, да с такой громкой фамилией – Багратион. Собственно, она, выданная замуж за князя Петра Ивановича почти насильно, вскоре оставила его и еще до войны уехала в Вену, где, по словам острословов, сделала «из своей кареты как бы второе отечество».

Гете оставил о ней такой отзыв: «При своей красоте и привлекательности она собрала вокруг себя замечательное общество».

Он познакомился с нею в Карлсбаде в 1807 году. Она приехала туда после романа с прусским принцем Людвигом. Принц вскоре погиб в битве с французскими войсками.

Сын знаменитого Екатерининского посланника в Османской империи, заключенного в августе 1787 году в Семибашенный замок, русский дипломат, сенатор, московский почт-директор Арсений Яковлевич Булгаков, называл княгиню Багратион «венской белой бабкой». Он писал:

«Милая женщина. Не удивляюсь, что ее дом приятен и что все к ней ездят. На это одних денег не довольно, надобно уменье, любезность, ловкость княгини».

Когда ею увлекся Благословенный, ей было около тридцати лет, но выглядела она на пятнадцать…

А.Б. Куракин заметил: «Совершенно справедливо, что она делает безумные издержки, которым все удивляются и смеются. Она держит открытый дом и дает праздники, не будучи к тому принуждена, и никто ей за это не благодарен».

Княгиня Мелания Меттерних с ревностью записала в дневнике: «Ее туалеты и экипажи отличаются неслыханною оригинальностью».

Именно под влиянием министра иностранных дел Австрии Клеменса фон Меттерниха гостиная ее сделалась салоном ее политических единомышленников, ненавистников Наполеона и противников французского влияния в Вене. В гостях у нее бывали принц де-Линь, известный нам по описаниям путешествия Екатерины Великой по Новороссии и Крыму, знаменитая французская писательница мадам де Сталь, Шарль-Андре Поццо-ди-Борго, корсиканец, знаменитый тем, что, будучи родственником Наполеона, явился его кровным врагом с борьбе за независимость Корсики…

Именно княгиня дала бал в честь Благословенного…

Благословенный признался ей, что едва сумел отделаться от буквально преследовавшей его герцогини: «Сделано было невозможное, чтобы заставить меня быть к ней благосклонным. Ее даже посадили со мной в карету. Но все это было тщетным. Я люблю чувственные удовольствия – но от женщины я требую и

ума».

Роман, казалось, был в разгаре, но в тот же вечер, когда Благословенный пробыл в гостях у княгини до двух часов ночи, что отметила венская полиция, он отправил Волконского к новой пассии.

Не обходилось и без курьезов. Одна именитая дама долго добивалась благосклонности Благословенного. Наконец, он, узнав, что ее муж уехал на охоту, дал согласие посетить ее. Она тут же прислала список гостей, чтобы он вычеркнул из него всех, кого бы не хотел у нее видеть. Благословенный вычеркнул всех и вписал только ее имя. И вот наступил вечер. Один, в сопровождении кучера отправился в гости. Он ждал очередной победы…

И вот двери распахнулись, он вошел и… был поражен – дама встречала его вместе со своим супругом. Не знал Благословенный, что дама, получив известие о визите, на радостях вызвала мужа… Посидев для приличия не более десяти минут, обманутый в своих надеждах царственный донжуан откланялся.

София Привалихина пишет о том, какие впечатления оставил по себе Благословенный во время пребывания в Вене: «Александр предстает в воспоминаниях некоторых очевидцев Конгресса больше не как политик, а как мужчина, чья главная задача в Вене в 1814–1815 годах была соблазнить как можно больше женщин. Если верить всему написанному, то за 7-месячный период нахождения в Вене он имел дюжину любовниц. Среди них: княгиня Эстерхази, графиня Зихи, княгиня Ауэрсперг, графиня Секени, герцогиня де Саган, вдова погибшего в сражении при Бородино русского полководца Петра Багратиона княгиня Багратион, графиня Вбрна, Мария Нарышкина et cetera.

Русскому императору приписывали даже любовные связи с женщинами легкого поведения. В то же время царь Александр, если верить мемуаристам, полицейским протоколам, газетам, всем устным и письменным сплетням, совершенно пренебрег женой. Удивительно, но о плохих отношениях Александра и Елизаветы брались уверенно говорить даже те, кто мог об отношениях монарших супругов только читать…

В анонимных полицейских сводках города Вены Александра называли «фальшивым и лгуном», а также «двуличным, фальшивым, слабым человеком, плохим другом и плохим врагом». Про Александра запустили сплетни, что он, находясь в своей резиденции, якобы поспорил с графиней Вбрна о том, кто быстрее сможет переодеться, мужчина или женщина. Графиня и император удалились в разные комнаты. Графиня Вбрна вышла из

своей комнаты первой. Она выиграла этот спор. Полицейские протоколы комментировали это так: «императорский дворец служит русскому царю борделем».

Писатель Игорь Муромов в книге «100 великих любовников» пишет о Благословенном: «Не гнушался он и дам более скромного происхождения. Госпожи Шварц и Шмидт, жены петербургских немцев, прибыли в Вену. Обе его бывшие любовницы, и обе в Вене возобновили связь с Царем, чем вызывали всеобщее негодование. Отметим, что Мария Антоновна тоже была в Вене во время конгресса и связи с нею Александр Павлович вовсе не порывал. В Вене была и жена, царица Елизавета. Царицу жалели, и венский свет весьма неодобрительно отнесся к тому, что Александр Павлович заставил ее пойти на бал к княгине Багратион. Впрочем, хоть Елизавета и имела право почитать себя жертвой крайне легкомысленного супруга, она все же не была лишена некоторого утешения, ибо в Вене вновь встретила князя Адама Чарторыйского, и прежняя идиллия на миг между ними возобновилась…

‹…› В Мальмезоне, в 1814 году, царь обворожил своей любезностью всеми покинутую императрицу Жозефину. Известно, что она умерла от простуды, схваченной ночью в парке, где она гуляла под руку с Александром Павловичем.

Русская гвардия воздала почести праху бывшей жены Наполеона, чьей последней земной радостью была дружба с Русским Царем. В это же время Александр сблизился с ее дочерью, королевой Гортензией. Посещал ее часто, подолгу беседовал с ней. Победив Наполеона, восстановив на престоле Людовика XVIII, всячески подчеркивал свое расположение к семье императора и к его сподвижникам.

Между тем царю случалось ухаживать и за горничными…»

Но что же с Елизаветой Алексеевной, как с ней развивались отношения?

То, что у такой цельной натуры, у Елизаветы Алексеевны, были любовники, говорит в пользу версии Геннадия Гриневича. Я употребил слово «версия», хотя, если прочесть его книгу и разобраться вместе с ним в тайнописях, по его методике расшифровки, сомнений не останется, что все это истина.

Биограф пишет: «Александр ее так и не полюбил. Да, они оставались добрыми друзьями, и Александр Павлович даже дважды “прикрыл грех” своей жены, когда она сначала стала любовницей его друга Адама Чарторыйского и родила от него дочь Марию, потом – пережила страстную любовь с кавалергардом Алексеем Охотниковым и родила от него дочь Елизавету. Обеих девочек Александр признал своими и, кажется,

любил как родных…»

Так и не полюбил… Здесь автор, возможно, до какой-то степени интуитивно говорит об очень важном. Александр Павлович очень любил Елизавету – тому немало подтверждений. Так и не полюбил ее тот, кто прежде не любил, то есть… Симеон Афанасьевич Великий. И вот тут все становится на место. Они действительно могли сделаться друзьями, действительно он мог признать своими ее дочерей. Тем более у него была любовь, которую он пронес почти через всю жизнь – любовь к Марии Нарышкиной. Биограф и здесь говорит важную вещь: «Но одна – Мария Нарышкина – стала постоянной. Практически его второй женой. И она рожала ему детей…»

Ну и то, что тот, кого мы знаем под именем императора Александра I, и Елизавета Алексеевна все-таки повернулись друг к другу в конце царствования, вполне объяснимо – они были пострадавшими во всей этой истории, не ими затеянной. Они вынуждены были идти по жизни рядом, даже тогда, когда сердца их противились этому. А между тем время шло, Охотников был убит, ну а чувства к Нарышкиной истаяли. Во всяком случае, многие свидетельства указывают на то, что, к примеру, во время путешествия на юг, особенно в период жизни в Таганроге, ничто не говорило о том, что у императора и императрицы отсутствуют взаимные чувства.

Что же произошло?

Некоторые биографы полагают, что Нарышкиной наскучила роль любовницы. Видя, что император мало интересуется своей супругой, она решила в конце концов попробовать воспользоваться этим и потребовала, чтобы он порвал с Елизаветой официально и женился на ней.

И вот тогда настала пора императору по-иному взглянуть на свою жизнь. Ведь все эти годы он полностью не порывал с Елизаветой, хотя не только не ревновал ее, но даже, как считают некоторые исследователи, был инициатором ее первой ему измены с его же другом Адамом Чарторыйским. И в то же время он понимал, что Елизавета душою предана ему, а ее увлечения если и были, то лишь от отчаяния.

«Вы не умрете! Мы едем в Таганрог!»

С годами Благословенный менялся…

Пожалуй, по-настоящему он оценил свою жену только незадолго до смерти, когда было уже слишком поздно, чтобы сделать ее счастливой.

В конце своего царствования он резко переменил свое отношение к жене и прервал волокитство за другими женщинами. У Елизаветы же несколько пошатнулось здоровье. Он предложил немедленно ехать в Италию на лечение, причем сам собирался везти ее туда.

Елизавета ответила:

– Я хочу умереть в России!

– Нет, Вы не умрете! Вы еще молоды! – возразил император. – Мы едем в Таганрог – там прекрасный климат!

В Таганроге был срочно подготовлен дворец. И императорская чета отправилась туда. Им суждено было два месяца счастья. Счастья семейной жизни, счастья в любви, которого они, быть может, в такой мере не видели еще в своей жизни.

Елизавета быстро пошла на поправку. Они почти не расставались. И лишь однажды император совершил небольшую поездку, из которой вернулся больным.

О болезни его написано много, причем само состояние императора трактуется по-разному. Болезнь болезни рознь. Была ли это смертная болезнь или обычное заболевание. И вообще, откуда взялась эта болезнь? Ведь ничто не предвещало ее. Все было похоже на инсценировку. Быть может, вот эти два месяца необыкновенного счастья дали понять и императору и его супруге, что счастье в столице, где на них лежат огромные обязанности, где они подчинены законам, которые обязаны исполнять в точности, хотят того или не хотят, несмотря на свое высокое положение. Там они заложники этого своего положения. К чему же они пришли? К какому решению?

Биографы привычно говорят, что император умер на руках у жены, шепча слова любви. Но умер ли?

Тем не менее о смерти было объявлено… Произошли события, которые до основания сотрясли Россию. Россия устояла лишь благодаря мудрому решению императора, принятому и узаконенному заранее – он завещал передать престол великому князю Николаю Павловичу. По преданию, так ему повелел сделать святой праведный Серафим Саровский, которого он посетил незадолго до поездки в Таганрог.

Между тем полагалось организовать похороны, так как подобает. Цинковый гроб отправили в столицу.

И тут новая загадка – Елизавета Алексеевна на похоронах не присутствовала, поскольку снова заболела. Лишь четыре месяца спустя она выехала из Таганрога, но не смогла преодолеть весь путь и сделала остановку в Белеве Тульской губернии. И в столицу отправился еще один «запаянный гроб». Известно, что никто из ближайших родственников мертвой Елизавету Алексеевну не видел…

А потом пошли слухи, что император не умер в Таганроге, а ушел странствовать. Чуть позже то же самое стали говорить и о Елизавете Алексеевне. А в 30-е годы в Сибири появился загадочный старец Федор Кузьмич, а в 1983 году в Валдайском остроге на допрос к следователю привели неизвестную, которая звалась Верою, но скрывала свое происхождение, хотя все выдавало в ней происхождение не простое. Да и сама она загадочно ответила следователю на вопрос, кто же все-таки она: «Если судить по небесному, то я – прах земли, а если по земному, то я – выше тебя!»

Интересно, что первое официальное известие о сибирском старце Федоре Кузьмиче относится к 1836 году. 4 сентября в Кленовской волости Красноуфимского уезда Пермской губернии появился весьма подозрительный человек. Он ехал в телеге и остановился у кузницы, чтобы подковать лошадь. Кузнец был удивлен поведением этого странника, он показался ему подозрительным. Потихоньку дал знать властям. Странника схватили, допросили. Но он ничего не пожелал о себе рассказывать. Правда, назвался шестидесятилетним Федором Кузьмичом Кузьминым. Фамилию эту назвал в первый и последний раз. Далее он уже звался лишь по имени и отчеству. Не желая подвергать положенному за бродяжничество наказанию, пытались уговорить открыться, откуда он и кто, но тщетно. Тогда после наказания – 20 плетей – его сослали в Сибирь. Удивительно то, что и внешностью и ростом, и своими манерами, и даже некоторыми физическими недугами он полностью походил на императора, правившего в России с 1801 по 1825 год. В книге «Житие преподобного Авеля-прорицателя» говорится: «Император еще задолго до своего удаления в Таганрог не чувствовал себя счастливым на престоле, тяготился своим положением и все чаще и чаще возвращался к мысли, запавшей еще в юную впечатлительную душу его. А тут как раз открывшийся заговор, угрожавший и спокойствию России, и личной безопасности Государя. Если сюда прибавить тяжелые воспоминания о трагической кончине отца, то и все это, вместе взятое, не могло

не подействовать на впечатлительную, мистически настроенную душу Государя, и нет ничего невероятного, с точки зрения психологической, что он исполнил свое давнишнее намерение, оставил престол и удалился. Но удалился он не в “какой-нибудь уголок Европы, чтобы безмятежно наслаждаться добром, утвержденным в Отечестве”, а в далекую, холодную, неприютную Сибирь, чтобы долгим тяжелым подвигом добровольного отшельничества искупить свои вольные и невольные прегрешения. Невольно приходят на память слова, сказанные Государем после вторжения в Россию Наполеона: “Я отращу себе бороду и лучше соглашусь питаться хлебом в недрах Сибири, нежели подпишу стыд моего Отечества и добрых моих подданных”».

Таковы психологические основания тождественности императора Александра и сибирского старца Федора Кузьмича.

В высокой степени интересные соображения привел некто Д.Д. в статье «Одна из последних легенд», помещенной в Саратовской газете «Волга» от 25 июля 1907 года. Статья эта цитируется по вышеупомянутой книге. Господин Д.Д., с детства знакомый с легендой о Федоре Кузьмиче, много думал о ней, собирал на месте сведения, спрашивал современников события. «Из всего этого, – пишет г. Д.Д. – я вынес глубокое убеждение, что без признания этой легенды невозможно нарисовать духовный образ Императора Александра Павловича, что этой именно легендой вполне объясняется и исчерпывается та двойственность личности, какая признана всеми историками, бросалась в глаза всем современникам, и толковалась вкривь и вкось всеми, кого поражала эта невообразимая смесь скрытности и искренности, величия и унижения, гордости и скромности, шума и тишины, вспышек характера и устойчивости, царственного величия и сознания ничтожности.

Только глубокий разлад с самим собою, только затаенное, не могущее быть высказанным кому бы то ни было горе, несчастье, только сознание вольной или невольной, но какой-то ужасной вины могут быть объяснены и приведенной легендой, и теми легендарными мотивами, какие я в молодости слышал на юге от лиц – современников царствования и смерти Александра Благословенного.

Большая, мятущаяся душа, сознавшая и свой и мировой грех, великая душа могла найти прощение и утешение только именно таким искусом. Но не один Благословенный старец страдал. Его страдания отразились известным образом на его душе. Те же страдания иных отразились, но отразились сильно на другой тоже не мелкой, но трагической личности – его брате Константине

Павловиче. «Я б никогда не хотел царствовать, – говорил он. – Бедный Государь!»

Цесаревич Константин Павлович искренне любил своего отца. Он, проделавший с Победоносцем Российских Войск Генералиссимусом Суворовым весь Итальянский поход и в награду за то получивший титул цесаревича, думал как императорский солдат, как верный сын России. Оба они отказались от власти; гроза, прошедшая в молодости, не сломила этих двух гигантов, не подорвала их корни, но поставила перед их духовным взором нечто страшное, великое, вечное…

В книге далее написано: «Я давно уже признаю эту легенду историческим фактом. Я давно уже горжусь тем, что Русская история дала такого необыкновенного Царя, такую страшную мощь духовной силы. И я убежден, что таким мог быть только Русский Царь. Еще одна черта – чисто Русская, народная, о которой в данной «легенде» никто до сих пор не думал. Ведь старец Федор Кузьмич добровольно пострадал. Вспомните великого Достоевского, вспомните его анализ стремления Русской души пострадать: Христос страдал – и я должен пострадать, и непременно физически пострадать, перенеся человеческие унижения и боль. Вспомните, ведь старец Федор Кузьмич принял звание не Христа ради юродивого, не в схиму постригся, что было и возможно, и легко, и безопасно со стороны тайны, – нет, он назвался непомнящим родства, упорным беспаспортным, беглым и бродягою по тогдашнему определению, принял наказание плетьми и был послан на поселение».

Князь Н.С. Голицын, первым записавший народную легенду о таинственном сибирском отшельнике, объясняет причину ее появления тем обстоятельством, что Федор Кузьмич по наружности имел большое сходство с императором Александром Первым. Вот, что писал он в ноябрьском выпуске «Русской Старины» за 1800 год: «Однажды, в 60-х годах, один приятель мой, которого я навестил, показал мне небольшую фотографическую карточку, говоря: “Посмотрите, не найдете ли сходства с кем-нибудь вам известным?” Смотрю – вижу: великого роста и благолепного вида старец, почти с обнаженною от волос головою, в белой крестьянской рубахе, опоясанный поясом, стоящий среди крестьянской хижины. Лицо – прекрасное, кроткое, величественное; никакого сходства ни с кем припомнить не могу. Наконец, приятель мой спрашивает меня: “Не находите ли сходства с Императором Александром Павловичем?” Я крайне удивился, начал пристально всматриваться и, точно, стал понемногу находить некоторое сходство и в чертах лица, и в росте. Но я недоумевал, что значили эти борода, одежда, хижина.

Тогда приятель и рассказал мне распространенную в Сибири легенду об Императоре Александре Павловиче, скрывшемся, будто бы, от мирской суеты в образе отшельника Федора Кузьмича».

В книге «Житие преподобного Авеля-прорицателя» далее говорится: «В Императорской публичной библиотеке есть превосходный, во весь рост портрет Императора Александра Благословенного. Изображение Императора на этом портрете имеет поразительное сходство с изображением Федора Кузьмича».

Указывают затем на портрет Александра Первого, имеющийся в Московском коммерческом училище, и также весьма схожий с карточкой старца. На этом портрете даже поза (одна рука, левая, заложена за пояс, другая – на груди) та же самая, что на портрете Федора Кузьмича.

Конечно, одно сходство императора Александра Благословенного с таинственным сибирским отшельником еще ничего не доказывает: сходство это могло быть чисто случайным. Но совершенно иную ценность приобретает оно в связи с другими обстоятельствами, могущими дать повод возникновения «легенды».

Последние дни царствования императора Александра Первого, начиная с его отъезда из Петербурга в последнее путешествие в Таганрог, и обстоятельства, непосредственно предшествовавшие 19 ноября 1825 года, заключают в себе много необъяснимого, загадочного, таинственного.

Эти факты можно найти в «Житие преподобного Авеля-прорицателя», а также в книге Н.К. Шильдера «Император Александр Первый, его жизнь и царствование», в книге И.А. Галактионова «Император Александр Первый и его царствование» и ряде других изданий. Все они впервые увидели свет еще до революции и затем были переизданы в конце XX века.

Федор Кузьмич после наказания плетьми был выслан из Красноуфимска на поселение в Сибирь, в Томскую губернию, близ города Ачинска, и приписан к деревне Зерцалы Боготольской волости, куда и прибыл с 43-ю партией 26 марта 1837 года.

О Федоре Кузьмиче написано уже достаточно много. Известно, что умер он в Томске 20 января 1864 года в возрасте 87 лет. Как помним, Александр Первый родился в 1777 году, стало быть, в 1864 году ему было бы 87 лет!

Мы не будем касаться общеизвестных фактов, многократно изложенных в книгах. Процитируем лишь те, которые имеют прямое отношение к теме и цели повествования: «Вообще знание петербургской придворной жизни и этикета, а также событий

начала нынешнего (XIX) и конца прошлого (XVIII) столетия старец Федор Кузьмич обнаруживал необычайное; знал всех государственных деятелей и высказывал иногда довольно верные характеристики их. С большим благоговением отзывался он о митрополите Филарете, архимандрите Фотии и других. Рассказывал об Аракчееве, его военных поселениях (поселения эти были задуманы самим императором. – *Н.Ш.*), о его деятельности, вспоминал о Суворове, Кутузове и пр. Про Кутузова говорил, что он был великий полководец, и Александр завидовал ему. Все подобные воспоминания и суждения о людях имели характер… объективный, в силу чего неразвитый народ приписывал ему какую-то возвышенную способность смотреть на вещи с какой-то необыкновенной, непонятной для них точки зрения.

Замечательно, что Федор Кузьмич никогда не упоминал об императоре Павле I и не касался характеристики Александра Павловича. Только события, тесно связанные с именем императора, неизбежно должны были вызвать в нем некоторые суждения. «Когда французы подходили к Москве, – рассказывал Федор Кузьмич, – Император припал к мощам Сергия Радонежского и долго со слезами молился этому угоднику. В это время он услышал: “Иди, Государь, дай полную волю Кутузову, да поможет Бог изгнать из Москвы Французов!.. Как фараон погряз в Черном море, так и французы на Березовой реке”».

«Когда Государь, – рассказывал в другой раз старец, – ехал из Парижа, купцы устлали дорогу сукном, а купчихи разными богатыми шалями, и ему это очень нравилось».

Или вот еще такой факт приведен Г. Василичем: «Оставляя… навсегда селение Зерцалы, Федор Кузьмич… пригласил несколько крестьян в часовню и, по окончании молебна, поставил в эту часовню раскрашенный разноцветными красками вензель, изображавший букву “А”, с короною над нею и летящим голубом. “Храните этот вензель пуще своего глаза”, – сказал он при этом зерцаловским крестьянам…»

Известно, что Федор Кузьмич очень тяготился множившейся с каждым днем своею популярностью и вынужден был часто менять свое место жительства. Но люди быстро находили его на новом месте. «Обстановка всех его маленьких келий указывала на крайнюю неприхотливость хозяина. Жесткая постель, две или три скамейки и небольшой столик – составляли всю его мебель. В правом углу висело несколько образов: Печерской Божьей Матери, маленький образок Александра Невского и др.».

И.А. Галактионов в книге «Император Александр Первый и его царствование» рассказал: «За два дня до отъезда (в Таганрог),

Государь отправился на молебствие в Александро-Невскую Лавру, в сопровождении великих князей Николая и Михаила Павловичей и высших государственных сановников. В Лавре его ожидало все высшее столичное духовенство. После литургии Государь пошел завтракать к митрополиту Серафиму и здесь, отозвав его в сторону, сказал шепотом: “Прошу вас отслужить для меня панихиду, которую желаю отслушать перед отъездом в южные губернии”. “Панихиду?” – спросил удивленный Митрополит. “Да, – ответил Государь и тяжело вздохнул. – Отправляясь куда-либо, я обыкновенно приношу молитву в Казанском соборе, но настоящее мое путешествие не похоже на прежние… И к тому же здесь почивают мои малолетние дочери и вблизи отсюда столь же дорогая мне… Да будет мой путь под кровом этих ангелов”. Перед выездом из Петербурга Государь остановился у заставы, привстав с коляски, и, обратившись назад, в задумчивости несколько минут глядел на город, как бы прощаясь с ним…»

Биограф русских императоров Н.К. Шильдер описание расставания императора со столицей заканчивает такими словами: «Было ли то грустное предчувствие, навеянное встречею со схимником, была ли то твердая решимость не возвращаться Императором, кто может решить этот загадочный вопрос».

В книге «Житие преподобного Авеля-прорицателя» это комментируется следующим образом: «Если можно объяснить предчувствием горячую молитву Императора перед отъездом, если тем же объясняется его трогательное расставание с Петербургом, когда он “привстал в коляске и несколько минут глядел на город, как бы прощаясь с ним”, то таинственная ночная панихида, ночное же молебствие в Александро-Невской Лавре, произнесенные Государем слова, что “стоящее мое путешествие не похоже на прежнее” – указывают на преднамеренность. Все это наводит на мысль, что Император замыслил что-то важное, о чем не хотел, чтобы не только знали, но и подозревали другие, что должно было сохраниться в строжайшей тайне. И не было ли, действительно, это важное намерение – “твердою решимостью не возвращаться Императором”?»

«Пораженный за грехи свои грустью и печалью раскаяния, тот, кого мы знаем под именем Александра Первого, был исцелен долгим подвижничеством и усердною молитвою, дарованной ему Всемогущим и Всемилостивым Богом. Он окончил жизнь свою, когда все нераскаянные убийцы, все злодеи-нелюди ушли в небытие, ибо «никакой человекоубийца не имеет жизни вечной, в нем пребывающей». У него не было выбора, ибо по Указу Павла Первого, как по священному закону, русский государь не имел права отречься от престола, от своей, по словам И.А. Ильина,

«религиозно-священной, монархической и династической обязанности блюсти престол, властно править, спасать свой народ в час величайшей опасности и возвращать его на путь верности, ответственности и повиновения своему законному Государю». Не имея права на отречение, Александр Павлович воспользовался правом на смерть, но как Православный, он имел и здесь право лишь на мнимую смерть, о чем и говорил Авель-прорицатель Павлу Петровичу, отвечая на вопрос о судьбе династии.

«По делам их и воздастся им»

Александр Павлович получил воздаяние не без воли Божией, на что указывают знамения, случившиеся в момент его ухода с престола русских царей.

В книге великого князя Николая Михайловича есть такой рассказ: «В одну ночь, в октябре, многие жители Таганрога видели над дворцом две звезды следующим порядком: сначала они были одна от другой в дальнем расстоянии, потом соединились и опять до трех раз расходились, после чего из одной звезды сделался голубь, сел на вторую звезду, но через короткое время упал, и его не стало видно. Затем и вторая звезда постепенно исчезла.

Кроме того, в Петербурге с 1 сентября по 1 ноября была видна темная комета, лучи которой простирались вверх на большое пространство; потом заметили, что она летала, и лучи ее простирались к западу. «Знаешь ли, что она предвещает?» – спросил государь у своего кучера. «Бедствие и горесть», – ответил кучер. Помолчав, государь прибавил: «Так Богу угодно».

Фразу «Так Богу угодно» часто повторял старец Федор Кузьмич…

Легенда о старце Федоре Кузьмиче была довольно известной в Росси. Но что весьма примечательно, историки, подвластные ордену Русской Интеллигенции (О.Р.И.), либо вовсе не замечали ее, в то же время охотно рассказывая о смерти Александра I в Таганроге, о восстании на Сенатской площади и о подавлении его.

Снова обратимся к книге Гриневича: «Известно, что Федор Кузьмич находился в постоянной переписке с Императором Николаем Павловичем, о нем в свое время докладывала правительственная комиссия, и мы с большой долей вероятности можем предположить, что “Тайны” были адресованы именно Николаю Первому, но по каким-то причинам так и не были отправлены адресату.

Содержание рассматриваемого текста хорошо согласуется с содержанием крестовой криптограммы второй “Тайны”, в которой Федор Кузьмич утверждает, что он Император Александр, но имя его Симеон Великий. В данном тексте он подтверждает это, утверждая, что его отчество Афанасьевич.

Примечательны и слова “…новое вас злословие…” или “хула”, то есть осуждение, неодобрение, связанное, надо полагать, с тем, что Александр Первый оставил престол и подался в бродяги. Но если имеет место “новое” одобрение, значит, было

и “старое”, связанное, скорее всего, с попустительством Павловичей, допустивших на трон не имеющего на это права Симеона Великого.

Ну и, конечно, совершенным для нас откровением стали строки о том, что Павловичи, то есть дети Императора Павла Первого и императрицы Марии Федоровны, законные наследники престола, были в курсе всех обстоятельств, связанных с Симеоном, но считали за благо “не разглашать”, что на протяжении почти четверти века Империей правил Лжеалександр I. Видимо, на то были причины».

И еще один важный факт сообщается в книге.

«Федора Кузьмича похоронили в Томском Алексеевском мужском монастыре и через некоторое время над его могилой воздвигли часовню. В строительстве часовни активное участие принимал член Государственного Совета, действительный тайный советник М.Н. Галкин-Врасский. Не без его, надо полагать, ведома в часовне появилась мраморная доска с надписью:

“Здесь погребено тело Великого Благословенного старца Федора Кузьмича, скончавшегося 20 января 1864 года”».

Историки, не признававшие легенду об уходе в старчество императора, а тем более наверняка не признавшие открытия Гриневича, тем не менее так и не смогли ответить на вопрос, каким образом сибирский старец Федор Кузьмич мог знать графа Дмитрия Ерофеевича Остен-Сакена, который жил в своем имении Прилуки Киевской губернии. А ведь он знал графа настолько хорошо, что даже послал к нему свою воспитанницу Александру Никифоровну. Граф принял ее как родную и сделал для нее все, о чем просил старец.

Оказывается, Д.Е. Остен-Сакен был женат на дочери генерал-майора И.М. Ушакова. К роду этих Ушаковых принадлежала и Софья Степановна Чарторыжская – мать Симеона Великого. Удивительно и то, что шкатулка с письмами от старца была украдена из дома Остен-Сакена во время его отъезда. Обычно в том или ином роду детей называют традиционными именами – так вот в роду Ушаковых преобладали и Федоры, и Кузьмичи, и был даже среди них один Федор Кузьмич.

Мы уже говорили о том, что отношения между Благословенным и Елизаветой Алексеевной в двадцатые годы значительно улучшились. И вдруг Елизавета Алексеевна написала своей матери маркграфине Баденской такое письмо: «Где убежище в этой жизни? Когда вы думаете, что все устроили к лучшему и можете вкусить этого лучшего, является новое неожиданное испытание, которое отнимает от вас возможность наслаждаться окружающим».

Очень подозрительно и то, что император Николай Павлович сжег многие документы, касающиеся державного брата и дневник своей матери Марии Федоровны. Что он скрывал? «Когда Афанасьевичи молчат, Павловичи не разглашают?»

Что касается книги «Император Александр Первый и старец Феодор Кузьмич», репринтное издание которой выпустило издательство «Современник» в 1991 году, то некто Г. Василич (скорее всего псевдоним), издавший ее до революции, по крайней мере четырьмя изданиями, из кожи лез вон, чтобы доказать нетождественность императора и старца. Мало того, он оклеветал архимандрита Фотия, без всяких оснований объявив его чуть не умалишенным. Фанатичную ненависть Г. Василича вызвало то, что после встречи с архимандритом Фотием император нанес удар по тайным обществам и прочим темным силам, разрушающим Самодержавие.

Идеологи О.Р.И. не могли допустить показа духовного очищения и обновления государя, со временем отбросившего либеральные идеи и обратившегося к основам русского государственного строительства – к самодержавию. В каждом русском заложена монархическая жилка. Заложена она была и в том, кого мы знаем под именем Александра Первого, немало испытавшем в своей жизни горя и боли. Его любимые дочери ушли из жизни в раннем возрасте, ему не дал Бог наследника, которому бы мог он передать престол. Но дал Прозрение и направил на Путь к Истине. И не мог уйти русский император в мир иной с нераскаянными грехами. Только подвижническая жизнь могла очистить его душу. И почему-то никто из светских биографов не пожелал обратить внимания на духовные источники, на то, что прорицал Вещий Авель: «Но невмоготу станет ему скорбь тайная, и тяжек покажется ему венец царский, и подвиг царского служения заменит он подвигом поста и молитвы, и праведным будет на очех Божиих».

По-другому и не мог окончить свой земной путь русский император.

И вот, что значилось в тайнописях Федора Кузьмича, расшифрованных Г.С. Гриневичем: «…Мое зло двойное: Император Александр – я, Симеон Великий. Я тьмы приверженец, суть злодей. Имя Первый – отсеку. Тайно наделю властью и силой Симеона – дурную главную ветвь».

«По небесному я – прах земли, по земному я – выше тебя!»

Теперь несколько слов о судьбе Елизаветы Алексеевны.

Роберт Тальсон писал: «Валдайский острог. 1838 год. Следователь допрашивает только что привезенную женщину, которую полиция сочла подозрительной. На ней оборванная одежда, но женщина совсем не походит на нищенку. Документов при ней не нашли. Прохожий сказал, что ее зовут Вера.

– Кто ты? – спрашивает следователь…

– Если судить по небесному, то я – прах земли, а если по земному, то я – выше тебя!

Больше ни на один вопрос женщина не ответила. Последующие двадцать три года она прожила, приняв обед молчания. Ее последние слова, записанные в тюремной книге, остались неразгаданными. Была ли сибирская нищенка Вера Александрова великой княжной Елизаветой Алексеевной, женой Александра Первого?»

Удивительно то, что и старец Федор Кузьмич и Вера Молчальница заявили о себе хоть и в разных краях, но примерно в одно и то же время. Но ведь с ноября 1825 года прошло более десяти лет. Как тут не вспомнить о мечтах Благословенного посетить святые места, о чем он не раз говорил в последние годы царствования?!

И вот появляются совершенно удивительные личности, появляются совершено из неоткуда. И Он, и Она великолепно воспитаны, и Он, и Она не могут скрыть при всем желании свою принадлежность к высшему свету.

Известен и еще один загадочный факт.

В биографической заметке так говорится о кончине Веры Молчальницы. Сохранилось предание, что в 1848 году молчальницу навестил Император Николай I, несколько часов проговоривший с ней за закрытыми дверями, причем на его слова монахиня отвечала письменно, и ее ответы заняли несколько листов бумаги. Уходя, осторожный или галантный император вежливо поцеловал руку монахине и сжег ее записи в пламени лампады. В числе других посетителей Веры были митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский Григорий (Постников), граф и писатель Михаил Толстой.

В Страстную субботу (22 апреля) она исповедовалась (подала священнику письменный текст исповеди), а когда он после

прочтения вернул ей его, то Вера встала на колени и перевернула лист – там было написано: «Батюшка, помолитесь Господу о поминовении души моей. Конец мой близок и дни изочтены суть». На Светлой неделе 27 апреля она, как обычно, поднялась на монастырскую башню, смотрела на Новгород и молилась, позже пошла к северным вратам монастыря и от них смотрела на Хутынский монастырь. Подобрав несколько прутиков, Вера пошла к южной стороне соборного храма Владимирской иконы Божьей Матери, положила прутики на землю и, сделав три земных поклона, указала на них рукой, определив этим место своего погребения. Как указывают приверженцы легенды, это место располагалось рядом с могилой игуменьи Александры Шубиной, которая в мае 1793 года была крестной матерью императрицы при ее переходе в православие.

Николай I «был идеальным мужем и отцом»

«Дитя равняется с Царями»

25 июня 1796 года Екатерина Великая в письме к одному из своих адресатов с нескрываемым восторгом сообщила: «Сегодня в три часа утра мамаша (Великая Княгиня Мария Федоровна. – *Н.Ш.*) родила большущего мальчика, которого назвали Николаем. Голос у него бас, и кричит он удивительно; длиною он – аршин без двух вершков, а руки немного меньше моих. В жизнь мою в первый раз вижу такого витязя. Если он будет продолжать, как начал, то братья окажутся карликами перед этим колоссом».

Так появился на свет будущий государь император Николай Павлович, сын Наследника Российского Престола цесаревича Павла Петровича, которому осенью того же 1796 года суждено было стать Самодержцем Российским.

Великий Князь Николай начал удивлять и родителей, и державную свою бабушку, и нянек уже с первых дней своей жизни. Рос он, как утверждают современники, не по дням, а по часам, словно покровительствовал ему сам Николай Чудотворец. В письме, направленном тому же адресату менее чем через две недели спустя после первого, государыня писала, дивясь и радуясь: «Витязь Николай уже три дня кушает кашку, потому что беспрестанно хочет есть. Я полагаю, что никогда осьмидневный ребенок не пользовался таким угощением; это неслыханное дело. У нянек просто руки опускаются от удивления; если так будет продолжаться, придется по прошествии шести недель отнять его от груди. Он смотрит на всех во все глаза, голову держит прямо и поворачивает не хуже моего».

Гавриил Романович Державин отозвался стихами на крещение великого князя Николая Павловича:

Блаженная Россия!
Среди твоих чудес
От высоты святыя
Еще залог Небес
Прими и веселися,
Сугубым блеском осветися!
Се ныне Дух Господен
На отрока сошел;
И, как заря, расцвел
Он в пеленах лучами:
Дитя равняется с Царями.
Родителям – по крови,
По сану – исполин,

По благости, любови,
Полсвета властелин.
Он будет, будет славен,
Душой Екатерине равен!

Радости императрицы не было предела. 6 июля 1796 года она подготовила Манифест о рождении великого князя Николая Павловича, который был напечатан в Петербурге при Сенате 9 июля 1796 года. В нем значилось:

«Божиею Милостию
Мы, Екатерина Вторая,
Императрица и Самодержица Всероссийская,
и прочая, и прочая, и прочая,
Объявляем всем верным нашим подданным:

В 25-й день июня Наша любезная невестка Великая Княгиня разрешилась от бремени рождением Нам внука, а Их Императорским Высочествам сына, нареченного Николаем.

Таковое Императорского Дома Нашего приращение приемлем мы вящим залогом благодати Всевышнего, на Нас и Нашу Империю обильно изливаемой, и потому, возвещая о сем Нашим верным подданным, пребываем удостоверены, что все они соединят с Нами усердные к Богу молитвы о благополучном возрасте новорожденного и преуспеянии во всем, что к расширению славы Дома Нашего и пользы Отечества служить может. Повелеваем в прочем во всех делах, где приличествует, писать и именовать сего любезного Нам внука Его Императорским Высочеством Великим Князем.

Дан в Царском Селе июля 6-го в лето от Рождества Христова 1796-е, Царствований же Наших Всероссийских в тридесят пятое и Таврического в третие на десять.

На подлинном подписано собственною Ее Императорского Величество рукою тако: Екатерина».

«Дитя равняется с Царями», – написал Державин, но ведь Николай являлся третьим сыном Павла Петровича, а потому шансов когда-то занять престол русских царей у него было весьма мало. Тем не менее у императора Павла Петровича были свои мысли по этому поводу. Под вечер 11 марта 1801 года, то есть за несколько часов до своей гибели от рук заговорщиков, император Павел зашел в детскую, чтобы пожелать доброй ночи своим любимым младшим сыновьям Николаю и Михаилу.

«– Батюшка, отчего вас называют Павлом Первым? – неожиданно спросил Николай.

– Потому что не было другого Государя, который бы носил

это имя до меня, – ответил Император.

– Тогда, значит, меня будут называть Николаем Первым?! – воскликнул маленький Великий Князь, который на пятом году жизни уже знал историю Династии.

– Если ты вступишь на престол! – ответил ему Павел Петрович и, простившись с сыновьями, в раздумье покинул детскую».

Существует предание, что незадолго до своей смерти Павел I, получив сведения о готовящемся заговоре, решил издать специальный Манифест, в котором объявить Наследником Российского Престола любимого сына Николая. Граф И.П. Кутайсов впоследствии вспоминал, что государь сказал ему однажды: «Подожди еще пять дней, и ты увидишь великие дела!», а потом, подумав, произнес весьма загадочно что-то вроде того, что он или престол помолодеет на двадцать лет. Чтобы провести в действие свой план, государь срочно вызвал в Петербург преданных ему графа Алексея Андреевича Аракчеева и Федора Васильевич Ростопчина, но было поздно. Депешу, направленную им, тайком прочитал руководитель заговора Пален, под начало которого была и почтовая служба России. Он принял все меры к тому, чтобы Аракчеев не мог попасть в столицу.

Кутайсов не понял намека государя, потому что ему были неведомы пророчества Авеля-прорицателя. Так вот, во время той беседы на вопрос, заданный государем о том, кто взойдет на престол после Александра, монах ответил:

«– Сын твой, Николай!

– Как? У Александра не будет сына?

– Тогда Цесаревич Константин!

– Константин царствовать не восхочет, памятуя судьбу твою, и от мора кончину приемлет. Начало же правления сына твоего Николая дракою, бунтом вольтерьянским зачнется. Сие будет семя злотворное, семя, пагубное для России, кабы не благодать Божия, Россию покрывающая… Лет через сто примерно после того, оскудеет Дом Пресвятой Богородицы, в мерзость запустения Держава Российская обратится».

Лет через сто! Недаром добропорядочные исследователи русского прошлого в один голос утверждают, что именно государь император Николай Павлович отодвинул падение России в бездну революции почти на сто лет.

Удивительно то, что не только вещий Авель-прорицатель предсказывал великому князю Николаю царский венец. О том же говорится в описании видения схиархимандрита Илиодора. Отцу Илиодору, старцу Глинской пустыни, который ушел из жизни в 1879 году, в видении открылись все главнейшие события

Российской истории, когда он был еще в сане иеродиакона. Авель пророчествовал о судьбе Державы Российской в самом начале царствования императора Павла, а Илиодор в самом конце правления императора, известного нам под именем Александра I. В «Житие схиархимандрита Илиодора» приводится его рассказ о необыкновенном видении: «Стою я в ночное время на каком-то высоком здании. Вокруг меня было много громадных построек, как бывают в больших городах. Надо мною Небесный свод, украшенный ярко горящими звездами, как то бывает в чистую безлунную ночь. Обозревая Небесный свод, я любовался красотою неподвижных звезд. Затем, обратив свой взор на восток, я там увидел выходящий из-за горизонта громадного размера овал; он был составлен из звезд различной величины. На середине овала, в верхней его части, были звезды большого размера, постепенно уменьшаясь, они с боков закругления становились весьма малыми. Посреди овала было изображено большими буквами имя – АЛЕКСАНДР.

Овал этот, взойдя на восток, шел тихо, величественно подвигаясь и склоняясь к западу. Смотря на величественную красоту движения овала, я размышлял и говорил себе: какая славная и великая Православная вера наша, Царь Православный! Вот и имя его так славно и величественно на Небесах…

Проводив глазами звездный овал, пока он скрылся на западе за горизонтом, я опять взглянул на восток и вижу – выходит оттуда второй звездный овал, столь же величественный и во всем подобный первому, а в середине его изображено было уже другое имя большими буквами – НИКОЛАЙ. И внутренний голос вещал мне, что после Александра I будет преемником его Престола Николай. И было то мне в удивление, ибо наследником Престола был не Николай, а Константин Павлович».

Николай Павлович не только сравнялся с царями. В свой звездный час 14 декабря 1825 года он возвысился над многими, себе равными, совершив великий подвиг во имя спасения России. И недаром, предвидя это, один из самых почитаемых святых России батюшка Серафим Саровский в беседе с императором, которого мы знаем под именем Александра Первого, когда тот примчался к нему Дивеево, снедаемый сомнениями и тревогами за свою судьбу и судьбу Отечества, повелел вручить престол русских царей брату Николаю, мужественному и волевому витязю, способному сокрушить революционную гидру.

Но вернемся в детские и отроческие годы будущего великого князя Николая Павловича. Императрица Екатерина II, души не чаявшая в своем новорожденном внуке, к сожалению, уже 6 ноября 1796 года, когда ему не исполнилось и полгода, оставила

этот мир. На престол вступил Павел Петрович, имя которого в истории очернено незаслуженно и отвратительно. На самом деле император Павел Первый был человеком необыкновенным и являл собой полную противоположность мифам, созданным о нем его убийцами.

Дочь его, Анна Павловна, будущая королева Нидерландская, вспоминала о его отношении к детям: «Мой отец любил окружать себя своими младшими детьми и заставлял нас, Николая и Михаила и меня, являться к нему в комнату играть, пока его причесывали, в единственный свободный момент, который был у него. В особенности это случалось в последнее время его жизни. Он был нежен и так добр с нами, что мы любили ходить к нему. Он говорил, что его отдалили от его старших детей, отобрав их от него с самого рождения, но что он желает окружить себя младшими».

О том же сохранились довольно подробные воспоминания барона М.А. Корфа, который указывал в них: «Великих Князей Николая и Михаила Павловичей он (Павел Петрович. – *Н.Ш.*) обыкновенно называл мои барашки, мои овечки, и ласкал их весьма нежно, что никогда не делала их мать. Точно так же, в то время как Императрица обходилась довольно высокомерно и холодно с лицами, находящимися при младших ее детях, строго заставляя соблюдать в своем присутствии придворный этикет, который вообще любила, Император совсем иначе обращался с этими лицами, значительно ослаблял в их пользу этот придворный этикет, во всех случаях и им самим строго наблюдавшийся. Таким образом, он дозволял нянюшке не только при себе садиться, держа Великого Князя на руках, но и весьма свободно с собой разговаривать; нередко нагибался сам, чтобы достать с пола какую-то игрушку или вещь, выроненную ребенком или нянею, которой тогдашние робронды, прически, перья и фижмы были и без того уже значительной помехой во всяком свободном движении. Императрица со своей стороны, не обращая ни малейшего внимания на эти неудобства и маленькие мучения няни или гувернанток, никогда не удостаивала их ни малейшего смягчения в чопорном этикете тогдашнего времени, а так как этот этикет простирался и на членов Императорской фамилии, то Николай и Михаил Павловичи в первые годы детства находились со своей августейшей матерью в отношениях церемонности и холодной учтивости и даже боязни; отношения же сердечные, и при этом самые теплые, наступили для них лишь впоследствии, в годы отрочества и юности».

Николай Дмитриевич Тальберг писал: «Император Павел особенно любил этого сына (Николая. – *Н.Ш.*)». Коцебу в

воспоминаниях указывал, что когда княгиня Дашкова попала в немилость, то заступники ее придумали для ее помилования вложить прошение за пазуху младенца Николая. Император Павел, лаская ребенка, заметил эту бумажку. Он разрешил княгине переехать из пошехонской избы в ее прекрасное имение Троицкое.

Великий князь Николай Павлович недолго пользовался женским попечением. Вскоре по вступлении на престол императора Павла занимала уже мысль о выборе подходящего воспитателя для своего сына. Внимание его остановилось первоначально, как свидетельствуют современники, на графе Семене Романовиче Воронцове, занимавшем тогда место нашего посланника при лондонском дворе.

Но дни государя Павла Петровича были уже сочтены. 1 февраля 1801 года он перебрался во вновь отстроенный по его указанию Михайловский замок и сказал в задумчивости:

– На этом месте я родился, здесь хочу и умереть.

Что-то пророческое прозвучало во фразе. Быть может, император вспомнил свою беседу с монахом Авелем, которого пригласил к себе, узнав о том, что прорицатель точно предсказал кончину императрицы Екатерины Великой?!

«Честный отец, – сказал ему Император, – о тебе говорят, да я и сам вижу, что на тебе явно почивает благодать Божия. Что скажешь ты о моем царствовании и судьбе моей?»

«Эх, Батюшка-Царь, – отвечал Авель, – почто себе печаль предречь меня понуждаешь?»

«Говори! Все говори! Ничего не утаивай! Я не боюсь, и ты не бойся».

«Коротко будет царствование твое, и вижу я, грешный, лютый конец твой. На Софрония Иерусалимского от неверных слуг мученическую кончину приемлешь, в опочивальне своей удушен будешь злодеями, коих греешь ты на царственной груди своей. В Страстную субботу погребут тебя… Они же, злодеи сии, стремясь оправдать свой грех цареубийства, возгласят тебя безумным, будут поносить память твою. Но Народ Русский правдивой душой своей поймет и оценит тебя и к гробнице твоей понесет скорби свои, прося твоего заступничества и умягчения сердец, неправдивых и жестоких. Число лет твоих подобно счету букв на фронтоне твоего замка, в коем воистину обетование и о Царственном Дому твоем: “Дому твоему подобаетъ святыня Господи въ долготу дней”».

«О сем ты прав, – с волнением произнес Император. – Девиз сей получил я в особом Откровении, с повелением воздвигнуть Собор во имя Святого Архистратига Михаила, где ныне

воздвигнут Михайловский Замок. Вождю Небесных Воинств посвятил я и замок, и церковь».

«А почто, Государь, повеление Архистратига Михаила не исполнил в точности? – спросил Авель-прорицатель. – Ни Цари, ни народы не могут менять волю Божию… Зрю в сем преждевременную гробницу твою, благоверный Государь. И резиденцией потомков твоих, как мыслишь, она не будет».

В девизе, о котором говорил преподобный, было 46 букв, и на 47-м году жизни государь император Павел Петрович был убит слугами темных сил Запада, возглавляемыми залетными проходимцами Паленом и Беннигсеном.

Воцарившийся после гибели Павла Первого император поручил воспитание младших своих братьев и сестры вдовствующей императрице Марии Федоровне. Николай Шильдер писал, что «с 1802 года Николая Павловича начали занимать учением; вместе с тем старались, чтобы он реже видел своих гувернанток и нянюшку, во избежание быстрого перелома в установившемся образе жизни». С 1803 года он уже находился под надзором одних мужчин. Мыслитель русского зарубежья, Михаил Валерианович Зызыкин отметил: «Детский период жизни Николая Павловича (от 1802–1809 гг.) любопытен в том отношении, что в течение этого времени проявились задатки черт характера и наклонностей, составлявших впоследствии отличительные черты Императора Николая. Настойчивость, стремление повелевать, сердечная доброта, страсть ко всему военному, особенная любовь к строительному инженерному искусству, дух товарищества, выразившийся в позднейшее время, уже по воцарении, в непоколебимой верности союзам, несмотря на вероломство союзников, – все это сказывалось уже в раннем детстве и, конечно, подчас в самых ничтожных мелочах. Дух товарищества развивался в Николае Павловиче под влиянием совместного воспитания с его младшим братом Михаилом Павловичем. Оба брата нежно любили друг друга. Если находившиеся при них воспитатели выказывали свое недовольство одним из них, то другой сожалел того и играл без всякого удовольствия. Если один был болен, то другой никуда не хотел идти, хотя бы даже и к Императрице Марии Федоровне, где им всегда бывало очень весело.

Однажды, во время своего пребывания у Императрицы, младший провинился в чем-то перед матерью, и когда они вернулись на свою половину, Великий Князь Николай рассказывал дежурному воспитателю, что у него все время были слезы на глазах от страха за брата, который мог рассердить Императрицу своим упрямством, но что, слава Богу, она ему

простила. Удивительно, что вопреки стараниям, которые прилагались по воле Императрицы, чтобы предохранить Великого Князя от увлечения военной службой, страсть ко всему военному проявлялась и развивалась в нем, тем не менее, с неодолимой силой; она особенно сказывалась в характере его игр. … Обыкновенно весьма серьезный, необщительный и задумчивый и очень застенчивый мальчик Николай Павлович точно перерождался во время игр… Игры Великих Князей редко бывали миролюбивыми, почти каждый день они оканчивались ссорой или дракой, несмотря на то, что Николай очень любил своих товарищей по играм, а младшего брата любил страстно. Характерной чертой его детства является постоянное стремление принимать на себя первую роль, представлять Императора, начальствовать и командовать… С шестилетнего возраста начались занятия танцами, причем оба Великих Князя чувствовали необычайное отвращение к ним; но потом сильно пристрастились к ним, так что через год танцевали балет, сочиненный Великой Княжной Анной Павловной».

Были, правда, и различия в поведении братьев. К примеру, Николай любил строить, а Михаил – разрушать. И биограф отмечал, что Николай, «заботясь о сохранении своих построек, боялся присутствия младшего».

Строительство всегда как-то сочеталось с военной стороной дела. К примеру, выстраивая из стульев дачу для няни и гувернантки, сооружая что-то из песка, Николай всегда укреплял свои сооружения стенами и пушками. Игрушки были в основном военные. Множество оловянных солдатиков, пушек, ружей, алебард, предметов военной формы одежды. Первый из проснувшихся бежал обычно будить брата, одевшись в военную форму, и сдавал рапорт. Нельзя не заметить, забегая вперед, что Николай Павлович всегда оставался до мозга костей военным человеком. Один из современников вспоминал, что во время маневров 1836 года государь был неутомим и целый день находился на коне под дождем, а вечером у бивачного огня, в беседе с молодыми людьми своей свиты или в рядах войск, окружавших его маленькую палатку. А после столь многотрудного дня, большую часть ночи проводил за государственными делами, «которых течение никак не замедлялось от этого занятия Государя со своими войсками, составлявшего, по собственному его сознанию, единственное и истинное для него наслаждение».

Автор известных книг по истории Наполеоновских войн генерал-лейтенант Александр Иванович Михайловский-Данилевский так рассказывал о детских летах Николая:

«Необыкновенные знания Великого Князя по фрунтовой части нас изумили. Иногда, стоя на поле, он брал в руки ружье и делал ружейные приемы так хорошо, что вряд ли лучший ефрейтор мог с ним сравниться, и показывал так же барабанщикам, как им надлежало бить. При всем том Его Высочество говорил, что он в сравнении с Великим Князем Михаилом Павловичем ничего не знает; каков же должен быть сей? – спрашивали мы друг друга».

Не исключено, что если бы Павлу Петровичу удалось разгромить заговор 11 марта 1801 года, он бы объявил наследником престола именно великого князя Николая. Но, увы, его «барашки» Николай и Михаил были слишком малы, Константин Павлович оставался в неведении, и «слабый и лукавый» наследник престола с помощью самых омерзительных представителей великосветской черни вырвал трон из рук отца.

В печальной памяти 1801 году великому князю исполнилось 5 лет. Он еще вряд ли мог понимать, какая беда нависла над Россией, лишенной слугами темных сил такого замечательного, справедливо названного народным и антидворянским, государя Павла Петровича. Сколько бессмысленных войн, сопряженных с гибелью людей, столь драгоценных, ожидало державу в ближайшие годы. Причем войны эти были за чуждые России и русскому народу интересы.

Николай был еще слишком мал, но его уже стали учить наукам, ибо великие князья играли в России весьма важные роли, даже если не становились императорами. Начались занятия с изучения русской азбуки и французского языка, а с 8 лет прибавились занятия и немецким языком. Постепенно подключались все новые и новые предметы, причем с особенным удовольствием Николай занимался рисованием, пристрастился и к математике, об остальных же предметах говорил: «На лекциях наших преподавателей мы или дремали, или рисовали их же карикатуры, а потом к экзаменам выучивали кое-что, в долбежку, без плода и без пользы для будущего».

Воспитатель граф Ламздорф, приставленный к Николаю еще Павлом Петровичем, был очень суров и не скупился даже на палочные наказания. Возможно, именно это обстоятельство повлияло на большие строгости в школах, введенные Николаем Павловичем уже в бытность императором.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна долго противилась военным наукам, боясь, что они разовьют в сыне грубость. Ей казалось, что грубые манеры неизбежно воцарятся в его сердце вместе с военными занятиями. Но судьба Николая не зависела ни от ее желаний, ни даже от желаний царствующего императора, которого Бог не вознаградил сыном. Судьба того,

кого мы знаем под именем Александра I, была чрезвычайно сложна и трагична.

«Он будет красивейший мужчина в Европе…»

Рассуждая о личности государя императора Николая Первого, иные историки пользуются традиционными источниками. Ну а источники эти уже известны своею тенденциозностью. Орден русской интеллигенции повелел историкам считать Николая Первого, во-первых, «чудовищем с оловянными глазами», во-вторых, «палкиным». Так и считают. А точнее, сами-то, может быть, так и не считают, но пытаются убедить в этой лжи читателей, ибо ложь эта хорошо оплачивается, ведь история, сама по себе, по словам Льва Толстова, и есть «ложь, о которой договорились историки».

Мнение же добросовестных исследователей и писателей отметается начисто, как, к примеру, мнение выдающегося православного мыслителя, профессора государственного и канонического права Михаила Валерьяновича Зызыкина (1880–1960). А ведь этот замечательный ученый и мыслитель в книгах, посвященных спорным историческим фигурам, развеял многие мифы и поставил все на свои места. Достаточно взять книги «Патриарх Никон, его государственные и канонические идеи» или «Тайны Императора Александра I», чтобы оценить уникальность и важность его исследований. Профессор Зызыкин собрал огромное количество свидетельств современников Николая Павловича и его биографов русских царей. Так, биограф великого князя Николая Павловича Поль Лакруа вспоминал: «Будучи только десяти лет, Николай не только знал наизусть военную историю России, но объяснял ее и истолковывал с таким ясным взглядом, который был выше лет его». В физических же упражнениях он отличался «быстротой и ловкостью движений, как и грациозною своею походкою».

А вот словесный портрет 18-летнего Николая Павловича, составленный лейб-медиком Бельгийского двора короля Леопольда Стокмаром: «Этот молодой человек чрезвычайно красивой наружности, в высшей степени привлекательный, выше Леопольда ростом, совсем не сухощав, но прям и строен, как молодая сосна. Черты лица его необыкновенно правильные: прекрасный открытый лоб, брови дугою, маленький рот, изящно обрисованный подбородок – все в нем красиво. Характера очень живого, без малейшего принуждения или сдержанности, при замечательном изяществе манер. Он говорит по-французски много и хорошо, сопровождая слова свои грациозными жестами. В

нем проглядывает большая самонадеянность при совершенном отсутствии притязательности. Говорить он умеет всегда приятно, и у него особая способность быть любезным с дамами. Когда он хочет придать своим словам особую выразительность, он несколько приподнимает кверху плечи, и взглядывает вверх с некоторой аффектацией. Кушает он очень умеренно для своих лет и ничего не пьет, кроме воды. После обеда, когда графиня Ливен (супруга Русского посла) села за фортепьяно, он поцеловал у нее руку. Нашим английским дамам это показалось очень странно, хотя, конечно, всякая женщина желала бы себе того же.

“Что за милое создание! – воскликнула леди Кембель, строгая и чопорная гофмейстерина. – Он будет красивейший мужчина в Европе!” Он пробыл день, и на другое утро Русские от нас уехали. Мне сказывали, что, когда пришло время спать, люди Великого Князя принесли ему вместо постели и положили на кровать мешок, набитый сеном; уверяют, что у него никогда не бывает другой постели».

Известна поговорка: в здоровом теле – здоровый дух. Думается, что и в красивом теле все должно быть красиво. Не зря же Всемогущий Бог наградил незаурядной внешностью будущего императора России, которому пришлось взойти на престол едва ли не в самые тяжелые времена. К этому священному служению Николая Павловича готовили с детских лет, словно бы знали, что именно ему, а не старшему брату Константину суждено сменить на державном посту императора, нареченного Благословенным.

Но мы коснемся размышлений М.В. Зызыкина о личности императора Николая Первого. Мы уже познакомились с тем, что рассказал о детстве будущего поистине великого государя России его знаменитый биограф Н.Д. Шильдер. Исследования Зызыкина значительно дополняют и расширяют это повествование. «Он не знал раздвоения личности, он не имел друзей в виде республиканца флорентинца Пиаттоли, просидевшего 8 лет в тюрьме у Габсбургов, или польского масона Чарторыжского, – писал о Николае Павловиче профессор Зызыкин – Николая воспитывала его мать, Мария Федоровна, женщина достойнейшая… Заметим, что воспитывала она будущего Государя в Державном стиле. Поэтому неудивительно, что Шторх, преподаватель Великого князя, в записке, поданной в 1810 году Императрице Марии Федоровне о необходимости начать Николаю Павловичу курс, обнимающий собою все политические науки, в их общей связи и взаимодействии, говорит о Великом Князе, как о лице, которое когда-то будет нами управлять».

Уже в юности великий князь Николай Павлович имел на многие вещи свои суждения. Вот записи, касающиеся военного

дела. В частности, о поселениях Елецкого полка, относящихся к тем самым, многократно оболганным в последующем «военным поселениям». Великий князь Николай Павлович писал: «Батальон расположен в старых, весьма худых белорусских хатах, весьма тесно, особливо оттого, что, кроме, по положению живущих в них 2 семейств, на постое у них еще двое холостых. Хотя они помогают хозяевам в работе, но, не менее, оттого им даже весьма тесно. А сю пору скота мало; по положению хозяин имеет двух лошадей и корову: лошадей у малых по две, и то самые худые, забракованные артиллерийские, и оттого поля, коих почва песчаная, не быв удобряема довольным количеством навоза, худо производит, и все полосами, судя по богатству хозяина».

Не случайно биографы отмечали, что колоссальную роль в воспитании Николая Павловича сыграла его мать, вдовствующая императрица Мария Федоровна. Когда император в 1814 году позволил, наконец, великому князю Николаю отправиться в действующую армию, она напутствовала обоих князей, ибо Михаил Павлович тоже отправился вместе с братом на войну. Напутствия матери отличались высоконравственными тенденциями. Профессор Зызыкин, перечисляя их, писал:

«Она советовала сыновьям продолжать быть строго религиозными, не быть легкомысленными, непоследовательными и самодовольными; полагаться в своих сомнениях и искать одобрения своего “второго отца”, уважаемого и достойного генерала Ламздорфа, избегать возможности оскорбить кого-нибудь недостатком внимания, быть разборчивыми в выборе себе приближенных; не поддаваться своей наклонности вышучивать других; быть осторожными в своих суждениях о людях, так как из всех знаний – знание людей самое трудное, и требует наибольшего изучения. Настойчиво предостерегая их от увлечения мелочами военной службы, она советует запасаться познаниями, создающими великих полководцев».

Великий князь Николай Павлович со вниманием относился к советам матери. Он вообще впитывал в себя все, что говорилось ему полезного. Известно, что он любил читать Поучения Владимира Мономаха, глубоко проникающие в душу. Не могут не поразить своей глубиной и поучения вдовствующей императрицы Марии Федоровны. В ее инструкциях сыновьям говорилось:

«Следует изучить все, что касается сбережения солдат, которыми так часто пренебрегают, жертвуя ими ради красоты формы, ради бесполезных упражнений, личного честолюбия и невежества начальника».

Предметом особой заботы Марии Федоровны была нравственность великого князя Николая Павловича. Ее сильно

обеспокоили увлечения его легкомысленными женщинами, а потому она просила генерал-адъютанта Коновницына уделить этому вопросу особенное внимание, поскольку великим князьям придется побывать в Париже – «столице роскоши и разврата». В частности, она писала: «Я, конечно, ни мало не сомневаюсь, что внушенные им правила нравственности, благочестия и добродетели предохранят их от действительных прегрешений, но пылкое воображение юноши в таком месте, где почти на каждом шагу предоставляются картины порока и легкомыслия, легко принимают впечатления, помрачающие природную чистоту мысли и непорочность понятий, тщательно поныне сохраненную; разврат является в столь приятном или забавном виде, что молодые люди, увлекаемые наружностью, привыкают смотреть на него с меньшим отвращением и находят его менее гнусным. Сего пагубного действия опасаюсь я наиболее, по причине невинного удовольствия, с каковым Великие Князья по неопытности своей вспоминали о первом своем пребывании в Париже, не ведая скрытого зла. Но теперь, когда они стали старше, нужно показать им в настоящем виде впечатления, от которых прошу я Вас убедительно предохранить их Вашим отеческим попечением. Обращаю также внимание на выбор спектаклей, которые они посещать будут, и которые нередко вливают неприметным и тем более опасным образом яд в юные сердца».

Впрочем, опасение Марии Федоровны оказались напрасными. Отправляясь в 1814 году в первую свою заграничную поездку, во Францию, великие князья Николай и Михаил переживали, прежде всего, то, что не могли участвовать в боевых действиях. Интересовало же их, особенно Николая Павловича, все. Генерал-лейтенант Иван Федорович Паскевич вспоминал: «В Париже начались, как и в Петербурге, гвардейские разводы, и мы из гренадерского корпуса поочередно туда езжали. В один из сих разводов Государь, увидев меня, подозвал и совершенно неожиданно рекомендовал меня Великому Князю Николаю Павловичу.

– Познакомься, – сказал он ему, – с одним из лучших генералов моей армии, которого я еще не успел поблагодарить за его отличную службу.

Николай Павлович после того постоянно меня звал к себе и подробно расспрашивал о последних кампаниях. Мы с разложенными картами, по целым часам, вдвоем разбирали движения и битвы 12-го, 13-го, 14-го годов. Я часто у него обедывал, и когда за службою не мог у него быть, то он мне потом говорил, что я его опечалил. Этому завидовали многие и стали говорить в шутку, что он в меня влюбился. Его нельзя было не

полюбить. Главная его черта, которой он меня привлек к себе – это прямота и откровенность. Брата Михаила Павловича он любил, но к серьезным разговорам не допускал, да и тот их недолюбливал…

Я сказал ему, что очень бы хотел представить ему всех моих генералов и полковых командиров, которых рекомендовал наилучшим образом. Великий Князь был с ними особенно любезен и прямотою своего общения обворожил их…»

Уже там, в Париже, проявилось различие между императором, постоянно унижавшим русский народ и Русскую армию, и великим князем Николаем, воспитанным в русском духе, на русских традициях. Жаль только, что не волен он был в своей судьбе и даже не мог жениться в России, на русской невесте. С петровских времен вошла в моду отвратительная «традиция» – женить наследников престола и великих князей на западноевропейских принцессах. Что касается Петра I, то он вообще женился на «ливонской прачке» Марте Самуиловне Скавронской. Великого князя Павла Петровича, будущего императора Павла I, оба раза женили на иноземках. Женили на иноземке и Александра Павловича.

Трудно сказать, как бы поступил сам Павел Петрович со «своими барашками». Во всяком случае, когда Павел Васильевич Чичагов, уже будучи адмиралом, попросил у императора Павла I выехать в Англию, чтобы жениться на английской подданной, государь отказал ему на том основании, что «и в России невест довольно». Упрямство же Чичагова привело к тому, что император, дабы остудить пыл адмирала, велел сдать шпагу и посадил его в Петропавловскую крепость, правда, совсем ненадолго.

Впрочем, весьма часто попадали в супруги русским великим князьям женщины достойные. Таковой была Мария Федоровна, супруга Павла Петровича. Ничего плохого нельзя сказать и о супруге самого Николая Павловича. Особыми любовью и почитанием пользуется супруга «последнего» русского царя Николая II Александра Федоровна, причисленная вместе со всею семьей к лику святых. Я взял в кавычки слово «последнего», ибо только Всемогущий Бог может предопределить, когда и при каких обстоятельствах будет «последний Царь», а пророчества говорят нам о Грозном Царе «последних времен», которого еще будет удостоена Русская земля, выдержавшая невероятные испытания на своем крестном пути.

Впрочем, в пору юности великому князю Николаю Павловичу было не до рассуждения о последних временах. Учеба и военные мероприятия не давали ему времени задуматься даже о личной

жизни.

Герой Отечественной войны 1812 года, генерал от инфантерии Петр Петрович Коновницын успокоил императрицу следующими строками:

«Их Императорские Высочества Великие Князья, благодаря Бога, находятся в вожделенном здравии: их поведение весьма согласуется с волею Вашей; господа кавалеры со свойственным им усердием бывают при их Высочествах неотлучны; о чем считаю долгом моим пред Вашим Величество засвидетельствовать о неусыпности и попечении их. Их Высочества каждый день изволят кушать у Государя; один раз были с ним в театре и во всех церемониальных выходах бывают при нем; в свободное время их Высочества обозревают здесь все заведения, достойные примечания. Третьего дня изволили осматривать укрепленные здесь окрестности с военными замечаниями».

«Какое это, наверное, счастье жить семьей?!»

У профессора Зызыкина мы находим и подробнейшее описание европейского путешествия великих князей: «…Из Англии он (Николай Павлович. – *Н.Ш.*) отправился в Мобеж, Брюссель, для свидания с Великой Княгиней Анной Павловной, затем в Штутгард к Великой Княгине Екатерине Павловне, где говел и приобщился Св. Тайн. Затем он был в Берлине на свидании со своей невестой Принцессой Шарлоттой. Потом он поспешил в Петербург, чтобы встретить свою невесту.

В Париже великий князь Николай Павлович познакомился с герцогом Орлеанским, который был безмерно счастлив в браке и не скрывал этого.

Великий Князь Николай сказал герцогу:

– Какое это, наверное, счастье жить так, семьей?!

– Это единственное истинное и прочное счастье, – подтвердил тот.

По пути в Россию, в Берлине, Николая представили его будущей супруге, избранной для него Императором.

23 октября 1815 года состоялась помолвка Великого Князя с прусской принцессой Шарлоттой-Фридерикой-Луизой-Вильгельминой. Ей шел 18 год – родилась 13 июля 1798 года в семье прусского короля Фридриха Вильгельма III и его супруги, королевы Луизы. У нее были два старших брата, один из которых, Фридрих Вильгельм IV, в будущем стал прусским королем, Вильгельм I – первым германским императором».

В биографии ее отмечено: «Прусская королева Луиза вошла в историю как бесстрашная патриотка, как добрый ангел, не побоявшийся всемогущего Наполеона и заступившийся за униженную Родину. Почитание Луизы в 19 веке не знало границ, и в любом месте, хоть как-то связанном с ее именем, появлялись мемориальные доски и памятники, в ее честь называли улицы, мосты, учреждения и церкви. Наряду с Берлином, Кенигсбергом (Калининградом), Тильзитом (Советском) и Мемелем (Клайпедой) Рига тоже могла бы быть отмечена памятной доской Луизе Прусской».

Но отважная королева не только разделила с супругом своим все тяготы поражения Пруссии и ссылки в Кенигсберг (ныне Калининград), а затем в Мемеле. Она встретилась в Тильзите с «чудовищем» Наполеоном и просила пощадить пораженную Пруссию. «Увы, ее миссия не удалась, – отмечено в биографии, –

корсиканец был предельно галантен с молодой королевой, но державу Фридриха Вильгельма III это не спасло. После заключения Тильзитского мира страна лишилась половины своей территории, а королевской чете было запрещено возвращаться в занятый французскими войсками Берлин».

И только Россия спасла Пруссию, освободив ее в 1813 году.

История сохранила удивительный эпизод. После окончания наполеоновских войн Фридрих Вильгельм III побывал в России и привез своих сыновей в Москву. Они поднялись на самое высокое место – кажется, более или менее сохранился знаменитый Пашков дом. И Фридрих сказал сыновьям – смотрите, вот наша спасительница, поклонитесь ей в пояс.

26 июня 1817 года последовал торжественный въезд принцессы Шарлотты в Петербург. Все смотрели на нее с нежнейшим участием, вспоминая добродушие, красоту и несчастие ее матери, королевы Луизы, связанные с изгнанием во время наполеоновского нашествия.

Принцесса прибыла в Россию, приняла православие с именем Александры Федоровны, и вскоре состоялось венчание с великим князем Николаем Павловичем в церкви Зимнего дворца.

Известный биограф Императора Н. Шильдер отметил: «1 июля, в день рождения великой княжны Александры Федоровны, был совершен обряд бракосочетания. “Я чувствовала себя очень, очень счастливой, когда наши руки соединились; с полным доверием отдавала я свою жизнь в руки моего Николая, и он никогда не обманул этой надежды”, – писала Александра Федоровна, вспоминая день 1 июля 1817 года».

Николаю Павловичу исполнился 21 год, Александре Федоровне – 19.

Перед венчанием Александра Федоровна с тревогой написала матери:

«Я много плакала при мысли, что мне придется встретиться с вдовствующей государыней, рассказы о которой меня напугали».

Впрочем, опасения были напрасны.

А вскоре она сделала такую запись в своем дневнике.

Вот что писала Александра Федоровна после родов:

«В 11 часов утра (17 апреля 1818 года. – Н.Ш.) я услыхала первый крик моего первого ребенка. Нике целовал меня… не зная еще, даровал нам Бог сына или дочь, когда матушка, подойдя к нам, сказала: “Это сын”. Счастье наше удвоилось, однако, я помню, что почувствовала что-то внушительное и грустное при мысли, что это маленькое существо будет со временем Императором».

Почувствовала, а ведь это еще не было известно. Ведь

наследником престола все еще был Константин Павлович.

Дочь поэта Тютчева Анна Федоровна, фрейлина цесаревны Марии Александровны, в своих воспоминаниях писала об императрице: «Император Николай I питал к своей жене, этому хрупкому, безответственному и изящному созданию, страстное и деспотическое обожание сильной натуры к существу слабому, единственным властителем и законодателем которого он себя чувствует. Для него эта была прелестная птичка, которую он держал взаперти в золотой и украшенной драгоценными каменьями клетке, которую он кормил нектаром и амброзией, убаюкивал мелодиями и ароматами, но крылья которой он без сожаления обрезал бы, если бы она захотела вырваться из золоченых решеток своей клетки».

Г.И. Чулков в своей книге о Николае Павловиче отметил: «Среди серых будней единственным утешением и радостью для великого князя был “аничковский рай”, как Николай Павлович называл первые годы семейной жизни, проводимые во время пребывания его в столице в Аничковом дворце».

После маневров в Царском Селе…

В 1819 году после летних маневров в Царском Селе император Александр I сказал, что желает отобедать с великокняжеской четой – с Николаем Павловичем и Александрой Федоровной. Николай Павлович так описал обед в своем дневнике: «В лето 1819 г. находился я в свою очередь с командуемою мной тогда 2-й гвардейской бригадой в лагере под Красным Селом. Пред выступлением из оного было моей бригаде линейное ученье, кончившееся малым маневром в присутствии императора. Государь был доволен и милостив до крайности. После ученья пожаловал он к жене моей обедать; за столом мы были только трое. Разговор во время обеда был самый дружеский, но принял вдруг самый неожиданный для нас оборот, потрясший навсегда мечту нашей спокойной будущности. Вот в коротких словах смысл сего достопамятного разговора.

Государь начал говорить, что он с радостию видит наше семейное блаженство (тогда был у нас один старший сын Александр, и жена моя была беременна старшей дочерью Мариею); что он счастия сего никогда не знал, виня себя в связи, которую имел в молодости; что ни он, ни брат Константин Павлович не были воспитаны так, чтоб уметь ценить с молодости сие счастие; что последствия для обоих были, что ни один, ни другой не имели детей, которых бы признать могли, и что сие чувство самое для него тяжелое. Что он чувствует, что силы его ослабевают; что в нашем веке Государям, кроме других качеств, нужна физическая сила и здоровье для перенесения больших и постоянных трудов; что скоро он лишится потребных сил, чтоб по совести исполнять свой долг, как он его разумеет; и что потому он решился, ибо сие считает долгом, отречься от правления с той минуты, когда почувствует сему время. Что он неоднократно об том говорил брату Константину Павловичу, который, быв одних с ним почти лет, в тех же семейных обстоятельствах, притом имея природное отвращение к сему месту, решительно не хочет ему наследовать на престоле, тем более что они оба видят в нас знак благодати Божией, дарованного нам сына. Что поэтому мы должны знать наперед, что мы призываемся на сие достоинство!»

Вспомним пророчества Авеля о том, что Александр царствовать не восхочет. И каково же впечатление? Напрасно считается, что все без исключения великие князья рвались царствовать. Николай Павлович не постеснялся сказать, что новость поразила до слез: «Мы были поражены как громом. В слезах, в рыдании от сей ужасной неожиданной вести мы

молчали! Наконец, Государь, видя, какое глубокое, терзающее впечатление слова его произвели, сжалился над нами и с ангельскою, ему одному свойственною ласкою начал нас успокаивать и утешать, начав с того, что минута сему ужасному для нас перевороту еще не настала и не так скоро настанет, что может быть лет десять еще до оной, но что мы должны заблаговременно только привыкать к сей будущности неизбежной.

Тут я осмелился ему сказать, что я себя никогда на это не готовил и не чувствую в себе сил, ни духу на столь великое дело; что одна мысль, одно желание было – служить ему изо всей души, и сил, и разумения моего в кругу поручаемых мне должностей; что мысли мои даже дальше не достигают…

Кончился разговор; Государь уехал, но мы с женой остались в положении, которое уподобить могу только тому ощущению, которое, полагаю, поразит человека, идущего спокойно по приятной дороге, усеянной цветами, и с которой всюду открываются приятнейшие виды, когда вдруг разверзается под ногами пропасть, в которую непреодолимая сила ввергает его, не давая отступить или воротиться. Вот – совершенное изображение нашего ужасного положения».

Здесь казалось бы очень много загадок. Почему император Александр I, который, как принято считать, любил покрасоваться на парадах и войнах, любил военный мундир, любил почет и славу, вдруг решил сам отказаться от всего этого, дорогого ему, и, уйдя от дел, обратиться в старца Федора Кузьмича? Напомним, что разгадку предложил выдающийся ученый, талантливый дешифровщик древних текстов Геннадий Станиславович Гриневич. А точнее, не он дал нам разгадку, а сам Федор Кузьмич, тайнописи которого расшифровал Гриневич. У того, кого мы знаем под именем императора Александра, другого выхода просто не было.

Николай Павлович отметил: «С тех пор часто Государь в разговорах намекал нам про сей предмет, но не распространяясь более об оном; а мы всячески старались избегать оного. Матушка с 1822 г. начала нам про то же говорить, упоминая о каком-то акте, который будто бы братом Константином Павловичем был учинен для отречения в нашу пользу, и спрашивала, не показывал ли нам оный Государь?»

Тайный манифест и бунт на Сенатской

27 ноября 1825 года в Петербург пришло официальное сообщение о смерти императора. Все считали наследником престола цесаревича Константина Павловича. И лишь очень узкому кругу людей было известно, что тот еще два года назад отрекся от права на престолонаследие. В августе 1823 года император утвердил Манифест, по которому в случае его смерти трон по старшинству переходил к его брату Николаю Павловичу. Однако по непонятным причинам Манифест оглашен не был.

Николай Павлович узнал о Манифесте от матери, но генерал-губернатор Петербурга Михаил Андреевич Милорадович посоветовал во избежание династического кризиса быстро провести присягу Константину, поскольку в столице началось брожение, которое могло вырасти в беспорядки. Тогда великий князь Николай Павлович первым присягнул новому императору, а вслед за ним это сделали войска, правительственные учреждения и население города. Однако из Варшавы пришло сообщение, что Константин ехать в столицу не собирается и подтверждает свой отказ от престола. Необходимо было вновь проводить присягу теперь уже Николаю Павловичу.

Между тем в тайных обществах уже был взят курс на вооруженное выступление против Самодержавной власти в России, а стало быть, и против самой России, которую заговорщики решили пустить с молотка по указке своих европейских хозяев. Восстание намечалось на лето 1826 года, но известие о смерти императора изменило планы. Заговорщики сочли удобным воспользоваться складывавшейся обстановкой. Поначалу планы были не столь радикальными. Предполагалось, используя смену власти, захватить побольше командных должностей в гвардейских полках. Но когда стало известно о повторной присяге, заговорщики решили действовать немедленно с более решительными целями. Присяга была назначена на 13 и 14 декабря. Причем во второй день, 14 числа, присягали Сенат и высшие правительственные учреждения.

Вооруженное восстание заговорщики наметили на 14 декабря. Предполагалось вывести войска на Сенатскую площадь и принудить императора Николая Павловича, еще не успевшего укрепиться во власти, к введению конституционного правления, отмене крепостного права, ликвидации военных поселений. Разумеется, это были в основном общие слова, поскольку в недрах заговора вынашивались планы гораздо более жестокие – вплоть до физического устранения не только государя, но и всех членов

Царствующего Дома Романовых. Несколько затруднило исполнение планов то, что собрать достаточно сил заговорщики так и не смогли. На площадь вышли всего 3 тысячи солдат и 30 офицеров. Это стало, отчасти, результатом разногласий при дележе власти, которые возникли накануне, отчасти результатом того, что далеко не все верили выдумкам заговорщиков, будто бы надо выступить в защиту Константина Павловича, у которого Николай Павлович отнимает трон. Главари намечали убить императора, но никто не соглашался стрелять в него. В большинстве своем, как и во всякой безбожной шайке, в руководстве мятежников были трусы, которые стремились к власти, но хотели загребать жар чужими руками. Постыдные продажность и трусость впоследствии проявились в ходе следствия по делу о мятеже.

Некоторых руководителей мужество покинуло уже утром 14 декабря, до начала восстания. Князь Трубецкой, намеченный в диктаторы, побродив близ Сенатской площади, отправился присягать Николаю Павловичу. Не решились выйти на площадь и Рылеев с Якубовичем.

Но опасность была слишком велика, ведь часть офицеров и солдат были просто-напросто обмануты. Так солдатам, которые мало разбирались в политике и в терминологии, объявили, что они идут спасать супругу Константина, по имени Конституция, и что Николай Павлович власть захватил самовольно. Были среди руководителей восстания и люди достаточно решительные, готовые идти до конца, были и такие, которые не могли свернуть с намеченного пути, повинуясь темным силам, тайными слугами которых они были.

День 14 декабря 1825 года, тяжелый для России день, день несчастья, как охарактеризовал его сам Николай Павлович, стал для него, едва ступившего на престол, поистине звездным часом. Еще за два дня до мятежа, 12 декабря 1825 года, получив сведения о готовящемся выступлении великосветской черни против самодержавия, Николай Павлович написал князю П.Н. Волконскому в Таганрог: «14 числа я буду Государь или мертв. Что во мне происходит, описать нельзя».

Супруге же своей, Александре Федоровне, он сказал:

«Мы не знаем, что нас ждет. Обещай быть мужественной и умереть с честью, если придется умирать».

Утром 14 декабря 1825 года Николай Павлович обратился к командирам преданных ему частей с короткой, пламенной речью:

«Вы знаете, господа, что я не искал короны. Я не находил у себя ни опыта, ни необходимых талантов, чтоб нести столь тяжелое бремя. Но раз Бог мне ее вручил, то сумею ее защитить, и

ничто на свете не сможет у меня ее вырвать. Я знаю свои обязанности и сумею их выполнить. Русский Император в случае несчастья должен умереть со шпагою в руке… Но во всяком случае, не предвидя, каким способом мы выйдем из этого кризиса, я вам, господа, поручаю своего сына Александра. Что же касается до меня, то доведется ли мне быть Императором хотя бы один день, в течение одного часа я докажу, что достоин быть Императором!»

Некто Кюстин, состряпавший впоследствии о Николае Первом пасквильную книгу, и тот вынужден был признать величие молодого государя в тот критический день 14 декабря. Он писал: «Очевидцы видели, как Николай духовно рос перед ними… Он был настолько спокоен, что ни разу не поднял своего коня в галоп. Он был очень бледен, но ни один мускул не дрогнул у него на лице. А смерть ходила около него. Заговорщики указали его, как свою первую жертву».

Николай Павлович был постоянно в самых опасных местах. Он до последней возможности пытался избежать кровопролития. Лишь упорство самих декабристов и, конечно, предательский выстрел подонка Каховского в славного героя Отечественной войны 1812 года генерала Михаила Андреевича Милорадовича – заставили отдать приказ на открытие огня.

Решительные и смелые действия молодого государя смели с русской земли банду заблудших, зараженных чужебесием дворянчиков. Пушкин справедливо отметил, что «мятеж декабристов обличил историческую несостоятельность идеалов, насильственно переносимых на Русскую почву; фальшивые призраки будущего переустройства России на европейский фасон, которыми тешилось незрелое, порвавшее с народными преданиями Русское общество, были разбиты».

На протяжении всего действа государь император был постоянно на линии огня, несмотря на то что положение его действительно было крайне опасным. Ведь к нему были посланы убийцы. К примеру, Якубович, вооруженный пистолетом, попросил Николая Павловича отъехать в сторону и нагнуться к нему, но вместо того, чтобы выстрелить, для чего он и отзывал в сторонку, пролепетал жалобно:

– Я был с ними, но пришел к вам, – и поспешил принести присягу императору.

Николай воскликнул:

– Так идите к мятежникам и уговорите их прекратить бесполезное выступление.

Якубович пошел, но совершил новую подлость. Он заявил восставшим, ободряя их и призывая тем самым к продолжению

бунта:

– Держитесь, там все вас сильно боятся, – и, произнеся эту предательскую и лживую фразу, поспешил скрыться, чтобы не быть среди тех, кто должен был вот-вот оказаться под огнем.

Помощник планируемого диктатора Трубецкого, некто Булатов, вслед за Якубовичем подходил к Николаю Павловичу, бродил рядом, как вспоминал потом, «мучительно, бессильно порывался убить его», но мужества «дворянским революционерам» явно не хватало.

Известно, кстати, что когда накануне тянули жребий стрелять в императора, и это выпало Каховскому, тот наотрез отказался, пояснив, что не хочет рисковать жизнью ради того, чтобы все лавры от этого выстрела достались Бестужевым. Каховского прогнали. Но он сам явился 14 декабря на Сенатскую площадь, правда, в гражданской одежде и без оружия, чтобы, видимо, оценить обстановку и окончательно решить, быть ли с восставшими.

Эта омерзительная личность с утраченной ориентацией имела крайне низкие моральные качества. Каховского неоднократно изгоняли из армии за трусость, низость и дурные наклонности, но он каким-то чудом вновь и вновь восстанавливался в службе. Вот и в то утро с легкостью снял военный мундир, хотя как раз числился в офицерах. Когда же Николай Павлович направил к войскам генерал-губернатора Санкт-Петербурга генерала от инфантерии Михаила Андреевича Милорадовича, которого все называли «храбрейшим из храбрых», а истинные воины, защитники Отечества, любили и уважали, Каховский пошел на преступление. В толпе мятежников мало было истинных воинов, в основном ее составлял светский сброд, для которого воинская служба казалась престижным времяпрепровождением, а военная форма – предметом для обольщения дам. Тем не менее в рядах солдат послышалось брожение, когда перед строем появился прославленный генерал – герой Отечественной войны 1812 года, ведь среди старших возрастов было немало участников битв с Наполеоном. И тогда Каховский подбежал к Бестужеву, выхватил у него из-за пояса пистолет, незаметно, со спины, приблизился к Милорадовичу, ударил ножом его коня, а когда граф обернулся, чтобы узнать, в чем дело, выстрелил в упор, смертельно ранив. Командир лейб-гвардии Гренадерского полка генерал Штюллер, увидев это, смело подскакал, чтобы поймать падавшего с коня Милорадовича, но Каховский упредил смертельным выстрелом. Один из современников с горечью писал: «Милорадович и Каховский! Даже неудобно сравнивать эти два имени. Один –

прославленный патриот и мужественный воин, второй – фантазер и государственный преступник, кончивший жизнь на виселице».

Когда несколько позже великий князь Михаил Павлович тоже попытался убедить мятежников сложить оружие, его попытался убить другой бандит – Кюхельбекер. Он уже прицелился в великого князя, но тут не выдержали обманутые дворянчиками нижние чины. Три матроса одновременно бросились к мерзкому и коварному чудовищу и выбили у него из рук пистолет.

Мужественного государя-витязя окружали мужественные, отважные русские витязи, и пусть некоторые из них были не русской крови, они оставались русскими в душе, сражаясь за Россию до последней капли крови.

Николай Первый! Его роль в великом прошлом России долгое время затушевывалась, отчасти, из-за решительного разгрома масонского антироссийского, направляемого с Запада бунта декабристов, объявленного питекантропами от революции выступлением за счастье народное. Когда же это, позвольте спросить, революционеры выступали за счастье народное? За личный карман, за личную власть – другое дело. Но за народ – никогда.

И разве можем мы найти в среде вождей революционных такого, кто готов был рискнуть своей жизнью во имя спасения Отечества и своего народа?

А ведь 14 декабря дело шло в большей степени не на жизнь, а на смерть. Если бы декабристы победили, началась бы кровавая вакханалия по всей России. Прежде всего, они собирались взяться за истребление императорской фамилии. К примеру, Пестель, сын «сибирского злодея» (так характеризовал Пушкин отца бунтовщика, прославившегося жестокостью в Сибири), предлагал построить «экономическую виселицу» и повесить на мачте корабля сначала императора, затем, привязав веревки к его ногам, императрицу и наследника престола, а затем в том же духе уже четырех великих князей и великих княгинь и так до тех пор, пока будет кого вешать. Чем Пестель отличался от комиссаров, истребивших десятки тысяч офицеров в Крыму, тех самых офицеров, которые, поверив их посулам, остались в России? Когда они с наивной доверчивостью к новой власти пришли в указанные в воззваниях пункты регистрации, их арестовали и всех поголовно истребили. Их сажали в баржи и топили в море, их зарывали живыми в землю, их закрывали в бочки с вбитыми вовнутрь гвоздями, и пускали эти бочки с гор. А что делали ельциноиды с защитниками Дома правительства на краснопресненском стадионе?! Об этом написано много. Страшно даже повторять.

Насколько же выше, неизмеримо выше всякого рода демо-лидеров был Самодержавный Государь Николай Первый. Вот вам и причина его неприятия, причина ненависти к нему со стороны всей этой трусливой демо-своры, к определению коей надо бы еще прибавить приставку псевдо.

Николай Первый, поразивший всех своими мужеством и отвагой, писал великому князю Михаилу Павловичу:

«Революция у ворот Империи, но я клянусь, что она в нее не проникнет, пока я жив и пока я Государь милостью Божьей!»

Оценивая мятеж декабристов, он заявлял:

«Это не военный бунт, но широкий заговор, который хотел подлыми действиями достигнуть бессмысленных целей. Меня могут убить. Каждый день меня пугают анонимными письмами, но никто меня не запугает».

Очень точны размышления императрицы Екатерины Великой о республиканстве и демократических преобразованиях, которые пытались навязывать миссионеры темных сил Запада: «Знайте же, что если ваше правительство преобразится в республику, оно утратит свою силу, а ваши области сделаются добычею первых хищников; не угодно ли с вашими правилами быть жертвою какой-нибудь орды татар, и под их игом надеетесь ли жить в довольстве и приятности.

Безрассудное намерение Долгоруких, при восшествии на престол Императрицы Анны, неминуемо повлекло бы за собою ослабление – следственно и распадение государства; но, к счастию, намерение это было разрушено простым здравым смыслом большинства.

Не привожу примера (деления на уделы) Владимира и последствий, которые оно повлекло за собою: он слишком глубоко врезан в память каждого, мало-мальски образованного человека».

Высокую оценку деятельности Екатерины Великой по возрождению и развитию Русской государственности дал один из самых высокочтимых в народе пастырей современности Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. В книге «Русь Соборная» он указал на причины падения Русской государственности, отметил, в частности, что Петр I «не оставил своим преемникам сколь либо стройной системы державного обустройства земли Русской. Разрушено было более, чем создано, тем паче, что многочисленные новации “царя-плотника” далеко не всегда оказывались жизнеспособными, часто умирая, едва успев родиться. Среди наиболее явных недостатков государственного управления Российской Империи выделилось отсутствие

института, аналогичного Земскому Собору, инструмента, который помогал бы Самодержцу ощутить острейшие народные нужды, “из первых рук” узнать о том, что тревожит его многочисленных и разнообразных подданных».

И лишь Екатерина Великая сделала, по мнению отца Иоанна Ладожского, первый серьезный шаг к возрождению Русской Соборности. Падение Русской государственности, как отметил он, «продолжалось до тех пор, пока внутриполитическое положение России не стабилизировалось при Екатерине Великой, которая не замедлила воспользоваться этой передышкой, дабы в очередной раз попытаться восстановить разрушенную связь между Царским престолом и широкими народными массами. За время царствования сей Государыни произошли два события, которые несли на себе несомненный отсвет идеи Соборного народного представительства: созыв Уложенной комиссии и реформа местного самоуправления. В ее деятельности приняли участие 564 депутата: 28 от правительства, 161 от дворянства, 208 от горожан (из них 173 представляли купечество), 54 от казаков, 79 от государственных крестьян и 34 от иноверцев…» Иоанн Ладожский отметил, что «можно вполне обоснованно утверждать, что и по составу, и по задачам комиссия, созванная Екатериной II, явилась почти полной копией Земского собора», и что «именно труды этой комиссии помогли Императрице осуществить конструктивную реформу местного самоуправления, в результате которой применительно к новым историческим условиям были восстановлены традиционные для России начала сословной и территориальной организации». Особо отмечено в книге, что именно в этих деяниях императрицы «свое новое воплощение (пусть неполное, частичное) нашла неистребимая Русская жажда Соборного единения, органично включающего в себя механизмы местного самоуправления как свидетельство полного доверия Государя к своим верным подданным».

Русское Православное Самодержавие, как власть от Бога, покоилось на таких великих столпах, каковыми были правления Андрея Боголюбского и Иоанна Грозного, Екатерины Великой и Павла Первого. Именно они, эти государи, явили миру силу и могущества праведной власти, укрепляющей и возвышающей Державу, преумножающей ее территории, численность ее населения, поднимающей ее международный авторитет. Я написал «Держава» без прибавления «Российская». К сожалению, в наши дни утрачено это священное понятие «Держава» и извращено. Державами в равной мере называют и Эстонию, и США, и Грузию, и Польшу, и прочие страны, или, еще точнее, – злокачественные странные новообразования, несущие только зло

и ничего иного. Говорить Российская Держава – то же самое, что «масло масленое», ибо Державой правильно именовать Россию и только Россию, одну Россию во всем мире Божьем. Держава – понятие духовное и вытекает из словосочетания: «Удержание Апостольской Истины». На планете Земля есть только одна страна, одно государство, которое имеет великое предназначение, данное Самим Создателем, – «Удержание Апостольской Истины». Это государство – Россия. И только России Всевышним дарована праведная «Власть от Бога» – Православное Самодержавие. Только русский государь именуется Удерживающим. С изъятием из среды Удерживающего наступает, как учит Церковь, хаос. Только Россия является Удерживающей на Земле. Если бы темные силы сумели (что, конечно, невозможно и никогда не случится) изъять из среды (с планеты Земля) Россию, мир бы немедленно погиб в наступившем хаосе и кровавой смуте.

Вот такими Удерживающими выступали на протяжении всей истории русские государи. Вот таким Удерживающим явился и государь император Николай Первый, которого, по мнению многих добропорядочных историков, следовало бы именовать Николаем Великим.

Ему досталось тяжелейшее наследие, ему досталось общество, до крайности разложенное императором, которого мы знаем под именем Александра Первого.

Забвение православной веры, отрицание основ Самодержавия, французомания, западничество, вольнодумство – все это махрово расцвело в первой четверти XIX века и все это угрожало безопасности Державы, сильной своими национальными традициями, праведным укладом и, конечно, праведной верой предков.

XVIII век поколебал устои Православного Самодержавия, надломил традиции, внес раскол в русское общество. XIX век грозил его разрушить, ибо худшее, что оставил в наследство минувший век веку новому, аккумулировалось в дворянском заговоре против Православия, Самодержавия, против Помазанника Божьего на Русском Престоле. Это было первое гнусное клятвопреступление, ведь на Московском Земско-Поместном соборе в феврале 1613 года все без исключения сословия русского общества, весь народ России, вся Россия поклялись верности новой, соборно избранной династии.

Декабрьский бунт резко отличался от дворцовых переворотов минувшего века тем, что в дворцовых переворотах дворянство, опираясь на гвардию, произвольно меняло государей, принадлежащих к одной всенародно избранной в 1613 году династии. Декабристы планировали истребить правящую

династию, чтобы установить власть произвола и беспредела, которая бы сделала Россию легкой добычей с нетерпением дожидавшихся ее раздела между собой западных хищников. Государь император Николай Первый сорвал подлые и коварные замыслы Запада и разгромил передовой отряд темных сил Запада, чем уберег Россию от гибели.

И недаром Пушкин написал:

Нет, я не льстец, когда Царю
Хвалу свободную слагаю.

Императору Николаю Павловичу досталась тяжелейшая эпоха, охарактеризованная Борисом Башиловым предельно точно и сурово:

«Переломная эпоха, в которую правил Николай Первый, наложила на него неизмеримо тяжелое бремя. Он правил, когда мировое масонство и руководившее им еврейство окончательно утвердили свое господство в Америке и Европе.

Это была эпоха, в которую, по меткому выражению Гоголя, “дьявол выступил уже без маски в мир…” Когда “мир был в дороге, а не у пристани, даже и не на ночлеге, не на временной станции или отдыхе”. В это время “на развалинах старого мира” села тревожная юность.

В России это тревожное, родившееся во время наполеоновских войн поколение избрало своим руководителем не Николая Первого, Пушкина, Гоголя, славянофилов, а духовных отпрысков русского вольтерьянства и масонства, декабристов, и своим путем – путь дальнейшего подражания Европе»… Государь избрал более трудный путь: он решил восстановить Самодержавие в России и отказаться от традиций Петровской революции.

«Вопрос еще, – сказал однажды Николай Павлович, – хорошо ли сделал Петр, что отменил некоторые Русские благочестивые обычаи. Не придется ли их восстановить?»

Прежде всего, необходимо было восстановить Православное Самодержавие, ведь по точному определению мыслителя, «за время от Петра Первого до Николая Первого у нас не было монархии…».

Иван Лукьянович Солоневич писал: «Русские Цари и в особенности Царицы, от Петра Первого до Николая Первого были пленниками вооруженного шляхетства, и они не могли не сделать того, что им это шляхетство приказывало».

Период от Петра Первого до Николая Первого Ключевский называл дворяновластием, а Лев Тихомиров писал, что «нельзя

обвинять монархию за то, что было сделано во время ее небытия».

Николай Первый однажды сказал маркизу де Кюстину: «Меня очень мало знают, когда упрекают в моем честолюбии; не имея малейшего желания расширять нашу территорию, я хотел бы еще больше сплотить вокруг себя народы всей России. И лишь исключительно над нищетою и варварством я хотел бы одержать победы: улучшить жизненные условия Русских гораздо достойнее, чем расширяться».

Отравление Царя ради победы зла

Мы помним девиз императора Николая Павловича: «Никому – зло». Но Россия была окружена странами зла, а император – слугами зла. Государь ушел из жизни 18 февраля 1855 года. Историки выдвинули две версии. Первая звучала так: «Император умер от Евпатории в легких». Намек на то, что Русская армия не сумела препятствовать высадке союзников в Крыму. Но этот вывод сделан из вывода, в свою очередь, надуманного и лживого – из вопиющей лжи о неудачах Русской армии в кампаниях 1853 и 1854 годов. Однако, как мы уже выяснили, неудач не было. На Кавказском театре военных действий одержана полная и блистательная победа, на Дальнем Востоке противник отступил, на Балтике и на Белом море успеха врагам России тоже не удалось добиться. Лишь на Дунае Русской армии из-за предательской двурушнической политики Австрии пришлось отойти.

В Крыму боевые действия шли с переменным успехом, но главной задачи – захвата Севастополя – союзникам выполнить не удалось. Учитывая колоссальное превосходство врага в живой силе и технике, можно сделать твердый вывод – Русская армия со своими задачами справилась. И неудивительно, ведь Верховное командование осуществлял сам император Николай Павлович.

Но что же произошло? В.Ф. Иванов в книге «Русская интеллигенция и масонство от Петра I до наших дней» писал: «В начале февраля Государь заболел легкой простудой. С 7-го по 10-е никаких указаний на развитие болезни не встречается. 10–11-го простуда обнаруживается легкой лихорадкой и проходит. За последние дни с 12-го февраля здоровье заметно улучшается. Бюллетень за 14 февраля отмечает: «Его Величество ночью на 14-е число февраля мало спал, лихорадка почти перестала. Голова свободна».

Не отмечают никаких ухудшений здоровья и бюллетени за 15 и 16 февраля. В.Ф. Иванов писал по этому поводу: «Смерть явилась для всех окружающих Государя лиц полной неожиданностью. Наследник, Императрица, не говоря уже о придворных, и не подозревали смертельного исхода. До вечера 17 февраля во дворце все было спокойно, и сам доктор Мандт продолжал уверять, что нет никакой опасности. Могучая натура Императора Николая Павловича могла перенести любую простуду».

Для всех осталось загадкой случившееся. Впрочем, в траурные дни близким не до разрешения таких загадок. К тому

же шла война, и хотя враги России безуспешно пытались сломить Россию, нужно было быть постоянно начеку, ведь союзники все еще стояли в Крыму, хотя на штурм Севастополя не решались.

Обратимся вновь к размышлениям В.Ф. Иванова, открывшего в смерти императора явный масонский след: «Революционная печать, чтобы очернить светлый образ Императора-Витязя, доказывает самоубийство и участие в этом лейб-медика Мандта, который, по просьбе Государя, дал ему яд. Эту версию пустил в своих записках Пеликан, бывший консулом в Иокогаме, в «Голосе минувшего» за 1914 год (кн. 1–3). Пеликан пишет, что вскоре после смерти Императора Николая Павловича Мандт исчез с Петербургского горизонта. По словам Пеликана Венцеслава Венцеславовича (бывшего в свое время председателем Медицинского совета, президентом Медико-Хирургической академии), Мандт дал желавшему во что бы то ни стало покончить с собой Императору Николаю яду… Спрашивается: для чего нужно было посредничество Мандта, когда Император мог отравиться и без его помощи? Психологически это является совершенно невероятным. Зная характер Императора, его благородство, мужество и сознание Святости Царской власти и своего долга, невозможно допустить наличности самоубийства. Глубоко религиозный, верный и достойный сын Церкви Христовой, Православный Император не мог совершить такого греха».

Как видим, В.Ф. Иванов подтверждает выводы, которые напрашиваются сами собой. Да разве мог император Николай Павлович бросить Россию в столь трудный час, разве мог взвалить на неокрепшие еще плечи наследника престола столь тяжкий груз государственного управления? Ведь он сам, как государь, как Верховный Главнокомандующий до самой последней минуты держал в своих руках рычаги управления войсками на всех театрах военных действий.

«Непоколебимая твердость Царя и Воина, – отметил далее автор, – мысль о важных обязанностях Монарха, которые он свято исполнял в течение 30 лет, наконец, нежная любовь к своему семейству исключают всякое предположение о самоубийстве. Император Николай Павлович умирал истинным христианином и витязем. Он исповедался и приобщился Святых Таин. Призвал детей и внуков, простился с Императрицей и семейством и сказал им всем утешительные слова, простился с прислугой и некоторыми лицами, которые тут находились».

Наследнику престола он сказал: «Мне хотелось принять на себя все трудное, все тяжкое, оставить тебе царство мирное, устроенное и счастливое. Провидение судило иначе. Теперь иду

молиться за Россию и за вас! После России я люблю вас больше всего на свете!»

Император Николай Павлович ушел из жизни 18 февраля 1855 года в 12 часов 20 минут. В.Ф. Иванов считал, что загадка его смерти получает полную ясность, если сопоставить все обстоятельства, в том числе и положение на театрах военных действий, и указал, что виновником смерти государя является масонский заговор: «При изучении последних дней жизни Императора Николая наталкиваемся на странное обстоятельство: слух о смерти от простуды был пущен и поддерживался масонами Адлербергом, министром двора, и князем Долгоруковым, комендантом Императорской главной квартиры. Далее, в ночь с 17-го на 18-е, во дворце на ночь оставались поблизости Государя граф Адлерберг и лейб-медик Мандт, которые унесли в могилу тайну смерти Императора».

Отравление было единственным способом устранить государя, который уже почти повернул ход войны в катастрофическом для союзников направлении. К сожалению, император был слишком благороден и доверчив – он не допускал и мысли, «что его могут обмануть и предать на мученическую смерть». Смерть от отравления – мучительна… Еще более мучительной она была для императора, осознававшего, что он оставляет Россию в трудный для нее час борьбы с шакальими стаями ублюдков, испокон веков зарившихся на ее богатства.

Едва он ушел из жизни без всяких к тому причин, клеветники принялись за дело. Так уже наш современник (из нынешнего ордена русской интеллигенции) А. Смирнов написал: «Самоубийство Императора являлось наиболее подходящим способом разрешения всех противоречий, личных и государственных. В этом убеждаешься, когда знакомишься с воспоминаниями Ивана Федоровича Савицкого, полковника Генерального штаба, адъютанта Цесаревича Александра».

Чем же мнение Савицкого привлекло историка? Да тем, что тот был активным участником антирусского восстания 1863 года против престола, против Самодержавной власти, против России и потом скрывался в Европе. Именно на этом основании он почитался «осведомленным», ибо являлся предателем Родины. А выдумки предателей, подобных Курбскому и Савицкому, всегда в чести у историков, ненавидящих Россию.

Но можно ли считать беспристрастным такого современника Николая Павловича, который отзывался о нем, императоре, следующим образом: «Тридцать лет это страшилище в огромных ботфортах, с оловянными пулями вместо глаз безумствовало на троне, сдерживая рвущуюся из кандалов (?) жизнь, тормозя

всякое движение (особенно по железной дороге?), расправляясь с любым проблеском свободной мысли, подавляя инициативу, срубая каждую голову, осмеливающемуся подняться выше уровня, начертанного рукой венценосного деспота…» И далее в том же духе. Какой же инициативе помешал император? Повесить Царскую фамилию? Пустить в распыл Державу? Поддаться иностранным ворогам, жаждущим Русских земель? Помешал крепостникам с «проблеском свободной мысли» еще крепче взгромоздиться на шее своих рабов?

Савицкий ненавидел Русского Самодержца. Ему был дорог и близок «немец Мандт» – личный враг государя, которому Николай Павлович, будучи благородным и честным сам, доверял. Историк А. Смирнов, сам того не понимая, доказывает обратное тому, что хотел доказать – доказывает, что император умер не от болезни, что к середине февраля он практически излечился от сильной простуды. И вдруг последовали внезапное ухудшение здоровья и смерть… Объяснение случившегося дается со слов проходимца Мандта, бежавшего из России сразу же после кончины императора за границу. Почему же он, личный враг государя, вдруг сбежал? Оказывается, опасался, что его заподозрят в отравлении. Объяснение, прямо скажем, рассчитано на полных идиотов. Честному человеку, невиновному человеку нет оснований бояться того, чего боялся Мандт. Между тем уже за границей, где Мандт устроился очень недурно, осыпанный материальными поощрениями за выполнение задачи, он заявил, что император приказал ему, личному врачу, принести яд. На возражения же грозно повторил свое приказание. В чем была угроза? Да в том, оказывается, что Николай Павлович пообещал добыть яд своим путем, если его не доставит врач. Каким же это путем? Все медикаменты находились в ведении лейб-медика. И какое видит историк разрешение противоречий? Дезертирство, подобное тому, что совершил Благословенный, внезапно оставив престол и тем самым создав революционную ситуацию, которой и воспользовались государственные преступники, именуемые декабристами?

Все это еще раз подтверждает верность выводов В.Ф. Иванова о том, что в трудный для России час, в момент ожесточенной борьбы против объединенных сил Европы, которая, кстати, укрыла и Мандта, и Савицкого, такой Самодержец, как Николай Первый, не мог пойти на самоубийство, противоречившее не только его вере, но и его взглядам и убеждениям.

Но, к счастью, не все историки бесчестны в освещении жизни великого Православного Самодержца: Борис Башилов указал: «Николай Первый обладал ясным, трезвым умом, выдающейся

энергией. Он был глубоко религиозный, высоко благородный человек, выше всего ставивший благоденствие России». Французский дипломат, живший в Петербурге, писал: «Нельзя отрицать, что Николай Первый обладал выдающимися чертами характера и питал лучшие намерения. В нем чувствуется справедливое сердце, благородная и возвышенная душа. Его пристрастие к справедливости и верность данному слову общеизвестны».

«Тебя потомство лишь сумеет разгадать…»

Маркиз де Кюстин при встрече с Николаем Первым сказал ему: «Государь, Вы останавливаете Россию на пути подражательства и Вы ее возвращаете ей самой».

Император ответил ему: «Я люблю свою страну и я думаю, что ее понял, я Вас уверяю, что, когда мне опостылевает вся суета наших дней, я стараюсь забыть о всей остальной Европе, чтобы погрузиться во внутренний мир России». Маркиз спросил: «Чтобы вдохновляться из Вашего источника?» – «Вот именно. Никто не более Русский в сердце своем, чем я!» Император прибавил к сказанному: «Меня очень мало знают, когда упрекают в моем честолюбии; не имея малейшего желания расширять нашу территорию, я хотел бы еще больше сплотить вокруг себя народы всей России. И лишь исключительно над нищетою и варварством я хотел бы одержать победы: улучшить жизненные условия Русских гораздо достойнее, чем расширяться… Лучшая теория права – добрая нравственность, и она должна быть в сердце не зависимой от этих отвлеченностей и иметь своим основанием религию».

Фрейлина Тютчева точно выразила задачи императора, который, по ее словам, «считал себя призванным подавить революцию – ее он преследовал всегда и во всех видах. И действительно, в этом есть историческое призвание Православного Царя».

Профессор К. Зайцев дал такую характеристику императору: «Он не готовился царствовать, но из него вырос Царь, равного которому не знает Русская история. Николай Первый был живым воплощением Русского Царя. Как его эпоха была золотым веком Русской культуры, так и он сам оказался центральной фигурой Русской истории. Трудно себе представить впечатление, которое производил Царь на всех, кто только с ним сталкивался лицом к лицу. Толпа падала на колени перед его властным окриком. Люди ни в коей мере от него не зависящие, иностранцы, теряли самообладание и испытывали всеобщее, труднообъяснимое, а для них и вовсе непонятное, поистине мистическое чувство робости, почтения. Мемуарная литература сохранила бесчисленное количество свидетельств такого рода».

Судьба Николая I, история его царствования, как, впрочем, и многие другие страницы Российской истории, представлялись и до сих пор представляются в исторической литературе тенденциозно – не с точки зрения интересов страны и народа, а лишь с позиций господствующих идеологий. Георгий Чулков в

книге «Императоры» отмечал, что «панегириков Царствования Николая I было мало, больше было страстных хулителей». Да и понятно, ведь император был противником либерализма и отстаивал иерархию ценностей в обществе. Он был сторонником законности, подавил выступление бунтовщиков на Сенатской площади. Этого ему простить не могли те, для кого Россия была не Родиной, а лишь местом «ловли счастья и чинов». Но почему же до сих пор преобладает в литературе ложное представление об императоре?

Конечно, если всякий мирный период в истории России считать «консервативностью» и «застоем», если всякую революционность, то есть антигосударственность, считать прогрессивностью, тогда император Николай Павлович действительно «консерватор». Но наш жестокий век, казалось, уже должен убедить, что отстаиваемая государем самодостаточность государства есть дело праведное, что консерватизм – есть дело праведное и полезное для государства, ведь, как указывал Иван Лукьянович Солоневич, «Россия падала в те эпохи, когда Русские организационные принципы подвергались перестройке на западноевропейский лад».

Свободный выход России из Черного моря, наши успехи на Балканах, авторитет России во всем мире, что теперь так трудно возвратить после десятилетия черного ельцинизма, разве это не дороже для страны и народа, чем «прогрессивный» либерализм? Разве не дороже то, что императору Николаю I удалось удержать Россию над пропастью революции, которая в XIX веке потрясла всю Европу.

Огромная заслуга императора в том, что он отстоял Великую Россию и надолго отодвинул великие потрясения. Эпоха императора Николая I характеризовалась жесточайшей и упорной борьбой между сторонниками развития России по Самодержавному, Православному, национальному пути, проложенному святым благоверным князем Андреем Боголюбским и местночтимым святым благоверным Царем Иоанном IV Васильевичем Грозным, императрицей Екатериной Великой и императором Павлом I и так называемыми западниками, идейными последователями запрещенного в 1826 году масонства, стремившимися сделать Россию сырьевым придатком своего обожаемого Запада. Заслуга императора в том, что, как отмечали мыслители, стоявшие на патриотических позициях, после подавления бунта декабристов и запрещения масонства русские цари перестали быть источниками европеизации России, подобно Петру I и Анне Иоанновне, распустившей «бироновщину», и Петра III. Они стали на путь

возвращения к русским традициям, беспощадно выкорчеванным в эпоху Петра и «бироновщины».

Иван Александрович Ильин писал: «Император Николай I остановил Россию на краю гибели и спас ее от нового “бессмысленного и беспощадного бунта”. Мало того, он дал русской интеллигенции срок, чтобы одуматься, приобрести национально-государственный смысл и вложиться в подготовленные реформы Александра II. Но она не использовала эту возможность».

Выдающийся русский ученый Александр Евгеньевич Пресняков (1870–1929) в книге «Российские Самодержцы» писал: «Время Николая Первого – эпоха крайнего самоутверждения Русской Самодержавной власти в ту самую пору, как во всех государствах Западной Европы монархический абсолютизм, разбитый рядом революционных потрясений, переживал свои последние кризисы. Там, на Западе, государственный строй принимал новые конституционные формы, а Россия испытывает расцвет Самодержавия в самых крайних проявлениях его фактического властвования и принципиальной идеологии. Во главе Русского Государства стоит цельная фигура Николая Первого, цельная в своем мировоззрении, в своем выдержанном, последовательном поведении. Нет сложности в этом мировоззрении, нет колебаний в этой прямолинейности. Все сведено к немногим основным представлениям о власти и государстве, об их назначении и задачах, к представлениям, которые казались простыми и отчетливыми, как параграфы воинского устава, и скреплены были идеей долга, понятой в духе воинской дисциплины, как выполнение принятого извне обязательства».

Вспомним, что в самом начале своего царствования, 14 декабря 1825 года, Николай Павлович сказал: «Я не искал Престола, не желал его. Бог поставил меня на этом месте, и пока Богу угодно будет оставить меня тут, буду исполнять долг свой, как совесть велит, как убежден, что должно и нужно действовать».

Графиня А.Д. Блудова писала по поводу этих слов государя: «Такое убеждение, такая воля христианская руководила им с первой минуты, и никогда доныне не изменял он своего образа мыслей. Эта теплая вера, однако, не увлекала его в мистические экстазы, но сильно и непоколебимо привязала к родной Православной Церкви, и с любовью к ней слилась у него и горячая любовь к Отечеству, любовь ко всему Русскому, всегдашняя готовность жертвовать собою, жертвовать своею жизнью за спокойствие, за величие, за славу России. Сколько раз он доказывал это, принадлежит рассказать историку; мы только

напомним о маловажных, ежедневных доказательствах приверженности его ко всему родному. Привычка говорить по-русски, даже с женщинами (дотоле неслыханное дело при Дворе), любимый казацкий мундир, им первым введенный в моду, привычка петь тропари праздничные и даже всю обедню вместе с хором в церкви – это одно мелочи; но модные дамы времен Александра рассказывают, какое это сделало впечатление, как удивило, как показалось странным, причудливым и какой сделало поворот в гостиных, впоследствии и в семейной жизни, и в воспитании, и мало-помалу разбудило народное чувство и дало повод тому стремлению возвращаться ко всему строю отечественному, которое нынче слишком далеко увлекает иных и даже доходит до смешного руссицизма. Разумеется, всему есть границы; но мы должны сознаться, что замечательнейшая черта нашего времени есть сильное, может, чрезмерное чувство народности, привязанность к обычаям и к языку родного края, какое-то, так сказать, притяжение, влекущее друг к другу единородные племена. Но это чувство было усыплено, появлялось разве между некоторыми учеными или литераторами и вовсе не замечено было большинством; Николай Павлович при самом восшествии на престол первый у нас показал пример, и поколение, при нем возросшее, уже далеко отступило от инородных мнений и с любовью и рвением старается о всем родном. В своих привычках и привязанности ко всему национальному Николай Павлович опередил своих современников и показал то предчувствие нужд и стремлений своего века, о которых мы упоминали как о черте отличительной для людей, избранных Провидением и посылаемых Им во дни великих переворотов общественных».

Аполлон Майков посвятил государю стихотворение «Коляска», которое является лучшим апофеозом его царствования:

Когда по улице, в откинутой коляске,
Перед беспечною толпою едет Он,
В походный плащ одет, в солдатской медной каске,
Спокоен, грустен, строг и в думу погружен,
В Нем виден каждый миг Державный повелитель,
И вождь, и судия, России промыслитель,
И первый труженик народа Своего.
С благоговением гляжу я на него,
И грустно думать мне, что мрачное величье
В Его есть жребии: ни чувств, ни дум Ег
Не пощадил наш век клевет и злоязычья!

И рвется вся душа во мне ему сказать
Пред сонмищем Его хулителей смущенным:
«Великий человек! Прости слепорожденным!
Тебя потомство лишь сумеет разгадать,
Когда История пред миром изумленным
Плод слезных дум Твоих о Руси обнажит.
И, сдернув с Истины завесу лжи печальной,
В ряду земных царей Твой образ колоссальный
На поклонение народу водрузит».

И заключил свои поэтические мысли фразой: «Как сказал один молодой человек: “Государь такой Русский, что нельзя и вообразить себе, что в нем даже одна капля чужестранной крови”. Дай Бог нам еще долго сохранить его! На него точно можем мы положиться и знаем, что он никогда нам не изменит, как не изменит ему никогда его родная Русь!»

В заключение нельзя не вернуться еще раз к супружеским отношениям императора Николая Павловича и Александры Федоровны.

Все биографы и современники отмечали, что брак был счастливым, что Николай Павлович обожал свою супругу. Он постоянно старался делать какие-то сюрпризы. В ту пору было принято назначать шефами полков великих князей и даже великих княгинь. А уж императрица тем более была шефом, причем Кавалергардского полка. И вот однажды в Петергофе, когда полк был построен, чтобы отдать почести императору и шефу полка императрицы, Николай вышел раньше, встал во главе полка и командовал им, словно его командир.

Великая княгиня Ольга Николаевна вспоминала: «Мама впервые, как шеф этого полка, принимала парад. Она была польщена и сконфужена, когда папа скомандовал “На караул!” и полк продефилировал перед ней. Это было неожиданно и ново. Папа умел придать нужное обрамление вниманию общественности по отношению к своей супруге, которую он обожал».

Сколь-нибудь серьезных данных о «любовных похождениях» императора не существует. Есть пасквили, которые сочинены Герценом и Огаревым, но в большей степени все-таки Герценом. Но о таковых можно сказать словами Павла Чичагова, опровергающего сплетни о Екатерине Великой, что они судят за то, за что должны бы в первую очередь краснеть сами. То есть достаточно фактов о нечистоплотности в вопросах любви обоих пасквилянтов. Как можно верить Герцену, ненавидевшему не

только Русской Православное Самодержавие, но и саму Россию? Герцену, который пустился в пляс, когда узнал о смерти Николая Первого.

Леонид Выскочков, автор целого ряда книг о Николае Первом, и в том числе книги серии ЖЗЛ, показал всю низость и глупость клеветников:

«Представители революционно-демократических кругов привычно обвиняли Николая Павловича к домогательствам по отношению к женщинам, циничности, двуличии, лицемерии, отказывая ему в то же время в подлинной страсти. «Я не верю, – писал А.И. Герцен, – чтоб он когда-нибудь страстно любил какую-нибудь женщину, как Павел Лопухину, как Александр всех женщин, кроме своей жены; он пребывал к ним благосклонен, не больше».

Впрочем, гораздо большего доверия вызывают воспоминания Александры Осиповны Смирновой-Россет. К примеру, она привела расписание дня императора: «В девятом часу после гулянья он пьет кофе, потом в десятом сходит к императрице, там занимается, в час или в час с половиной опять навещает ее, всех детей, больших и малых, и гуляет. В четыре часа садится кушать, в шесть гуляет, в семь пьет чай со всей семьей, опять занимается, в десятого половина сходит в собрание, ужинает, гуляет в одиннадцать, около двенадцати ложится почивать. Почивает с императрицей в одной кровати».

Александра Осиповна задавала вопрос пасквилянтам и сплетникам:

«Когда же царь бывает у фрейлины Нелидовой?..» И прибавляла, что он был «идеальным мужем и отцом».

И вот этот человек, любящий муж, примерный отец и, что главное, поистине великий Государь, отравлен врагами России. Как пережила кончину обожаемого ею супруга Александра Федоровна? Современники отмечают, что она едва смогла оправиться от нервного потрясения, сильно изменилась внешне. На нее навалились болезни, стало быстро портиться зрение. Пришлось выезжать за границу на лечение, но жить вне России она уже не могла. Ненадолго пережив супруга, она скончалась в 1860 году. Было ей 62 года…

«Царь освободитель» и его любовные приключения

«“Венчание с Россией” Цесаревича Александра Николаевича»

Удивительное, но теперь уже малоизвестное событие, о котором пойдет речь, произошло в печальный для России год, когда от рук наймита темных сил Запада пал Русский гений и духовный вождь русского народа Александр Сергеевич Пушкин. Но недаром говорят: неисповедимы пути Господни – столетие спустя события этого года праведным громом отозвались в России, напомнив, что преступно, да и небезопасно предавать забвению заповеданное Всевышним: «Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу Божию» (Быт. 9: 6). Тем же, кто игнорирует эту заповедь, Всемогущий Бог напоминает: «У Меня отмщение и воздаяние… Я – и нет Бога, кроме Меня: Я умерщвляю и оживляю, Я поражаю и Я исцеляю: и никто не избавит от руки Моей… И ненавидящим Меня воздам» (Втор. 32, 35, 39, 41).

Оплакала Россия Пушкина, и никому неведомо было тогда, что придет час расплаты для идейных наследников тех, кто направлял коварную и безжалостную руку ничтожества по имени Дантес, кто направлял и другое ничтожество по имени Аренд – ничтожество, презревшее клятву Гиппократа, ради исполнения масонской клятвы.

Но после столь сурового и тяжкого вступления пора обратиться к самому событию – событию светлому, ибо ничто другое не несет в себе столько радости и света, как удивительное и неповторимое чувство любви. Недаром же знаменитый русский философ и замечательный поэт Владимир Сергеевич Соловьев написал: «Все, кружась, исчезает во мгле, неподвижно лишь Солнце Любви!»

Главными участниками событий печально знаменитого 1837 года оказались люди, до того времени друг другу незнакомые: наследник престола Российского великий князь Александр Николаевич – сын государя императора Николая Первого, и смоленская красавица Елена Алексеевна Каретникова – дочь помещика Алексея Степановича Каретникова, награжденного за службу государеву личным дворянством и купившего имение в Кимборове Смоленской губернии.

С кого же начать рассказ? А начать его, наверное, правильнее с представительницы нежного и прекрасного пола, подобное определение сего пола более чем оправдывающей.

Быт дворянских усадеб девятнадцатого железного века… Как

прекрасно описан он Тургеневым! А разве не предстает он перед нами в незабвенном Пушкинском «Евгении Онегине»?! Да, именно так расцветали в «дворянских гнездах» несравненные русские красавицы!

Как знать, быть может, и Елене Каретниковой была уготована судьбы Татьяны Лариной – замужество по воле родительской, переезд в столицу с вельможным супругом, а может, и патриархальная жизнь в одном из соседских смоленских поместий, воспитание детей, хлопоты хозяйственные. Но Елена Каретникова самим Провидением была востребована на большее, хотя это «большее» оказалось незримым для обывательского ока.

Как и все девушки ее возраста – дочери соседских помещиков, она получила образование домашнее, поскольку отец ее, дворянин лишь в первом колене, стремился следовать общему для всех негласному правилу. И конечно же она увлекалась романами, конечно же была мечтательна. И конечно же ее волновала судьба Татьяны Лариной. А быть может, и судьба другой Татьяны – Татьяны Болтовой, героини повести Василия Нарежного, быстро приобретшего популярность в начале века и нареченного литературной критикой первым русским романистом. Но, кроме исторической повести «Татьяна Болтова», она не могла не прочитать столь же необыкновенно популярные «Славенские вечера», отличавшиеся напевным, лиричным, более поэтическим, нежели прозаическим слогом.

Сколько восхищения было адресовано в тех поэтических строках великим державным мужам земли Русской, сколько нежности посвящено и природе русской и русским девушкам, рожденным этой славной землей. «Прелестна заря утренняя, когда ланиты ее сияют на чистом небе; благоухающ ветр кроткого вечера, когда веет он с лона розы и лилии; блистательны прелести ваши, девы славенские, когда кротость души и спокойствие сердца изображают светлые взоры ваши!» Не может не взволновать очарование этих строк, посвященных красавицам священной земли Русской, названной Нарежным «Славенской Землею», ибо в давние, далекие времена и Новгородская Русь звалась «Славенией».

Даже Библия не обошла вниманием славных дочерей Земли этой Славной. В главе 6 книги Бытия читаем:

«1. Когда люди начали умножаться на земле, и родились у них дочери.

2. Тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал.

3. И сказал Господь (Бог): не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками (сими); потому что они плоть; пусть

будут дни их сто двадцать лет.

4. В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди».

А славные люди, как говорит нам древняя книга славян «Книга Велеса», и есть славяне. Недаром же и поныне во всем мире столь ценятся женщины, рожденные на славной земле «славенской». И сознавая их необыкновенное достоинство, которое, увы, стало утрачиваться во времена западничества, первый русский романист и стилист, которому немного было равных, Василий Трофимович Нарежный, обращался к своим современницам через «Славенские вечера», посвященные древности, в новелле, наименованной «Вечер VII: Ирена»:

«Не подражайте дщерям земель иноплеменных, которые славу свою полагают в искусстве прельщать, не чувствуя влечения сердечного. Тщеславятся они числом побед своих, коварством приобретаемых. Прелестью жизни называют они свободу буйную не покоряться святым законам стыдливости, лучшему украшению пола прелестного. Не подражайте им, дщери российские. Внемлите древней песне моей. Вы познаете, что победы таковы непродолжительны. Время откроет коварство, разврат, сокрытые под личиною кроткой любезности. Тогда исчезнет торжество мнимое, и преступная прелестница будет жертвою несчастною своих замыслов!»

Была причина в XIX веке восхищаться веками давними, как это делал Василий Нарежный в «Вечере VI»:

«Веки отдаленные! Времена давно протекшие! Кто из сынов Славена воспомянет об вас без кроткого трепетания сердца и благодарной слезы на глазах – в дань памяти предкам, великим своими доблестями? Тогда величие и крепость духа возводили на верх славы и счастия и красота была наградою достойною. Не обладал тогда древний, изможденный сластолюбец юными красами дщери славенской, хотя бы обладал он златом Востока целого. Веки отдаленные! Времена давно протекшие! Когда возвратитесь вы на землю Славенскую?»

Да, нравы века XIX, увы, отличались уже от нравов веков древнейших. И райскому цветку, распустившемуся на исконно русских Смоленских просторах, цветку, по имени Аленушка, суждена была доля многих юных пташек-горлинок, вылетевших из дворянских гнезд. Ей суждено было стать супругою нелюбимого…

Весною 1838 года, следующего за печальным годом России, выдана была первая Смоленская красавица Елена Алексеевна Каретникова за соседского помещика Михаила Кузьмича

Пржевальского, человека некрасивого, угрюмого, скучного, да к тому же и летами ее старшего.

Выдана была Смоленская Аленушка по воле отца Алексея Степановича Каретникова, но против ее воли. Правда, есть одна немаловажная деталь – отец и сам не хотел того брака, даже за девять месяцев до того отказал от дома чересчур настойчивому просителю руки дочери Михаилу Пржевальскому. И тем не менее весной 1838 году он выдал дочь за нелюбимого ею человека. В те времена подобные браки не были редкостью. Во многих литературных произведениях они уже не раз осуждены.

Но мы не в праве строго судить Алексея Степановича Каретникова за то, что он выдал свою дочь против воли ее за нелюбимого Михаила Пржевальского, поскольку побудили его к тому причины, прямо скажем, существенные и далеко не обычные.

Но прежде чем коснуться этих причин, необходимо познакомиться поближе с самим Алексеем Степановичем.

Был он родом со Смоленщины, служил дворовым у господ, которые в ту пору владели деревней Кимборово. Когда время пришло, призван был на службу государеву и за свой «гвардейский рост и физическую силу» назначение получил в фельдъегерский корпус, а за необыкновенное усердие в службе оказался включенным в свиту государя. В годы Отечественной войны 1812 года не раз был направляем с депешами особой важности к самому Главнокомандующему генерал-фельдмаршалу Кутузову. К концу службы получил чин магазин-вахтера, а при выходе в отставку награжден был чином коллежского регистратора и соответственно с этим пожалован личным дворянством по Указу императора Николая Павловича, не ведая, разумеется, что судьба незримыми нитями свяжет его с сим великим государем России.

После выхода в отставку остался в Петербурге, где получил должность таможенного смотрителя на пакгаузе. Конечно, новоиспеченному дворянину не очень легко было войти в изысканное столичное дворянское общество, к тому же сплошь помешанное на западничестве и донельзя зараженное вольнодумством. Был он, как и всякий честный солдат, приверженцем государя и не понимал мнимых прелестей западного безвластия, под личиной которого скрывалась жестокосердная тайная власть темных сил. Ему оказалось ближе общество купеческое, которое, может быть, и не отличалось особой манерностью, но, как принадлежавшее к среднему классу, обычно наиболее патриотичному, стояло за твердый порядок в Державе.

В этом обществе и познакомился Алексей Степанович с очаровательной (красоту Елене Алексеевне было от кого наследовать) дочерью купеческой Ксенией Ефимовной Демидовой. Алексей Степанович смог зажечь сердце красавицы, поскольку был не только роста гвардейского и сложения богатырского, но и умом и даже внутренней культурой выгодно отличался от остальных женихов, увивавшихся возле богатой невесты.

Без памяти влюбленный в красавицу Ксению, Каретников с трепетом просил ее руки и получил согласие как самой невесты, так и ее богатого и властного родителя. Демидов дал за дочерью хорошее приданое, и молодые Каретниковы решили перебраться в деревню, где сделаться добрыми русскими помещиками и заняться воспитанием детей.

Алексея Степановича, естественно, притягивало родное Кимборово, и он уговорил наследников своего бывшего барина уступить деревеньку за сходную цену. Так и оказался на Смоленщине, да не один, а с красавицей женой. Провинциальное общество не было столь чванливым, как столичное, – соседи приняли Каретниковых тепло и радушно, а новый кимборовский помещик отплатил им тем, что внес новую, живую струю в провинциальную рутину. Приобщившись еще во время службы государевой к пению и музыке, Алексей Степанович создал в своем поместье небольшую хоровую капеллу, завел музыкантов, и на балах в его доме было всегда одновременно и ярче, и веселее, и в то же время проще и уютнее, чем у других. Не забывал Алексей Степанович и о том, что вышел он не из барского сословия, а потому всегда готов был прийти на помощь бедным, да и просто попавшим в беду людям, никогда не обходил вниманием нищих.

Молва о хлебосольном помещике, интересном собеседнике, блестящем рассказчике быстро облетела округу, а со временем к этой молве прибавилась и молва другая – молва о необыкновенно красивой дочери, выдавшейся в признанную уже на Смоленщине красавицу мать.

Среди соседей тотчас же нашлись и женихи, средь которых, правда, достойных не наблюдалось. Особенно досаждал один – отставной капитан Михаил Кузьмич Пржевальский, человек, по описаниям, «высокого роста, худой, болезненный и некрасивый, с мутными глазами и колтуном на голове», да к тому же еще и бедный. Бедность конечно же не порок, особенно в представлении Алексея Степановича. И вовсе не бедность жениха отвращала от него и саму невесту Аленушку, и ее отца, а прочие вышепоименованные качества этого настырного претендента.

Род Пржевальских восходил к запорожскому казаку Корнилу Анисимовичу Паровальскому, поступившему в середине XVI века на службу к ляхам, угнетавшим окраинные, или, как их именовали, украйные, земли Малороссии, постепенно получившие название Украйны, а затем и Украины. Паровальский успел отличиться не только в боях с малороссами, но за «доблести» при разорении Полоцка и Великих Лук польский король Стефан Баторий в ноябре 1581 года возвел его в шляхетство и пожаловал гербом «Лук», а фамилию повелел изменить на Пржевальский. В переводе с польского означает она – «идущий на пролом». И хотя этот идущий на пролом был осыпан множеством милостей, в числе которых жалование в 1581 году «пяти служб людей» в Сурожской и Велижской волостях, потомки его не пожелали ходить на пролом против России.

У Казимира Фомича Пржевальского, отца уже упомянутого нами незадачливого претендента на роль жениха Елены Каретниковой, что-то не сложилось с ляхами. Определенный на обучение в Полоцкую иезуитскую школу, он неожиданно бросил учебу и бежал в Россию, воевать с которой в то время стало весьма и весьма опасно, а тем более совсем не прибыльно. Безвозвратно минули те времена, когда поляки бесчинствовали в русских пределах. Брат Казимира Франц Фомич уже служил в Русской армии, воевал против Наполеона в чине майора. За отличие при Тарутине он был награжден орденом Св. Анны 4-го класса, позже был дважды ранен, но неизменно возвращался в строй. Очевидно, не без его влияния перешел Казимир на сторону России и при крещении в православную веру стал Кузьмой Фомичем.

Дослужился до штаб-капитанского чина и сын его Михаил. В 1835 году он вышел в отставку по болезни и поселился в Ельнинском уезде, где отец его Кузьма Фомич служил управляющим у помещика Пилибина.

И вот в 1837 году Михаил Пржевальский дерзнул просить руки Елены Алексеевны. Алексей Степанович был так возмущен, что не только отверг это предложение, но и вообще отказал Пржевальскому от дома.

Обратимся теперь к другому участнику описываемых событий, к наследнику престола великому князю Александру Николаевичу. Император Николай Первый был очень недоволен постоянными любовными увлечениями сына. Цесаревич уже в пятнадцать лет ухаживал за фрейлиной матери Натальей Николаевной Бороздиной, которая была старше его на два года. И ухаживание его имели успех. Не обходил вниманием и других

фрейлин.

Так, в январе 1837 года, когда ему было уже девятнадцать, избранницей его снова стала фрейлина матери, на этот раз красавица Ольга Калиновская, полячка.

И тогда император Николай Первый решил отправить сына в путешествие по России.

Увлечение Ольгой Калиновской было достаточно сильным. Младшая сестра цесаревича писала по этому поводу: «Саша уезжал с тяжелым сердцем. Он был влюблен в Ольгу Калиновскую и боялся, что во время его отсутствия ее выдадут замуж».

Тем не менее император все же надеялся, что путешествие излечит сына от этой любви.

2 мая 1837 года кортеж великого князя выехал из столицы. Наследника престола сопровождал поэт Василий Андреевич Жуковский.

Не случайно. Жуковский был человеком жестким, и государь не раз поручал ему ответственные дела. Вот и теперь дело было серьезным.

Император хотел, чтобы сын познакомился с Великой Державой, в управление которой ему предстояло рано или поздно вступить.

Маршрут путешествия был составлен самим государем и пролегал по огромному пространству от Санкт-Петербурга через Новгород, Тверь, Ярославль и Кострому на Урал. Намечалось посетить Екатеринбург, Тюмень, Тобольск, а затем возвратиться в Поволжье. Оттуда – через Воронеж, Тулу, Рязань, Смоленск и Бородино прибыть в Москву. Из Москвы через Владимир, Нижний Новгород и Муром предполагалось проехать на юг. А уже затем вернуться в Петербург. За полгода предстояло объехать всю Россию и даже побывать в Сибири.

«Ты первый из нас в сем отдаленном крае! – писал сыну император. – Какая даль!.. Но какое и тебе на всю жизнь удовольствие, что там был, где еще никто из Русских Царей не бывал…»

А Василий Андреевич Жуковский вспоминал: «Мы летим, и я едва успеваю ловить те предметы, которые мелькают, как тени мимо глаз моих».

Остановок было много, много интересных встреч, которые давали великому князю представление о России. Жуковский вспоминал, что вставали каждый день в половине шестого утра, а ложились за полночь. Великий князь успевал вести путевой журнал и писать письма родителям. Жуковский с восхищением рассказывал императрице Александре Федоровне: «Великий Князь постоянно пишет к Вашему Величеству, и Вы получаете от него

обо всем самые свежие известия. Завидую ему в этой способности владеть пером во всякое время, с незапутанными мыслями, после величайшей усталости… Могу всем сердцем радоваться живым полетам нашего возмужавшего орла и, следуя за ним глазами и думой в высоту, кричать ему с земли: смелее, вперед по твоему небу! И дай Бог силы его молодым крыльям! Дай Бог любопытства и зоркости глазам его: то небо, по которому он теперь мчится прекрасно, широко и светло: это – наша родная Россия!»

Василий Андреевич Жуковский всегда питал добрые чувства к Александру. На его рождение он написал:

Лета пойдут; подвижник молодой
Откинувши младенчества забавы,
Он полетит в путь опыта и славы…
Да встретит он обильный честью век,
Да славного участник славный будет,
Да на чреде высокой не забудет
Святейшего из званий – человек!..

Но в путешествии Жуковский соблюдал указанные государем строгости и ограничения – никаких балов, никаких торжественных приемов, никаких увеселений.

Распорядок дня был достаточно суровым: «Встав в пять часов, ехать в шесть утра. Не останавливаться для обеда, ни завтрака на дороге до ночлега, буде на пути есть предмет любопытный, то останавливаться для осмотра».

Ну а непосредственно цесаревичу император дал такую инструкцию:

«По приезде на место посетить в губернских городах собор, или даже в уездах те места, где хранятся предметы особого богомолья. Засим по приезде на квартиру обедать, призывая к столу только губернаторов. Вечер посвятить записыванию в журнал всего виденного в течение дня и ложиться пораньше спать».

И далее такое требование: «Первая обязанность твоя будет все видеть с той непременной целью, чтобы подробно ознакомиться с государством, над которым рано или поздно тебе определено царствовать. Поэтому внимание твое должно равно обращаться на все. Не показывая предпочтения к которому либо одному предмету, ибо все полезное равно тебе должно быть важным; но при том и обыкновенное тебе знать нужно, дабы получить понятие о настоящем положении вещей…

‹…› Нет сомнения, что везде тебя с искренней радостью

принимать будут, ты внутри России увидишь и научишься ценить наш почтенный, добрый русский народ и русскую привязанность, но не ослепись этим приемом и не почти сие за заслуженное тобой, тебя примут везде как свою надежду, Бог милосердный поможет ее оправдать, ежели постоянно перед глазами иметь будешь, то твои мысли и чувства одну ее постоянным предметом иметь будут».

Но во время пребывания в Туле он отпросился повидать родственников, живших в одном из уездных городков. Отставание всего на несколько дней имело чрезвычайные последствия.

Путь в Смоленск пролегал через уже упомянутое нами село Кимборово, достиг которого великий князь Александр Николаевич со свитою теплым июльским вечером. Было решено заночевать у хлебосольного помещика Каретникова, чтобы в губернском городе появиться утром следующего дня. Поскольку не было рядом сурового наставника Жуковского, все строгости тут же забылись, и в Смоленск наследник престола отправился уже в сопровождении красавицы Елены Каретниковой, увлеченный ею явно не без взаимности. В те жаркие дни середины лета 1837 года ярко вспыхнул огонь взаимной страсти, помешать которой был не в силах никто. Не осталось и следа от тех петербургских романов, против которых был настроен царственный батюшка Николай Павлович. Лечение путешествием оказалось весьма кстати как для наследника престола, так и для России. Помазанник Божий – Николай Павлович знал, что делал, отправляя сына в это путешествие. Он посылал его в какой-то мере и для лечения от уже прогнивших и лживых столичных великосветских салонов.

И вот словно бы Провидением дарована была яркая любовь, которая заставила забыть все былое. Елена Каретникова была первой смоленской красавицей, причем, кроме прекрасных внешних, имела и другие достоинства: она получила хорошее образование и воспитание.

Роман продолжался всего несколько дней, а затем в Смоленск прибыл Жуковский, и последовала разлука – путешествие продолжалось. Лишь 12 декабря великий князь переступил порог Зимнего дворца. Жуковский впоследствии писал, что путешествие можно сравнить с чтением книги, имя которой – Россия. Но ведь и венчанием с Россией он назвал это путешествие неспроста.

Отгорело лето, отпылала золотая осень, отпуржила зима, и вдруг по весне Елена Каретникова неожиданно была выдана замуж за Михаила Пржевальского. Ларчик открывался просто. Выяснилось, что она ждала ребенка, и как-то надо было прикрыть грех. Кто отец ребенка? Документы об этом молчат, зато

свидетельствуют они о других удивительных фактах. Едва Елена Алексеевна Каретникова была обвенчана с Михаилом Кузьмичом Пржевальским, как у нее родился сын, которого назвали Николаем. Случилось это 31 марта 1838 года. Так появился на свет Николай Михайлович Пржевальский, в будущем знаменитый ученый, что достаточно хорошо известно, и генерал-майор русской разведки, что известно в меньшей степени.

Когда маленькому Николаю исполнилось пять лет, произошло событие удивительное. Михаил Кузьмич Пржевальский согласно Своду Законов Российской империи, подал прошение в Смоленскую Духовную консисторию на получение свидетельства о рождении. А через некоторое время было выдано свидетельство. Да какое!

Вот оно. Судите сами:

«СВИДЕТЕЛЬСТВО

По Указу Его Императорского Величества из Смоленской Духовной Консистории.

Дано сие за надлежащим подписанием с приложением казенной печати штабс-капитану Михаилу Кузьмичу Пржевальскому во следствие его прошения и на основании состоявшейся в Консистории резолюции для представления при определении сына Николая в какое-либо казенное учебное заведение в том, что рождение и крещение Николая по метрическим книгам Смоленского уезда села Лабкова записано следующею статьею 1839 года апреля 1-го числа Смоленского уезда сельца Кимборова отставной штабс-капитан Михаил Кузьмич и законная его жена Елена Алексеевна Пржевальские, оба православного вероисповедования, у них родился сын Николай, молитвами имя нарек и крещение совершил 3-го числа села Лабкова Священник Иван Афанасьевич Праников с причтом, а при крещении его восприемниками были Смоленского уезда сельца Кимборова коллежский асессор кавалер Алексей Степанов Каретников и Черноморского казачьего полка генерал-майора и кавалера Николая Степанова Завадовского жена Елисавета Алексеевна Завадовская.

Города Смоленска сентября 18 дня 1843 года» (ЦГИА, ф. 1343, оп. 27, д. 6459, л. 6.)».

Не случайно дата рождения установлена Указом самого государя императора, и этим же Указом поставлен вместо 1838 1839 год рождения. Нужно было увести дату рождения подальше от года пребывания в Смоленске великого князя, будущего императора Александра Второго, дабы избежать лишних пересудов и сплетен.

Ведь если бы это было просто ошибкой, Михаил Кузьмич

Пржевальский и Елена Алексеевна сразу бы ее заметили и попросили бы поправить. С другой стороны, не стали бы родители маленького Николая подавать прошение на получение свидетельства на четырехлетнего ребенка, ибо, по существовавшим правилам, документы выдавались на детей пятилетних. И никто бы их прошения рассматривать не стал. Интересно также, что к книге, хранящейся в церкви села Лабкова, где была первичная запись по поводу рождения, доступ был ограничен специальным распоряжением. Ее нельзя было взять, чтобы ознакомиться с записями. Музейные работники свидетельствуют, что подлинник этой метрической книги никогда, нигде и никому публично не был представлен. В Музее Пржевальского в Смоленской области была лишь рисованная копия листа метрической книги с упомянутой записью о рождении. Но она, вполне понятно, не может служить документальным свидетельством, так как в ней не указан год заполнения, не читается месяц рождения и не понятно какое поставлено число рождения. Подобные ограничения просто так не делаются. Следы запутывались умышленно.

Следует еще добавить, что сам Николай Михайлович Пржевальский в письмах матери, когда это приходилось к слову, указывал годом своего рождения именно 1838-й.

Есть и еще один любопытный факт. Было это уже несколько позднее, когда Николай Пржевальский учился в шестом классе гимназии, в городе Смоленске. Гимназисты задумали уничтожить журнал, в который не любимый ими преподаватель записывал всякие их проказы. Тянули жребий. Произвести сие действо выпало Пржевальскому. Николай стащил журнал и выбросил его в Днепр. Было много шуму. Провели расследование, и всех, кто, по мнению наставников, мог быть причастен к этому проступку, посадили в карцер. Пржевальский вынужден был признаться. Не хотел, чтоб страдали невиновные товарищи. Ему грозило исключение из гимназии. Мать умоляла директора гимназии оставить сына, просила даже высечь его. Но сечь дворян гимназистов, начиная именно с 6-го класса, было строжайше запрещено. Происшествие же вышло далеко за пределы гимназии и стало известно попечителю. К нему-то и обратился директор, а попечитель возьми да и отпиши в Петербург. К наследнику престола он обращаться не имел права. Обратился к его другу графу Адлербергу. А вскоре пришел ответ, причем не от Адлерберга, а от самого Александра Николаевича. На письме попечителя было начертано: «Выпороть мерзавца, и всего делов!» И стояла подпись великого князя.

Так закончилось венчание будущего императора Александра

Второго с Россией!

Когда меня спрашивают, не хочу ли сказать, повествуя о том случае, что Николай Михайлович Пржевальский являлся сыном наследника престола, впоследствии ставшего императором Александром Вторым, отвечаю: утверждать этого ни я, никто другой не может. Но судите сами, отчего вдруг было проявлено столько внимания к смоленскому отроку и при выдаче свидетельства о рождении, и по поводу его провинности в гимназии?

Впрочем, недаром же Николай Иванович Черняев столь убедительно писал о мистическом характере Русского Православного Самодержавия.

Женитьба Цесаревича

После возвращения из путешествия, чувства к Ольге Калиновской вскоре снова охватили цесаревича, ну а летнее приключение в Смоленске осталось яркой звездочкой на горизонте судьбы наследника престола, определенной не только традициями, но и буквами династического закона.

К тому же пришло время вступать в брак – и в этом наследники престола подчинялись закону. Долго холостяковать не полагалось. Александра Николаевича ознакомили со списком претенденток в невесты, тем более император решил отправить его в новое путешествие, теперь уже по Европе. Невест по-прежнему подбирали на Западе.

И вот путешествие началось. Цесаревич выехал из Петербурга в 1838 году и должен был возвратиться не ранее 1839 году.

Поездки тогда были не такими быстрыми, с частыми остановками. Год назад одна из таких остановок случилась в Кимборово. Теперь цесаревич Александр Николаевич остановился на очередной ночной отдых в Дармштадте. Случилось в марте 1839 года, причем остановка вновь, как и два года назад, оказалась внеплановой.

Вот тогда-то цесаревич и увидел дочь Дармштадтского герцога Людвига II принцессу Максимилиану – Вильгельмину-Августу-Софию-Марию, которой исполнилось всего лишь пятнадцать лет. Тогда для великих княгинь и принцесс это уже был возраст, в котором можно было вступать в брак или, по крайней мере, стать невестой. Александр Николаевич сообщил родителям о своей симпатии, и вскоре была назначена помолвка.

Но после возвращения в Петербург после европейской поездки, ровно как и после путешествия по России, цесаревич возобновил роман с Ольгой Калиновской. Еще сравнительно недавно цесаревич Константин Павлович отказался от наследования престола из-за любви к полячке. Теперь вот цесаревич Александр Николаевич заговорил о том же. Его сестра вспоминала: «Папа был очень недоволен слабостью Саши. Еще в марте он говорил о том, что согласен жениться на принцессе Дармштадтской, а теперь после четырех месяцев уже хотел порвать с нею. Это были тяжелые дни. Решили, что Ольга должна покинуть Двор».

Ольгу срочно выдали замуж. Роман прекратился. Невеста Вильгельмина-Августа-София-Мария была приглашена в Россию и после крещения в православную веру стала Марией Александровной.

В 1841 Александр Николаевич и Мария Александровна были обвенчаны. В браке своем Александр Николаевич лишь немногим уступил своему деду Павлу Петровичу. У него было восемь детей, а у деда, как помним, десять.

Родилось шесть мальчиков – Николай, Александр, Владимир, Алексей, Сергей и Павел и две девочки – Александра и Мария.

Смертность в те времена была высокой даже в семьях государей и высшей знати. В 1849 году умерла семи лет от роду дочь Александра, а 1865 году ушел из жизни цесаревич Николай. Его в двадцатидвухлетнем возрасте сразил внезапно развившийся туберкулез костей. Не было еще эффективных средств для борьбы с этим тяжелым заболеванием.

А впереди было время испытания. Отравление слугами темных сил отца – императора Николая Первого. Тяжелая обстановка на Крымском театре военных действий.

В феврале 1856 году Александр Николаевич вступил на престол русских царей, но коронация состоялась спустя полтора года, 26 августа 1856 года в Успенском соборе Москвы. Во время коронации произошло событие, которое многие истолковывали как дурное предзнаменование, во всяком случае для 30-летней императрицы. С ее головы неожиданно упала корона.

И что же, мало того что она была несчастлива в браке, не пощадил ее и туберкулез легких, который в конце концов свел в могилу. Болезнь началась после рождения восьмого ребенка. Умерла Мария Федоровна 22 мая 1880 года, менее чем за год до страшной смерти своего супруга.

До 1 марта 1801 года оставалось чуть более девяти месяцев. Тем не менее император Александр Второй решил жениться на своей давней возлюбленной. Не все эти события были позднее. А в 1855 году император только вступил на престол, и ему предстояло выдержать удар обезумевшей от озлобления против России Европы.

В 1855 году Севастополь сдан не был

Сейчас в Интернете много говорится об информационной войне Запада против России. Вот один из примеров наглой лжи о нашем Отечестве.

В 1853–1856 годах была Восточная война 1853–1856 годов. Никакой Крымской войны, само название которой надумано и относится к информационной войне, не было.

Была операция на Крымском театре военных действий в 1854–1855 годах.

В чем же дело? А вот в чем. В Восточной войне успехов, кроме как в Крыму у англичан, французов и их союзников турок, не было. На Балтике врага отбили, на Камчатке разгромили, на Дунае крепко побили. Правда, на Дунайском театре военных действий войска пришлось отвести.

Зато на Кавказе Муравьев взял Карс, что потрясло всю преступную камарилью Европы и особенно Турцию. А вот в Крыму предатель масон Меншиков обеспечил союзникам возможность высадки в Евпатории и даже умышленно оставил огромные запасы хлеба и другого продовольствия. А потом были организованные этим предателем нелепые маневры и отход к Севастополю, причем действия Меншикова удивляли самих вражеских генералов. И все закончилось Севастопольской обороной. Поистине Героической обороной!

Нам внушают, что мы в Крымской войне потеряли Севастополь. Мол, союзники – Турция, Англия и Франция с примкнувшей к ним Сардинией (совершенно напрасно, как выяснилось, спасенной нами в 1799 году) победили в Крымской войне. Но это же не война, а операция на Крымском ТВД в ходе Восточной войны. То есть только в одной операции успех, да и то не полный.

Но кто сказал, что пал Севастополь? Достаточно прочитать рапорт Потемкина от 1783 года о строительстве крепости Севастопольской, чтобы понять ложность заявления о падении города-крепости. Документ назывался «Севастопольское пристанище». Там говорилось, что укрепления в Севастополе будут построены так, что даже овладение неприятелем одной из сторон бухты не будет взятием города и противник не получит возможность господствовать в бухте, поскольку наши войска смогут прочно оборонять ее другую сторону. А в 1854 году бухта к тому же была перегорожена затопленными кораблями. После долговременной обороны наши войска по приказу командования спокойно, организованно оставили Южную (Корабельную)

сторону и перешли на Северную. Южная сторона была превращена в сплошные развалины, уже не представлявшие никакой ценности – не надо забывать, что священными те места стали именно в силу памяти об их обороне. Сегодня да! Это город-мемориал Русской воинской славы – панорама Севастопольской обороны, диорама – Штурм Сапун-горы, уникальные музеи. А сколько памятников!!! И Нахимову, и Тотлебену, и Корнилову, и Казарскому «Потомству в пример», да всех и не перечислить. А вот памятника основателю Севастополя Генерал-фельдмаршалу Светлейшему Князю Григорию Александровичу Потемкину-Таврическому так до сих пор и нет. А ведь именно его трудами совершенно бескровно присоединен Крым к России и основан город Русской Славы.

Так что, если пользоваться военной терминологией и рассматривать события операции на Крымском ТВД в ходе Восточной войны 1853–1856 годов, Севастополь сдан не был, а была оставлена лишь часть города, после того как удержание ее потеряло смысл. На Северной стороне русские войска встали прочно и не отступили ни на шаг.

Война завершилась. Россию принудили к невыгодному для нее миру. Император Николай Первый в январе 1855 года категорически отказался уступать Западу на переговорах. Но Александр Второй, хоть и был сыном своего отца, оказался слабее его по духу и твердости. Он не смог даже использовать блестящие победы генерала Муравьева, ошеломившего союзников взятием Карса.

Славной одой героям войны стало стихотворение Аполлона Майкова, прочитанное им на приеме в Петербурге.

А.Н. Майков написал его спустя год после легендарной Севастопольской обороны 1854–1855 годов и посвятил выдающемуся защитнику города, храбрейшему русскому генералу Степану Александровичу Хрулеву. Поэт сумел в стихотворных строчках рассказать о величайшем подвиге Хрулева и подвигах русских воинов:

Как честных странников, как скромных богомольцев,
Которых жизнь среди святыни протекла,
Встречаем мы теперь бойцов-севастопольцев,
Готовностью на смерть очищенных от зла.

Их много разбрелось – безруких и безногих,
И люди русские в палате и в избе
Рассказы слушают воителей убогих,
Во всех рассказах их есть повесть о тебе…

…Раз, – говорят они, – мы отдали траншеи,
Уж враг у нас свои знамена водрузил
И пушки обратил на нашей батарее.
Из них же гром гремел, и небо дым затмил.

Полтавцы смятые, от злости чуть не плача,
Рассыпалися врозь, как стадо без вождей,
Казалось, решена была борьбы задача,
Казалось, верен был в руках врага трофей…

Здесь поэт воспроизвел критический момент одного из самых сильных штурмов Севастополя, предпринятого 18 июня 1855 года. Англо-французско-турецкие войска имели подавляющее численно превосходство – 173 тысячи человек против 75 тысяч защитников города. Накануне штурма 150 тяжелых мортир, сотни орудий других калибров обрушили на бастионы города ядра, бомбы и гранаты. Утром 18 июня огонь продолжался до самого приступа. Наибольшего успеха союзникам удалось добиться в районе Малахова кургана. Судьбу ключевого пункта обороны решали минуты. Вот как написал об этом поэт:

Но некто бодрствует и духом не крушится:
Средь бомб вдруг белый конь является в огне.
В кавказской папахе усатый всадник мчится –
И слышен клик его: «Голубчики, ко мне!»

Действительно, генерал-лейтенант Степан Александрович Хрулев, сразу оценив обстановку, в нужный момент появился на Малаховом кургане и, увидев отходящих воинов, скомандовал:

– Благодетели, стена! Стой! Дивизия идет на помощь!

И громко, чтобы слышали все, отдал распоряжение ординарцу скакать к Белостоцкой церкви к генералу Павлову за дивизией, которой, как знал сам, там не было. Лишь шесть рот Якутского полка мог он взять на атакованный участок, о чем и сказал ординарцу уже вполголоса.

Однако появление обожаемого предводителя произвело впечатление на солдат, подняло их боевой дух.

Как молния в сердцах доверие блеснуло
Любимого вождя всесилен громкий зов.
Полтавцы строятся, к ним севцев горсть примкнула
И выбили врага под крик: «Ура! Хрулев!»

Хрулев! Ты победил любовию солдатской, –
Наградой верною достоинства вождя.
Она нам говорит, что сам любовью братской
Ты меньших возлюбил, их к чести приведя…

Севцы, о которых упоминает поэт, воины Севского полка, в тот критический момент возвращались с работ по восстановлению разрушенных вражеской артиллерией укреплений. Увидев их, Хрулев скомандовал:

– Благодетели! Бросай лопаты. Вперед!

Полнокровная рота Севского полка, оставив шанцевый инструмент, взяла ружья наперевес и ринулась в штыки.

Хрулев восстановил положение на участке вражеского прорыва. В тот день он, как всегда, был одет в бурку. На голове была папаха, под ним – белый красавец конь. Генерал словно дразнил вражеских стрелков, которые сразу узнавали его и открывали огонь.

Хрулеву часто говорили, что так опасно, но… Это не было бравадой – это было примером для подчиненных, ведь в Севастополе вряд ли можно сыскать в то время безопасное место.

Солдаты любили Хрулева за мужество, за то, что он в самые трудные дни обороны делил с ними все невзгоды и тяготы. Он и обращался к ним по-особому, с мужественной нежностью: «Благодетели!»

Это был генерал, во всем следовавший суворовским принципам и заветам. Он гордился тем, что состоял в дальнем родстве с великим русским полководцем. В седьмом колене перекрещивались их роды.

Принципы русской национальной школы, лучшими представителями которой были П.А. Румянцев, Г.А. Потемкин, А.В. Суворов, М.И. Кутузов, С.А. Хрулев, М.Д. Скобелев и многие другие русские генералы, нашли свое отражение в завершающем четверостишии:

В том тайна русских сил, доступная немногим, –
На подвиг доблести и в мире, и в войне
Не нужно русских звать команды словом строгим,
Но встанут все на клик: «Голубчики, ко мне!»

Стихотворение приведено полностью. Его Аполлон Майков прочел в 1856 году на обеде, который дала петербургская общественность в честь Степана Александровича Хрулева. Поэт

постиг тайну русских сил, ту тайну, которую многим агрессорам удавалось постичь лишь после понесенных поражений.

«Он испытал блаженство быть любимым»

Наступило мирное время. Пора было возобновить подготовку армии к новым схваткам с бесчисленными врагами.

В августе 1857 года под Полтавой проходили большие маневры. Император Александр Второй, полтора года назад вступивший на престол, присутствовал на них. А на обратном пути в столицу остановился на отдых в имении князя Михаила Михайловича Долгорукого, потомка старинного дворянского рода. После обеда вышел прогуляться по саду и увидел там девочку лет десяти. Поинтересовался, как ее зовут и что она там делает. Девочка бойко ответила, что она дочь Михаила Михайловича Катя и что приехала домой на каникулы. А потом добавила, что очень хотела увидеть императора России. Государь улыбнулся, поговорил немного с девочкой и велел проводить ее в дом.

Биограф Александра II Морис Палеолог писал: «Увидев ее на следующий день, Александр II был поражен прирожденной грацией княжеской дочки, прелестными манерами и большими глазами испуганной газели. Изысканно-любезно, словно она была придворной дамой, император попросил ее показать ему сад. Они долго гуляли вместе, девочка была в восторге. Воспоминание об этом событии прочно укрепилось в детской памяти Кати».

После смерти князя Михаила Михайловича император взял под свою опеку всех шестерых детей князя. У князя было четыре сына и две дочери.

Катю вместе с ее младшей сестрой он определил в Смольный институт.

Современники отмечали, что сестры, когда вышли из возраста детского, буквально сразили всех редкой красотой.

Быть может, император давно уже забыл о той десятилетней девочки, которую видел в имении под Полтавой, но в ту пору существовала у царствующего дома такая традиция – покровительство над Смольным институтом. Государь периодически посещал Смольный, но после того, как увидел среди воспитанниц Екатерину Долгорукову, которая необыкновенно расцвета, стал ездить туда очень часто.

Окончив институт, Екатерина осталась в столице, в доме своего старшего брата, князя Михаила Михайловича Долгорукова. И вот однажды, прогуливаясь по Летнему саду, она встретила императора… Ей было 17 лет, а ему 47. Император подошел к Екатерине и заговорил с нею. Он напомнил их встречу в имении ее отца, их разговоры – да, собственно, Екатерина их тоже не раз

вспоминала с необыкновенным удовольствием. Император говорил о своем восхищении ее красотой, манерами, воспитанностью, а теперь и отменным образованием. А потом неожиданно признался ей в любви. Екатерина была ни жива ни мертва. Она робко сказала, что не может ответить на эти чувства, она была поражена, смущена. Но «при следующем свидании, – как отметил Морис Палеолог в книге “Роман Императора”, – лишь только их взгляды встретились, она вздрогнула от внезапного сердечного потрясения, как бы вся переродилась».

А далее в романе говорится, что 1 июля 1866 года в одном из уединенных павильонов Петергофа была встреча влюбленных, и Александр Николаевич сказал: «…В течение целого года, когда ты отталкивала меня, а также и в течение того времени, что ты провела в Неаполе, я не желал и не приблизился ни к одной женщине», а затем 19-летняя Катя, «взволнованная до потери сознания, отдалась не менее взволнованному Александру…» и ‹…› «Он испытал блаженство быть любимым очаровательным ласковым созданием не как Государь, а как человек».

Весьма прямо и смело, конечно, написано, но, видимо, посол Франции при Российском Императорском Дворе в 1914–1917 годах и признанный биограф Александра II Морис Палеолог (1859–1944) имел основания так написать. Впрочем, то, что Екатерина Михайловна стала любовницей императора Александра Второго, факт общепризнанный. Приведено в книге и обещание императора, данное возлюбленной: «Отныне и навеки я считаю тебя своею женою перед Богом… До завтра!.. Благослови тебя Бог».

В 1870 году, во время поездки с императором на воды, Екатерина Михайловна призналась, что ждет ребенка. Александр Николаевич воскликнул: «Слава Богу! Хоть этот-то будет настоящий русский!»

Тем не менее тот факт, что у него появится внебрачный ребенок, он старался всячески скрывать.

И вот 29 апреля 1872 года Екатерина Михайловна родила сына Георгия, которого тут же поспешили спрятать в доме начальника личной охраны государя.

Но разве возможно утаить такое событие? К примеру, рождение сына у Елизаветы Алексеевной Каретниковой утаили. Ну, во-первых, кроме Василия Андреевича Жуковского и ближайших друзей Александра Николаевича, никто о его кратковременном романе не знал. Во-вторых, спешно «исправлены» были документы – дата рождения перенесена с таким расчетом, чтобы никак не могло получиться, что это сын Александра, в то время еще наследника престола, а не

императора. А здесь?! Все произошло в центре столицы, в покоях Зимнего дворца, в комнате, утроенной для тайных встреч императора с возлюбленной.

Но всегда находятся «народные мстители», которым то ли завидно, то ли подлость их главное оружие. Германскому послу удалось добыть данные о рождении ребенка, через «болотников» и «белоленточников» того времени.

Позднее, уже в свое время, Николай Александрович Бердяев выразил презрение к таковым действиям:

«Когда мне рассказывали о романах знакомых мне людей, я всегда защищал право их на любовь, никогда не осуждал их, но часто испытывал инстинктивное отталкивание и предпочитал ничего не знать об этом».

И прибавил к тому: «Настоящая любовь – редкий цветок».

То есть, редкий цветок необходимо беречь.

Не нам судить императора, ведь не надо забывать, что его жена по состоянию здоровья уже не могла исполнять супружеские обязанности. А княжне Екатерине Михайловне он был верен и после сближения с ней прекратил все свои романы. Вспомним, что и его дед Павел Петрович, оказавшийся в подобных обстоятельствах, начал было ухаживать на Анной Лопухиной, но… узнав о ее чувствах к князю Гагарину, поспешил устроить их счастье, отказавшись от своих намерений.

Да ведь и не вправе мы судить… Не говоря уже о том, что важно помнить заповедь «Не судите да не судимы будете». И особенно это касается осуждения и хулы на государей – помазанников Божиих. То есть тех, кто прошел обряд помазания на Царство.

Святитель Дмитрий Ростовский прямо указывал, что хула на Царя – Помазанника Божьего есть хула на Господа. Он писал: «Как человек по душе своей есть образ и подобие Божие, так и Христос Господень помазанник Божий, по своему Царскому сану есть образ и подобие Христа Господа. Христос Господь первенствует на Небесах, в церкви торжествующей, Христос же Господень по благости и милости Христа Небесного предводительствует на земле в Церкви Воинствующей».

Как указал Святитель, Православный Царь есть живой образ Господа и предводитель Воинствующей Церкви. Это положение касается только Православного Царя, законодательно закрепляя его священную миссию. Недаром только Православный Государь именуется Помазанником Божиим. Тем более что греческое «Христос» в переводе… на русский – Помазанник Божий.

Между тем Александру Второму было уже 54 года. Вспомним Федора Ивановича Тютчева:

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней…
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

А между тем любовь Александра Николаевича и Екатерины Михайловны приносила все новые плоды – в 1873 году появилась на свет дочь Ольга, а 11 марта 1876 года – сын Борис, который прожил всего несколько дней. В 1778 году родилась дочь Екатерина.

Впрочем, император не слишком заботился об общественном мнении – он любил! Этим все сказано. Екатерине Михайловне Долгорукой и своим детям, ею рожденным, он пожаловал княжеский титул и фамилию Юрьевские. Ведь дальний великий предок их был Юрием – Юрием Долгоруким.

Но как же ко всему этому относилась императрица Мария Александровна? Она держалась стойко, с достоинством, словно это ее не трогало вовсе. И все же призналась однажды своей подруге: «Я прощаю оскорбления, наносимые мне как императрице, но я не в силах простить мучений, наносимых мне как супруге».

«Я боюсь своего счастья»

А император сдержал обещание, данное юной Катеньке в самом начале их отношений. Император все-таки женился на ней, когда это «стало возможно».

Женился же он спустя 40 дней после смерти супруги, не подождав даже год, как это было принято. Он словно чувствовал, что через год его уже не будет на этом свете. Что бы тогда было с его возлюбленной и с его детьми?! Тайные венчания для России не новы – скромный обряд, ограниченное число присутствующих. Так случилось и на этот раз – 6 июля Скромный обряд совершился тайно 6(18) июля 1880 года. Александру Николаевичу было 62 года, Екатерине Михайловне – 33.

После венчания государь сказал: «Как долго я ждал этого дня! Четырнадцать лет. Что за пытка! Я не мог ее больше выносить, у меня все время было чувство, что сердце не выдержит более этой тяжести. Я боюсь своего счастья. Я боюсь, что меня Бог скоро лишит его».

Как же он прозорлив в своем опасении!

Мария Александровна оставила по себе память многими добрыми делами благотворительного характера. И ее имя не было предано забвению. Еще при жизни основанный в 1783 году Екатериной Великой Большой камерный театр на Карусельной площади получил ее имя. Правда, это случилось уже после пожара, случившегося в 1859 году. Новый театр был выстроен на том же самом месте, в нем сохранился состав актеров, а назван он был Мариинским именно в честь Марии Александровны.

Петр Кропоткин оставил такой отзыв об императрице: «Из всей императорской фамилии, без сомнения, наиболее симпатичной была императрица Мария Александровна. Она отличалась искренностью… Теперь известно, что Мария Александровна принимала далеко не последнее участие в освобождении крестьян…»

«Никогда Я этого не запрещал!»

В последние годы правления Александра Второго на Россию обрушилось новое испытание. Снова пришлось спасать братские славянские народы.

Герцоговинско-Боснийские и Апрельское восстания на Балканах, вспыхнувшие в 70-е годы на Балканах, произошли из-за того, что было уже не под силу сносить славянам жестокий гнет турок. Российская империя, как всегда, выступила в поддержку братских славянских народов. Но сначала была сделана попытка решить вопрос путем дипломатических переговоров. Речь шла об организации коллективной защиты славян. Не получилось. Патологически ненавидевшая славянство Англия выступила против этого предложения. Англию поддержала Австро-Венгрия. Более того, под давлением Англии турецкое правительство отвергло вынесенный на обсуждение проект автономии Боснии, Герцоговины и Болгарии, предложенный Россией, который уже поддержали некоторые европейские страны, не страдающие славянофобией.

12 апреля 1877 года Русское правительство объявило Турции войну. На стороне России выступили Румыния, Сербия и Черногория. 7,5-тысячное ополчение порабощенной турками Болгарии присоединилось к Дунайской армии, главнокомандующим которой стал брат императора великий князь Николай Николаевич. В подчинении у него было 185 тысяч человек при 810 орудиях.

Боевые действия происходили не только на Дунайском, но и на Кавказском театре военных действий. Кавказскую армию (75 тысяч человек при 276 орудиях) возглавил великий князь Михаил Николаевич. Грузинские, армянские, азербайджанские и осетинские формирования выступили против турок вместе с русскими. Пращуры нынешних русофобски настроенных грузин, как видим, иначе относились к России, стремясь под ее могучую руку.

Справедливый характер войны по освобождению народов, томившихся в турецкой неволе, способствовал необыкновенному подъему боевого духа в Русских войсках, превосходивших противника в боевой выучке и мастерстве командиров. Но Англия, стремясь подло и коварно навредить России, снабдила Турцию современным вооружением и неограниченным количеством боеприпасов.

Была у России и Русской армии и еще одна священная задача. О ней напомнил императору в своем письме после заключения

Сан-Стефанского мирного договора Главнокомандующий Дунайской армией великий князь Николай Николаевич: «Я помню, когда ты мне в Ливадии объявил Твою волю назначить меня Главнокомандующим, и я спросил Тебя, какая цель войны? Ты ответил одним словом – Константинополь, и вот я у врат Царьграда».

Да, русские воины блистательно выполнили все поставленные задачи и в кратчайшие сроки. Войну можно назвать молниеносной. Ведь войска выступили в поход лишь после ее объявления. Боевые действия начались только 10 июня, когда передовые отряды форсировали Дунай у Галаца и Браилова. 27 июня была освобождена от турок отрядом генерала И.В. Гурко древняя столица Болгарии Тырново. 2 июля Гурко преодолел Балканский хребет и вскоре овладел Шипкинским перевалом. Путь на Константинополь, который русские звали Царьградом, был открыт. Правда, сил на развитие наступления не было, и началась знаменитая оборона Шипки. 22 августа русские войска взяли Ловчу, осадили Плевну, которую принудили к капитуляции 28 ноября 1877 года. Боевые успехи были повсеместно. 23 декабря Гурко освободил столицу Болгарии Софию, генерал Ф.Ф. Радецкий разбил неприятеля в сражении под Шейново 27–28 декабря и пленил 30 тысяч турок. 3–5 января была одержана блистательная победа под Филиппополем (ныне Пловдив). Вскоре русские войска заняли Анрианополь. Турция была разбита. Война близилась к завершению. Оставалось занять Константинополь.

Историк В. Безобразов отмечал: «Восточный вопрос был причиной последней нашей войны с Францией. Крымская кампания возгорелась из-за вопроса, который многим казался пустым и не стоящим внимания, из-за ключей Вифлеемского храма. Но дело заключалось, конечно, не только в том, кому будет принадлежать Вифлеемская святыня? …Император Николай Павлович выступил в роли, какую принимали на себя все Русские Цари, начиная с Иоанна Грозного, в роли покровителя и защитника Православного Востока».

Любопытно, что по одному из пророчеств Константинополь должен быть освобожден «Белым Царем», то есть русским царем, как уже упоминалось, в 1882 году. По преданию, турецкий султан, правивший незадолго до того, наблюдая за ремонтом Софии, обращенной в мечеть, вдруг повелел не очень сильно замазывать христианские фрески под куполом, поскольку, как сдается ему, скоро нужно будет их возобновлять.

Турецкие султаны по-разному относились к пророчествам. Известен случай казни одного из мудрецов, утверждавшего, что освобождение Константинополя и развал Турции неизбежны, что

Турция будет процветать до тех пор, пока в очередной раз не поднимет меч против великого северного соседа. Вот тогда закроется ее последняя страница. Султан призвал мудреца к себе и потребовал изменить пророчество, однако тот заявил, что никому не дано право менять волю Всевышнего. Мудреца схватила стража и, по повелению султана, бросила «на корм рыбам», но тот и перед смертью повторял, что предрешенное Всевышним никому не изменить, что все свершится по нареченному в пророчестве.

Кстати, турки, в значительно степени более верующие, нежели западные европейцы, со смирением готовы были принять свое поражение в войне 1877–1878 годов.

Известно, что блистательный русский генерал Михаил Дмитриевич Скобелев в результате своих беспримерных побед быстрее, чем кто-то мог ожидать, достиг предместий Константинополя. Оставался один переход, но тут в Петербурге дрогнули, и поступила команда остановиться. Известный русский военный журналист Василий Иванович Немирович-Данченко, находившийся при Скобелеве, в книге «Скобелев: личные воспоминания и впечатления» писал: «Нашу стоянку у Константинополя долго не забудут войска скобелевского отряда. Со дня на день ждали приказа – двинуться и занять Царьград. Турки уже очищали там свои казармы для войск… население готовило цветы и флаги, христиане подняли головы, на азиатском берегу Босфора отделывали дворец для султана…»

Как видим, султан покорно собирался перейти на противоположный берег пролива, освободив город, уже лежавший у ног героических русских войск, но… Этим «но» явилась Англия, на протяжении всей истории вредившая России.

В Петербурге, как и в главной квартире Русской армии на Балканах, в те дни боялись только одного – боялись, что Скобелев ослушается и займет Константинополь. Ведь чаяния каждого мыслящего русского в те дни были на его стороне, каждый мечтал о том священном акте. Еще перед Крымской войной гениальный и до сих пор еще по достоинству неоцененный русский поэт-пророк Федор Иванович Тютчев писал:

Москва и град Петров, и Константинов град –
Вот Царства Русского заветные столицы!..
Но где предел ему? И где ему границы –
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам судьбы их обличат.

Семь внутренних морей и семь великих рек…

От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги до Евфрат, от Ганга до Дуная…
Вот Царство Русское… и не прейдет вовек,
Как то предвидел Дух и Даниил предрек.

Нужно добавить, что в данном случае град Петров – Ветхий Рим. А в некоторых редакциях – звучит не «на юг и на закат», а на юг и на запад, ибо слово-определение «запад» вернее и точнее звучит с ударением на втором слоге, как антипод востоку, то есть восходящему току. Русь находится на восходящем токе, ну а Европа – на западе (с ударением на втором слоге), то есть падает.

Но что же произошло? Почему не был занят Константинополь, к которому пришли победным маршем русские войска? На этот вопрос ответил в своих воспоминаниях генерал от кавалерии П.Н. Краснов:

«Отправляя в ноябре 1876 года своего брата Николая Николаевича старшего, Государь (Александр Второй. – *Ред.*) поставил целью войны – Константинополь!.. Но война еще не началась, как Государя окружили масонские влияния, как дипломатия стала давить на Государя и заставила его – “деспота и самодержца” написать письмо английской королеве Виктории и обещать ей, что Русские войска не войдут в Константинополь. Масоны грозили, что, если этого не будет сделано, Англия и Австрия объявят войну России…

Главнокомандующему и брату сказано одно – дал королеве слово исполнить другое… Легко было это Государю?.. Где же личное, где деспотизм и Самодержавие? – Напротив, именно Государь жертвовал своим самолюбием ради пользы народа.

Начались решительные победы. Сдался Осман-паша. Армия Сулеймана была отрезана от Адрианополя. Укрепленный природой и иностранными инженерами, Адрианополь был занят конным отрядом Струкова. Намык-паша, почтенный турок, старик, парламентер, со слезами сказал: “Турция пропала!..” Великий князь Николай Николаевич старший спешил к Константинополю. Между Адрианополем и Петербургом шел непрерывный обмен телеграммами.

…Свитский генерал Хан Чингис-хан рассказывал: английский флот появился у Принцевых островов. Румыны стали нахальничать и отводить свои войска к австрийской границе – своя рубашка ближе – боялись Австрии, на Дунае один из двух мостов был сорван бурею, тиф косил нашу армию. “Несмотря на это, – говорил с кавказским акцентов Чингис-хан, – Михаил Дмитриевич Скобелев занимает Чаталджу. Турок трепещет. Мы

черкески себе новые шьем – с Николаем Николаевичем в Константинополь входить будем… Турки хотят подписать наши условия мира… Николай Николаевич выводит армию “в ружье”. Сейчас идем на Константинополь! Турки и хвосты поджали… Что ты думаешь?.. Телеграмма от Государя: “Не входить в Константинополь…” Великий князь – брат Государя… Как может он не исполнить приказ Государя? Был бы Скобелев на его месте, вошли бы туда. Тот пошел бы на это – казни меня, а Константинополь твой!.. Но понимаешь, Великий Князь не может так поступить вопреки воле Государя… Телеграмма!..

…Эти темные английские масонские силы вмешались в дело войны. Они поссорили Государя с Великим Князем и внушили Государю недоверие к брату.

…Наши деды побеждали величайших полководцев мира – Карла XII, Фридриха Великого, Наполеона, – и теперь с нашим прекрасным солдатом, сломив сопротивление Османа и Сулеймана, – мы не вошли в Константинополь!.. Почему?.. – Англия не позволила… Дип – пло – мат – ты вмешались!.. И Государь сдал. Перед дипломатами. С такими солдатами – нам бояться Англии? О!.. какую ненависть к себе в эти дни посеяла в Русских сердцах Англия…

Англ… ж… – Биконсфильд жирным пальцем остановил полет наших орлов к Босфору и Дарданеллам… Ж!.. Понимаете вы – ж!.. Вы знаете… – вот эти часы, когда я сейчас сижу здесь и смотрю на эту исключительную красоту, расстилающуюся передо мною, – это тяжелые часы. Очень тяжелые, жуткие часы. Если Русский гений смог из топи финских болот, из бедных сосновых и березовых Приневских лесов создать “парадиз земной”, – что создал бы он здесь!.. И вот – нельзя. Англ… ж… не позволяет…»

Примечательно, что именно в 1882 году оборвалась жизнь замечательного русского генерала Михаила Дмитриевича Скобелева, который, как свидетельствуют очевидцы, колебался и, казалось, готов не исполнить приказ остановиться и занять Константинополь. Ведь прецеденты известны. Так Суворов, действуя в Италии, осадил однажды одну из крепостей, которую, по его мнению, было необходимо взять по стратегическим соображениям. Но тут поступило распоряжение австрийского командования остановиться. Суворов взял пакет из рук курьера, прочитал его и тут же вернул со словами: «Вручишь его мне там, в крепости!» Победителей не судят…

В ноябре 1881 года Михаил Дмитриевич Скобелев писал: «Тогда уже для слишком многих из нас было очевидно, что Россия обязательно заболеет тяжелым недугом свойства

нравственного и заразительно растлевающего… Позорящая ныне Россию крамола есть, в весьма значительной степени, результат того почти безвыходного разочарования, которое навязано было России мирным договором, не заслуженным ни ею, ни ее Знаменами».

В 1882 году Константинополь оставался в турецких руках и не сиял на Софии Православный крест. Не в том ли разгадка гибели Александра Второго и блистательного генерала Скобелева, не в том ли и разгадка скорой смерти творца Берлинского конгресса, укравшего у России победу, некоего английского правителя Дизраэли. Он отбыл, причем, конечно, далеко не в лучший мир, 19 апреля 1881 года.

Об этом конгрессе святитель Феофан Затворник писал: «Конгресс, видимо, не о пользах освобожденных народов хлопотал, а все направлял к тому, чтобы унизить Россию. И по всем пунктам, без всякой нужды сделал урезки…»

Мы уже говорили, что в 1882 году, по преданию, которому верили турки, над Софией Константинопольской должен был воссиять крест Православный. Но государь император Александр Второй остановил Скобелева. Не дал ему войти в Царьград. Это не спасло императора. В 1881 году он погиб от рук революционеров. А.Б. Широкорад в книге «Русско-турецкие войны 1676–1918» отметил: «Даже самые оголтелые революционеры не посмели бы поднять руку на Царя, водрузившего крест над Святой Софией».

Великий князь Николай Николаевич так и не смог в душе простить своего царственного брата, остановившего по воле Англии победоносные русские войска «у врат Царьграда» и сделавшего бессмысленными все жертвы, а саму войну превратившего в «военную прогулку», как называли ее из-за нерешительности царя.

Генерал от инфантерии Н.А. Епанчин в книге «На службе трех Императоров. Воспоминания» привел признание великого князя, который у гроба убиенного императора осознал: «Он лежит убитый, истерзанный, а я, брат Его, ничего другого к нему не чувствовал, кроме ненависти».

Далее Епанчин вспоминал: «Великий Князь зарыдал, сотрясаясь всем телом». Быть может, в тот момент великий князь вспомнил, как по возвращении в Петербург царственный брат упрекнул его за то, что он не взял Константинополь. «Помилуй, Саша, – возразил великий князь, – да у меня хранятся телеграммы, коими Ты мне запрещал входить в Константинополь». И на это Александр Второй заявил: «Никогда Я этого не запрещал!» Информация к размышлению. Известно, как

шантажировала императора дипломатия. Но, быть может, запрещая брать Константинополь, он втайне надеялся, что русские войска его возьмут, нарушив такой запрет?!

«Почему они преследуют меня, словно дикого зверя…»

Последние годы жизни и царствования Александра Второго были омрачены не только болезнью супруги, которую он хоть и не любил, но которой не мог не сочувствовать. Ведь она мать его детей, она провела с ним рядом не один год, вместе с ним преодолела многие невзгоды. Да, он не был верен ей, но во всяком случае до связи с Екатериной Михайловной Долгорукой оставался в семье душой и сердцем.

Первое покушение было 4 апреля 1866 года. Император любил Летний сад, там он впервые встретил ту, которую прежде видел ребенком и девочкой подростком, встретил и был сражен ее красотой, которая расцвела необыкновенно. А 4 апреля он вышел в Летний сад во второй половине дня, взяв с собой на прогулку племянника и племянницу.

Он не знал, что в толпе, которая всегда собиралась, чтобы издали посмотреть на царя, таится убийца. После прогулки он направился к карете, и тут прогремел выстрел. Промах. Причем промах не случаен. Кто-то ударил убийцу по руке, когда тот целился. Важно заметить, что толпа разорвала бы на части и растоптала бы убийцу, если бы его не отбила от разъяренных людей подоспевшая полиция.

Такое покушение в России произошло впервые. Прежде не было случая, чтобы стреляли в русских царей.

Император оставался спокоен. Он сел в карету и поехал в Казанский собор, где попросил отслужить благодарственный молебен за счастливое спасение. Выяснил император и имя своего спасителя. Им оказался крестьянин Осип Комиссаров. Император пожаловал ему дворянский титул и приказал выдать солидное денежное вознаграждение – какой же дворянин без достатка.

Покушение было организовано преступной группой, наименованной «Организация», которую возглавлял Николай Ишутин. Он и руководил действиями своего брата Дмитрия Каракозова. Обоих приговорили к смертной казни через повешение. В сентябре того же года Каракозова повесили, но Ишутин, выслушав приговор, сошел с ума от ужаса и был помилован во время казни, когда петля уже была наброшена на шею.

Второе покушение произошло в Париже 25 мая 1867 года. На этот раз стрелял поляк Антон Березовский. Полиции удалось вырвать из рук толпы практически уже бездыханного бандита. Его

откачали и осудили к пожизненному заключению, правда, в 1906 году он был помилован.

Далее уже в дело вступила бандитская преступная организация «Земля и воля». 2 апреля 1979 года император вышел на прогулку, и тут же навстречу ему бросился какой-то странный тип. Государь интуитивно увернулся от пуль – преступник сделал пять выстрелов и все мимо. Имя этого негодяя – Александр Соловьев. Его казнили уже следующим утром на Смоленском поле.

Но попытки убить императора не прекратились. 19 ноября 1879 года за дело взялась очередная преступная шайка «Народная воля». Как видим, враги России своим преступным амбициям, своим попыткам захватить власть в целях собственной наживы и разграбления страны всегда дают громкие имена, словно они радеют за народ, хотя, если бы не полиция, Каракозова бы, к примеру, народ разорвал бы прямо на месте преступления.

В следующий раз решили взорвать императорский поезд во время возвращения государя с семьей из Крыма в столицу. В преступную группировку вошли Николай Кибальчич, Вера Фигнер, М. Фроленко, Н. Колодкевич, Т. Лебедева. Взрывы готовили в нескольких местах. Царя ждали в Одессе, в предместье Москвы, на станции Александровск, где заправлял подготовкой Андрей Желябов. В Одессу после отдыха в Крыму царь заезжать не стал. Ну а под Москвой не сработала мина.

Тогда решили совершить покушение в Москве, куда тут же отправились Софья Перовская и Лев Гертман.

Все было подготовлено, однако снова произошло чудо. В Москву следовало два поезда – один с царской семьей, второй с прислугой и вещами. Злодеям удалось вызнать, что первым пойдет поезд с прислугой, а вторым – императорский – его-то они поджидали. Но в хозяйственном составе нашлись неполадки, первым вышел поезд с государем и семьей. Его пропустили и взорвали поезд с прислугой.

Ни императору, ни его окружению не были понятны причины такой зверской охоты. Александр Николаевич задавал вопрос: «Почему они преследуют меня, словно дикого зверя? Ведь я всегда стремился делать все, что в моих силах, для блага народа!»

Но как раз деяния во блага народа и мешали тем, кому нужна была власть, только власть, которая даст наживу, и более ничего.

В пятый раз решили произвести взрыв в Зимнем дворце. Софья Перовская предложила использовать винный погреб, находившийся прямо под залом, где была столовая. Туда-то и поручили Степану Халтурину заложить бомбу.

Взрыв назначили на 5 февраля, на 18 часов 20 минут,

поскольку установили, что вся царская семья соберется в это время на ужин. Софье Перовской, пышущей злобой, хотелось больше крови. Ей было не жалко даже малых детей. Взрыв прогремел в назначенный час, но по счастливой случайности ужин был перенесен на два часа из-за опоздания гостя – родного брата Марии Александровны герцога Александра Гессенского.

При взрыве погибли 8 солдат и 5 были ранены.

Наконец, 1 марта 1881 года нападение было совершено на набережной, по которой проезжал император. Первую бомбу бросил Николай Русаков. Она не причинила вреда царю, но ранила кучера и кого-то из сопровождающих. Император подошел, чтобы узнать о состоянии пострадавших. Он был как всегда спокоен и тверд. Ни тени растерянности. В это время подвели схваченного Русакова. И в это время Игнатий Гривнецкий бросил роковую бомбу, причем ему удалось подойти в суматохе достаточно близко. Бомба взорвалась под ногами императора. Вместе с Александром Николаевичем пострадали не менее десяти человек.

А ведь в тот день император собирался подписать конституцию, о которой столько говорили всякого рода либералы. Но она им была не нужна, она не давала возможности без промедления захватить власть, а потому они делали попытку за попыткой добиться желаемого путем террора. Но в результате убийства Александра Второго Россия оказалась в твердых руках его сына Александра Александровича – императора Александра Третьего.

Государственные преступники С. Перовская, А. Желябов, Н. Кибальчич, Т. Михайлов и Н. Рысаков были повешены.

Обер-прокурор Священного Синода Константин Петрович Победоносцев в тот траурный день гибели Александра Второго написал его сыну, вступившему на престол:

«Бог велел нам пережить нынешний страшный день. Точно кара Божия обрушилась на несчастную Россию. Хотелось бы скрыть свое лицо, уйти под землю, чтобы не видеть, не чувствовать, не испытывать. Боже, помилуй нас…»

Великий князь Александр Михайлович, в будущем создатель военно-воздушных сил Императорской России, а в ту пору совсем еще юный писал, уже находясь в эмиграции:

«Ночью, сидя на наших кроватях, мы продолжали обсуждать катастрофу минувшего воскресенья и опрашивали друг друга, что же будет дальше? Образ покойного Государя, склонившегося над телом раненого казака и не думающего о возможности вторичного покушения, не покидал нас. Мы понимали, что что-то несоизмеримо большее, чем наш любящий дядя и мужественный

монарх, ушло вместе с ним невозвратимо в прошлое. Идиллическая Россия с царем-Батюшкой и его верноподданным народом перестала существовать 1 марта 1881 года. Мы понимали, что Русский Царь никогда более не сможет относиться к своим подданным с безграничным доверием. Не сможет, забыв цареубийство, всецело отдаться государственным делам. Романтические традиции прошлого и идеалистическое понимание русского самодержавия в духе славянофилов – все это будет погребено вместе с убитым императором, в склепе Петропавловской крепости. Взрывом прошлого воскресенья был нанесен смертельный удар прежним принципам, и никто не мог отрицать, что будущее не только Российской Империи, но и всего мира, зависело теперь от исхода неминуемой борьбы между новым русским Царем и стихиями отрицания и разрушения».

Тем, кто предлагал более мягкие приговоры, Александр III ответил: «Я желал бы, чтобы наши господа юристы поняли, наконец всю нелепость подобных судов для такого ужасного и неслыханного преступления».

«Народная воля» прекратила свое существование, но кое-кто из бандитов скрылся, некоторые фракции организации продолжали преступную деятельность и 1 марта 1887 года попытались убить императора Александра III. Все участники покушения были арестованы и приговорены к смертной казни через повешение. Это были П. Андреюшкин, В. Генералов, В. Осипанов, А. Ульянов (старший брат Ульянова-Ленина) и П. Шевырев.

Личности, кроме брата Ленина, малоизвестные, ничтожные и мерзкие. Им хотелось крови, им хотелось разрушения России. Вся эта камарилья заклеймена позором в блистательном романе Федора Михайловича Достоевского «Бесы».

Так завершилась история жизни императора Александра Второго. Мария Александровна ушла из жизни в мае 1880 года, он же ненадолго пережил ее, хотя и успел испытать семейное счастье с Екатериной Михайловной, урожденной Долгорукой.

Император Александр Николаевич словно чувствовал, что дни его сочтены, а потому старался как-то обеспечить существование своей новоиспеченной супруги. 5 сентября 1880 года по его высочайшему распоряжению министр двора «вложил в государственный банк 3 302 910 золотых рублей на имя княгини Екатерины Михайловны Юрьевской и ее детей».

Но оставаться в России княгине Юрьевской было невозможно – защиты высочайшей она лишилась. Остались только либо враги, либо те, кто относился к ней с неприязнью. И она, забрав детей, уехала в Ниццу, где прожила еще долгую

жизнь. Умерла она в 1922 году, пережив известие о революции, первый выстрел которой был произведен в ее морганатического Державного Супруга.

Вступая на престол в столь трагической обстановке, у гроба своего отца, цесаревич Александр Александрович сказал: «Так отчаянно тяжело бывает по временам, что, если бы не верил в Бога и в Его неограниченную милость, конечно, не оставалось бы ничего другого, как пустить себе пулю в лоб. Но я не малодушен, а главное, верю в Бога и верю, что настанут, наконец, счастливые дни для нашей дорогой России».

Он сделал немало важных выводов из тех событий, которые происходили в годы царствования его отца. И один из них сегодня повторяют особенно часто, но повторяют в усеченном виде. Мы же сошлемся на великого князя Александра Михайловича, который воспроизвел ее полнее:

«За то, что происходит на Балканах, я не отдам жизни ни одного русского солдата. У России есть только два верных союзника: ее армия и флот… Все остальные, при первой возможности, сами ополчатся против нас».

Время показало, насколько он был прав.

Но что же можно сказать по теме книги, то есть о любовных приключениях императора Александра III?

В 1866 году цесаревич Александр Александрович во время путешествия по Европе встретился в Копенгагене с невестой внезапно умершего брата Николая и написал отцу о своем впечатлении: «Я чувствую, что могу и даже очень полюбить милую Минни (так в семье Романовых звали Дагмару), тем более что она так нам дорога. Даст Бог, чтобы все устроилось, как я желаю. Решительно не знаю, что скажет на все это милая Минни; я не знаю ее чувства ко мне, и это меня очень мучает. Я уверен, что мы можем быть так счастливы вместе. Я усердно молюсь Богу, чтобы Он благословил меня и устроил мое счастье».

И все-таки он решился сделать предложение при очередной встрече. Снова было письмо к отцу, еще более откровенное: «Я уже собирался несколько раз говорить с нею, но все не решался, хотя и были несколько раз вдвоем. Когда мы рассматривали фотографический альбом вдвоем, мои мысли были совсем не на картинках; я только и думал, как бы приступить с моею просьбою. Наконец я решился и даже не успел всего сказать, что хотел. Минни бросилась ко мне на шею и заплакала. Я, конечно, не мог также удержаться от слез. Я ей сказал, что милый наш Нике много молится за нас и, конечно, в эту минуту радуется с нами. Слезы с меня так и текли. Я ее спросил, может ли она любить еще

кого-нибудь, кроме милого Никса. Она мне отвечала, что никого, кроме его брата, и снова мы крепко обнялись. Много говорили и вспоминали о Никсе, о последних днях его жизни в Ницце и его кончине. Потом пришла королева, король и братья, все обнимали нас и поздравляли. У всех были слезы на глазах».

А вскоре принцесса Дагмара стала великой княгиней, а затем – известной в русской истории императрицей Марией Федоровной. У супружеской пары было шестеро детей. Первым родился 6 мая 1868 года Николай Александрович, будущий император, причем последний император Дома Романовых. Появившийся на свет 26 мая 1869-го Александр умер, не прожив и года. Затем был Георгий, родившийся 27 апреля 1871 года и тоже рано, на двадцать девятом году, ушедший в мир иной. Родившаяся 25 марта 1875 года Ксения прожила долгую жизнь и умерла в Лондоне в 1960 году. Михаил Александрович, рожденный 22 ноября 1878 года, был убит 13 июня 1918-го в Перми. Ольга Александровна родилась 1 июня 1882 года и закончила свою жизнь вдали от России, в Торонто, в ноябре 1960 года.

Что же касается любовных драм или любовных приключений, у «самого Русского Царя» их не было…

Иллюстрации

Великий князь Дмитрий Донской. Миниатюра из «Титулярника». 1672 г.

Великая княгиня Евдокия Дмитриевна. Реконструкция С.А. Никитина

Свадьба великого князя Дмитрия Ивановича и Евдокии Дмитриевны. Лицевой летописный свод. XVI в.

Княгиня Евдокия плачет, узнав о переходе Дмитрия Ивановича через Оку. Лицевой летописный свод. XIV в.

Утро на Куликовом поле. Фрагмент картины А.П. Бубнова. 1943–1947 гг.

Пострижение в монахини Евдокии, жены великого князя Дмитрия Донского, в основанном ею Вознесенском монастыре в 1407 г. Лицевой летописный свод. XVI в.

Владимирская икона Божией матери. XI – начало XII в.

Преподобная София Суздальская (великая княгиня Соломония Юрьевна Сабурова). Икона XVII в.

Великий князь Василий III и герб Москвы. Гравюра XVI в.

Василий III вводит во дворец свою невесту Елену Глинскую. Художник К.В. Лебедев. 1910-е гг.

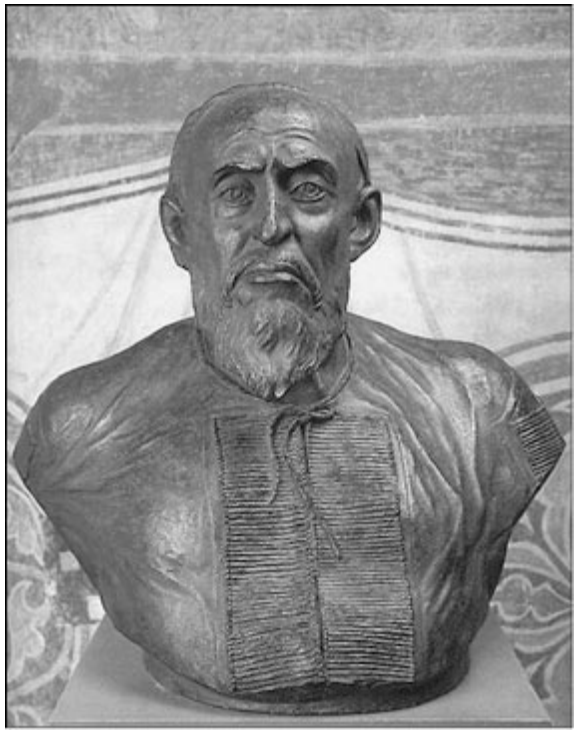
Елена Глинская. Реконструкция С.А. Никитина

Елена Глинская с новорожденным сыном Иваном. Лицевой летописный свод. XVI в.

Вынос тела великого князя Василия III Ивановича. Лицевой летописный свод. XVI в.

Смерть Елены Глинской. Лицевой летописный свод. XVI в.

Свадьба Ивана Грозного с Анастасией Романовой. Лицевой летописный свод. XVI в.



Иван Грозный. Реконструкция М.М. Герасимова. 1963 г.

Погребение царицы Анастасии в Вознесенском девичьем

монастыре в Кремле. Лицевой летописный свод. XVI в.

Перстень-печать второй жены Ивана Грозного царицы Марии Темрюковны Черкасской

Марфа Собакина. Реконструкция С.А. Никитина. 2003 г.

Смерть Ивана Грозного. С рисунка М.Л. Маймона. Конец XIX в.

Великая княгиня Екатерина Алексеевна. Портрет сер. XVIII в.

Великий князь Петр Федорович. Художник Г.Х. Гроот. 1743 г.

Екатерина II на балконе Зимнего дворца в день переворота 28 июня. Гравюра конца XVIII в.

Григорий Орлов. Художник Ф.С. Рокотов. 1762–1763 гг.

Станислав Август Понятовский. Художник И.Б. Лампи Старший. Вторая половина XVIII в.

Алексей Орлов-Чесменский. Художник В. Эриксен. 1770–1783 гг.

Григорий Потемкин. Портрет второй половины XVIII в.

Великий князь Павел Петрович с арапчонком. Художник С. Торелли. 1750-е гг.

Великая княгиня Наталья Алексеевна в ожидании ребенка. Художник А. Рослин. 1770-е гг.

Великий князь Павел Петрович и великая княгиня Мария Федоровна. Художник Б. Батони. 1782 г.

Анна Лопухина. Художник Ж.Л. Вуаль. 1793 г.

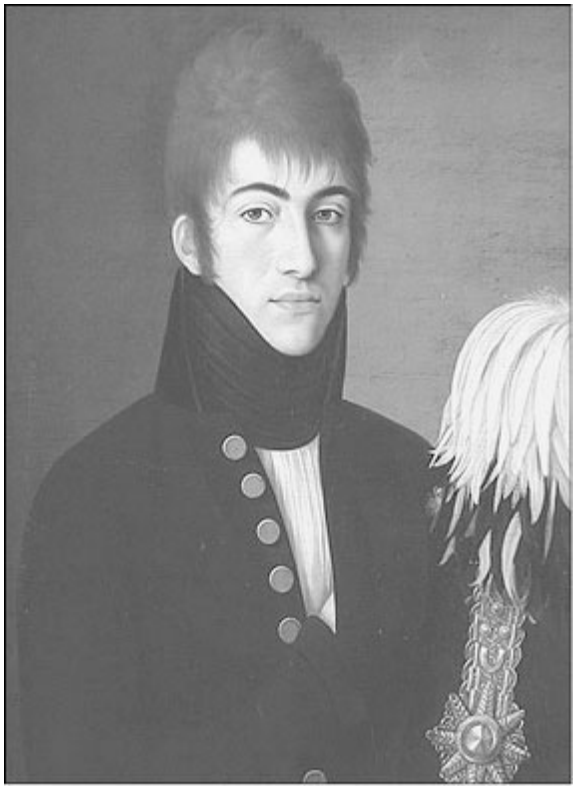
Император Павел I. Гравюра конца XVIII в.

Император Павел I с семьей на фоне Павловского парка. Художник Ф. фон Кюгельген. 1800 г.

Великий князь Александр Павлович. С портрета конца XVIII в.

Великая княгиня Елизавета Алексеевна. С портрета конца XVIII в.

Император Александр I и императрица Елизавета Алексеевна. Гравюра 1807 г.



Кавалергард А.Я. Охотников. Портрет 1780–1807 гг.

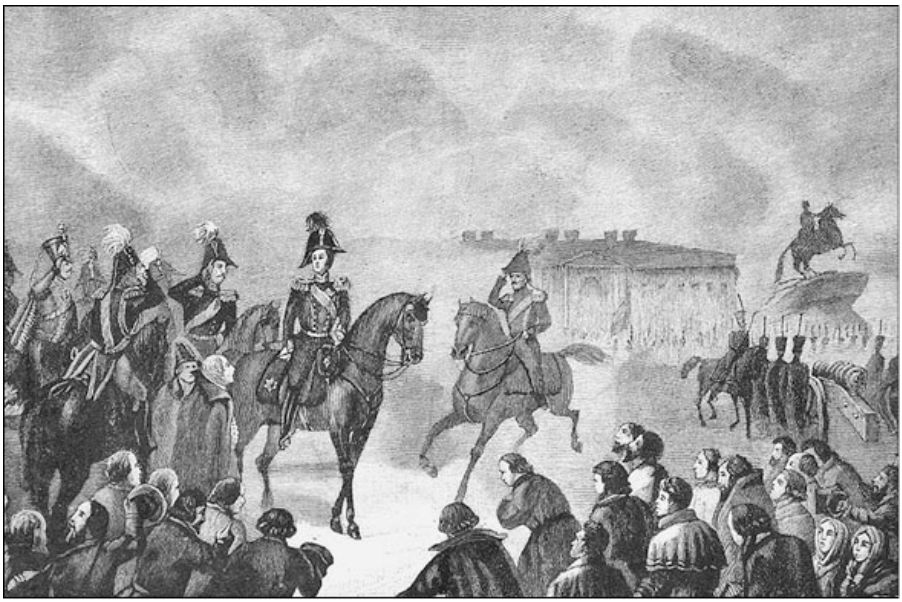
Мария Нарышкина. Художник С. Тончи. 1800-е гг.

Екатерина Багратион. Художник Ж-Б. Изабе. 1820 г.

Смерть Александра I в Таганроге. Причащение Святых Тайн. Гравюра 1825 г.

Великий князь Николай Павлович. Художник Дж. Доу. 1823 г.

Великая княгиня Александра Федоровна. Художник А.Ф. Лагрене. Конец 1810-х – начало 1820-х гг.



Николай I на Сенатской площади 14 декабря 1825 года.

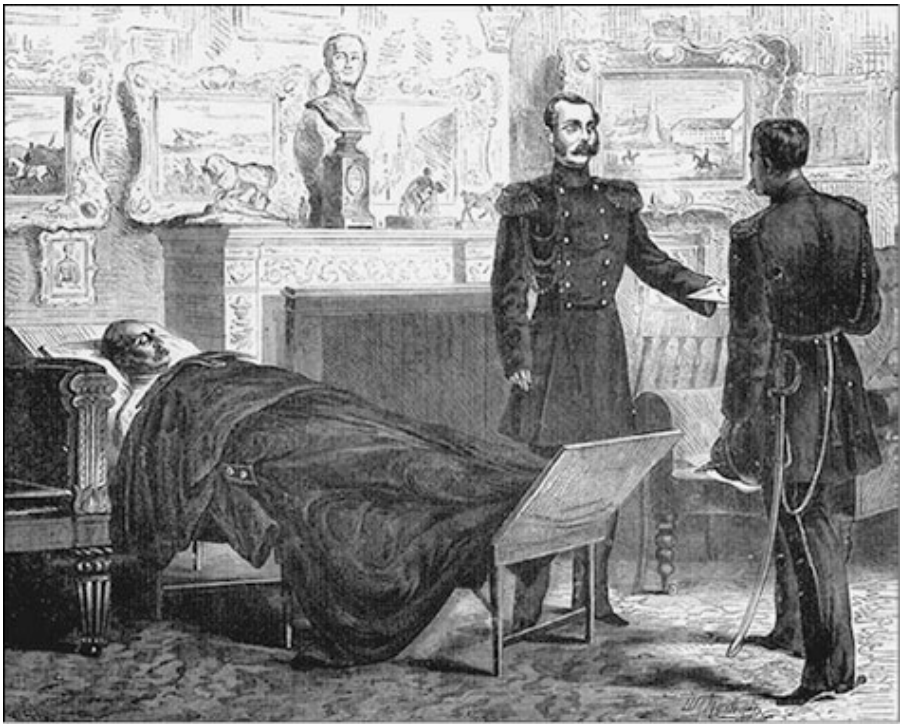
Гравюра 1908 г.

Император Николай I и императрица Александра Федоровна с детьми. Карнавал в Царском Селе. Художник Г. Верне. 1830-е гг.

Великие княжны Мария Николаевна и Ольга Николаевна. Художник Т. Нефф. 1840-е гг.

Великая княжна Александра Николаевна. Художник К. Робертсон. 1840 г.

Император Николай I с цесаревичем Александром Николаевичем в мастерской художника в 1854 году. Художник Б.К. Виллевальде. 1884 г.



После смерти Николая I великий князь Александр Николаевич посылает гонца в Сибирь объявить помилование и свободу многим заключенным. Гравюра XIX в.

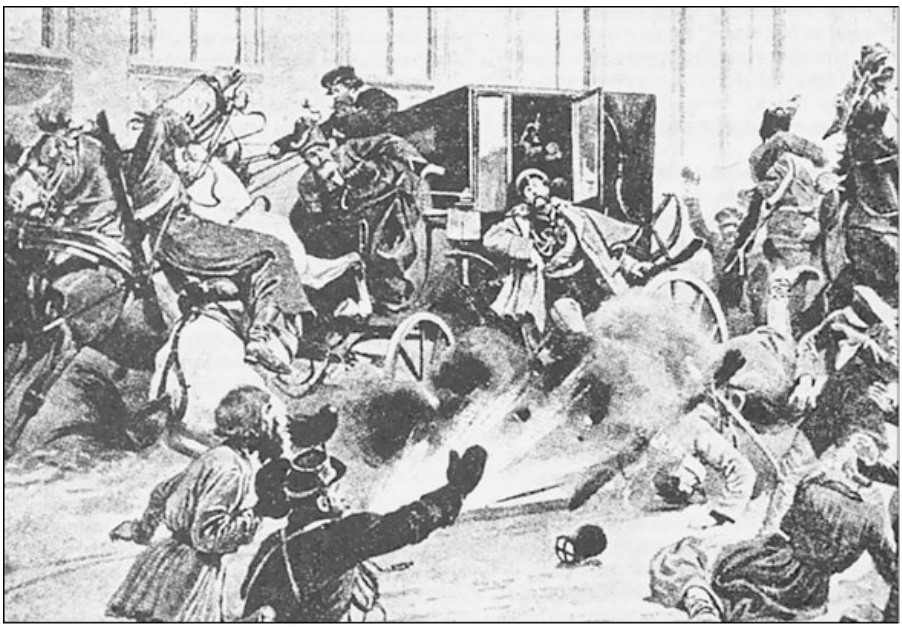
Император Александр II, императрица Мария Александровна и великий князь Александр Александрович

Александр II и императрица Мария Александровна. Гравюра

XIX в.

Екатерина Долгорукова. 1870-е гг.

Император Александр II, княжна Е.М. Долгорукова и их дети – Георгий и Ольга. 1878 г.



Убийство императора Александра II. Рисунок 1881 г.